

Հարգելի՛ ընթերցող,

Արցախի Երիտասարդ Գիտնականների և Մասնագետների Միավորման (ԱԵԳՄՄ) նախագիծ հանդիսացող **Արցախի Էլեկտրոնային Գրադարանի** կայքում տեղադրվում են Արցախի վերաբերյալ գիտավերլուծական, ճանաչողական և գեղարվեստական նյութեր՝ հայերեն, ռուսերեն և անգլերեն լեզուներով: Նյութերը կարող եք ներբեռնել ԱՆՎՃԱՐ:

Էլեկտրոնային գրադարանի նյութերն այլ կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ ԱԵԳՄՄ-ի թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

Շնորհակալություն ենք հայտնում բոլոր հեղինակներին և հրատարակիչներին՝ աշխատանքների էլեկտրոնային տարբերակները կայքում տեղադրելու թույլտվության համար:

Уважаемый читатель!

На сайте **Электронной библиотеки Арцаха**, являющейся проектом **Объединения Молодых Учёных и Специалистов Арцаха (ОМУСА)**, размещаются научно-аналитические, познавательные и художественные материалы об Арцахе на армянском, русском и английском языках. Материалы можете скачать БЕСПЛАТНО.

Для того, чтобы размещать любой материал Электронной библиотеки на другом сайте, вы должны сначала получить разрешение ОМУСА и указать необходимые данные.

Мы благодарим всех авторов и издателей за разрешение размещать электронные версии своих работ на этом сайте.

Dear reader,

The Union of Young Scientists and Specialists of Artsakh (UYSSA) presents its project - **Artsakh E-Library** website, where you can find and download for FREE scientific and research, cognitive and literary materials on Artsakh in Armenian, Russian and English languages.

If re-using any material from our site you have first to get the UYSSA approval and specify the required data.

We thank all the authors and publishers for giving permission to place the electronic versions of their works on this website.

Մեր տվյալները – Наши контакты - Our contacts

Site: <http://artsakhib.am/>

E-mail: info@artsakhib.am

Facebook: <https://www.facebook.com/www.artsakhib.am/>

ВКонтакте: <https://vk.com/artsakhiblibrary>

Twitter: <https://twitter.com/ArtsakhELibrary>

У
Ц
З
Ц
У
С
Ц
У

Армения

В МЫСЛЯХ
И СЕРДЦАХ

МГУ

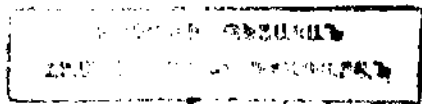
01
А-83

Армения в мыслях и сердцах

Высказывания видных ученых,
писателей, общественных деятелей
об Армении

Составление, предисловие и общая редакция
профессора Г. Л. Епископосова

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1993

*Спонсор Советско-Американское совместное
предприятие «Хад — Дон — Карабах»*

Армения в мыслях и сердцах. М.: Изд-во МГУ, 1993.— 288 с.
ISBN 5-211-02926-7

В сборнике собраны высказывания видных ученых, общественных деятелей, писателей, художников об Армении, армянском народе, его культуре. От Геродота и Плутарха до Буша и Маргарет Тэтчер — таков охват материала. Рассчитан на массового читателя.

077(02)—93—заказное
ISBN 5-211-02926-7

© Составление, предисловие, общая редакция
проф. Г. Л. Епископосова, 1993

ББК 84

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если спросят меня, где на нашей планете можно встретить больше чудес, я назвал бы прежде всего Армению... Поневоле поражаешься, что в таком небольшом уголке мира можно встретить такие памятники и таких людей, которые могут явиться украшением и гордостью всего мира. Трижды будь прославлена земля армянская, колыбель талантов, колыбель великих свершений.

Рокуэлл Кент

Несмотря на свою небольшую территорию, мало стран внесли такой выдающийся вклад в цивилизацию, как Армения.

Дэвид Лэнг

Армения... Одна из немногих древних стран мира, чья история вот уже на протяжении тысячелетий продолжается непрерывно, непрерывно продолжается развитие ее культуры, которая, обновляясь и обогащаясь новым содержанием, новыми формами, тем не менее сохраняет преемственность, свою самобытность, своеобразие языка.

История Армении драматична. Казалось бы, она не должна была выжить и обозначиться на политической карте мира. На тернистых дорогах мировой истории погибло немало могущественных государств, а Армения выстояла, выдержала выпавшие на ее судьбу тяжкие и трагические испытания, не покорилась ни одному чужеземному завоевателю (а их было несметное количество), хотя теряла независимость на целые века, не прекращала борьбу за свою свободу.

В этой нестихающей борьбе выковывались мужество и трудолюбие армянского народа, его стойкость и творческий гений, преданность родине, своему национальному очагу, созданным величайшим материальным и духовным ценностям, вошедшим в общую сокровищницу мировой культуры. Враги разрушали, несли опустошение, а он непрерывно строил, создавал заново, шел вперед.

В свое время выдающийся польский философ XIX в. Эдвард Дембовский, размышляя над тревожными проблемами своей эпохи, «бурей противоречий», по его выражению, разглядел в них нарастающий разрыв между миром мысли и миром дела, и в поисках путей решения он указал на творчество как на могущественную силу, которая может устранить этот разрыв между двумя началами человеческой деятельности и продвинуть общество по пути прогресса. Он верил, что народ, который делает девизом творчество, не заморозит жизнь, выступит в полноте своих созидательных сил, непрерывно обогащая человечество новыми ценными элементами. «Этот народ,— писал Дем-

бовский, — будет воплощать в дело свою миссию и творить свое будущее; его мысль будет делом, а дело — мыслью»¹.

Тяжелые исторические испытания, обрушившиеся на армянский народ, научили его каждодневно обращаться к этой мудрой философии жизни, сделать ее своим национальным девизом. Исследователей Армении поражали и поныне продолжают поражать эти удивительные качества ее народа, его непрестанное стремление к созиданию. На территории Армении находятся тысячи уникальных памятников архитектуры, истории и культуры, воздвигнутых руками выдающихся армянских варпетов (мастеров), — крепости, башни, монастыри, церкви, мосты, хачкары, овейнные легенды. Армению поэтому называют «музеем под открытым небом». Это можно сказать и в отношении созданных на чужбине многочисленных армянских общин, куда занесли армян дороги истории и погромная политика иноземных захватчиков.

Армения расположена в Передней Азии, через которую проходили древние торговые пути между странами Востока и Запада. Она с самого начала своей истории оказалась вовлеченной в водоворот мировых событий, международные экономические, политические и культурные связи, став одним из важных центров человеческой цивилизации, с другой стороны, ареной непрерывного иноземного нашествия, опустошительных войн, которые вызывались захватническими устремлениями соперничавших соседних государств. «Оказавшись волею судеб, — писал Аветик Исаакян, — на узловой дороге, где сталкивались интересы восточных и западных захватнических держав, армянский народ вел упорную борьбу за свое существование и, подвергаясь сокрушительным ударам в этих страшных битвах, стойко стоял на своих заветных землях.

Эпопея кровавой борьбы армянского народа закалила его Меч-Молнию. Держа в руке Меч-Молнию, он защищал родной дом и право на жизнь, и пахал свою землю, и ел хлеб, добытый честным трудом»².

Длительные войны вела Персия после принятия Арменией в 301 г. христианства в качестве государственной религии. Она развязала серию кровопролитных войн, пытаясь поработить армянский народ, покончить с христианством и навязать свою тогдашнюю религиозную веру — зороастризм. Но этой цели она не достигла, натолкнувшись на мощное освободительное движение армянского народа.

Несмотря на то что христианство было приспособлено господствующими классами к своим интересам и его распространение в Армении часто сопровождалось разрушением достигшей языческой культуры, тем не менее в новой религиозной

¹ Дембовский Э. Мысли о будущности философии // Избр. произв. прогрессивных польских мыслителей. Т. III. М., 1958. С. 274.

² Аветик Исаакян. Избр. произв. М., 1952. С. 346.

форме содержались важные социальные и нравственно-этические ценности, выражавшие интересы страждущих, угнетенных масс, их мечты, чаяния и стремления к освобождению, братству людей, миру и уничтожению войн.

Все это накладывало свой отпечаток на развитие армянской культуры, способствовало утверждению в ней глубоких гуманистических традиций, которые красной нитью проходят через все творчество виднейших армянских просветителей прошлого, писателей, художников, философов.

Тяжелой трагедией обернулось для Армении (да и не только) появление в XI в. на Ближнем Востоке турков-сельджуков. Создав военно-феодальную империю, они пытались навязать поработенным ими народам с высокоразвитой культурой, в том числе и армянскому народу, нравы кочевых племен, уничтожить достижения культуры. «Под властью турок, — говорил еще в свое время Гегель, — не появлялось никаких певцов»³. А Маркс и Энгельс сравнивали Османскую империю с мрачной тюрьмой народов, разлагающимся трупом, враждебную делу прогресса. «Жалкое крушение терпели, — писали они, — все попытки турецкого правительства стать на путь цивилизации»⁴.

Против османского ига наряду с югославами, венграми, греками, болгарями, арабами поднялись и армяне, все другие поработенные народы. Турецкие султаны пытались огнем и мечом подавить их освободительные движения, но безуспешно. Насильственно созданная ими империя шла к неминуемому краху.

Многие видные представители национально-освободительного движения армянского народа в поисках путей его освобождения из-под гнета чужеземных поработителей обратили свой взор на Север — подняли знамя дружбы и братства с Россией. Именно благодаря помощи русских войск началось освобождение армянского и других народов Кавказа от персидских и турецких захватчиков. В начале XIX века Восточная Армения была очищена от владычества персидских ханов и присоединена к России.

Население Восточной Армении было спасено от угрозы физического уничтожения, оно получило возможность национальной консолидации, подъема экономики, культуры, единения с прогрессивными силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета в русле единого общероссийского революционного движения. На этом пути формировались поколения пламенных патриотов и революционеров, борцов за освобождение и возрождение Родины, свободу и братство всех народов.

Трагически сложилась судьба Западной Армении, находившейся под гнетом турецкого ига. Султанская Турция в страхе

³ Гегель. Философия истории // Соч. М.-Л., 1935. Т. VIII. С. 76.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 6.

перед нараставшей волной освободительного движения поработанных ею народов усиливала режим террора, разжигала религиозный фанатизм, междоусобицу, непрерывно провоцировала погромы и резню, в особенности в армянских районах.

Воспользовавшись военной обстановкой, младотурецкое правительство (Талаат, Энвер, Джемаль и др.) в 1915 г. осуществило чудовищную программу геноцида армян, чтобы навсегда «решить» армянский вопрос и покончить с Арменией. Все армяне были объявлены «русскими агентами», «врагами империи». Было уничтожено полтора миллиона мирного населения — детей, женщин, стариков. Лишь ничтожной части удалось спастись бегством. Из трехмиллионного армянского населения в Турции остались несколько десятков тысяч.

Эти страшные злодеяния младотурецких варваров — первый геноцид двадцатого века, потрясший весь цивилизованный мир, — были заклеены всей прогрессивной мировой общественностью⁵.

После поражения Турции в первой мировой войне Кемалистское правительство продолжало политику младотурков, их преступные методы и действия были перенесены и в Восточную Армению. Командующий Восточным фронтом генерал Карабекр открыто объявил тогда, что его цель — это полное уничтожение Армении, и телеграфировал в Анкару, что «в ближайшие дни Армения будет стерта с лица земли»⁶.

Поощряя эти преступные замыслы, министр иностранных дел Анкарского правительства Ахмет Мухтар-паша в письме от 8 ноября 1920 г. на имя Карабекира давал следующий наказ: «Армения находится на одной весьма обширной мусульманской территории, поэтому необходимо ликвидировать ее как политически, так и физически»⁷.

По неполным данным, в период интервенции турецких захватчиков в Закавказье в 1918—1920 гг. были уничтожены бо-

⁵ По этому вопросу см. данный сборник (с. 116—132), а также: Геноцид армян в Османской империи: Сборник документов / Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1982; *Киракосян Дж. С.* Западная Армения в годы первой мировой войны. Ереван, 1971; *Киракосян Дж. С.* Младотурки перед судом истории. Ереван, 1986; *Амбарцумян В. А.* Империализм — виновник геноцида // Правда, 24 апреля 1975 г.; *Сильва Капутикян*. Меридианы, карты, души. М., 1978; *Зорий Балаян*. Между двух огней. Ереван, 1979; *Арутюнов Г. А., Епископосов Г. Л.* Похитители памяти // Новое время. 1981. № 49; *Е. Грант* (Епископосов). О чем вещает «Голос Турции» // Сов. Россия, 18 февраля 1987 г.; *Михаил Дудин*. С вершины мужества // Поле притяжения. Л., 1984; *Гарибджанян Г. Б.* Геноцид армян и мировая общественность. Ереван, 1989; *Папазян А. А.* Геноцид армян. По документам судебного процесса младотурок. Ереван, 1989; *Лейлин Р.* «Ужасы, не имеющие себе равных...» // Лит. Россия, 27 апреля 1990 г.; *Фирбюхер Г.* Армения, 1915. Ереван, 1991 (пер. с нем.).

⁶ Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Ереван, 1979. Т. X. С. 72.

⁷ Вестник архивов Армении. 1982. № 3. С. 168.

лее двухсот тысяч армянского населения, разорены и опустошены сотни деревень.

Свои надежды на подлинное освобождение армянский народ связал с победой Октябрьской революции. Советское правительство выступило против новых зверств турецких погромщиков в отношении к армянскому населению, с защитой его национальных прав и чаяний. Уже 2 (15) ноября 1917 г. в принятой исторической «Декларации прав народов России» провозглашалось равенство всех народов, их право на самоопределение вплоть до образования самостоятельного государства. А 20 ноября (3 декабря) 1917 г. в обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока вновь торжественно объявлялось право народов на самоопределение, в том числе и населения Западной Армении.

В соответствии с этим в декабре 1917 г. был принят специальный декрет «О Турецкой Армении», подписанный В. И. Лениным. Однако тяжелое внешнеполитическое и внутреннее положение Советской России помешало осуществлению данного декрета. Трагически сказалось также увлечение многих тогдашних советских руководителей фантастическими идеями «мировой революции», а отсюда пренебрежение интересами целых народов. Имели место и факты подавления их национального и государственного суверенитета, политического двурушничества, лжи и обмана, когда декларировали одно, а делали совсем другое. Здесь следует искать истоки последующих извращений и нарушений национальной политики, многих происходящих ныне в стране межнациональных раздоров и столкновений, приведших к развалу Союза ССР.

В мае 1918 г. была образована независимая Республика Армения. Армянский народ вновь восстановил свою государственность. 29 ноября 1920 г. в Армении была установлена Советская власть и провозглашено образование Армянской Советской Социалистической Республики.

Армения при братской помощи всех народов нашей страны сделала гигантские шаги по пути прогресса. Из отсталой аграрной области она превратилась в высокоразвитую индустриальную республику с самыми передовыми отраслями промышленности, связанными с достижениями современной научно-технической революции. Возникли десятки новых городов и поселков городского типа. Необычно быстрыми темпами вырос Ереван — столица республики, ставшая одним из красивейших городов мира. Созданы многочисленные высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, лаборатории. Важным научным центром стала Академия наук республики. Почти во всех областях науки сформировались научные школы. Широкое признание в нашей стране и за рубежом получили многие выдающиеся произведения армянской литературы и искусства, пронизанные идеями гуманизма, мира, интернационализма.

Верность избранному пути армянский народ продемонстрировал и в суровые годы Великой Отечественной войны. Он вместе со всеми народами нашей страны внес достойный вклад в тылу и на фронте на победу над германским фашизмом. Более 700 тысяч сыновей и дочерей армянского народа сражались на фронтах, более 70 тысяч из них награждены боевыми орденами и медалями, свыше 100 были удостоены звания Героя Советского Союза. На страницах летописи Великой Отечественной войны видное место занимают имена прославленных полководцев: Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна, Адмирала Флота Советского Союза И. С. Исакова, Главного маршала бронетанковых войск А. Х. Бабаджаяна, маршала авиации С. А. Худякова (Ханферянца). Несказанно велики также понесенные потери в войне. Они коснулись почти каждой армянской семьи. 384 тысячи воинов-армян погибли в Отечественной войне. В честь их вечной памяти во всех городах и селах Армении воздвигнуты мемориальные комплексы, обелиски, родники.

В годы войны большую патриотическую деятельность развернули зарубежные армяне. На собранные ими средства были построены танковые колонны «Давид Сасунский» и «Генерал Баграмян», тысячи армян активно участвовали в движении Сопротивления в европейских странах, сражались в армиях союзников. Только в войсках США, Англии и Франции, воевавших против гитлеровской Германии, находилось около 30 тысяч армян-солдат и офицеров.

Новая Армения поистине стала родиной, главным оплотом для оказавшихся волею судеб на чужбине миллионов армян. Об этом хорошо сказал в свое время национальный герой армянского народа Андраник в речи, посвященной шестой годовщине установления Советской власти в Армении, 28 ноября 1926 г. в Фрезно (США): «Ныне многострадальный и измученный армянский народ имеет свою родину. Пусть здравствует вековая дружба армянского и русского народов. Вечная слава бессмертным сынам армянского и русского народов, которые пали на заре освобождения Армении»⁸.

Отмечая важные достижения новой Армении, вместе с тем нельзя умолчать и не сказать о том, что они были омрачены деформационными и разрушительными процессами, которые шли по всей стране в годы культа личности и застоя. Армянскому народу также пришлось хлебнуть много горя, пережить беззаконие и произвол сталинщины, преступные нарушения национальной политики, варварские акции массовых репрессий, депортации десятков тысяч ни в чем не повинных людей в отдаленные края.

⁸ Агаян Ц. П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978. С. 270.

Но нашлись силы, которые подвели черту под этим прошлым и провозгласили политику радикальной демократизации, обновления всех сфер жизни общества, освобождения от тоталитарных порядков. Эти процессы активно развернулись также в Армении. Образована Республика Армения — независимое суверенное государство, открывающее новые возможности для национального возрождения.

7 декабря 1988 г. на Армению обрушилась страшная трагедия — произошло землетрясение невиданной разрушительной силы. Погибли тысячи людей, остались без крова более 500 тысяч человек, в развалины превратились города Леннакан, Кировакан, Спитак, десятки деревень. Беда Армении отозвалась болью во всем мире. В этот скорбный час тяжелых испытаний на помощь ей пришли вся страна, многие иностранные государства, международные организации, армянская диаспора, отдельные зарубежные граждане. Эта всеобщая помощь была с благодарностью принята армянским народом. Она помогла мужественно перенести постигшее горе, придала силу справиться с последствиями землетрясения.

Новым тяжелейшим испытанием для всего армянского народа явились развернувшиеся в самой драматической форме события в Нагорном Карабахе и вокруг него. Сессия областного Совета НКАО в феврале 1988 г. выразила желание армянского населения области в воссоединении с Арменией и устранении допущенных в 20-е годы ошибок при национально-территориальном размежевании. Это решение явилось также реакцией на нарушения национальной политики, прав человека в автономной области и в республике.

Однако власти бывшего СССР, а также руководители Азербайджана неправильно оценили развернувшиеся события в Карабахе, не проявили нужного политического такта. Начались массовые демонстрации, забастовки, столкновения на национальной почве.

Карабахский конфликт продолжается. Он вылился в жестокое бессмысленное вооруженное столкновение.

Логика войны неумолима. Ее смертоносный огонь и ужасы прошли также по азербайджанскому народу. Горе пришло и во многие азербайджанские семьи. В отношениях между двумя народами — вековыми соседями образовалась глубокая трещина, устранить которую будет нелегко. Потребуется время, должны восторжествовать справедливость, мир и согласие. А это время обязательно наступит. Началась, правда с большим опозданием, активная миротворческая миссия многих стран мирового содружества, международных организаций.

Но и сегодня народ армянский не сломлен, не покорился жестокой судьбе и помыслами своими устремлен в будущее. Он решает новые крупномасштабные задачи экономического и социального развития, обновляет дальше свою древнюю землю.

Вчера, сегодня, завтра — веки
В творенье дива Наира
Венцом, что стало вековечным
Труда людского и мечты.
Мечты творца земного дива
Облечь камнейв наготу
В наряды храмов, возвеличить
Живущий в них бессмертный дух.

(Из поэмы Роберта Галустяна «Наири»)

В данном сборнике собраны высказывания видных ученых, писателей, общественных деятелей об Армении, ее прошлом и настоящем, ее людях, культуре, героической борьбе за свою свободу, пережитых трагедиях, созидательном труде армянского народа в строительстве новой жизни, участии его сыновей и дочерей в Великой Отечественной войне, их вкладе в общую победу над германским фашизмом.

Разумеется, сборник не претендует на полноту в использовании имеющейся обширной литературы по Армении. Мы будем благодарны читателям, если они выскажут свои замечания и пожелания.

ИЗ ИСТОРИИ АРМЕНИИ

ГЕРОДОТ

Суда, на которых плавают вниз по реке в Вавилон, совершенно круглые и целиком сделаны из кожи. В Армении, которая лежит выше Ассирии, вавилоняне нарезают ивовые прутья для остова корабля. Снаружи (остов) обтягивают плотными шкурами наподобие (круглого) днища корабля. Они не расширяют кормовой части судна и не заостряют носа, но делают судно круглым, как щит. Затем набивают все судно соломой (для обертки груза) и, нагрузив, пускают плыть вниз по течению. Перевозят они вниз по реке главным образом глиняные сосуды с финикийским вином...

По прибытии в Вавилон купцы распродают свой товар, а затем с публичных торгов сбывают и (плетеный) остов судна, и всю солому. А шкуры потом навьючивают на ослов и возвращаются в Армению...

После фригийцев идут каппадокийцы, которых мы зовем сирийцами. Их соседи-килийцы, земля которых вот здесь доходит до (Средиземного) моря, где лежит, как ты видишь, остров Кипр. Они платят царю ежегодно дань в 500 талантов. С килийцами вот здесь граничат армяны (они также богаты скотом), а с армянами — матиены, которые живут вот в этой стране...

Границу Киликии и Армении образует судоходная река по имени Евфрат. В Армении находится 15 стоянок с заезжими домами и сторожевым укреплением на протяжении 56 1/2 парасангов. Из этой Армении путь ведет в Матиену; здесь 34 стоянки на расстоянии 136 парасангов. По этой стране протекают четыре судоходные реки. Через все эти реки надо переправляться на судах. Первая река — Тигр, затем вторая и третья под одним названием Забат. Но это — разные реки, и начинаются они не в одной местности. Первая из упомянутых рек течет из Армении, а вторая — из Матиены.

Геродот. История. Л., 1972.

КСЕНОФОНТ

Стратеги пришли к заключению, что нужно через горы пробраться к кардаухам, потому что, по словам некоторых, эллины, пройдя кардаухов, придут в Армению, над которой начальствовал Оронт, обширную, богатую область, а оттуда удобно идти, куда угодно...

Когда эллины прибыли к тому месту, где р. Тигр положительно была непроходима и по своей глубине, и по величине, обхода же не было никакого, а над самой рекой возвышались крутые кардаухские горы, стратеги решились идти через горы. Они слышали от пленных, что по переходе через эти горы они, если захотят, перейдут в Армению источники р. Тигр, если же не захотят, то обойдут...

Отсюда эллины шли 2 перехода — 10 парасанг, пока перешли источники р. Тигр. Отсюда шли 3 перехода — 15 парасанг до р. Телевоя. Это была небольшая, но красивая река, около которой было много деревень. Местность оказалась Западной Арменией...

Ксенофонт. Полн. собр. соч. СПб., 1887. Ч. 1.

ПЛУТАРХ

Вплоть до самой Темискиры и долины Термодонта и конники и пехотинцы могли производить разрушения и грабежи лишь в сельских местностях, а потому стали укорять Лукулла, что он приводит все города к подчинению мирным путем и не дает им случая нажиться, взяв хотя бы один из них приступом.

«Ведь вот и теперь, — говорили воины, — мы легко могли бы взять Амис, этот цветущий и богатый город, стоит только живее взяться за осаду, но нам приходится все бросать, чтобы идти за этим человеком в Тибаренскую и Халдейскую пустыни воевать с Митридатом!» Не думал Лукулл, что все это доведет солдат до такого безумия, до какого они дошли впоследствии, и, оставив подобные речи без внимания, пропускал их мимо ушей. Скорее он находил нужным оправдывать свои действия перед теми, кто, напротив, обвинял его в медлительности за то, что, задерживаясь возле маловажных селений и городов, он дает Митридату возможность накопить силы.

«Это-то мне и нужно, — возражал он им, — я медлю с умыслом — пусть царь снова усилится и соберет достаточные для борьбы войска, так, чтобы он оставался на месте и не убежал при нашем приближении. Или вы не видите, что за спиной у него беспредельные просторы пустыни, а рядом — Кавказ, огромный горный край с глубокими ущельями, где могут найти защиту и прибежище хоть тысячи царей, избегающих встреч с врагом.

К тому же от Кабира всего несколько дней пути до Армении, а в Армении царствует Тигран, царь царей, который со своей ратью преграждает парфянам дорогу в Малую Азию, а греческие городские общины переселяет в Мидию, который завладел Сирией и Палестиной.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. М., 1963. Т. 2.

АЛИШЕР НАВОИ

ФАРХАД И ШИРИН

Солнце Армении спешит к водному знаку Зодиака. Суматоха в толпе. Приезд Ширин. Осмотр арыка. Вода пущена. Ликование народа. Фархад на плечах приносит Ширин вместе с конем к водохранилищу. Вода в замке. Снова разлука.

Кто в горах разламывал гранит,
Поток прозрачной речи так стремит.

* *

Когда Фархад, на сердце навалив,
Хребты печали, реки слез пролив,

Отправился в тот день на пуск воды, —
Ширин, кто знала все его труды:

И высеченный среди скал арык —
Тот гладкий, как лицо зеркал, арык;

И тот дворец, подобный небесам,
Который для нее он создал там;

И те узоры и картины те,
Которым равных нет по красоте;

И все, что он свершил и что вовек
Другой свершить не мог бы человек, —

Осведомляясь каждый миг о нем
И тем же, что и он, горя огнем,

На этот раз, такую слыша весть,
Волнения не в силах перенести, —

Придворным слугам отдает приказ
Коня Гульгуна оседлать тотчас.

Тот резвый конь был на ходу легок —
Зерном жемчужным он кагиться мог,

Он ветром был. Ширин — нежна, тонка,
Была на ветре лепестком цветка,

Но прежде, чем на ветер свой воссесть,
Ширин к Бану с гонцами послала весть:

«В прогулку солнце хочет, мол, пойти,
Оно спешит, оно уже в пути.

И тот себе наметил привал,
Что Зоднака знак облюбовал.

Так пусть булаторукий витязь — тот
Гранитонизвергатель подождет.

Пусть водоуск задержит, пусть вода
Пойдет, когда прибуду я туда...»

Бану, обрадована вестью той,
Спешит найти в толпе людей густой

Фархада, потерявшего, скорбя,
Не только сердце, — самого себя.

Найдя, сказала: «Ты нас извили.
Тебе лишь огорчения одни

Мы причиняли, и велик наш стыд,
Но разве он тебя вознаградит?

Немало ты набегался. Присядь.
О радости хочу тебе сказать:

Сейчас сюда и та прибыть должна,
Что, словно роза нежная, нежна.

Стройна, как кипарис, — чтоб озарить
Арык, что соизволил ты прорыть,

И цвести, как роза и как кипарис,
У этих вод. А ты приободришься...»

Ведя такой сердечный разговор,
Бану велела разостлать ковер,

Поставить трон и, дав коню покой,
Сошла с седла, на трон воссела свой —

И вловь Фархаду оказала честь,
Прося его на тот ковер присесть.

Гранитосокрушитель, весь в пыли,
Склонился перед нею до земли —

И слово ангел божий, он присел,
У тронного подпожья он присел...

Но тут в толпе возникла кутерьма.
Пыль черная, густая, как сурьма,

Клубилась вдалеке. Она, она —
Султан красавиц, ясная луна,

Вершина красоты, святильник дня —
Сюда поспешно правила коня!

Алишер Навои. Фархад и Ширин.
Ташкент, 1986.

МОНТЕСКЬЕ

Ты знаешь, Мирза, что некоторые из министров Шах-Солимана возымели намерение принудить всех персидских армян либо покинуть страну, либо принять магометанство. Они думали, что наша империя будет нечистой до тех пор, пока в ее лоне пребывают исверьяне.

Если бы в данном случае вияли слепому благочестию, персидскому величию пришел бы конец.

Неизвестно, почему это дело не осуществилось; ни те, кто внес это предложение, ни те, кто его отверг, не сознавали его последствий: случай исполнил обязанности разума и политики и спас империю от большей опасности, чем та, которой она могла бы подвергнуться из-за проигрыша какой-нибудь битвы или сдачи двух городов.

Изгоняя армян, рассчитывали в один день упразднить в государстве всех купцов и почти всех ремесленников. Я уверен, что великий Шах-Аббас предпочел бы дать себе отрубить обе руки, чем подписать подобный указ, и что, отсылая самых трудолюбивых своих подданных к Великому Моголу и другим индийским царям, он почел бы, что отдает им половину своих владений...

Монтескье. Персидские письма. М. 1956.

ИОГАНН ГЕРДЕР

В Армению христианство пришло рано, даровало особую письменность замечательному языку, а вместе с письменностью и два и три перевода Священного писания, а кроме того историю Армении.

Иоганн Гердер. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

ИММАНУИЛ КАНТ

У другого христианского народа, у армян, господствует какой-то торговый дух особого рода, а именно: они занимаются обменом, путешествуя пешком от границ Китая до мыса Корсо на Гвинейском берегу; это указывает на особое происхождение этого разумного и трудолюбивого народа, который по направлению от северо-востока к юго-западу проходит почти весь Старый Свет и умеет найти радушный прием у всех народов, у которых они бывают; это доказывает превосходство их характера (первоначального формирования которого мы уже не в состоянии исследовать)...

Иммануил Кант. Антропология с прагматической точки зрения // Соч. М., 1966. Т. 6.

БАЙРОН

Для развлечения я ежедневно изучаю в армянском монастыре¹ армянский язык. Я обнаружил, что мне надо было занять свой ум чем-нибудь трудным, вот я и выбрал самое трудное из всего, чем здесь можно занять свой досуг, и заставил себя сосредоточиться. Кстати, этот богатый язык, с лихвой вознаграждает каждого, кто возьмет на себя труд его изучить.

Я пытаюсь это сделать и намерен продолжать, но ни за что не ручаюсь — ни за свои успехи, ни за осуществление своих стремлений. В этом монастыре есть некоторые любопытнейшие рукописи и книги, есть и переводы с утраченных греческих подлинников, а также с персидского, ассирийского и др., помимо сочинений авторов своего народа.

Венеция, 5 декабря 1816 г.

Из письма М. Муру // Байрон об Армении и армянах. Ереван, 1983.

¹ Речь идет о монастыре конгрегации мхитаристов на острове Св. Лазаря в Венеции.

Прибыв в Венецию в 1816 г., я нашел, что ум мой был в таком состоянии, которое требовало занятий и притом такого рода, чтоб они только немного простора давали воображению и представляли известные трудности для занимающегося. В это время на меня, как, вероятно, и на всех других путешественников, произвела большое впечатление община Св. Лазаря, которая, кажется, соединяет в себе все преимущества монастырского учреждения, не обладая ни одним из его пороков. Чистота, комфорт, кротость, непритворное благочестие, таланты и добродетели братьев ордена способны внушить светскому человеку убеждение, что существует другой, лучший мир даже в этой жизни.

Эти люди — духовные лица порабощенной, но благородной нации, которая подвергалась изгнанию и гнету... Это нация приобрела богатства, не прибегая к ростовщичеству, и все почести, которые могут быть дарованы тому, кто находится в рабстве, без интриг...

Трудно было бы, быть может, найти летописи народа, менее запятнанные преступлениями, чем летопись армян, добродетели которых были мирные, а пороки — следствия притеснения.

Но какова бы ни была их судьба — а она печальна! — что бы ни ожидало их в будущем, их страна всегда должна оставаться одною из самых интересных на всем земном шаре; и уже самый язык, быть может, требует только большого изучения, чтобы получать все больше привлекательности...

Если писание правильно толкуется, то рай был расположен именно в Армении, которая заплатила так же дорого, как и потомки Адама вообще, за мимолетное участие ее почвы в блаженстве того, кто был создан из ее праха; там начала спадать вода потолка и вылетел голубь.

Но почти что с исчезновением рая начались несчастья страны, потому что, хоть она долгое время была могущественным царством, она редко была независима; персидские сатрапы и турецкие паши в равной степени содействовали разорению того края, где бог создал человека по своему образу и подобию.

Из предисловия Байрона к пособию армяно-английской грамматики // Байрон об Армении и армянах. Ереван, 1983.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ РУССКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Из Указа императора Петра I

Честнейшему патриарху Исаяю и честнейшим юзбашам Авану и Мирзе, и всем прочим юзбашам и управителям, и всему честному армянскому народу наша императорская милость и поздравление... 10 ноября 1724 г. (Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Ереван, 1967. Т. II, ч. 2. С. 208).

Честнейшему патриарху Симеону и всем прочим честным юзбашам и управителям, и всему честному армянскому народу наша императорская милость и поздравление... Как и наши высокие предки, достойные блаженной и вечной славной памяти их величества государь-император Петр Великий и государыня-императрица Екатерина Алексеевна, выразившие свое особое благосклонное отношение к христианскому армянскому народу в своих грамотах в 1724 и 1826 годах... мы в продолжение этих заветов наших предков обещаем окружить нашей царской милостью и благоволением и честнейшего патриарха Симеона, так и будущих преемников его патриаршего престола, а также юзбашей и управителей и весь честный армянский народ... 30 июня 1768 г. (Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833. Ч. I. С. 174—175).

Из обращения императора Павла I к карабахским меликам

Державной и знаменитой Карабахской области благородным меликам Джемшиду Шахназарову, владельцу Варандинскому, и Фридону Беглярову, владельцу Гулистанскому (Нынешний Шаумяновский район, который вошел вместе с НКАО в недавно провозглашенную независимую Нагорно-Карабахскую Республику), и всем прочим этой знаменитой области владельческим меликам и юзбашам, и всему народу их наша императорская милость и благоволение... 2 июня 1799 г. (Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833. Ч. I. С. 199).

Из обращения императора Александра I к армянскому народу

Всему верноподданническому армянскому народу и всем условиям, составляющим оный, наша императорская милость... Они отличались примерным постоянством и преданностью и посреди смутных обстоятельств пребыли тверды и непоколебимы в своем усердии к нам и Престолу нашему, жертвуя имуществом своим и всеми средствами и самой жизнью... Дано в главной квартире нашей в городе Теплице, что в Богемии, сентября 15 дня в лето от Р. Х. 1813-е (Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833. Ч. I. С. 258—259).

Тавернье, который объездил большую часть света... говорил, что он, кроме одного места в Армении, нигде не находил такого прекрасного вида, как в Обоне. Сей городок лежит на скате высокой Юры, недалеко от Моржа, верстах в тридцати от Женевы...

В церкви целестинов (des Celestins) есть придел герцога Орлеанского, который напоминает странное и несчастное приключение. Карл VI вздумал однажды для маскарада нарядиться сатиром вместе с некоторыми из своих придворных. Герцог Орлеанский подошел к ним с факелом и нечаянно зажег мохнатое платье на одном из них. К несчастью, они были связаны цепочкою друг с другом и не могли скоро распутаться: огонь разлился, обхватив их, и в несколько минут почти все сгорели.

Король спасен был герцогинею де Берри, которая бросила на него свою мантилью и затушила пламя. Герцог, чтобы загладить свою бедственную неосторожность, соорудил великолепный алтарь в церкви целестинов — там много картин и памятников; между прочим — монумент Леона, царя армянского, который, будучи выгнан из земли своей турками, умер в Париже в 1393 году.

Фруасар, современный историк, говорит о нем следующее: «Лишенный трона, сохранил он царские добродетели и еще прибавил к ним новую: великодушное терпение; с благодетелем своим Карлом VI обходился как с другом, не забывая собственного царского сана, а смерть Леонова была достойна жизни его...»

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Избр. соч. М.—Л., 1964. Т. 1.

ГРИБОЕДОВ

Спускаюсь к развалинам Лори в трех верстах от лагеря. Деревня, беру проводника. Слезая в овраг каменистый и крутобрегий, где протекает Тебеде с шумом, с ревом и с пеной. Чистый водопад дробится о камни моста, через него перекинутого. Развалина другого моста через Тебеде. Стены и бойницы в несколько ярусов по противулежащему утесу, вползаю через малое отверстие в широкую зубчатую башню, где был водоем; вероятно, вода под землю была проведена из реки. Тут с востока вытекает другая речка и в виду по сему новому ущелью водопад крутит пену, как будто млечный проток. Из тайника крутая и узкая стежка вьется над пропастью. Духом взбираюсь вверх. Развалины двух церквей, бань, замка с бойницами, к северу оттудова ворота, много резной работы...

В Гергеры, вдоль Тебеде. Налево руины Лори. Попы армянские на дороге в ризах подносят бога главнокомандующему, который его от них, как рапорт, принимает...

Вдоль южной цепи гор переваливаемся через Памву. Вид Бамбахской долины вроде котловины. Прекрасное лагерное место. Алагез к юго-западу.

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса. Арабат бесподобен...

Прелестное селение Аштараки,— мост в три яруса на трех арках, под ним река Абарень дробится о камни...

Под вечер едем к Эривани. Арабат безоблачный возвышается до синевы во всей красе.

Ночь звездная на Гераклеевой горе...

Поэтический вечер в галерее Эчмиадзинской; в окна светит луна; архиерей как тень бродит...

Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные...

Грибоедов А. С. Эриванский поход // Соч. М., 1971. Т. 2.

ПУШКИН

Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извивается около горы. На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстились злачные зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зимой вдруг уменьшился: климат был другой.

Человек мой со вьючными лошадьми от меня отстал. Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами. В рассеянности проехал я мимо поста, где должен был переменить лошадей. Прошло более шести часов, и я начал удивляться пространству перехода. Я увидел в стороне груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним. В самом деле я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли. Я изъяснился кое-как. Одна из них сошла в саклю и вынесла мне сыру и молока. Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры... Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. «Из Тегерана». — «Что вы везете?» —

«Грибоеда». Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия... Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игрищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею...

Переехав через гору и спустясь в долину, осененную деревьями, я увидел минеральный ключ, текущий поперек дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцых из Эривани. «Что нового в Эривани?» — спросил я его. «В Эривани чума», — отвечал он, — а что слыхать об Ахалцыхе?» — «В Ахалцыхе чума», — отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались.

Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасною землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу. К вечеру прибыл я в Пернике. Здесь был казачий пост. Урядник предсказывал мне бурю и советовал остаться ночевать, но я хотел непременно в тот же день достигнуть Гумров.

...Наконец я достигнул Гумров около полуночи. Казак привез меня прямо к посту. Мы остановились у палатки, куда спешил я войти. Тут нашел я двенадцать казаков, спящих один возле другого. Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости. В этот день проехал я 75 верст. Я заснул как убитый.

Казаки разбудили меня на заре. Первою моею мыслию было: не лежу ли я в лихорадке. Но почувствовал, что слава богу бодр, здоров; не было следа не только болезни, но и усталости. Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце встало. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арабат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...

Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум. Проза. М., 1975.

ФРИДРИХ ПАРРОТ

Мое непреодолимое желание подобраться ближе к почтенной вершине священной горы не позволяло мне долго прохладиться и медлить в тиши монастыря. Побуждающим к действию мотивом была и обеспокоенность надвигающейся осенью; вот

потому безоблачное небо быстро укрепило меня в намерении, не мешкая, прямо на следующий же день после моего прибытия (11 сентября 1829 г.) совершить рекогносцировочное путешествие на вершину...

И вот мы стоим на вершине Арарата — 15 часов 15 минут, 27 сентября 1829 года!

Первое мое желание и первое наслаждение — отдых: я расстелил под собой накидку и улёгся на нее. Я находился на слегка выпуклой, почти круглой площадке, вмевшей около двухсот шагов по окружности; с краев площадка обрывалась довольно круто, особенно на юг и северо-восток; это была твердая, образованная из вечного льда, без единой скалы и без единого камня серебряная глава древнего Арарата. В восточном направлении верхушка горы заканчивалась более плавно, чем в любом другом, она как бы располагалась посередине плоского, также покрытого вечным льдом приспущенного плато, связанного со вторым, чуть пониже находящимся пиком... И если какая-либо часть вершины может быть принята за то место, на которое опустился Ноев ковчег, то только эта седловина: площадь ее такова, что ковчег, имевший по книге Бытия (6,15) 300 локтей длины и 50 локтей ширины, занимал бы менее одной десятой ее поверхности...

С вершины открывалась широко простирающаяся панорама, но из-за огромных расстояний отчетливо различались только большие массивы. Вся долина Аракса была покрыта серой туманной дымкой, сквозь которую Эриван и Сардарapat казались темными пятнами величиною с ладонь, яснее вырисовывалась на юге гора, под которой должен был лежать Байазет. На северо-востоке красовалась зубчатая вершина Алагеза со значительными снежными массами во впадинах — вероятно, этот пик неповторим. Ближе к Арарату, особенно на юго-востоке и на значительном отдалении на западе, тянется большое количество малых гор с пирамидальными вершинами и впадинами посредине, похожими на бывшие вулканы; восточнее юго-восточного направления находится Малый Арарат, чей купол отсюда уже не кажется обычным острием правильного конуса, как это видится из равнины, а представляется поверхностью четырехгранной, чем-то подпираемой с одной стороны пирамидой с большими и малыми скальными наростами на ребрах и посредине. Но что меня просто поразило — это видимая отсюда огромная часть озера Севан: озеро, словно прекрасная мерцающая равнина, проступало на севере над высокой горной цепью, непосредственно замыкающей водную гладь с юга, эта горная цепь очень высока, и я никогда не предполагал, что спрятанное за нею зеркало воды можно увидеть с Арарата.

После этих наблюдений я посмотрел на моих спутников и заметил отсутствие преданного и верного Абовяна, — я догадался: он устанавливает крест. Я предполагал все сделать сам непосредственно в центре круглой площадки, где крест нахо-

дился бы в наиболее надежном и достойном месте. Но Абовян в священном рвении взял эту миссию на себя и пошел площадку для креста на северо-восточном краю вершины, потому что здесь, посредине, как он правильно догадался, крест было бы невозможно увидеть из долины, ибо высота составляла всего пять футов.

Дьякон отошел настолько, чтобы крест был виден не только из долины, но также из Аргури и монастыря Св. Якова: для этого он с опасностью для жизни рискнул продвинуться по крутому скату так далеко, что стоял ниже центра площадки на добрых 30 футов, отчего я его и не видел; я нашел Абовяна усердно работающим — вырубаящим яму во льду для закрепления креста. Быть может, это место для установки креста было не самым лучшим, так как крутизна склона подсказывала, что из-за происходящих часто смещений льда, подвижек или неожиданных разломов ледника, как это происходило с глетчерами на многих вершинах, уже, вероятно, через несколько лет сей единственный знак нашего пребывания на вершине исчезнет безвозвратно.

И все-таки во мне победила мысль, что этому знаку, видимо, пришлось бы ждать прибытия нового путешественника долго и напрасно, в тем самым будет не менее почетно, если уже сейчас можно подать видимый из долины сигнал об успехе и о счастливом завершении нашего предприятия...

После пребывания на вершине около трех четвертей часа нам следовало подумать о возвращении...

*Фридрих Паррот. Путешествие на Арарат//
Литературная Армения. 1988. № 3.*

СЕРГЕЙ ГЛИНКА

ГАЙК

Страна, и колыбель вторая
Возобновления людей!
В тебя душой переплетая,
Жить памятью хочу людей.

Когда земля была объята
Бурливой казнью грозных вод;
Там — на вершинах Арарата,
Ковчег окончил дивный ход.

Там — на Армянском небосклоне
Блеснул завета первый луч;
Там — к отвращенью мрачных туч,
Любовь творца в своем законе

Велела кровь людей беречь,
Чтоб с небом связи не пересечь.

Но вскоре змеи властолюбья
Прокрались в глубину сердца.
Устав расторгся братолюбья:
Тогда уж был немрод-ловец:
Был исполин, но зло был сильный —
И в злобе яростью обильный;

В чаду тщеславья своего
Владыкой быть алкал всего...

И грозные битвы закипели;
И люди грызть людей летели,
И заструилась кровь рекой!
Прослыл победой грозный бой;
И назван враг людей великим
Неистовым восторгом, диким...

Пал с шумом, пал, пал враг людей!
Пал первый битв изобретатель!
В гордыне буйственной своей
Исчез, исчез завоеватель!

И с гор гремит армянский клик:
«Кто друг людей, тот стал велик!
Гайк с божеством умел сродниться,
За человечество сразиться.
Честь Гайку! Честь его сынам!
Гайк соплеменник небесам!»

Русские писатели об Армении: Сборник /
Сост. С. Арешян, Н. Туманян. Ереван, 1946.

ИВАН ШОПЕН

Восток, колыбель рода человеческого, есть вместе с тем и сокровищница любопытнейших его древностей. В странах Востока были веков минувших изображены иероглифами, в коих каждая буква — государство разрушенное, каждый знак — развалины многолюдного, столичного города.

В этом отношении Закавказье вообще, но в особенности Армения, заслуживает всякого внимания. Здесь исследование наций, некогда цветущих, ныне дряхлых, упавших или вовсе исчезнувших с лица земли; рассмотрение развалин минувшего их величия, списывание надписей, уцелевших памятников, изучение различных стилей архитектуры разных веков и в разных странах; все это неминуемо поведет к открытиям важным,

к заключениям светлым и к объяснению самых темных мест истории первобытных веков.

К сожалению, любопытнейшие места Армении надолго еще сокрыты от любознательных исследований археологов: долины Тигра и Евфрата, и междулежащие области — истинно земной рай по благорастворенности воздуха и богатству произведений; берега Ванского и Урмийского озер; Мушская равнина и страна, простирающаяся к стороне Тавра, скрываются за непроницаемой, двойной завесой гражданского неустройства и религиозного фанатизма. Там средоточие Ассирийского царства с его столицами: Вавилоном и Ниневиею; первые поселения Гайка; Семирамидин город и тысячи памятников глубочайшей древности.

Но и в Российском Закавказье исследования обещают жатву не меньше обильную: древние царства: Агванское и Албанское и Иверское; старинные армянские провинции: Ути, Арзах, Цайтакаран, Сюникская и часть Таика и Гугарка принадлежат нам. Исследованиям нашим открыт первопрестольный Эчмиадзин с многочисленными его архивами, и, по лицу целого края, множество древних церквей и монастырей, покрытых надписями, и достопамятных по каким-либо историческим событиям. Каждый из этих памятников составляет красноречивую страницу истории Востока, страницу непрочитанную, которую рука неумолимого времени, год от году, все более раздирает.

Постановления попечительного правительства нашего касательно сохранения древностей, в отношении к Закавказскому краю, едва ли могут получить применение. Здесь количество памятников времен минувших столь значительно, что поддержка их потребовала бы несметных расходов...

Армяне всегда чувствовали непреодолимую склонность к наукам: первая типография в Армении учреждена в 1567 году, т. е. в такое время, когда многие важные в Европе города не знали еще, что книгопечатание изобретено. Менее столетия протекло после того, как уже завелись типографии армянские во многих местах, а впоследствии распространились в Амстердаме, в Лейпциге, в Венеции, в Триесте, в Ливорне, в Галиции, в Константинополе, в Смирне, в Крыму, в Испании, в Мадрасе, в Тифлисе, в Шуше. В прошедшем веке армяне учредили, было, типографию и в Марсели, но французское духовенство, которое в то время не отличалось веротерпимостью, настояло о закрытии оной.

В 1773 году мы видим книгопечатание в Эчмиадзине в полном ходу. Ныне в одной России армянские типографии существуют: в С.-Петербурге, в Москве, в Астрахани, в Нахичевани, на Дону и в Тифлисе. Нет ни одного сколько-нибудь значительного города в Европе и английской Индии, где бы ни производилось печатание армянских книг.

Из существующих ныне армянских книгохранилищ принадлежат обители венецианских мхитаристов, без сомнения, са-

мое богатое. Затем можно полагать Эчмиадзинское, имеющее 655 сочинений, библиотека г. Худобашева в С.-Петербурге, включает в себе по напечатанному каталогу 329 заглавий. В Парижской библиотеке 160 сочинений рукописных. Сколько книг армянских в библиотеке Римской пропаганды, неизвестно, но в Ватиканской не более 13 заглавий. При армянском институте г. Лазаревых в Москве образуется также богатая библиотека. Вероятно, во многих местах зажиточные армяне имеют у себя частные, более или менее обширные собрания отечественных сочинений.

Но вся эта библиография, как мы уже заметили, относится к эпохе позднейшей, нисколько не раскрывая бытописания времени, предшествовавшего введению христианства в Армению. Куда же девались все древние летописи и рукописи армянские?

История указывает на две эпохи их истребления. Первая, во время царствования в Персии Иездеджирда, когда полководцы его, в 442 Мир-Нерсег, а в 451 Мешган Нюсалавурд, хотели принудить армян принять огнепоклонство. В эти плачевные годы все христианские храмы были разрушены, книги же, в них хранившиеся, преданы огню. Вторая эпоха, в 1170 году, когда сельджуки опустошили город Багаберд, было истреблено, как полагают, более 10 000 армянских рукописей. По сохранившемуся преданию, Тимур—Ленг, разоряя в продолжение 20 лет Армению из конца в конец, собрал все уцелевшие от пожаров книги и отправил их в г. Самарканд, где, по мнению армян, донные хранятся в особой башне.

Наконец, при перенесении светского и духовного престолов в Киликию все главные аристократические фамилии, духовные сановники и ученые, переселяясь туда, увезли с собою между прочими сокровищами и свои книги...

Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС

...В продолжение четырех столетий турки обитали преимущественно в Малой Азии и в Армении, служивших резервуаром для постоянного пополнения турецких армий, начиная с тех, которые стояли под стенами Вены, и кончая армиями, разбитыми при Кулевче в результате не очень искусных маневров Дибича...

...Когда мы видим, какое жалкое крушение терпели все попытки турецкого правительства стать на путь цивилизации и как исламистский фанатизм, опорой которого является преимущественно турецкая чернь нескольких крупных городов, неизменно прибегает к помощи Австрии и России только для того,

чтобы опять добиться власти и уничтожить любые прогрессивные начинания; когда мы видим, как власть центрального, то есть турецкого, правительства из года в год ослабляется восстаниями в христианских провинциях, из которых ни одно не бывает совершенно безуспешным из-за слабости Порты и вмешательства соседних государств; когда мы видим, наконец, что Греция добивается своей независимости, что Россия завоевывает часть Армении, а Молдавия, Валахия и Сербия одна за другой становятся под протекторат этой державы,— то мы должны согласиться с тем, что пребывание турок в Европе представляет собой серьезное препятствие для развития всех ресурсов, которыми обладает Фракийско-иллюрийский полуостров.

Маркс К., Энгельс Ф. Британская политика // Соч. Т. 9.

* * *

Константинополь и в особенности Трапезунд в Азиатской Турции являются главными центрами караванной торговли с Внутренней Азией, с долинами Тигра и Евфрата, с Персией и Туркестаном. И эта торговля также быстро растет. Греческие и армянские купцы из двух названных выше городов ввозят большое количество английских фабричных товаров, которые благодаря своим низким ценам быстро вытесняют произведения домашней промышленности азиатских гаремов. Трапезунд по своему местоположению приспособлен для этой торговли лучше всякого другого пункта. С тыла к нему примыкают армянские возвышенности, гораздо более проходимые, чем сирийская пустыня, и расположен он достаточно близко от Багдада, Шираза и Тегерана.

Энгельс Ф. Действительно опорный пункт Турции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9.

Вопрос о святых местах — это вопрос о протекторате над обосновавшимися в Иерусалиме религиозными общинами православных христиан и над зданиями, которыми они владеют на святой земле, в особенности же над церковью гроба господня...

В Иерусалиме и святых местах проживают различные национальности, которые в зависимости от религиозной принадлежности делятся на католиков, греко-православных, армян, коптов, абиссинцев и сирийцев. Греко-православных насчитывается 2000, католиков — 1000, армян — 350, коптов — 100, сирийцев — 20 и абиссинцев — 20. Всего 3490. В Оттоманской империи имеются — 13 730 000 греко-православных, 2 400 000 армян

и 900 000 католиков. Каждая из этих групп в свою очередь делится на более мелкие. Греко-православная церковь, о которой я говорил выше и которая признает константинопольского патриарха, существенно отличается от русско-православной, высшей духовной властью которой является царь, и от эллинской, верховными главами которой являются король и афинский синод. Точно так же и католики делятся на римских католиков, греков-униатов и маронитов; армяне — на григорианских и армян-католиков; так же подразделяются копты и абиссинцы. Три преобладающими церквями в святых местах являются греко-православная, католическая и армянская.

Маркс К. Объявление войны. К истории возникновения восточного вопроса // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 10.

А. Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ

Далеко выдвинулся вперед, к морю, словно сторожевой пост Венеции, крохотный остров San-Lazzaro, на самом краю горизонта белеет кучка его зданий, с темной каймой деревьев, над которыми высится острое колокольни,— с начала XVIII века монастырская община армян-мхитаристов, колония иноков и в то же время очаг культуры; тихий приют, куда не доходят ни шум, ни соблазны Венеции; не аскетическая усыпальница, а центр образовательной и национально-политической пропаганды, в котором вся братия, до скромного служки или ученика-семинариста, два века подряд трудится над просвещением далеких своих соплеменников в Турции, пишет, печатает, готовится к учительству и проповеди.

Под сводами ли длинной галереи, манящей в свою прохладу,— в тени ли монастырского сада, увенчанного исполинской старинной магнолией,— или на обресе берега, у самых волн, под оливковыми деревьями, откуда открывается панорама лагуны, островов и Венеции,— на человека нисходит здесь мир и затишье, созерцание и думы. Возле него, без шуму, идет немолчная работа, в библиотеке, по кельям или в паборной палате, но и сознание ее близости не в силах нарушить блаженного замирания всех тревог и волнений, и ровного душевного отдыха.

Байрон испытал это, из любопытства заглянув (еще в декабре 1816 г.) в экзотический армянский уголок, и до того увлекся, что провел на острове весь день, и только наступившая темнота заставила его подумать о возвращении. Его пригласили вернуться, и он не только вернулся, но в течение целой зимы почти регулярно проводил полдня на San-Lazzaro...

Скоро сделался он любимцем всей братии, плененной его ласковым, дружеским тоном... Среди братии у него нашелся

особый любимец, сближение с которым превратилось в дружбу, полную со стороны Байрона глубокого уважения. Это был один из старших монахов, хранитель библиотеки; поэт обозначает его именем отца Паскаля, затрудняясь транскрипцией армянских звуков; армяне называют его Авгеряном...

Очень помогло сближению то обстоятельство, что перед тем Авгерян провел в Англии два года. Тем легче мог он посвятить поэта в положение армян в Турции, познакомить с историей народа, с попытками возродить его литературу и возделывать язык. Отсюда был только шаг до предложения изучить этот язык, и Байрон с рвением принялся за дело...

Занятия, однако, шли гораздо успешнее, чем можно предполагать. Под умелым руководством Байрон делал быстрые успехи; в январе—феврале 1817 г. он уже перевел апокрифическое послание коринфян к апостолу Павлу, побудил Авгеряна к составлению английской грамматики для армян и армянской — для англичан, энергически помогал ему, хлопотал у Мэррея об издании первой, на печатание второй затратил 1000 франков и написал предисловие, любопытное во многих отношениях, но не увидевшее света и найденное впоследствии в байроновских бумагах. В нем он с сочувствием и благодарностью вспомнил о том, чем была для него в трудную пору тихая обитель, способная самому предубежденному мирянину показать на деле, что «есть нечто иное и лучшее — даже в земной жизни»; своих друзей он называл «священством благородного и поработенного народа», высоко ценил древнюю историю Армении и несколько раз сурово отозвался о гнете Персии и Турции... 1901

Веселовский А. Н. Байрон на острове Св. Лазаря // *В. В. Стасов, А. Н. Веселовский, А. Н. Луначарский, А. М. Горький.* Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1970.

СТАСОВ

...Армянское и грузинское искусство имело, в известную эпоху, сильное влияние на русское искусство, в пору его формирования, и в настоящее время невозможно, изучая первые эпохи русского искусства, по части ли архитектуры или художественной орнаментистики, а отчасти и живописи, оставлять в стороне искусство армянское и грузинское. Помнить при этом только одно искусство византийское, в нем одном находить первоначальные источники нашего национального искусства, видеть в нем одном все прототипы наших художественных форм — большое заблуждение. Во многих случаях, быть может всего более в русской архитектуре, первоначальные влияния были

не одни только специально-византийские, но также и армяно-византийские, и грузино-византийские.

Но я не буду говорить здесь про одни рисунки эчмиадзинских рукописей. Я считаю нужным принять во внимание рисунки и других еще армянских рукописей,— и именно тех, которые принадлежат монастырю отцов мхитаристов на острове Св. Лазаря, близ Венеции. Граф Уваров имел возможность рассмотреть и изучить только рукописи эчмиадзинские, ему не случилось видеть сан-лазарских. А между тем в своем кавказском путешествии академик Броссэ говорит (Т. II, С. 23), что Эчмиадзинская библиотека занимает лишь второе место в ряду коллекций армянских книг: первое место принадлежит, по его мнению, библиотеке мхитаристов на острове Св. Лазаря. Эти две коллекции, обширнейшие и полнейшие из всех существующих армянских коллекций, должны быть изучаемы вместе. Они изумительным образом дополняют одна другую, уничтожают, каждая в свою очередь, пробелы, оказывающиеся то в той, то в другой, и лишь в общей сложности дают полное представление об армянском искусстве, как оно выразилось в рукописях.

Летом 1880 года я провел довольно много времени в Венеции, откуда ездил всякий день в монастырь острова Св. Лазаря, и там, благодаря доброму представительству и помощи архимандрита отца Леона Алишана, известного археолога, исследователя и писателя, получил доступ к богатым рукописным сокровищам монастыря. Отец Алишан радушно помогал мне на острове Св. Лазаря советами и указаниями среди столько знакомых ему монастырских сокровищ, как епископ Нерсес и Н. С. Тер-Осипов графу Уварову в Эчмиадзине. В короткое время при таком облегчении труда я получил возможность подробно осмотреть и изучить армянские рукописи и в Сан-Лазаре и с многих снять копии. Моя коллекция снимков послужит мне большой помощью при рассмотрении многих эчмиадзинских рукописей.

Самая древняя рукопись Эчмиадзинской библиотеки — это Евангелие 989 года, № 229. Из приписок мы узнаем, что Евангелие писано неким Иоанном для некоего Степаноса, который построил монастырь Нораванк в области Сюникх, в 936 году по Р. Хр., а потом возобновил его во времена правления Атабека, при патриархе Григории.

В библиотеке мхитаристов на острове Св. Лазаря находится рукопись, имеющая точно такое же важное значение, как эчмиадзинская, это — Четвероевангелие, № 22, в большой лист, на пергаменте, не имеющее даты, но относимое армянскими палеографами несомненно к X веку, и по преданию носящее название «Трапезундского». Два этих Евангелия — старейшие, сколько до сих пор известно, армянские рукописи и притом с рисунками. Ни одна из значительнейших европейских библиотек не обладает армянскими рукописями такой отдаленной эпохи. Значительнейшая из них, Парижская национальная библио-

тека, вообще не имеет армянских рукописей старше XI—XII вв. Правда, академик Броссэ рассказывает (Т. I. С. 26), что до него доходили слухи, будто в армянском монастыре Аменапркич, в Испании, есть древнее Евангелие, писанное в 415 году по Р. Хр., на иждивении и по приказанию пресвитера Тороса и всей братии, священником Сергием, но Броссэ мало доверяет этому слуху, потому что, говорит он, армянская азбука только что была изобретена св. Месрэбом в 408 году, значит, перевод Евангелия никоим образом не мог быть уже сделан всего семь лет спустя. Гораздо более вероятно было бы предполагать, говорит он, что испаганское Евангелие писано в 415 году армянской эры, то есть в 966 году по Р. Хр. Покуда этот вопрос еще не рассмотрен и не решен, оба Евангелия, эчмиадзинское и сан-лазарское, остаются древнейшими армянскими рукописями, и притом великолепны заставки, очень большого формата, в богатых красках, а в сан-лазарском — и с золотом, которого еще вовсе нет в эчмиадзинском. Обе рукописи доказывают, что, наиверное, уже гораздо ранее X столетия миниатюрной живописи и орнаментистики необходимо отнести по крайней мере столетия на два, если не на три, ранее X века. К несчастью, из IX, VIII, а может быть, и VII столетий до нас не дошло памятников этого рода...

Стасов В. В. Армянские рукописи и их орнаментация // В. В. Стасов, А. Н. Веселовский, А. В. Луначарский, А. М. Горький. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1970.

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Мы хорошо знаем, что бессилие древней Грузии началось с тех злочестных дней, когда пала Армения, издревле наш сосед и защита с юга. Мы же с нашей стороны защищали Армению с севера, а армяне нас охраняли с юга. После того как Вахтанг Горгасали обезопасил северные границы тогдашней Грузии, всю нашу историю направил на то, чтобы мы сумели укрепиться и на юге. Пока существовала Армения, враги могли вторгнуться в Грузию, только пройдя через нее. Поэтому наши великие цари и государственные деятели делали все возможное, чтобы помочь Армении, когда она в этом нуждалась.

К сожалению, некоторые наши правители не понимали, сколь огромным было значение Армении для Грузии. Пала Армения, и южные границы Грузии стали открытыми для вторжения. Хотя после падения Армении мы почти семь веков выдерживали натиск врагов, которые были в тысячу раз сильнее нас, но все наши усилия были направлены на укрепление южных рубежей Грузии. Однако у нас ничего не вышло, пока изну-

реинная и обессиленная Грузия не укрылась под покровительство Великой русской империи.

Илья Чавчавадзе. Полю. собр. соч. Тбилиси, 1957. Т. 8 (на груз. яз.). Пер. с груз. яз. Кетеван Хараидзе.

МАРК ТВЕН

В портовом городе Смирна, где началось наше знакомство с достопримечательностями Азии, сто тридцать тысяч жителей; дома в нем тесно лепятся друг к другу; и, так же как в Константинополе, здесь нет пригородов... Смирна очень древний город. Он не раз упоминается в Библии, в нем побывали один-два апостола, и здесь стояла одна из семи церквей, о которых говорится в Апокалипсисе...

Значительная часть города принадлежит безраздельно туркам, евреи живут в своих особых кварталах, франки в своих, так же и армяне. Последние, разумеется, исповедуют христианскую веру. Дома у них большие, чистые, просторные, полы красиво выложены черными и белыми мраморными плитами, во многих есть внутренние дворы с великолепным цветником и искрящимся на солнце фонтаном, куда выходят двери всех комнат. Просторная прихожая ведет к парадной двери, и здесь женщины проводят чуть ли не весь день.

Когда спадает дневной зной, они наряжаются в свои лучшие одежды и появляются в дверях. Все они милостивые, необыкновенно чистенькие и опрятные, и вид у них такой, будто их только что вынули из коробки. Некоторые молодые женщины — я бы даже сказал многие — очень красивы; как правило, они чуть-чуть красивее американок, — да простится мне эта антипатриотическая похвала...

Если учесть на свете угнетенный народ, так это тот, который изживает... под тираннической властью Оттоманской империи. Очень бы я хотел, чтобы Европа позволила России слегка потрепать турков, — не сильно, но настолько, чтобы нелегко было отыскать Турцию без помощи водолазов или магов с волшебной палочкой...

На душе становится легче, когда поплывешь Англию и Францию за их старания спасти Оттоманскую империю от гибели, которую она вполне заслужила за минувшее тысячелетие.

Марк Твен. Простак за границей или путь новых паломников // Собр. соч. М., 1959. Т. 1.

ЛИНЧ

Если искать местоположение библейского рая в пределах Армении, то окажется, что эта область гораздо более отвечает нашему представлению о прекрасной первой колыбели человечества, чем местность, орошаемая Тигром и Евфратом. Она похожа на ту обетованную землю, которую Ной обрабатывал и засадил виноградниками и которая послужила вторым питомником для человеческого рода...

Свежий северо-восточный ветер наполнил наш большой косяк парус. В углублении его, на белом холсте рыжевато-бурой краской были начерчены широкими штрихами эмблемы полумесяца и звезды. Судно направлялось к низкому мысу, который принадлежал своей желтизной на темном фоне дали и кончался маленьким островом — скалой. Этот мыс закрывал вид на город Ван, когда вы подъезжаете к нему с Востока...

Мы приблизились к маленькому острову, и я решил причалить к нему... Мы прошли через узкую полосу травы, усеянной камнями, по направлению к утесу из того же белого, пожелтевшего от непогоды известняка, которым, не доходя до мыса, обрывается в море скала на противоположном берегу острова. На осыпающейся поверхности его возвышался конический купол древней церкви, над живописной группой шипцов и глиняных степ. Несколько миндаляных деревьев престарелого возраста простирали свою испещренную точками листву вдоль подножия и по склонам скалы. Мы увидели здесь одно из примитивных приспособлений для извлечения воды из колодца.

Навстречу нам выплыла фигура священника. Он любезно поклонился нам и предложил провести нас к монастырю.

Образцовая кладка купола, искусная комбинация черных и желтых камней в крыше свидетельствовали о культуре более счастливого века. Церковь состоит из наружного корабля и внутреннего святилища, отделенных друг от друга стеной... Церковь построена в форме греческого креста и купол опирается на массивные столбы. Северная апсида заключает в себе комнату, в которой нам показывают гробницу Иоанна-Крестителя и пояс, якобы принадлежавший ему. Меньшие плоскости стен покрыты фресками... Своды арок выкрашены в спокойные синий и красный цвета. Со стен смотрят на вас изображения святых...

Армянский народ все еще значительно превосходит числом остальное население в городе и окрестностях Вана. На берегах этого озера их праотец Гайк, по преданию, основал некоторые из древнейших их поселений. В продолжение 2500 лет они удерживались на этих местах и приучились видеть, как новые государства одно за другим возникали и падали, собирая каждое свою жатву слез с армянского крестьянства.

С тех пор как впечатления эти были перенесены мною на бумагу, новое избиение опустошило их ряды. И теперь, когда

я занялся дополнением моих сообщений, появилось воззвание американских миссионеров, которые, отчаявшись в сохранении жизни измороженных голодом жителей, уцелевших от избияния, но потерявших средства к существованию, умоляют о помощи, хотя бы для многочисленных сирот их.

Перспектива истории спасает нас от того чувства полного уныния, которое овладевает нами при виде современных условий жизни армянского населения. Во время моего посещения они составляли около двух третей населения города и садов Вана. Это соотношение, без сомнения, было изменено последними событиями, но почти также несомненно, что оно снова восстановится...

Линч Х. Армения: Путевые очерки и этюды: В 2-х т. Тифлис, 1910. Т. 1.

МАГДА НЕЙМАН

Армяне принадлежат к семье народов арийской расы, следовательно, они одного происхождения с индусами, персами, греками, италиками, кельтами, германцами, литовцами и славянами. Как ни различна была судьба этих народов, однако близкое родство между ними обнаруживается в сходстве их языков. Древнеарийское наречие индусов — санскрит, древнеарийское наречие персов — Zend, древнеармянский — грабар, и не основные европейские языки не только имеют множество одинаковых корней и сходных слов, но и по грамматическому построению представляют одну, тесно сплоченную семью.

Учение Христа армяне приняли раньше всех других народов... После св. Григория христианство бесповоротно утвердилось в Армении, и никакие политические потрясения, никакие гонения со стороны язычников и магометан не смогли уже поколебать его...

Обширная литература армян с языком, не уступающим по совершенству форм и лексико-графическому богатству греческому и латинскому, не могла не обратить на себя внимание европейских ученых, которые в начале этого столетия стали изучать и переводить ее на разные языки. Назову имена более известных арменистов: В. Ф. Ринк, Петерман, Нейман, И. М. Шмидт, Лауэр, Фридрих Мюллер, Адольф фон-Гутшмидт, Г. Гельшер, Сен-Мартен, Катрмер, Эз. Дюлорье, Левальян де-Флориваль, Викт. Ланглуа, Эварест Приюдом, Эжен Боре, Мариус Броссе, Поль Лагард, А. Карьер, Гатернас; Братья Уостон, Ф. С. Конибер, Томазео, Капелетти, Эмилио Теза, Софус Бюге, Феликс Нев, А. Баумгартнер и др.

Эти ученые доказывали безусловную необходимость основания кафедр армянского языка в больших центрах Европы наряду с кафедрами других восточных языков. Таковые учрежде-

ны пока в Петербурге, Париже и Лондоне, не говоря уже о Лазаревском институте в Москве. Преподавание армянского языка и литературы в высших учебных заведениях способствует подготовке новых арменистов для разработки также истории Востока, многие темные стороны которой хорошо освещаются обильным материалом, находящимся в армянских источниках.

В продолжение последних пяти столетий армяне, за исключением населения Карабахской области, Сасунского и Зейтунского округов, находились под тяжелым игом персиян и турок. Благодаря победам России в 1826—1829 годах над своими магометанскими соседями армяне стали дышать свободнее. В армянских областях, отошедших к России от Персии и Турции, экономическое и умственное развитие армян пошло очень быстро.

В свою очередь армяне способствовали победам русских войск над персиянами и турками. Турецкие и персидские армяне восторженно принимали русские войска, снабжали их съестными припасами, фуражом, давали перевозные средства, доставляли верных проводников, отводили зимние помещения, ухаживали за больными, с почестями хоронили умерших и т. д. Русским же армяне давали множество добровольцев, офицеров, всякого рода оружие, храбрых генералов и искусных военачальников.

Я считаю небезынтересным привести здесь некоторые данные о славных русских генералах, вышедших из среды армян. Князь Валериан Григорьевич Мадатов был одним из главных героев персидско-русской и турецко-русской кампаний 1826—1829 гг.

Память о генералах из армян, отличившихся в последнюю турецко-русскую войну 1877—1878 гг., слишком еще свежа, чтобы пужно было на них останавливаться. Известно, что гендьютант Мих. Тар. Лорис-Меликов командовал отдельным действующим корпусом, ген.-лейтенант Азас Артемьевич Тер-Гукасов — зриванским отрядом. Ген.-лейтенант Иван Давидович Лазарев, имея своим ближайшим сотрудником молодого талантливого генерала Бориса Мартыновича Шелковникова, осуществил смелое обходное движение вокруг Аладжинских высот (3 октября 1877 г.), последствием чего было уничтожение армии Мухтар-паши. Он же стоял во главе отряда, взявшего ночным штурмом (с 5-го на 6-е ноября 1877 г.) первоклассную крепость Карс. Одной из штурмовавших колонн командовал генерал Алхазов Яков Кайхосрович, раньше выбивший, вместе с Шелковниковым и ген. Бабицем, турок из Сухум-Кале...

В Рионском отряде выделялся генерал Денибеков. Генерал Кшипишев был начальником колонновожатых в действующем корпусе, а генерал Иван Лорис-Меликов командовал некоторое время кавалерией этого корпуса. В Дунайской армии отличился генерал Ал. Егор. Метхудов.

За радушный прием, оказанный русским войскам во время прошлых кампаний, персидским и турецким армянам приходилось всегда жестоко расплачиваться. С уходом русских войск из занятых областей им нельзя было оставаться среди озлобленных мусульман. При всей привязанности к своей земле и святыням предков армяне должны были разорять свои гнезда, бросать имущество, церкви и густой массой следовать за отступающими войсками в неведомые им края.

Нейман М. Армяне. СПб., 1899.

ПЕЙО ЯВОРОВ

АРМЯНЕ

Изгнанники, жалкий обломок ничтожный
народа, который все муки постиг,
и дети отчизны, рабыни тревожной,
чей жертвенный подвиг безмерно велик —
в краю, им чужом, от родного далеко,
в землянке, худые и бледные, пьют,
а сердце у каждого ноет жестоко,
поют они так, как сквозь слезы поют.
И пьют и поют, чтоб забыть в ольяненье
о прошлом, о том, что их ждет впереди,—
вино им дает хоть на время забвенье,
и боль утихает в разбитой груди.
Шумит в голове, все покрылось туманом,
исчезнул отчизны страдальческий лик;
к ее сыновьям, в омрачении пьяном,
уже не доходит о помощи крик.
Как зверем голодным гонимое стадо,
рассеялись всюду в краю, им чужом;
тиран-кровопийца, разя без пощады,
им всем угрожает кровавым мечом.
Родимый их край превратился в пустыню,
сожжен и разрушен отеческий кров,
и, беженцы, бродят они по чужбине,—
один лишь кабак приютить их готов! —
Поют они... Льетса их буйная песня,
как будто бы кровью исходят сердца,
и давит их ярость, им душно и тесно,
а слезы текут и текут без конца.
Сердца угнетенных наполнены гневом,
пылают их головы, лица в слезах,
и льетса их песня широким напевом,
и молнии мести сверкают в глазах.
И зимняя буря, их пению вторя,

бушует, и воеет, и дико ревет,
и вихрем бунтарскую песню в просторе
далеко по белому свету несет.
Зловещее небо насупись мглистой,
и все холоднее студеная ночь,
а песня все пламенней, все голосистей,
и буря ревет, гласит во всю ночь...
И пьют... и поют... то обломок ничтожный
народа, который все муки постиг,
то дети отчизны, рабыни тревожной,
чей жертвенный подвиг безмерно велик.
Босые и рваные, в тяжелой разлуке
с отчизной далекой вино они пьют,
стремясь позабыть все несчастья и муки,—
поют они так, как сквозь слезы поют!
1899

Пейо Яворов. Армяне // Поэт угнетенных. София, 1973.

М. КОВАЛЕВСКИЙ

Не в первый раз приходится мне высказываться по вопросу о Турецкой Армении. С тех пор как в ней за последние годы сказалось решительное тяготение к России и русское правительство приняло на себя миссию покровителя и заступника по отношению к христианским народам Востока, армянский вопрос стоит в числе тех, которые требуют неотложного решения...

Начиная с XIV в., когда Армения потеряла свое государственное существование, ее судьбы стали тесно зависеть от судеб мусульманского Востока и его заправил — турок и персов.

В XIX столетии наши попытки, направленные к тому, чтобы прийти на помощь единоверцам в Передней Азии, имели для армян лишь самые тяжкие последствия. Чтобы избежать преследований, им приходилось выселяться массами в теперешнее Закавказье, так как турки и персы жестоко мстили за то содействие, какое они оказывали русским войскам. Так было в 1826 г. во время войны России с Турцией. А после заключения Туркменчайского мира с Персией до 40 тысяч армян переселились в пределы нашей империи. Война с Турцией также привела к выселению целых десятков тысяч турецких армян. Сказанное применимо и к войнам 1854—1855, 1877—1878 гг.

Русские войска непременно встречали радушный прием в Армении, разнообразную и существенную помощь. Турки мстили им за это. Армяне переселялись в пределы православной империи или жестоко расплачивались за свое сочувствие к ним.

На Сан-Стефанском мире выговорено было в их пользу 16-м параграфом, по настоянию армянского патриарха Нерсеса,

обещание Высокой Порты «осуществить без дальнейшего замедления те реформы, которые требуются местными нуждами провинций, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от курдов и черкесов». Этот параграф лег затем в основу 62 статьи Берлинского договора. После этого можно было надеяться, что для армян Турции настанет новая пора. Европа принимала на себя заботу об их будущем и сумела заручиться формальным обещанием Турции. Она обязывалась даже сообщать периодически правительствам, заключившим с нею договор, о мерах, принятых ею в этом направлении, а державы не обнаруживали твердости в своих настояниях. Можно сказать даже, что Берлинский договор в конце концов повел к ухудшению участи армян.

Ковалевский М. Армянский вопрос // Вестник Европы. Июнь 1915 г.

ЮРИЙ ВЕСЕЛОВСКИЙ

АРМЕНИЯ

Есть древний край — о нем давно забыли,
Но вспомнить вновь судьбу его пора!
О, тяжелы его страдания были...
Он смерти ждал, — но дожил до утра.
В былые дни он знал иную долю,
Свободных стран изведал он удел.
Он вел борьбу за веру, честь и волю,
В глухую ночь, как светоч, он горел.

Те дни прошли... Покорен и печален
Стал древний край, тяжелым сном объят.
Он был теперь страной немых развалин,
Угасших грез, разрушенных палат.
Где прежде жизнь свободно расцветала,
И бодрых сил исполнен был народ,
Склонив чело, все молча трепетало,
Снося врагов тяжелый, грубый гнет...
Страна борцов, подвижников, героев!
Ты скорбный крест, Армения, несла...
Средь диких зверств, пожаров и разбоев
Грозилла смерть — но ты не умерла!
Пусть ты была безмолвна, как могила,
Угасла жизнь, не стало красоты, —
Но ты в душе глубоко сохранила
Счастливых лет порывы и мечты.

И в дни борьбы великой и тревожной
Вновь над тобой рассеялся туман, —
И стала вновь твоя мечта возможной
Забывтый край, печальный край армян!
Встречая тех, кто нес им избавленье,
Твои сыны рвались отважно в бой, —
И там, где жизнь сулила лишь мученье,
Там новый путь открылся пред тобой.
Пусть злобен враг, — и, как в былые годы,
Твоих детей несчастных льется кровь:
Армянский край, ты долго ждал свободы,
Твой близок день... Он не померкнет вновь.

Армянский сборник. М., 1915.

ЛЕНИН

...Маркс и Энгельс ясно видели, что и для западноевропейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение. Самодержавная Россия всегда была оплотом всей европейской реакции. Необыкновенно выгодное международное положение, в которое поставила Россию война 1870 года, надолго посеявшая раздор между Германией и Францией, конечно, только увеличило значение самодержавной России как реакционной силы. Только свободная Россия, не нуждающаяся ни в угнетении поляков, филиппинцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном сраживании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вдохнуть от военных тягостей, ослабит все реакционные элементы в Европе и увеличит силу европейского рабочего класса.

Ленин В. И. Фридрих Энгельс // Полн. собр. соч. Т. 2.

* * *

Советское правительство должно немедленно предложить всем воюющим народам (т. е. одновременно и правительствам их, и рабочим и крестьянским массам) заключить сейчас же общий мир на демократических условиях, а равно заключить немедленно перемирие (хотя бы на три месяца)...

Предлагая же условия мира, Советское правительство должно немедленно само приступить на деле к их выполнению, т. е. опубликовать и расторгнуть тайные договоры, которыми мы связаны до сих пор, которые заключены царем и обещают русским капиталистам ограбление Турции, Австрии и т. д. Затем мы обязаны удовлетворить тотчас условия украинцев и финляндцев,

обеспечить им, как и всем иноплеменникам в России, полную свободу, вплоть до свободы отделения, применить то же самое ко всей Армении...

Ленин В. И. Задачи революции // Полн. собр. соч. Т. 34.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

В судьбы армии включены одни из примечательных страниц всеобщей истории, озаряющие новым светом целый ряд вопросов исторической науки. Еще мало, сравнительно, исследованная, а в широких кругах русских читателей и вовсе неизвестная история Армении заслуживает внимания в той же мере, как история самых значительных народов, сделавших свой самостоятельный вклад в культуру человечества, не исключая ни египтян, ни эллионов, ни римлян, ни народы современной Европы...

Какой неисчерпаемый клад представляет история народа, охватывающая два с половиною тысячелетия (от VII в. до н. э. по наше время) и теснейшим образом связанная со всеми важнейшими явлениями, которые только потрясали Старый Свет! Армения поминается еще в Библии, которая устами пророка Иеремии призывает «царства Араратские» принять участие в сокрушении Вавилона.

На заре своей истории армяне ведут борьбу с ассирийцами, потом — с древнеперсами, под власть которых попадают на два столетия. Дарий Гистасп хвалится своими победами над армянами, а Ксеркс ведет вспомогательный армянский отряд под Фермопилы и к Саламину. Затем Армения разделяет судьбу Востока, завоеванного Александром Великим, и вступает в семью эллинистических государств. По появлению в Азии римлян начинается борьба Армении с Римом, длящаяся, с малыми перерывами, до последних времен империи. Армении выпадают ее «часы торжества», когда она сама разрастается в «империю», имея границами Каспийское море и Палестину.

Ведаст Армения и дни тяжелых падений, когда она обращается в простую римскую провинцию, управляемую легатом (при Трояне, но такое положение дел длилось не более одного года). Армяне сражаются с лучшими полководцами Рима, с Суллою, с Лукуллом, с Помпеем, с Антонием, с Корбулоном, с Марком Аврелием. Борьба продолжалась после распада империи на две части, но потом Армения, принявшая христианство и теснямая вновь возникшим царством новоперсов, становится верной союзницей Восточной империи. Империя платит за эту верность предательством (как прямо признается Аммиан Марцеллин), и Армения оказывается поделенной между двумя своими могучими соседями: Византией и Персией. Этим кончается древняя история Армении и начинается средняя...

Наступают страшные времена походов Тамерлана и потом завоеваний турок-османов. Все в Передней Азии рушится; мрак монгольского ига окутывает недавно культурные страны; для армян начинается эпоха тяжчайших испытаний; трехвековое рабство под гнетом турок и персов (XVI—XVIII вв.). Только в XIX в. наступает медленное возрождение, в значительной мере обязанное успехам русского оружия. Завершение этих событий совершается уже на наших глазах, когда вновь идет борьба на берегах древнего Вана, где жили прародители армян, те урартийцы, с которыми воевала Ассирия...

К этому надо добавить, что при всех этих превратностях судьбы армяне, за тысячелетия своей исторической жизни, создали самостоятельную культуру, внесли свои вклады в науку и оставили миру богатейшую литературу, к сожалению, еще недостаточно изученную. Труды древних армянских историков пользуются заслуженным признанием, так как сохранили сведения, утраченные во всех других источниках. В армянских перелогах до нас дошли многие сочинения античных писателей, утраченные в подлинниках. Исключительную ценность представляет армянская средневековая лирика, являющаяся изумительное сочетание восточной роскоши фантазии и пышности образов с чисто эллинистической гармонией и сдержкой; стройное соединение начал Востока и Запада. Кроме того, сама история Армении и армян как отдельная отрасль исторического знания представляет для ученого не мало совершенно незаменимого...

История Армении является своего рода сокровищницей, из которой можно почерпнуть много, пока как бы таинных во тьме, драгоценностей. Одних привлекли новые научные проблемы, выдвигаемые этой историей, других — поразительность самих судеб народа, игравшего столь видную роль на мировой сцене, третьих — драматические моменты прошлого Армении и величавые образы ее политических и общественных деятелей...

Валерий Брюсов. Летопись исторических судеб армянского народа. Ереван, 1940.

К АРМЯНАМ

Да! Вы поставлены на грани
Двух разных, спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом,
И гром глухой походов Кира,
И Александра браанный гром.

Нередко вас клопили бури,
Как вихри нежный цвет весны,—
При Чингиз-хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но,— воин стойкий,— под ударом
Ваш дух не уступил судьбе;
Два мира вокруг него педаром
Кипели: смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все ответы храня:
И краски нежных роз Шираза,
И блеск Гомерова огня.

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали — обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было,— вечно живо.
В былом — награда и урок.
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.
1916

Армения в поэзии Брюсова. Ереван, 1966.

МАРР

Наиболее излюбленными памятниками в Ани¹ являлись крестные камни, представлявшие каждый в отдельности образец тонкой резьбы. Узорчатые кресты в Ани мелькали всюду перед глазами: кресты красовались не только в стенах церквей и на кладбищах, но на каждом шагу — на улицах, на площадях, у ворот, на городских стенах и за городскими, на скалах и в пещерных помещениях. Однако в этом явлении не надо видеть чего-либо местного, анийского. Межи на пашнях, перекрестки дорог, входы и выходы у ущелий, источники, у которых могли утолять жажду странники, каменные мосты, перекинутые через бурные горные реки, украшались у армян теми же крест-

¹ Речь идет о древней столице Армении (сейчас находится в Турции) и ее памятниках христианского периода. Армения первая в 301 г. приняла христианство в качестве государственной религии. В знак этого за армянской церковью закреплена часть центрального алтаря в главном христианском храме Гроба Господня в Иерусалиме. Она является вместе с православной церковью и Ватиканом хранительницей святых мест христианства в Израиле. В апреле 1979 г. в Иерусалиме был открыт большой музей армянского искусства при армянской церкви, которая основана в VII в.

ными камнями. Крестами была покрыта вся Армения, так как крест был священным знаменем населявшего ее маленького народа, находившего в себе силу настойчиво вести во имя национальных заветов неравную борьбу с несметными полчищами все новых и новых врагов христианства и пачать свободное культурное развитие, неся на себе до последнего вздоха тяжелый крест трудовой жизни и христианского подвижничества.

Марр Н. Я. Ани — столица древней Армении // Братская помощь пострадавшим в Турции. М., 1898.

* * *

Политические и экономические события гнали с места на место, из страны в страну эту паделенную удивительными художественными литературными талантами, просвещенную нацию. Так она распространяла свое искусство, художественный вкус и свет просвещения далеко на север — дав толчок развитию ювелирного ремесла в Польше, и далеко на юг — участвуя в литературном движении в Эфиопии.

Поселяясь в близлежащих к Армении странах, армяне переводили на языки народов этих стран свою национальную литературу, ставшей народной у них еще с анийского периода, и эта литература вступала в пределы других наций, становясь доступной даже для тех слоев населения этих стран, которые стояли в самом низу классовой лестницы.

Армянские народные книги были первыми в своем роде, они способствовали сближению грамотных слоев народа различных стран — начиная с Междуречья и Ассирии до Кавказских гор. Прекрасная армянская архитектура не исчезает после падения Ани. В исконной Армении обновляются памятники, поврежденные после прошлых разрушений, и строятся новые — прекрасные церкви, как ответ на новые гонения...

Но более устойчивыми и получившими национальное признание в качестве культурных памятников были созданные в эти же кризисные времена средневековыми армянскими поэтами стихотворения о любви и вселенской печали.

Какие чудесные творения, наполненные самыми тончайшими чувствами, горькой и глубочайшей мудростью тысячелетних переживаний, какие чарующие музыканты! Один из них сам даже удивляется гармонии своего слова, и представляет себя в этом мире погруженным в свои грезы, подобно безумцу. Но не такое же состояние испытывают все мудрецы этого мира? Не надо удивляться, что русские переводы Валерия Брюсова не только способствовали признанию русской общественностью художественного вкуса армянского народа, но и создали основу идейного сближения в наиболее высокой сфере человеческого творчества...

Развитие и высокая репутация музыки в Армении видны и из того, что в Киликии специалист певческого искусства имел самостоятельность даже в области церковной армянской музыки и пения, источник которой мы будем напрасно искать вне традиции армянской национальной народной музыки...

Нарекания, как и вообще церковная музыка, архитектура, общественная организация, всегда несут на себе печать самостоятельности, так же как и чудесный язык. Достаточно вспомнить переводы Библии. И в каком прекрасном стиле!..

Первоначальный армянский перевод Библии, если не считать перевода у братского грузинского народа, зависящего от армянского текста и выполненного в том же стиле, ничуть не похож на переводы других христианских народов. Этот перевод одновременно и богатое сокровище языческих поговорок, которые обеспечивают исключительную самостоятельность армянскому переводу Библии. Конечно, первые переводчики, независимо от греческого и сирийского языков, как технические средства, так и национальное понимание веры наследуют от языческих жрецов и пророков своего народа, которые становятся христианскими священниками и вардапетами...

Благодаря армянскому языку были спасены потерянные жемчужины христианской литературы. Более того, в век варварства в Европе своими переводами с греческого армянский народ оказал незаменимую услугу европейской общечеловеческой цивилизации, не только сохранив памятники классической литературы, но и... энергичным содействием изучению греческого языка на Востоке и даже в самой Греции.

Из лекции Н. Марра в Париже перед армянскими студентами в 1925 году // Советакан Айастан (на арм. яз.). Ереван, 1987. № 9. (Пер. с арм. Асмик Григорян).

НИКОЛАЕ ЙОРГА

Румынским армянам удалось сочетать две труднейшие обязанности: преданность традициям своей нации и своей родине, которую они никогда не забывали, и преданность той стране, где они и их предки утвердились с незапамятных времен. Для нас они братья, честные братья, которые в то же время остались сынами своей древней родины.

Литературная Армения. 1987. № 7.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

АРМЕНИЯ

Как перед женщиной, невсedomой и новой,
В счастливом трепете стою перед тобою,
И первое сорваться с цепи боится слово,
И первую смущаются глаза мольбы.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу золотые двери отворить.
Армения, звенящая огнем и кровью,
Армения, тебя хочу я полюбить!

Я голову перед древностью твоей склоняю,
Я красоту твою целую в алые уста.
Как странно мне, что я тебя еще не знаю,
Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!

Иду к тебе, привет тебе! Я сердцем скорый.
Я оком быстрый. Вот горят твои вещи,
Жемчужные, алмазные, святые горы.
Я к ним иду, иду во все твои концы.

Узнать тебя! Принять тебя! Обнять любовью,
И воскресенья весть услышать над тобой.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, не побежденная судьбой!
1916

Городецкий С. Об Армении и армянской культуре.
Ереван, 1974.

КАРАБАХ

У каждой страны, у каждой нации есть свои заветные твердые принципы. Когда история народа складывается счастливо, они становятся центром культурной и политической жизни. Когда судьба преследует нацию, они бывают оплотом национальной жизни, островом надежд, залогом возрождения.

Именно последнюю роль играла и играет для армянского народа горная область Карабах.

Сама природа придала ей огромное значение.

Там, в неприступных высях Карабаха, являющихся продолжением Карсских и Севанских нагорий, в течение двух тысяч с лишним лет армянский народ выдерживал натиск кочующих племен, сохраняя свою культуру, обороняя свое национальное лицо.

Будучи единым этнографически, хозяйственно и по языку, Карабах сделался цитаделью Армении, восточным ее флангом. Таким он был в прошлом, таков он сейчас, таким он будет и всегда, ибо сердце Армении, долину Арарата, нельзя защищать, не владея Карабахом. Неоднократно на протяжении истории волны нашествия разбивались о твердыни Карабаха, просачиваясь в него только по долинам рек, но и тут не задерживаясь долго. Неоднократно мелкства княжества Сюник, как назывался Карабах в древности, собственными силами отгоняли врага. История повторяется, и в последний раз это случилось на наших глазах.

Природа и история создали в Карабахе ярко выраженный тип. Рассеянные по всему свету, карабахцы всюду легко могут быть узнаны. Широкий размах, беззаветная храбрость, склонность к риску, уверенность в себе, своеобразное упрямство, прямолинейная настойчивость, патриархальность в семейном быту — вот симпатичные черты карабахца, являющиеся как бы концентрацией старинных армянских доблестей, потускневших от жестокой истории и в чистом виде сохранившихся в Карабахе. Высокий, кряжистый народ, ушедший в горы для спасения жизни, окреп в горном воздухе и предохранил себя от заражений, постигающих жителей долины.

Национальная память Армении должна запомнить немало громких имен карабахцев. Нет области, в которой они не проявили бы своей предприимчивости и таланта. Политика, литература, общественная деятельность, торговля — все служило ареной их работы. Примеров можно было бы привести множество, потому, не претендуя на полноту, напомним о некоторых выдающихся карабахцах, имена которых всем известны: из общественных деятелей Карабаху обязаны своим рождением Арам Паша, Сако Саакян; военному искусству Карабах дал генерала Лазарева; промышленность тоже насчитывает в своих рядах немало карабахцев — карабахцем был, например, Костя Амбарцумян. Литература тоже насчитывает много карабахцев: Лео, издатель «Армянского Вестника» в Москве — Амиров; наконец, большинство армянских газет редактируется карабахцами.

Давший столько видных деятелей мужчин, Карабах создал, или, вернее, сохранил в чистом виде, и тип древней армянской женщины, в психологии и быту которой уцелело многое из эпохи патриархата.

Скованный своей культурой и бытом, Карабах и в наши дни не посрамил своей старинной славы. Собрав, как во времена Тамерлана, свои дружины, мелики отстаивали независимость Карабаха. Шупинский эпизод не изменил общей картины поражения Нури-паши, и линия защиты по существу осталась неприкосновенной, как во времена прежних нашествий.

Таково значение Карабаха для Армении. Несомненно, если бы она его утратила, идея самоопределения наций потерпела бы

сильное ущемление. И наоборот, обладая Карабахом, Армения получит богатый приток энергичной культурной силы, которая, хлынув на разоренные пространства Армении, оплодотворит их культурой и тем самым завершит славную многовековую историю Карабаха.

Каждый народ ищет теперь свое. Все будущее возрожденных наций зависит от того, найдут ли они в самих себе достаточное количество, так сказать, дрожжей своей национальной культуры. При таких условиях все центры, где по тем или иным причинам сконцентрировалась культурная жизнь, приобретают исключительное значение. Таково же значение и Карабаха для Армении.

Правда, история потянула Армению к югу, к теплому морю, и, быть может, оттуда хлынут такие силы, которые превратят Карабах в северную окраину новой Армении.

Но и в этом случае он не теряет своего значения как неприкосновенного и проверенного веками фонда культуры.

Кавказское слово. 23 марта 1919 г.

СЕРГЕЙ МЕРКУРОВ

На склоне снежного Алагеза, мальчиком в курдской пастушеской накидке, с библейским посохом в руке, с волкодавом я сторожил баранту. Высоко, в темном небе горят звезды. Их — тысячи. Отец научил меня узнавать звезды и определять время.

Весы висят надо мной — значит, скоро утро. Прохладно. Кругом овцы и козы. Собаки сторожат стадо. Тихо. Звездно. Недалеко шумит ручей. Вдруг неожиданно загрохотало, загрохотало под землей и в небе. Кругом посыпались камни. Все сбилось в кучу: овцы, козы, собаки. Под землей грохотало. Земля тряслась.

Уже давно все успокоилось, а мы: пастухи, овцы, козы, собаки, в куче, прижались друг к другу и ждали страшного. И вспомнил я рассказ бабушки: недалеко от того места, где я стоил, у расщелины скалы, была гладь, и здесь находилось древнее село Агури, на склоне Алагеза. Как-то утром старик-пастух погнался наверх в горы на пастбище скот. Днем случилось страшное. Тряслась земля. Трясся Алагез. И на месте долины встали скалы. И когда вечером старик пригнал стадо, то он не нашел ни села, ни жилья и не узнал даже места. Ручьи и воды низвергались в пропасть. Так провалилось село Агури на Алагезе.

А я помню другое. Каменный город (Александрополь). Дома с плоскими крышами. Черные камешные стены. Всюду вулканический туф. Над городом возвышаются церкви из красного камня. С отцом под руку я спускался по каменной лестнице в подвал с глиняным кувшином. На низких нарах лежат большие бурдюки с вином вверх ногами. Отец сел верхом на бурдюк...

Я — на каменном полу, на корточках. Держу кувшин. Вино льется.

Страшный подземный гул, как будто пронеслась тысяча арб с разъяренными быками. Отец на бурдюке поехал к стене, мения потянуло к другой стене. Мы снова встретились. Вино лилось на пол. Кувшина в руках не было.

— Беги скорее наверх, на улицу, — сказал отец. — Это — землетрясение!

Все трещало. Билась посуда, валялись лампы, столы, скамейки, трещали двери, окна, стекла. На улице был хаос. Позднее звонили церковные колокола. Пошли крестным ходом.

На следующий день отец сказал: «На этот раз Господь нас пощадил! Есть известие: Земля поглотила два города, Шушу и Верный»...

Зной. Духота... Квадратная площадь. Под ногами арбузные корки. Воздух напоен ароматом персиков, дынь, яблок. Кругом перед лавками и в лавках фрукты: персики, виноград, яблоки, арбузы, дыни. Все насыпано в корзины или кучами. Пчелы кружат над сладким виноградом. Торговцы криками зазывают покупателей. Мальчики продают холодную воду в глиняных кувшинах...

Я иду дальше. Узкая длинная улица. Одноэтажные здания, покрытые земляной крышей. От шума и крика трудно распознать слова. Медленно, сквозь толпу двигаюсь по улице. Иду к кладбищу. Прохожу по рядам плотников; они работают в открытых мастерских, нет передней стены. Здесь же выставлены раскрашенные сундуки: яркие краски: розы, соловьи, гранаты, яблоки, куропатки. Орнамент, который я встречал на камнях и стенах церкви, здесь это в красках на сундуках: все горит, кричит. Солнце еще больше помогает яркой пестроте. Мастер здесь же на тротуаре раскрашивает затейливый орнамент.

Иду дальше. Нестерпимый шум усиливается. Медники чеканят из красной меди посуду. Посуда самой разнообразной и красивой формы... Далее красильщики наносят на материи разные рисунки. В громадных чанах, вделанных в печи, вывариваются материи: синий цвет, желтый из лепестков сухого лука, замечательный кашемир.

Далее ювелиры: Мальчики сидят на земляном полу и дуют меха: в маленьких печах, в тиглях плавят серебро и золото. Тончайшей работы ожерелья, браслеты, перстни, бирюза, изумруд...

Далее ряд мясников: Жирные туши баранов висят рядами, на прилавках бараньи курдюки, головы, почки, легкие, сердце, печень и др. В пурнях, здесь же в ряду, все это жарится на протвнях. От жареного стоит чад...

Я иду дальше. Выбираюсь к концу города, на кладбище к моим друзьям каменщикам. Вдали от шума, на краю кладбища человек 15 высекают узоры и рельефы на могильных плитах из туфа. С незапамятных времен их отцы, деды, прадеды

делали то же самое. По праздникам, когда они сидят в кофейне, у старших мастеров короткие белые передники и за поясом заткнуты лопаточка и молоточек — знаки «мастера» в цеху.

Сегодня я опять присоединяюсь к ним. Это мое любимое занятие. Уже несколько месяцев как я работаю с ними: я высекаю соловья на ветке (бюльбюль). Мастер мне разрешил: «Смотри, чтобы твой соловей не был похож на трясогузку. Делай хвост короче. Работай так, чтобы розы из-под твоего резца пахли лучше настоящих и соловей своей песней дольше настоящего тысячу лет встречал бы восход солнца и радовал бы душу покойника! У настоящего мастера камень оживает под руками и поет, у плохого он рассыпается в прах!»

Это были мои первые практические уроки. Заходящее солнце. Вдали фиолетовая снежная вершина Алагеза — еще далее, еле заметная шапка Арарата. С другой стороны в вечерней дымке река Арпачай и затихающие стуки молотков по резцам. Скоро к ударам молотков присоединяется звон колокольчиков. Из Кохпа* проходит караван верблюдов с солью.

Уже темно. Возвращаюсь со стариком в город: «Вырастешь, не бросай нашего ремесла и тогда сделаешь карающих ангелов. Они вершина нашего ремесла. Жди терпеливо и работай. Они явятся тебе!»

Меркуров С. Д. Александрополь — 1887—1894 годы.
(Из личного архива, хранящегося у Г. С. Меркурова).

* * *

— Рассказать тебе, как я снимал первую маску?

— И не страшно было?

— Изволь: Это было давно. В памяти сохранилось: Черная нить Джаджурского тоннеля. Паровоз с прицепленным вагоном, свистя, начал спускаться на плоскогорье Алагеза. Лунная ночь. Мороз. Поезд катится вниз к Александрополью, и после пятиминутной остановки мы несемся дальше. Миновали Алагез. В лунных лучах мелькали силуэты Большого и Малого Арарата.

Станция Аракс. Пересаживаемся в экипаж. Четверка коней понесла нас. Четверо вооруженных всадников сопровождали нас. Лошади фыркают. В темноте какие-то фосфорические огоньки. Пара-другая — еще-еще, что-то много-много. Круг все уже и уже. Кругом силуэты волков. Приходится отгонять выстрелами. Так мы двигаемся вперед.

В лунных лучах вырастает монастырская стена, громадные ворота. На воротах большой железный молот. Тяжелые удары

* Кохп находится на правом берегу р. Аракс.

молота по воротам. Шумный звон ударов катится далеко, далеко.. Калитку в воротах открывает весь в черном и в черном клобуке монах. Большим ручным фонарем освещает наши лица. Называем себя.

— Как же, как же, святые отцы вас ждут сегодня целый день...

Вводят нас к членам Синода. Хотя поздняя ночь — не снят. Высокий с архиерейским посохом в руках, из-под черного клобука сверкают совсем молодые глаза, большие густые брови, длинная седая борода, весь иконописанный — не то автопортрет Леонардо да Винчи, не то один из апостолов Дюрера — нас встречает архиепископ Сукиас.

— А ты не испортишь ли лика Святителя?

— Нет.

— Так пройдем в его покои.

— Он лежит там, на патриаршей кровати. Если мы тебе не нужны, то подождем в соседней комнате на лежанке (тахте)...

Епископы в черном облачении с посохами в руках довели меня до дверей — впустили в комнату и заперли за мною двери. Я очутился один с покойником. Открытые окна — зимняя лунная ночь — вдаль, за монастырской стеной две шапки Арабата.

И... протяжный, душу надрывающий волчий вой и ответ, как эхо, опять вой. Под эту музыку я подошел к патриаршей кровати.

На кровати лежит покрытый простыней «Отец народа» (Айрик). Знаменитый Мкртыч Хримян.

Открываю простыню, предо мной старик в красной, изорванной на локтях фуфайке. Большая борода. Орлиный нос. Кровать широкая, добраться до лица трудно. Голова откинута. Борода поднята высоко. Невозможно в этой позе снять маску. Поднимаюсь на кровать. Беру покойника под мышки и, насколько возможно, усаживаю его (упираю голову об изголовье кровати). Жутко. Страшно. Холод дает знать себя. Приступаю к снятию маски. От волнения забываю проложить нитку для разрезывания формы на два куска. Заливаю гипсом всю голову. За окном, за стенами монастыря волчья музыка продолжается. Жду пока закрепит гипс...

Одной рукой беру голову сзади, другой — отдираю форму. Форма отделилась от лица и повисла на бороде. И вдруг... Мутный взгляд двух широко открытых глаз с укоризной смотрит на меня. Покойник ожил. От ужаса мои ноги ослабели, я сел покойнику на колени. Держу висящую на бороде форму и смотрю в его глаза. Он продолжает на меня смотреть. Сколько прошло времени — не помню. Только потом я сообразил, что гипс от кристаллизации согревается, и под теплым гипсом замерзшее лицо оттаяло, и при снятии формы глаза открылись. Когда я пришел в себя и хотел слезть, оказалось, что у меня от первого шока отнялись ноги.

Только утром стук в двери заставил меня прийти в себя, сползти с кровати и объяснить вошедшим епископам, что застал от холода.

Монотонное чтение монаха: «Все произошло из праха и все возвратится в прах» — вернуло меня к действительности.

Позднее, в Тифлисе, мне передавали, что отец народа в полном патриаршем облачении был похоронен перед порогом Эчмиадзинского храма, чтобы каждый входящий в храм шагал через его прах и помнил, что «все произошло из праха и все возвратится в прах...» Эчмиадзин, 1907.

Меркуров С. Д. Записки скульптора. М., 1953.

Л. А. ДУРНОВО

АРМЯНСКИЙ НАРОД ВЫРАСТИЛ КРЕПКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-СВОЕОБРАЗНОЕ МНОГОВЕТВИСТОЕ ДЕРЕВО СВОЕГО ИСКУССТВА

Художественная культура древней Армении оставила обильное наследство, несмотря на то что условия создания и бытования ее памятников были сложны и весьма неблагоприятны.

Географическое положение Армении и ее историческая обстановка в древности мало способствовали сохранению этих памятников. Армянское нагорье, расположенное между двумя могущественными государствами — Римской, впоследствии Византийской империей, и Персидской монархией, всегда являлось местом военных столкновений этих двух постоянно соперничавших и враждовавших между собой соседей Армении.

Кроме того, в силу того же положения Армении эти соседи всегда стремились использовать ее в качестве союзницы или иметь как свою провинцию. Подобные покушения вызвали стойкое сопротивление армянского народа и сопровождались опять-таки военными действиями с их последствиями.

В периоды владычества арабов и завоевателей из Средней и Центральной Азии (сельджуков, хорезмийцев, монголов), под давлением которых и Византия и Персия утратили свое господствующее политическое значение, положение Армении изменилось только к худшему, так как действия новых завоевателей приводили ко все нараставшему экономическому и культурному упадку. Непродолжительные периоды политической самостоятельности Армении сменялись длительной зависимостью от тех или других завоевателей.

В таких условиях армянский народ особенно энергично отстаивал и сохранял самобытность своей культуры. Возможно, что именно эта необходимость сопротивления послужила в достаточной степени основанием тому, что армянские мастера наряду с созданием и выдвиганием в своих произведениях новых принципов и форм не забывали и постепенно воплощали

многие как бы отжившие представления и образы пройденных этапов своей культуры. Так удерживалось и закреплялось свое новое на своем старом, что отразилось в многообразии художественных приемов в различных районах на такой сравнительно небольшой территории, как Армения.

Это, однако, не значит, что все происходившее в окружавшем Армению мире было чуждым ей и враждебно неприемлемым — обычно никакой народ никогда не остается равнодушным к художественной культуре других народов, с которыми ему тем или иным путем приходится соприкасаться. Он заимствует из этих культур то, что ему созвучно, и перерабатывает на основе собственных эстетических навыков и запросов, широко открывая сокровищницу своей культуры для окружающих.

В хаосе исторических событий и культурных наплывов многочисленных народов армянский народ вырастил крепкое, национально-своеобразное, многоветвистое дерево своего искусства, самобытность которого глубоко коренилась и питалась соками той земли, которая, несмотря на все превратности, осталась почвой армянского народа.

Вот почему древние памятники искусства, несмотря на многочисленные утраты, сохранились до нашего времени в значительном количестве и иногда в такой преемственной последовательности, которая указывает на распространение и высокое развитие художественного творчества у армянского народа издавна.

Дурново Л. А. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957.

АНАТОЛИЙ ЯКОБСОН

...Во второй половине IX в. благодаря ослаблению халифата Армения и Грузия при Багратидах возвратили себе самостоятельность, возродилось и обширное строительство в городах, ставших центрами ремесла и торговли, в феодальных замках и наиболее богатых монастырях (Ахпат, Санаин, Татев и др.). При этом знаменательно то, что армянское и грузинское зодчество X и XI вв. исходило из своего классического наследия и начало с того, чем кончила архитектура при арабском нашествии. Зодчие возрождавшихся Армении и Грузии как бы подхватили оборванную нить художественного развития и стали нарочито следовать архитектурным формам VII в.

Но при том ясно обозначились и новые веяния: старым композициям стремились придать большую величественность и торжественность. Это сказалось и в подчеркивании вертикальной оси здания путем повышения пропорций, что акцентировалось и декоративными средствами. Особенно показателен в данном отношении замечательный Анийский собор 988—1000 гг. Трдата.

Как и в других странах, в Армении началось обогащение архитектуры — композиционное и декоративное. Зодчие стали отходить от прежней аскетической строгости здания, начали ритмически осложнять композиции. Очень выразительны в этом отношении две анийские церкви — Спасителя (1036 г.) и рода Аbugамренц (XI в.) с их целой цепочкой внутренних экседр, выделенных снаружи острыми треугольными нишами.

Особенное значение стали приобретать вертикальные тяги, вернее, целые пучки их, которыми обрабатывали массивные устои. Тяги сливались в единый поток и звучали в унисон с вертикальной ориентацией здания. Прекрасный пример тому дает тот же Анийский собор. Все эти черты мы уже наблюдали в зодчестве Византии, югославских стран и Древней Руси.

Несравненно большее, чем раньше, значение в X и XI вв. приобрел и собственно декор. С исключительной яркостью это сказалось в храме на о-ве Ахтамар (915 г.) с его пятью поясами рельефов, подчиненных, как и в русском храме Юрьева-Польского, определенной политической программе.

Этому энергичному архитектурно-художественному движению способствовала благоприятная историческая обстановка — перемены во всей феодальной средневековой Армении. На историческую арену выступили новые силы экономического и культурного развития, во главе которых стали города. Интенсивный рост их разрывал феодальную замкнутость и создавал исключительно благоприятную почву для культурного, в том числе и художественного, творчества. Именно в городе складывался новый архитектурный стиль. А в северных районах страны большое значение имели два наиболее крупных монастыря — Ахпат и Санаин.

Прогресс сказался и в появлении новых сфер архитектурного творчества — в развитии светского зодчества в городе, где строились дворцы, караван-сарай (хана-бары), и в монастырях, где создавались обширные притворы-гавиты (светские по своему характеру и полусветские по своему назначению), трапезные, книгохранилища.

Особенно красноречиво новый архитектурный стиль проявил себя во дворцах феодальной знати Ани (дворец Парона и так называемый дворец Саргиса) и караван-сарая с их торжественным двухъярусным порталом, богатая резьба которого оттенялась гладью смежных стен. Декор состоит из мозаичного набора разноцветных (розовых и черных) каменных плиток, а в декор караван-сарая включены и изображения сфинксов, барсов и драконов — охранителей берегов. Этот прием декора в виде каменной резьбы, артистичной и виртуозной, стал в Армении излюбленным. Яркие примеры дают церковь Григора (1237 г.) в Нор-Гетике, церкви в Макараванке, в Нораванке (в древнем Вайоцзоре)...

Важно отметить и другое качество армянской монументальной культовой архитектуры: насколько сдержан декор внутри

храма, настолько он обилён снаружи; он не только разнообразен, но и индивидуален. Индивидуальность каждого здания — также одна из характерных черт новой архитектуры...

Выдающимся по разработке фасадов является храм Гандзасарского монастыря (1216—1238 гг.) в области Хачен с его уникальной многоплановой скульптурой на широком барабане купола, включающей изобразительные рельефы (рельефы криторов) и виртуозную резьбу, вынесенную наружу, — декор, наполненный архитектурным и смысловым содержанием, олицетворяющий наиболее сокровенные черты нового архитектурно-стиля.

Выделяется своим наружным декором и упомянутая церковь Тиграна Оненца в Ани с каменной резьбой, заполняющей пазуху между арками: на фоне вьющихся спирально побегов помещены изображения сиринов, фазанов, петухов, орлов, зайцев и других зверей в стремительном движении. Эти рельефы также несомненно связаны с интерьером светской архитектуры предшествующего времени. Теперь, в эпоху новой архитектуры, ее перенесли из внутренних палат на фасады. Именно внешнему облику храма старались придать праздничность и яркость, ибо внутри из-за ничтожной площади храмы были малодоступны массе молящихся.

Так было, как мы видели, во всех средневековых архитектурных на том же этапе их развития, хотя, повторяем, сказывалось это везде в совершенно различных формах.

Столь же закономерно было и появление в ту эпоху архитектурной миниатюры — церковью индивидуального назначения (для узкого круга феодальной семьи), воспроизводящих в сильно уменьшенном виде самые различные композиции. Аскетичные внутри, такие церкви особенно богато украшались снаружи.

Очень выразительна в этом отношении упомянутая церковь Григора в Нор-Гетике — подлинный шедевр армянского декоративного искусства. Изысканный и тонкий, словно ювелирный, очень выработанный и виртуозный, притом весьма разнообразный и почти не повторяющийся резной декор — столь же сокровенная черта нового архитектурного стиля, формы которого закономерно складывались под влиянием светского начала...

Расцвет монументально-декоративного искусства Армении в XII и XIII вв. сочетался, как говорилось, с огромным подъемом собственно архитектуры (напомним, величественную конструкцию с взаимно перекрещивающимися арками). Но оба направления творчества нельзя рассматривать оторванно друг от друга, ибо и то и другое образовало единый сплав — великое зодчество средневековой Армении. Оно было непревзойденным явлением в мировой культуре средних веков.

Якобсон А. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л., 1985.

Армянские крестные камни (хачкары) — поразительное явление в художественной культуре средних веков, явление яркое и полнокровное. Правда, высеченные на стелах кресты издавна служили напутствием или мемориальным памятником не только в Армении, но и во многих христианских странах, притом в разное время. Наиболее ранние среди них (V—VII века) в виде стел с крестом происходят из Египта. В более позднее время каменные стелы с крестом известны на Северном Кавказе, в Европе, на русском Севере. Но в Армении крестные камни, помимо начертанных на них надписей, придающих им очень большую чисто историческую ценность, воплотили в себе особенно богатое художественное содержание — драгоценное достижение армянского монументального искусства в эпоху зрелого средневековья.

Это и определяет большой историко-художественный интерес к ним. Вместе с тем следует подчеркнуть, что хачкары по своему богатейшему декору — явление специфически армянское, неизвестное искусству даже соседней Грузии, близкой по своей культуре к Армении.

Якобсон А. Армянские хачкары. Ереван, 1986.

3. Н. АЛЕКСИДЗЕ

Шушаник была дочерью армянского спартапета Вардана Мамиконяна — героя армянского восстания 451 года... Шушаник — святая мученица как для грузинской, так и для армянской церкви. Армянка по происхождению, она воспитывалась в Грузии, здесь провела большую часть жизни, здесь приняла мученическую смерть и здесь же погребена.

Для грузин женщина-армянка стала символом самопожертвования во имя национальной независимости и веры Грузии...

Став супругой гугаретского литиахша, Шушаник позаботилась об армянской общине цуртавской паствы, о сохранении для нее национального облика. Нам трудно сейчас судить, вела ли она сама обычай ведения богослужения в Цуртави наряду с грузинским и на армянском языке или же это новое правило было установлено уже после смерти Шушаник, в ее честь. Как бы там ни было в действительности, ясно, что Шушаник собиралась ввести церковную службу на двух языках, и если это осуществилось позднее, то была исполнена ее воля.

В «Книге посланий» сообщается, что со времен Шушаник в цуртавской епархии установилась традиция обучать юношей, предназначенных в священники, как грузинской, так и армянской грамоте. Начиная с того же времени цуртавские епископы были обязаны владеть обоими языками. Армянин по происхождению обучался грузинскому языку и письменности здесь же, в

грузинской среде, грузин посылался в Армению, так как на месте, по-видимому, соответствующих условий не было.

Такое покровительство по отношению к армянской общине цуртавской пасты и забота о сохранении ее национальной самобытности создали Шушаник большой авторитет среди местного армянского населения.

После мученической смерти Шушаник культ ее из Гугарети постепенно распространился на всеармянскую церковь. Из переписки глав грузинской и армянской церквей в начале VII века явствует, что Шушаник к этому времени и для армянской церкви уже была святой. Постепенно усыпальница Шушаник в Цуртави превратилась в место паломничества армянских пилигримов.

Алексидзе З. Н. Введение // Яков Цуртавели. Мученичество Шушаник / Пер. с груз. В. Д. Дондуа. Тбилиси, 1978.

ЭЛИЗАБЕТ БАУЭР

В исследованиях европейских историков и искусствоведов до последнего времени не уделялось внимания политическому, экономическому и культурному значению деятельности армян в Византийской империи. Однако вследствие этого оставалась невыясненной важная основа для понимания прошлого и культуры Восточной Римской империи, которая своим могуществом и величием, а также поразительными достижениями в области художественного творчества в значительной мере обязана армянам.

Этот способнейший индоевропейский народ решающим образом способствовал прогрессу во всех областях общественной жизни Византии.

Давно устаревшие исторические исследования по истории и по искусству последних 150 лет, которые концентрировались в Греции и Риме и приписывали другим народам этот вклад в успехи Византии, теперь уже не могут удовлетворить ученых нашего времени, заинтересованных в определении истины. Мы стоим накануне новых исторических открытий, которые становятся возможны в результате своего рода «повторного открытия» Армении, дающего ключ ко многим нерешенным вопросам истории...

«Новый Рим» на Босфоре, столица императора Константина, торжественно и пышно освященная в 330 г., стал привлекать не только представителей армянской знати, но и ученых, архитекторов, художников, ремесленников-умельцев и купцов, которые хотели бы видеть здесь более широкое поле для своей деятельности и более благоприятные профессиональные перспективы...

Предводителями византийской армии на протяжении нескольких веков были почти исключительно только армяне. Блестящим полководцем был Нерсес (род. около 480 г.), выходец из персидской части Армении. После блестящей службы при дворе императора Юстиниана (527—565), начавшейся с 532 г., Нерсес проявил высокое военное искусство и в 552 г. одержал победу над Тотилой и Тэей, предводителями вестготов, а также над алеманами и франками. До его отставки император Юстиниан II в 567 г. реорганизовал административную систему Италии.

Другими армянскими высшими военачальниками того времени были Захак, Аратий и Нерсес из Эрзерума; Петрос из Арзанены; И. Аршакуни; Артабан и Арсициний, дук Итальянских.

Первым из многочисленных армянских императоров Византии был Маврикий, создавший экзархаты в Равенне и в Карфагене, которые благодаря строгой военной организации были превращены им в сильные форпосты могущества Византии на Западе (582—602). В истории Армении его имя связано с переселением тысяч семей из Армении на линию боевых рубежей против врагов на левом берегу Дуная и против болгар с тем, чтобы обеспечить здесь защиту границ Византии.

Когда император Маврикий был свергнут Фокасом (602—610), который установил режим тирании, армянский экзарх в Карфагене послал своего сына Флавия Гераклеиса (610—641) с флотом в Константинополь, чтобы свергнуть Фокаса.

Император Гераклеис спас Византию от тяжелого военного и экономического кризиса, провел глубокие социальные, политические и культурные преобразования и стал одним из крупнейших правителей в истории Византии. После покорения аварцев Гераклеис совершил несколько походов в 629 г. и окончательно сбросил иго персов. Однако арабы-мусульмане вскоре создали новую опасность на юге империи. Как и во времена персидских войн, судьба Византии была вверена военачальникам преимущественно армянского происхождения, обладавшим богатым военным опытом...

Вершины своего могущества Византия достигла при потомке Василия I (по происхождению армянина) Василии II (976—1025)... С помощью киевского князя Владимира, который в 989 г. вступил в брак с сестрой Василия II Анной и тем самым ускорил переход Руси в христианство, Василий в 1001—1014 гг. покорил Болгарию...

Глубокое влияние не только на Византию, но и на Европу оказала архитектура Армении. В столице империи и во всех ее провинциях архитекторы из Армении получали многочисленные заказы на постройку светских и религиозно-культурных сооружений. Купольный квадрат, получивший развитие в Армении, стал использоваться прежде всего в церковной архитектуре... Из Армении заимствован и план церкви с крестообразным ос-

нованием и центральным куполом, в которой высокие поперечные нефы снабжены цилиндрическими сводами. Эти типичные архитектурные формы были перенесены армянами во Фракию, Македонию и Италию, откуда, особенно из Равенны, исходило сильное армянское влияние... Пожалуй, самым известным архитектурным образцом является купол храма Св. Софии, построенный в 989 г. армянином Трдатом, архитектором пышного собора в Ани, приглашенного в Константинополь императором Василием II, покровительствовавшим искусствам...

Нельзя правильно оценить ни политическую историю, ни экономику, ни искусство и науку Византийской империи без учета роли Армении и армян. О силе и влиянии Армении свидетельствует ее негибкая воля к жизни: более 500 лет назад Византийская империя пала, а Армения отстояла свое существование благодаря своей своеобразной культуре, несмотря на невероятные тяжелые жертвы, и ныне снова, как и в прошлом, является духовным маяком для Запада и Востока.

Бауэр Э. Армяне в Византийской империи и их влияние на ее политику, экономику и культуру. Ереван, 1978.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ЭЛИЗАБЕТ БАУЕР КОРРЕСПОНДЕНТУ АРМЕНПРЕСС

Я надеюсь, что наш приезд в Армению, встречи с коллегами будут способствовать совместной научной работе, расширят возможности изучения и пропаганды истории и культуры армянского народа. Мы с мужем уже много лет занимаемся этими вопросами. В частности, я выпустила в Австрии две книги, посвященные армянскому искусству с древнейших времен до нашего столетия... У нас в Австрии очень многие глубоко интересуются Арменией, ее историей и культурой. Этот интерес продиктован отчасти и историческими причинами — ведь ваша земля в свое время неоднократно становилась препятствием на пути проникновения в Европу грозных полчищ варваров, и мы, европейцы, во многом обязаны вам сохранением собственных культурных традиций. В возглавляемом мною музее — а он один из крупнейших в Австрии научно-просветительных центров — собрано на сегодня уже несколько сотен экспонатов, относящихся к разным периодам армянской культуры.

Коммунист, 3 августа 1989 г.

ВИТТОРЕ БРАНКА

Поразительны голубые тона в мозаике, изображающей деву Марию на острове Торчелло, и сверкающее золото в базилике

святого Марка, над входом в которую скачет четверка бронзовых коней. Эти голубые и золотые тона одновременно как бы предвосхищают и отражают «полную тайн культуру» (как восторженно говорил Петрарка).

Кажется, все эти золотые и голубые краски перенесены на наиболее характерные здания Венеции с Восточного Средиземноморья. Но не только Византийского Босфора, как об этом говорилось много раз, а более древней и таинственной культуры, горной и морской одновременно. Речь идет о культуре Арарата, о культуре армян.

Базилика на острове Торчелло, мифическая колыбель Венеции, по свидетельству хроник и сохранившимся надписям, была заложена Экзархом Армении в Равенне по имени Изаччо. А четыре позолоченных коня, ставших символом восторжествовавшей Венеции, происходят, согласно легенде, из Армении, будучи даром царя Трдата I Нерону. Равным образом первые и наиболее характерные венецианские церкви св. Теодоро и св. Джеминиано и Мена также ведут свое начало от другого армянского Экзарха — Нерсете.

В результате сам облик Венеции, начиная с первого тысячелетия, отмечен этим драгоценным армянским присутствием. Армяне способствовали в свою очередь в первые века второго тысячелетия утверждению венецианского влияния в Восточном Средиземноморье. Венеция была одним из первых западных государств, получившим преимущественные права от одного восточного государства, и этим восточным государством была Армения, проявившая свое благоволение еще в 1201 году.

Не случайно на этой земле сделал свою достопамятную остановку Марко Поло. Известно и то, что венецианцы из экспедиции Энрико Дандоло были здесь приняты «с любовью и почтением». А некоторое время спустя и дож Дзани передает армянам в Венеции дворец «в их вечное пользование».

На протяжении последующих веков оба народа сближаются еще больше сначала благодаря торговым связям, а затем в ходе суровой борьбы против османского давления. Армяне благодаря их гибкости и влиянию в Порте защищают интересы и саму жизнь венецианцев, когда наступают худшие времена. Светлейшая республика поощряет культурно-религиозное сотрудничество армян, давая приют их литературным светочам в своих 19 типографиях (первая книга, напечатанная на армянском языке, появилась в Венеции уже в 1512 году); объявляет армянскую нацию «достойной и избранной, приносящей значительные блага этому городу»; открывает народу Армении двери только что отвоеванной у турков Мореи. Когда же турки вновь завоевывают Морею, то вполне естественно, что религиозные, культурные, гражданские, торговые связи, развивающиеся на протяжении более тысячелетия, приводят горстку армян, которые страстно хотят сохранить живое пламя их этнической и духовной общности, именно в Венецию. Как будто в отражен-

ных чудесной кистью Карпаччо или Беллини легендах двадцать гонимых монахов во главе с преподобным Манугом ди Сивас, нареченным по-церковному Мхитаром («Утешителем»), постучали в 1715 году в двери Дворца дождей, чтобы просить во имя Спасителя помощи, защиты и убежища. И дож, и Большой совет во имя евангелиста святого Марка приняли по-братски этих гонимых за их приверженность Евангелию. Несмотря на недавний закон, запрещающий по политическим и экономическим соображениям образование новых религиозных институтов на городской территории, венецианцы уступают им в вечное пользование остров Сан-Ладзаро, расположенный между островами Сан-Марко и Лидо. Это был дальновидный жест. Он, конечно, был продиктован памятью о тысячелетнем братстве, но в то же время устремлен в будущее, полное надежд...

Витторе Бранка. Армяне в Венеции // За рубежом. 1990. № 47.

РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ

Еще до становления христианства государственной религией, во времена, когда армяне поклонялись небесным светилам, духовным центром страны и местом пребывания Верховного жреца был Вагаршапат — предшественник Эчмиадзина.

В центре города, там, где сейчас находится шедевр церковной архитектуры — кафедральный собор, стояла небольшая церковь типа базилики. Полагают, что базилика была построена в начале IV века, сразу же по принятии христианства, а уже в V веке по приказу того же Трдата Третьего ее место заняло нынешнее величественное творение.

Однако традиции уходят еще дальше в глубь истории. При реконструкции пола строители наткнулись на поколь более древнего сооружения, что привело ученых к выводу о том, что до постройки христианской базилики здесь стоял языческий храм, и базилика была поставлена на его развалинах.

Это неудивительно. Каждая последующая религия, во все времена и при всех обстоятельствах, с корнем вырывала предшествующую, чтобы навсегда вытравить ее из народного сознания и начать новое летоисчисление со дня своей победы.

Победившая религия не довольствовалась и этим. Свои молитвы она располагала на традиционных для старой веры местах, дабы воспользоваться историческими навыками верующих прихожан и не расходовать лишней энергии и материальных средств на выработку новых привычек.

Подобных примеров в мировой истории немало. Разве знаменитый собор Св. Петра в Риме построен не на развалинах древнего языческого храма? Ведь здесь стояло святилище Нерона, перед которым на площади был подвергнут мученичеству первый апостол римской христианской церкви Св. Петра. Вновь обращенные римляне, требовавшие до этого от всего ми-

ра верности язычеству, разрушили храм Нерона, а цепи Св. Петра, которыми был скован брошенный в подземелье Григорий-Просветитель, по сей день с благоговением и почтительностью хранятся в специально построенной церкви Сан-Пьетро ин Винколи («Св. Петр в цепях»).

Не лишено, очевидно, интереса происхождение самого названия «Эчмиадзин». По древнему народному преданию оно означает «Явление единорожденного». Но кто этот «единорожденный»? Это — единственный сын бога-отца, которому якобы тот лично указал место на земле, где следовало построить храм во славу его.

В Армении, исключительно богатой старыми и новыми историческими памятниками, не много найдется культурных сооружений, подвергшихся стольким разрушениям и опустошениям, сколько пришлось их на долю Эчмиадзинского кафедрального собора. Но, каким бы разрушениям он ни подвергался, с наступлением мира он каждый раз отстраивался заново, обновлялся, приобретал более величественный, совершенный вид.

Вторгшиеся враги — будь то персы, арабы, сельджуки или монголы, захватив армянскую землю, с поразительной нетерпеливостью первым делом разрушали Эчмиадзин. Они отлично знали, что делали: падение Эчмиадзина было равнозначно нарушению раз и навсегда духовного единства проживающего в Армении или за ее пределами армянства. В силу ослабления, а затем и упразднения армянской феодальной государственности католики всех армян выступали в роли полномочных лиц, в руках которых была сосредоточена как духовная, так и светская власть. Где бы ни находился армянин — у себя на родине или за рубежом, глаза его всегда были прикованы к Эчмиадзину. Эчмиадзин имел и имеет сегодня удивительную притягательную силу, он является подлинным духовным центром армян во всем мире.

Трудно, конечно, поверить, что в наш атеистический век все без исключения армяне — и у себя дома, и в зарубежных странах — верующие. Я уже говорил, что роль и значение Эчмиадзина для армян не следует рассматривать с такой точки зрения. Жезл католикоса, связывавший и духовно объединявший армян, всегда был и остается святым символом обожаемой родины. Поэтому каждый, будь то принц или нищий, кто способен уважать чужую святыню, у кого в сердце горит огонь добра и человеколюбия, здесь, в Эчмиадзине, невольно проникается возвышающей душу почтительностью...

Эчмиадзинский храм — одно из первых в христианском мире сооружений крестового типа. Его интерьер и общая площадь не столь просторны, как это свойственно римско-католическим церквям (каждая из них построена значительно позже!), — не более пятисот квадратных метров, но как снаружи, так и изнутри он производит впечатление грандиозности и внушает чувство почтения к чему-то сверхъестественному...

Христианской религии не было в помине, когда в Армении зародился первый светский театр. Лицедейство и сочинительство во драм составляли предмет любимейшего увлечения армянских аристократов. В доказательство сказанного можно вспомнить сына Тиграна Великого — Артавазда Второго, прожившего, подобно отцу, свой век в войнах с рвавшимся к мировому господству Римом. Кроме того, Артавазд известен и как искусный политик, умело использовавший противоречия Рима и Парфии, он прославился и как книжник, автор ряда пьес и исторических сочинений. Позднее в Арташате был основан стационарный театр с постоянной труппой, на сцене которого кроме произведений Артавазда и других армянских авторов ставились образцы античной драматургии.

Народная традиция обладает величайшей силой. Она незаметно покоряет человека, вовлекает в свой хоровод. Лет двадцать — двадцать пять тому назад я испытал это на себе.

Не имеет значения — верует человек или нет, разделяет или не принимает он постулаты учения Григория-Просветителя. Здесь, в этом сияющем храме, царит атмосфера дружбы, мира, братства и любви.

Это торжественное церковное представление — армянское искусство, и, как любое искусство, оно призвано пробудить в людях человеческое начало, приобщить их к добру.

Реваз Джанаридзе. Четыре дня в стране Айоса. Тбилиси, 1988.

ИОАКИМ КУЗНЕЦОВ

Семья Суворова поселилась в большом светлом доме бывшего астраханского губернатора Никиты Афанасьевича Бекетова. Хозяин дома, высокий, стройный старик, с холемым лицом принял гостей с любезной улыбкой, весьма приятно оказать приют графу, прославленному полководцу...

Александр Васильевич с головой ушел в неотложные дела, с утра до вечера проводил время в штаб-квартире экспедиционного корпуса, которого пока еще не было: приехали из Петербурга несколько офицеров. Их-то не мешкая разослал он по волжским городам — в Казань, Самару, Саратов — формировать полки; на Терек — готовить казаков; в астраханскую флотилию — наблюдать за ремонтом судов, которые оказались не приспособленными для перевозки десанта. Два полковника работали над составлением плана экспедиции.

А сам тоже сел за карту Кавказа, на которой был обозначен маршрут персидского похода Петра... Но глаза Александра Васильевича помимо воли глядели вправо от побережья Каспийского моря, в срединную часть течения Терека, где серел крохотным кружочком город Моздок.

Вспомнилось детство... Он десяти лет научился ездить на коне. Дворовый конюх, пожилой услужливый Кондратий помог освоить первое «ратное дело»: воин без коня — не воин...

Была еще одна страсть у юного Александра Васильевича. Вроде и был он истинным северянином, рос на равнине среди лугов и березок, привык к морозным зимам, любил снег, и все-таки какое-то неодолимое чувство влекло к югу, с его горами, бурными, каменистыми реками, могучими дубами, разлапистым тутовником и виноградным лозняком; к небу, где лениво парят орлы.

Когда ему исполнилось одиннадцать лет, он тайком пасушил сухарей, набил ими переметные кожаные сумы, положил туда котелок, кружку, ложку, нож, сел на коня и поскакал на юг. В тот же день его поймали в ближайшей деревне и отправили в родной дом. Отец, с аккуратно постриженными усами пшеничного цвета, красным взволнованным лицом, держа сына за воротник, допытывался: «Сказывай, куда хотел бежать?» Пришлось чистосердечно признаться: «На Кавказ». — «Зачем?» — «Папенька, ведь там, в Моздоке, родичи матушкины живут, прах дедушки и бабушки похоронен». Мать, черноволосая, с большими печальными глазами армянка, всплеснув руками, обратилась к мужу: «Батюшка, Василий Иванович, не наказывай Сашеньку строго, я кругом виновата. Поведала ему про Кавказ, про бегство наших семей от персов и турок. Не надобно было, видно, сказывать и о прахе предков»...

Только в возрасте сорока девяти лет Суворову удалось побывать на Тереке — всего лишь год назад, когда проинспектировал только что возведенную Азово-Моздокскую линию укреплений. ...Когда Терек показался, Суворов вышел из губернаторской повозки, велел генералу Якоби, который сопровождал его со свитой верховых, дать отдых людям и лошадям, а сам, поднявшись на холм, обнажил голову... Давно-давно, в детстве Суворову Терек представлялся широким, подобно Волге, величаво несущим волны, а это оказалась небольшая, бурная и мутная речка...

Разочаровал Суворова и Моздок — маленький и серый городишко... Александр Васильевич заехал в ближайший дом купца Петра Ивановича Манукова. Встретил его сам хозяин, обрусевший армянин. Узнав, что генерал приходится ему родственником, искренне обрадовался.

Усадив дорогого гостя в красный угол, он охотно рассказал Суворову о том, как его покойные дед и бабушка, Манукяны, оказались в Моздоке. Бежали они из Карабаха еще во время похода Петра, спасаясь от преследования персов, пристали к одному из полков, приехали вначале в русскую крепость на дагестанской реке Сулак, потом в Кизляр, а когда их старшая дочь Роза, мать Александра Васильевича, уехала в Москву и вышла там замуж, поселились в Моздоке и занялись торговлей вином.

В горницу вошла жена Петра Ивановича, чернявая, невысокого роста женщина, низко, по-русски поклонилась гостю, что-то сказала на ухо мужу, тот кивнул в знак согласия, и она поспешно вышла. В полуоткрытую дверь заглядывали дети, чтобы хоть глазком глянуть на знаменитого родственника. Вскоре хозяин пригласил к столу: «Пока перекусите с дороги, а потом мы уже и пир закатим!» Суворов ответил, что пировать ему некогда, а вот чайку бы с полным удовольствием. На столе появился самовар...

На кладбище ему показали два заросших холмика с крестами, вытесанными из серого камня под которыми покоился прах деда и бабки. Отдал он им христианские почести, облегченно и радостно вздохнул: наконец-то исполнил сыновний долг — материнский наказ, который помнил сорок лет...

Кузнецов И. В. На холмах горячих.
Ставропольское книжное издательство, 1980.

РОМАН ЛИПКА

Большой путь, трудный и славный, прошел Львов за свою многовековую историю. Грозные испытания выпали на его долю. Но в водовороте событий город всегда имел верные ориентиры, героически сражался против чужеземных поработителей за свое социальное и национальное освобождение...

Один из интереснейших уголков, неотъемлемая составная часть заповедника, заботливо охраняемого Советским государством. — улица Армянская...

Обе стороны улицы — словно раскрытая книга, из которой неумолимое время вырвало отдельные страницы, стерло некоторые буквы или даже целые предложения, вставив на их место новые, порой совершенно случайные... Но внимательный наблюдатель еще и сегодня может многое вычитать в архитектурном «подтексте» улицы и ощутить дыхание минувших веков.

История львовских армян тесно связана с историей развития армянских поселений на Украине. Древнейшие армянские кварталы («колонии») в пределах городов возникли в результате массовой эмиграции этого народа со своей закавказской родины, которая во второй половине XI столетия стала жертвой завоеваний турок-сельджуков...

Сегодня трудно однозначно ответить на вопрос, когда и где возникло первое армянское поселение на территории Львова. Возможно, в конце XII—XIII вв., еще до нашествия на Русь орд Батыя. Но наиболее вероятно, что известных своим мастерством армянских ремесленников призвал князь Даниил Романович после основания им в 1256 г. города Львова.

Армянские поселенцы были на равных правах с коренными жителями, и это послужило основой крепкой дружбы украинского и армянского населения города, их единения в общей

борьбе против социальной и национальной дискриминации в период порабощения галицийских земель шляхетской Польшей...

До 1469 г. во главе общины армянских поселенцев стояли войт и совет старейшин, куда входили 12 наиболее зажиточных граждан. Да и позднее, в период разжигаемой католиками религиозной вражды, львовские армяне сумели сохранить некоторые общественные и культурные учреждения, например суд, школы с преподаванием на родном языке, госпиталь, библиотеку. Некоторое время работали типографии Тер-Ованеса Карматенянца (Иван Муратович). До нас дошли напечатанные в ней книги, ставшие сегодня редкостью.

Средоточием общественной жизни колонии был Армянский собор. Длительное время здесь находился центр григорианского епископства, непосредственно подчинявшегося католикусу в Эчмиадзине — религиозной столице армян всего мира.

Армянские купцы играли ведущую роль в очень прибыльной торговле города Львова со странами Востока. Их караваны отправлялись в Стамбул, Каир, Александрию, Багдад и другие далекие города. Товары из восточных и южных стран — ковры, шелка, сукна, искусно украшенное оружие, фрукты, перец, вина — на львовском рынке назывались армянскими и ценились очень высоко.

Трудолюбием и непревзойденным мастерством славились армянские ремесленники: кожевники, вышивальщики золотом, ювелиры, оружейники. Изготовленное ими оружие было инкрустировано серебром и золотом, а ювелирные изделия украшены утонченным восточным орнаментом.

По свидетельству иностранных путешественников и гостей города, застройка Армянской улицы, как и площади Рынок и улицы Русской, была одной из лучших во Львове. Уже в XV в. улица имела каменную мостовую, водоснабжение и сливную канализацию. В ее застройке участвовали известные местные и иностранные зодчие, работавшие во Львове.

На протяжении столетий колония армян жила своей самобытной жизнью: встречала купеческие караваны, возвращавшиеся из дальних походов, бойко торговала различными товарами, устраивала шумные празднества и пышные свадьбы.

Колония была значительным культурным центром. Тут жили и работали выдающийся философ Степанос Львовский, историк и писатель Симеон Дпир Лехаци, известный как автор публицистических произведений, направленных против идеологической экспансии католицизма. На улице Армянской в 1668—1669 гг. состоялись первые театральные представления, осуществленные учащимися армянского коллегиума (впоследствии — армяно-украинский коллегиум). Заметное влияние на развитие изобразительного искусства во Львове оказала деятельность местных армянских живописцев, в частности Павла и Симеона Богушевичей; получило признание творчество львовских мастеров армянской книжной миниатюры...

Продолжаются реставрационные и поисково-исследовательские работы. Нет сомнения в том, что будут открыты новые памятники, которые расскажут о жизни бывшей армянской колонии во Львове, о самобытной национальной культуре ее поселенцев, о развитии исторических взаимосвязей и дружбы украинского и армянского народов, начало которым было положено в древние века.

Липка Р. Т. Ансамбль улицы Армянской.
Львов, 1983.

* * *

ИВ ТЕРНОН

Армения — великая любовь армянского народа, мать каждого армянина. Ее горы, долины, реки, памятники, плоды ее земли — предмет культа, причем это преклонение тем сильнее, чем дальше Родина. Ее имя ассоциируется с понятием достоинства, славы и свободы. Это источник жизни. Армяне рождаются и умирают с «раскаленным углем в груди»: с огнем, который бережет их в изгнании.

В истории этого трагического народа все состоит из пепла и ужаса, грабежей и опустошений, и, кажется, что эта история погасла в 1915 году с огнем грусти, зажженным турками и ими же отрицаемым.

Что делать, если мечта разбивается вдребезги о ствол поверженного дерева, и кажется, что она всегда была кошмаром для оставшихся в живых? Что делать в условиях безразличия и забвения, бесконечного отрицания самобытности этого народа? Что делать, если не дать вырваться гневу, так долго сдерживаемому в закрытом пространстве своей общины?

Общественное мнение, не зная причин этого гнева, в замешательстве от его запоздалой вспышки. Палачи уходили из жизни позже своих жертв, но их жизни были короче, нежели жизни безвременно умерших, потому что дети последних ежегодно, если не ежедневно, поддерживают огонь памяти. Патриотизм армян столь силен и открытая рана столь жгуча, что они не могли продолжительное время оставаться в стороне от политических событий.

Определяющее событие современной истории памяти — не только геноцид, но и установление Советской власти в Армении. После 1920 года территория страны уменьшилась до десятой части исторической территории, и эта единственная армянская земля является Советской Социалистической Республикой. Кроме того, именно там находится первопрестол апостольской церкви, которая наряду с землей и языком является треть-

ей опорой армянского народа. С высот Арарата, вдали от своих легенд и героев армянский народ спускается в Ереванскую долину.

История не делала подарков армянам, и в течение веков их основной целью было сохранение жизни в столкновении великих наций.

Семидесятилетний интервал между геноцидом и нашими днями не был заполнен безразличием к армянскому вопросу. Старый армянский вопрос — ему сегодня более века, — который младотурки надеялись окончательно решить в 1915 году, ставился в различной форме после советизации русской Армении.

Геноцид сформировал почву, на которой развивается память. Цветы разочарования растут на этой почве естественно, еще более красивые с каждым поколением. Долг историка — размотать клубок правды...

Ив Тернон. Армянский вопрос (на франц. яз.).
Париж, 1990.

* * *

АЛФАВИТ МЕСРОПА МАШТОЦА

Письменность армянского языка, чрезвычайно важного в лингвистическом отношении и занимающего обособленное положение в индоевропейской группе языков, была создана после того, как в Армению проникло христианство и армянская церковь достигла в 369 г. независимости, или автокефалии.

Около 400 г. н. э. Месроп Маштоц в содружестве с Сааком и греком из Самосаты по имени Руфан создал письменность, в совершенстве соответствующую армянскому языку. Пятый век был золотым веком армянской литературы. Знаменитая школа переводчиков (т'аргманчик или сурб т'аргманчик 'святой переводчик'), основанная Сааком, осуществила переводы на армянский Библии с сирийского и греческого, а также переводы шедевров греческой литературы. Сохранившиеся древнеармянские рукописи относятся в основном к X в. н. э. и более позднему времени, хотя, по сведениям Бэйли, существует также и несколько более ранних рукописей; так, например, в 1899 г. в Москве было опубликовано факсимиле рукописи Евангелия 887 г., а Ф. Маклер опубликовал факсимиле рукописи 989 г.

Об армянском языке Байрон сказал, что это «богатый язык, который с лихвой вознаградит того, кто возьмет на себя труд изучить его». В настоящее время под армянским языком понимают: 1) древний, или классический, армянский, именуемый грабар, то есть «письменный язык», который до сих пор употребляется как язык богослужения, а до XIX в. был языком на-

уки и литературы; 2) «народную» речь — современный язык, употребляемый примерно с середины настоящего тысячелетия. Этот язык называется ашхарабар или ашхарик (от ашхар — «мир, свет») и является языком современной армянской литературы и газет. Имеются два его основных диалекта — восточноармянский, на котором говорят армяне, живущие в СССР и в Иране, и западноармянский, язык армянской диаспоры...

Дирингер Д. Алфавит. (Пер. с англ.). М., 1963.

ОН НЕ ЛЕГЕНДА (о Месропе Маштоце)

Цепкость армянской речи так соответствует кованости армянских букв, что слово — начертанное — звякнет, как цепь... Этими буквами можно подковывать живых коней... Или буквы эти стоило бы вытесывать из камня, потому что камень в Армении столь же естествен, как и алфавит, и плавность и твердость армянской буквы не противоречат камню. (Стоит вспомнить очертания армянских крестов, чтобы опять восхититься этим соответствием.) И так же точно подобна армянская буква своим верхним изгибом плечу древней армянской церкви или ее своду, как есть эта линия и в очертаниях ее гор, как подобны они в свою очередь линиям женской груди, настолько всеобщее для Армении это удивительное сочетание твердости и мягкости, жесткости и плавности, мужественности и женственности — и в пейзаже и в воздухе, и в строениях и в людях, и в алфавите и в речи... И все это в точности соответствует звуку, который она изображает.

Я по-прежнему не знаю армянского языка, но именно поэтому ручаюсь за правду своего ощущения: передо мной был только звук и его изображение, а смысл речи был за моими пределами.

Этот алфавит был создан гениальным человеком с поразительным чувством родины — был создан однажды и навсегда, — он совершенен. Тот человек был подобен богу в дни творения. Создав алфавит, он начертал первую фразу...

Начертав (именно не написав, не нарисовав), он обнаружил, что не хватает одной буквы. Тогда он создал и эту букву. И с тех пор стоит армянский алфавит.

Для меня нет ничего убедительней такой истории. Можно выдумать человека и можно выдумать букву, но нельзя выдумать, что человеку не хватало одной буквы. Это могло только быть. Значит, был и такой человек. Он не легенда. Он такой же факт, как этот алфавит. Имя его Месроп Маштоц.

Я бы поставил Маштоцу памятник в виде той последней буквы — каменное доказательство его правоты...

Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч лет. В нем древность, история, крепость и дух наши...

Андрей Битов. Уроки Армении. Ереван, 1978.

ДАВИД АНАХТ (НЕПОБЕДИМЫЙ)

Пятнадцать столетий отделяют нас от той давней поры, когда в армянской деревне Неркин родился человек, имя и творения которого пережили целые эпохи и, не померкнув, сквозь толщу пятнадцати веков, дошли до наших дней. Слово и дело Давида оказались неподвластны времени и заслуженно остаются сейчас нашей признательной памяти, поскольку они лежат на магистральном пути духовного прогресса человечества.

В славной плеяде мыслителей, содействовавших интеллектуальному и нравственному прогрессу человечества, был Давид; общая идейная направленность его учения — борьба против искушения и мракобесия, страстная убежденность в силе человеческого разума, глубокая вера в безграничность возможностей человека рационально познавать и на этой основе совершенствовать мир и самого себя...

Давид Анахт жил в сложный для армянского народа период — в пору складывания феодальных отношений, непримиримой борьбы против ассимиляторской политики Персии и Византии. Армения вела мучительную борьбу за национальную независимость не только в военной и политической сфере, но и на страницах философских трудов, в бесконечных спорах и ученых диспутах, в противоборстве светской культуры и церковной догматики. Давид Анахт принимал активное участие в этой борьбе. Социальная позиция философа, неприятие им социальной несправедливости и религиозной нетерпимости были настолько остры и непримиримы, что ему пришлось покинуть Армению и провести последние годы своей жизни в Грузии.

О личности Давида, Анахта, о его жизни и деятельности известно не очень много. Согласно преданию, молодой Давид с группой ученых был направлен в Афины для приобщения к греческому образованию. Затем долгое время Давид учился и преподавал в Александрии. Большое внимание здесь он уделял естествознанию и математике, особенно логическому учению Аристотеля и его теории познания, в которых материалистические, научные тенденции проявились в наибольшем объеме и полноте.

До нас дошли четыре трактата армянского философа — «Определение философии», «Анализ «Введения» Порфирия», «Толкование «Категории» Аристотеля», «Толкование «Аналитики» Аристотеля». Греческие и армянские тексты этих сочинений хра-

нятся в Ереванском Матенадаране (Государственное хранилище древних рукописей). Наличие армянского варианта рукописей наряду с греческим свидетельствует о чувстве развитого национального самосознания мыслителя, о его высоком патристизме, заботе о судьбах культуры и духовном богатстве своего народа.

В своих сочинениях Давид Анахт охватил почти все разделы философии своего времени, обобщил различные отрасли знания и создал своеобразную систему, охватывающую научные данные своей эпохи...

Анахт принадлежал к выдающимся логикам всех времен. Удовлетворяя настоятельную духовно-идеологическую потребность, он предложил глубокие и тонкие разработки ряда логических проблем, и в наше время не утративших значимости и интереса.

Давид всячески старался подчеркнуть практическое значение философии, ее воспитательную функцию. Следуя за Аристотелем, он выделял в философии две части — теоретическую и практическую. Последняя имеет своей целью помочь человеку осознать свое место в мире, выработать систему норм и ценностей, на которые необходимо ориентироваться в своей жизни и поведении, во взаимоотношении с другими людьми. Знание, по его мнению, не самоцель, а средство совершенствования человека. Добродетель, духовное совершенство — высшая и конечная цель философии. «Необходимо знать, — утверждает Давид, — что философия существует для того, чтобы облагородить и украсить человеческую душу...»

Духовное наследие Давида Анахта сыграло исключительно большую роль в развитии философской мысли последующих эпох. Уже в раннем средневековье Давид Анахт делается известным в различных странах мира. Повидно, что особенно значительным было воздействие идейного наследия Анахта на развитие философской мысли средневековой Армении. На протяжении ряда столетий он признавался в качестве основоположника и духовного вдохновителя светски ориентированного, относительно независимого от теологии направления армянской философии...

Принося сегодня дань нашей признательности и уважения Давиду Непобедимому, отмечая его вдохновенный труд и значительный вклад в историю армянской и мировой философской и научной мысли, мы сознаем, что залогом его бессмертия является бессмертие тех прогрессивных гуманистических идеалов, служению которым он посвятил свою жизнь и свое творчество.

Академик *Федосеев П. П.* Вступительное слово на торжественном заседании в Москве, посвященном 1500-летию со дня рождения Давида Непобедимого // Давид Непобедимый — великий философ древней Армении. Ереван, 1983.

ТРЕВОЖНЫЙ, КАК БАХОВ ХОРАЛ

(о Григоре Нарекаци)

...Я попал в жемчужину гор — Гехарт. И мне поднесли подарок — как будто бы небольшой, скромный, но оказавшийся живым аккомпанементом к величавому каменному хоралу Гехарта. Самый драгоценный из всех даров Армении, которые я привез с собой в Неманский край. То был томик стихов Григора Нарекаци, ставший теперь моей настольной книгой. Часто беру ее в руки, чтобы вместе с автором терзаться и сетовать над несправедливыми судьбами человека.

Правда, сначала я не обратил особого внимания на книжку. Сунул в карман пиджака, принес в гостиницу и в тот же день даже не перелистал. Зато наутро проснулся ни свет ни заря и, не зная, чем заняться, раскрыл томик. И чем дальше читал, тем больше захватывало дух. Наступила одна из счастливых минут жизни, когда дивисься человеческому гению и гордишься им. Вдали из голубого шелкового тумана всплыли облаканные солнцем пряди исполина Арарата. На незримых крыльях прилетел сладостный аромат бархатных аблок и янтарного вишнграда. Я хмелел от этих райских запахов. Но еще больше ошарашивали меня поэтическая исповедь, обнаженные философские молитвы и трагические рыдания средневекового гуманиста.

Нарекаци, один из интереснейших поэтов философского направления в мировой литературе, заслуживает целого исследования. Хочется верить, что современная наука это выполнит. И тогда великий отшельник давних веков встанет в едином ряду с прославленными мировыми мыслителями...

Спасибо братской Армении за этот чудесный дар, который лежит теперь у меня на столе рядом с величайшими жемчужинами мировой поэзии. Часто раскрываю скромный, но такой бесомый томик и всякий раз немало черпаю оттуда скрытой в нем глубокой мудрости и красоты. И всякий раз эта книжка напоминает, что я в большом долгу перед армянской поэзией. Но я убежден: наступит день, и я отложу всю прочую работу и попытаюсь пересадить на Неманскую землю это уникальное армянское «...высокое, ветвистое, многолиственное дерево», чтобы его изумительной красотой наслаждались литовские поклонники поэзии...

Эдуардас Межелайтис. Тревожный, как бахов Хорал // Читая Нарекаци / Сост. Л. М. Мкртчян. Ереван, 1974.

БЕССМЕРТНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

(о поэме Григоре Нарекаци
«Книга Скорбных песнопений»)

Армянская литература — одна из древнейших и богатейших литератур мира. Ни англичане, ни французы не могут гордиться тем, что их литература насчитывает пятнадцативековую историю. Когда я впервые прочитал «Книгу Скорбных песнопений» Григора Нарекаци, я не сомневался, что имею дело с гениальным произведением. Уже тогда мне было ясно, что предстоит перевести этот бессмертный литературный памятник на язык моих соотечественников.

Сейчас работа над переводом завершена, но поэма не перестала меня интересовать. На конференции¹ я представил вниманию своих коллег доклад о композиционной структуре «Книги Скорбных песнопений» Григора Нарекаци.

Убежден, что не только для меня, но и для любого ученого-армяноведа, прочитавшего поэму Нарекаци, не может быть вопроса — почему он заинтересовался именно этим автором и почему он посвятил свою жизнь армяноведению.

Жан-Пьер Маэ (Франция) // Литературная Армения. 1987. № 4.

МИНИАТЮРЫ ТОРОСА РОСЛИНА

Торос Рослин, его творчество, его жизнь окружены сиянием и тайной. Мы не знаем, где и когда он родился, кто были его отец и мать. Армянские источники, щедрые вообще на подробности, молчат о нем. Даже происхождение имени «Рослин» неясно, вызывает споры. Некоторые исследователи склонны слышать в нем старофранцузское слово. Но как оно могло попасть в Киликийскую Армению, где жил Рослин, — небольшое армянское царство в Малой Азии? Может быть, его занесли крестоносцы? Ведь известны же и другие старофранцузские слова в языке киликийских армян...

Он был выдающийся по разнообразию талантов и по учености человек — поэт, каллиграф, художник. Как художника его ценили киликийские цари и католикосы, не расставались с его книгами, берегли их как драгоценность. Шесть сохранившихся рукописей одного мастера — это уникальное явление в бурной армянской истории. Даже от больших и знаменитых каллиграфов и миниатюристов дошли до нас одна, редко две-три книги.

Торос Рослин в своих манускриптах открывает нам такие

масштабы мирозерцания, такие глубины духа, которые вовсе и не требовались просто для иллюстрации книги. Эта избыточность, когда сопровождение текста рисунками и орнаментами превращается в самостоятельное крупное художественное творение, этот духовный максимализм объясняются тем, что значила в Армении в XIII веке миниатюра: она была не второстепенным, а главным видом искусства. Таким же, как мозаика в Византии, фреска в Италии эпохи Ренессанса, икона на Руси...

И снова перелистываю начальные страницы книги Тороса Рослина: Евсевий и Киприан, а за ними пророки один за другим проходят передо мной. И наконец, зазвенев, словно металлический, открывается последний разворот вступления. Он весь золотой, и по золоту крупными голубыми буквами, как драгоценная эмаль, идут стихи. Стихи Тороса Рослина! Попытаюсь передать их содержание по-русски:

Отче, Христос лучезарный,
Обошел ты всю землю в телесном обличье
И эту книгу благовестную
Даровал нам гласом всемогущим.
О Константин, пастырь добрый,
Каталикос плоти армянской,
Ныне покинул ты свой престол,
Как некогда апостол Петр, аминь!
Ты, для кого я пишу,
Парон Гетум, добротой известный,
Сын Левона, внук Гетума, великого царя!
Пусть хранит тебя рукопись долгие годы.
И твоих родителей, и весь твой род.
Пусть слава твоя на родине удвоится
От этих моих слов. Аминь!

Это стихотворное послание интересно во многих отношениях. Оно указывает время, когда Рослин работал над рукописью, — год смерти католикоса Константина — 1267 (закончил он ее в следующем, 1268 году). Называет он имена и трех армянских царей: правившего тогда в Киликийской Армении Гетума I, его сына Левона — будущего Левона III и затем малолетнего Гетума, которому и предназначалась рукопись.

Послание Рослина дает нам образец его стихотворчества, раскрывает новую грань таланта. Чувствуется опытная, уверенная рука: размер правильный, с цезурой посреди строки, все рифмы заканчиваются на «н», что было широко принято в его время. Подобные рифмы встречались у поэтов иногда на протяжении тысяч строк подряд. У Рослина же в коротком стихотворении они не создают однообразия. Слог его живой и взволнованный.

Но, пожалуй, самое замечательное заключено в содержании стихов. О чем они? Проследим логику развития мысли. Господь даровал людям книгу. Она несет благовестную весть. Она способна хранить человека долгие годы. И не только его, но и весь его род.

¹ Речь идет о Международной конференции по средневековой армянской литературе, состоявшейся в сентябре 1986 г. в г. Ереване.

В сущности, это гордое, похвальное слово книге. Оно прокинуто сознанием высокой значительности дела, которым занят человек, создающий книгу. Вдумаемся: от его слов может удвоиться слава царевича. Не меньше того! И тут становится понятно звенящее золото разворота — для восхваления книги нужно драгоценное поле...

Мне кажется, что, изучая миниатюры Рослина, нужно обратить особое внимание на то, какие сюжеты он предпочитает, как их трактует. Так, на мой взгляд, мы сможем узнать многое о самом художнике — какой он был человек, что думал о мире, о народе, как решал для себя моральные проблемы. В чем он шел вразрез со своим временем, а в чем разделял общие взгляды.

Даже в кратком описании миниатюр можно заметить, сколько сложных и глубоких психологических задач решал в них художник. Вспомним: это ведь 1268 год. Ничего подобного не было в то время даже в Италии, где таились уже в земле семена Возрождения, но где, однако, младшие современники Рослина, прославленные Дуччо и Чимабуэ не поднимались до такой предренессанской живости и глубины...

Историкам искусства еще предстоит в полном объеме познакомиться нас с творчеством Тороса Рослина. Перед нами встанет мастер-виртуоз, всем своим творчеством рвущийся к реальному, светлому, гуманистическому восприятию мира, художник-философ, стремившийся глубоко осмыслить свое время.

Ким Бакиш. Судьба и камень. М., 1983.

ЦАРЬ ПЕСНОПЕНИИ

(о Саят-Нове)

Певцом, вознесшим поэзию ашугов на недостижимую до него высоту, был Саят-Нова; мощью своего гения он превратил ремесло народного певца в высокое призвание поэта. Можно сказать, что все, что сделали предшественники Саят-Новы, ничтожно пред его подвигом и как бы померкло в лучах его славы. Саят-Нова первый доказал своим примером, какая сила таится в голосе народного певца, — показал, что этот певец не только увеселитель на пиру, но и учитель, пророк, как бы ни казался легкомысленны темы его песен. Саят-Нова воспринял манеру своих предшественников, но придал ей чекан совершенства, — и вдруг стало ясно, какое богатство, какая роскошь скрывается в той песне ашугов, к которой многие относились слишком поверхностно.

В то время, когда умирала монастырская поэзия ученых монахов, Саят-Нова дал почувствовать, что армянская поэзия жива, — она только ушла из монастырских стен в народ и зазвучала

в свободных песнях ашугов, распеваемых на базарах, на площадях и на семейных торжествах, в скромных домах простодушных.

Саят-Нова наполнил своей жизнью весь XVIII век, так как родился в Тифлисе в 1717 году, а умер (был убит) там же в 1795 году. Подлинное имя поэта — Арутин; Саят-Нова — псевдоним, означающий, согласно толкованию Ов. Туманяна, «царь песнопений», или «владыка музыки» (на языке индустали, который был широко известен в Передней Азии).

Отец отдал маленького Арутина учиться к ткачу, но мальчик с ранних лет мечтал стать ашугом; он в свободные минуты усегал слушать состязания певцов и сам учился играть на каманче, на чонгуре и на таре. Рано стал Арутин и сочинять песни, которые распевал сначала в домах родственников, потом у ближайших тифлисцев, которые приглашали к себе талантливого юношу. Успех побудил Арутина окончательно отдаться ремеслу певца; он принял имя Саят-Нова и скоро сделался любимейшим ашугом во всем Тифлисе.

Дальнейшая жизнь Саят-Новы еще недостаточно исследована. Известно только, что он пользовался покровительством грузинского царя Геракла II, который высоко ценил дарование Саят-Новы и сделал его своим придворным певцом. При дворе грузинского царя разыгрался и основной роман знаменитого ашуга: его любовь к грузинской царевне, которой посвящено большинство его стихотворений. Позднее, уже в немолодые годы Саят-Нова покинул блестящую жизнь при дворе и вступил в монастырь Сурб-Пшана в Агдабе; это решение поэта связывают со смертью его жены Мармар в 1770 году. В монастыре Саят-Нова принял имя Давида и, согласно новейшим разысканиям Ов. Туманяна, был возведен в сан тифлисского епископа.

Этот сан был дан бывшему ашугу католикосом исключительно по настоянию царя. Но и за монастырской стеной епископ Давид не мог победить в себе влечение к поэзии: он продолжал писать стихи и тосковал по публичным состязаниям...

В 1795 году Ага-Мухаммед-хан персидский обложил Тифлис, и населению угрожала жестокая резня. Узнав об этом, престарелый ашуг, оп же епископ Давид, покинул свой уединенный монастырь и поспешил в столицу, чтобы спасти свою семью. Ему удалось удалить из города своих детей в Моздок, где они были в безопасности. Но сам Саят-Нова или не успел уехать, или не захотел покинуть своих сограждан в беде. Как бы то ни было, Саят-Нова был в Тифлисе в тот день, когда город был взят персидским полчищем. Поэт-епископ вместе с толпой народа молился на коленях в соборе. Персы потребовали, чтобы все вышел из церкви и принял ислам. Саят-Нова отвечал одним стихом по-татарски:

Ни храма — нет, не выйду я, не отрекусь я от Христа!

Мусульмане вытащили старика из собора силой и убили его на пороге. Теперь на этом месте поставлена мраморная доска, на которой вырезаны дата рождения и смерти Саят-Новы и его три стиха:

Не всем мой ключ гремучий пить — особый вкус ручьев моих!
Не всем мой писанья чтить — особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить — гранитна твердь основ моих!

...Такими поэтами, как Саят-Нова, может и должен гордиться весь народ: это — великие дары Неба, посылаемые не всем и не часто; это — избранники providения, кладущие благословение на свой век и на свою родину...

Валерий Брюсов. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков // Поэзия Армении. М., 1916.

ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

(к 275-летию со дня рождения Саят-Новы)

Саят-Нова принадлежит трем закавказским народам-братьям — армянам, грузинам и азербайджанцам, на языках которых он воспел возвышенные человеческие чувства, своим творчеством перекинул мосты дружбы между ними. Сегодня потомки чествуют Саят-Нову как великого поэта, певца дружбы народов, которого родила благодатная земля Закавказья.

В Закавказье народы питали друг к другу теплые братские чувства. «И были два брата — Картлос и Айос...» Это народная легенда, дошедшая до нас из глубины веков, была спутником наших народов на всем протяжении их долгой и нелегкой истории.

Феномен Саят-Новы — детище и проявление этого братства. Своей жизнью он доказал высокие интернациональные чувства, пал во имя Грузии, во имя свободы братского народа. И не случайно искренняя и горячая любовь, которую питает грузинский народ к Саят-Нове, считая его и своим поэтом. Ярким подтверждением тому — прекрасный традиционный праздник Вардатон, который ежегодно в мае проводится в Тбилиси у могилы Саят-Новы.

Из выступления Г. Цицишвили на торжественном вечере в Ереване, посвященном 275-летию со дня рождения Саят-Новы // Коммунист, 22 ноября, 1987 г.

ВЕЛИКИЙ САЯТ-НОВА

Воистину неисповедимы пути поэтов. Как они порой судьбой похожи бывают друг на друга! Судите сами: в 1712 году в Тифлисе родился Арутин Саядян, впоследствии ставший знаменитым поэтом Саят-Нова. В 1657 году в узбекском городе Андижане родился Боборахим, впоследствии ставший знаменитым поэтом Машрабом. Саят-Нова был ткачом. Машраб также. Саят-Нова приглашен ко двору Ираклия II, а Машраб — ко двору влиятельнейшего вельможи-правителя города Кашгара Аппанходжи.

Интриги и преследования приводят к разрыву поэтов со средой феодальной знати. Саят-Нова уходит в Ахпатский монастырь. Машраба изгоняют со двора...

В 1795 году во время варварского нашествия Ага-Мамедхана Саят-Нова был зверски убит. В 1711 году по приказу правителя города Балха Машраб был повешен... Такова была горькая игра судьбы. Внутренняя солидарность поэтов была такова.

Недовольные установленным миропорядком, эти народные рапсоды, вдохновенные трубадуры не щадили себя во имя истины. «Я издавна горю, сожжен! Опять меня сжигать зачем?» — вопрошает Саят-Нова. А Машраб ему как бы отвечает: «Ты скорбь Машраба, боль его не враве сравнить ни с чьей в день страшного суда вздохну, и рай в огне моем сгорит!»

Обоих поэтов можно назвать поэтами оттенков, высшими мастерами «звукозаписи», любовь была самым главенствующим мотивом их поэзии. Их газели исполнены ассонансов, аллитераций, повторных звучных, внутренних рифм, упругим содержанием, мыслью.

Как не вспомнить здесь великого Алишера Навои, воспевавшего дружбу между народами. Помните, в своей поэме «Фархад и Ширин» он благословляет любовь между узбекским царевичем Фархадом и армянской царевной Ширин. Фархад защищает родину возлюбленной от врага.

Поэма была написана шесть веков тому назад! Сегодня многие узбекские девушки носят имя Ширин... В моем родном крае есть город, названный в честь прекрасной армянской царевны, он расположен рядом с Фархадской ГЭС...

Это и есть дружба народов, за которую жил и боролся великий Саят-Нова, который сам со своей поэзией стал символом дружбы кавказских народов! Ведь миссия великих поэтов в том, что они объединяют народы.

Из выступления Мухаммеда Али на торжественном вечере в Ереване, посвященном 275-летию со дня рождения Саят-Новы // Коммунист, 22 ноября, 1987 г.

СЕМЬЯ ЛАЗАРЕВЫХ

В XIV веке, когда Армянское царство, по определению Промысла, приближалось к падению, некоторые значительные владетели и князья Армении сохранили независимость от ига поработителей. Армянские летописи свидетельствуют, что Эммануил Манук Лазарев, по пресечении в Армении царской фамилии и раздроблении государства, был владельцем некоторой части оною и боролся с властолюбием шаха Аббаса I. После усилий в войне шах обещанием преимуществ привлек знатные армянские фамилии на жительство в Испаган: он жаловал им почетные звания. Утомленный борьбою, Манук Лазарев на взаимно выгодных условиях решился водвориться с семейством в Испагани.

При втором шахе Аббасе известен был сын Манука, Лазарь Лазарев, в звании главного начальника над персидским монетным двором и казнохранителем. Правнук его, того же имени, сын Назара Лазарева, пользовался доверенностью шаха и персидского правителя. Он был определен правителем города Джульфы, состоящего в недалеком расстоянии от бывшей столицы Испагани, известной по древности и по большому народонаселению.

Как внутренние и внешние замешательства, угрожавшие опасностью, часто возобновлялись во всей Персии, то Лазарев с семейством своим решился оставить Персию. Свидетельством благосостояния, которым он там пользовался, служит еще и то, что огромный каменный дом, принадлежавший предкам Лазаревых, поныне составляет дворец владетельного хана и шахи в Испагани. Были также недвижимые имения в предместье Джульфы.

В России в это время царствовала императрица Елизавета Петровна, а впоследствии Великая Екатерина II... Прозорливый Лазарев, имевший с Россией разные сношения, признал себя полезным, по воззванию русского правительства, водвориться в ней и быть под скипетром могущественной самодержицы Екатерины II, чем остаться под властью шахов, колебавшихся на престоле. По смерти Тохмас-Кули-хана Лазарев с семейством своим прибыл в Россию. Он находился некоторое время в Астрахани, привез туда значительные денежные капиталы и редкие драгоценности. Отсюда вскоре пересек в Москву, которая для предприимчивого Лазарева обещала более средств к деятельности. Притом его привлекали здоровый климат Москвы и положение оной в средоточии империи.

Здесь он основал богатые шелковые и бумажные мануфактуры, выписал из Азии и Западной Европы искусных мастеров, приобрел способы переместить обширное заведение, выкупленное им, состоящее из пяти сот душ, в село Фряново в Богородском уезде Московской губернии, от Москвы, в шестидесяти

верстах. На его мануфактуре готовились парчи, штофы, бирхаты, не уступавшие в изяществе лионским...

Императрица Екатерина II обратила высочайшее внимание на Лазаревых: в 1776 году ее величество подтвердила грамотою Лазарю Назаровичу потомственно-дворянское достоинство Российской империи...

Таким образом водворился в России Лазарь Назарович Лазарев, отец четырех сынов, доставивших известность его фамилии в новом отечестве. Особенно старший из них Иван Лазаревич, обширным умом, образованностью и оказанными им услугами достиг высшей степени уважения. Другие его три брата, также отличавшиеся качествами ума и сердца, содействовали ему в предприятиях, полезных для правительства и для армянской нации, которой они в России были представителями, руководителями и защитниками в разных обстоятельствах...

Столь разнообразная, полезная деятельность обратила на Лазаревых благоволение монархов и признательность благонамеренных лиц. Императрица Екатерина II и император Павел I удостоивали Ивана Лазаревича высочайшими наградами. Он был прямо пожалован в чин коллежского советника, получил командорство ордена Св. Иоанна Иерусалимского, который был возложен на него самим императором Павлом. Но важнейшим награждением для Лазарева были постоянные их императорских величеств поручения по водворению армянского народа, по сношениям с иерархами армянской церкви, по разным видам политики государства и личным, особенно внимательным приемом в С.-Петербурге, Царском Селе, Петергофе и Гатчине...

В это время вместе с епархиальным армянским архиепископом Иосифом князем Аргутинским Долгоруким Лазарев имел случай изложить в подробности пред его величеством разные обстоятельства, важные сколько для правительства, столько же и для водворяющихся в Россию армянских колоний и обществ. Через его ходатайство пожалованы были высочайшие грамоты императором Павлом армянскому народу, обитавшему в разных городах империи, а именно:

Астраханскому, Кизлярскому, Моздокскому, 28 октября 1799 г.

Григорипольскому тогда же.

Крымскому тоже 28 октября 1799 г.

Дербентскому и Мускурскому тоже.

Нахичеванскому обществу вышеозначенным высочайшим указом от 4 января 1799 г. подтверждены они общею грамотою, пожалованною в 1799 г. императрицею Екатериною II...

На шестидесяти шестом году своей общепользующей жизни, 21 октября 1801 года, сей доблестный, незабвенный муж, Иван Лазаревич, к общему прискорбию скончался в С.-Петербурге. К крайнему сожалению, он не оставил по себе прямого наследника мужского пола. Две дочери его умерли в младенчестве. Единственный сын, служивший премьер-майором и генерал-

адъютантом при генерал-фельдмаршале всей армии, князе Григории Александровиче Потемкине-Таврическом, отличавшийся редкими свойствами ума, сердца, образования и учености, в цвете красоты и силы скончался в 1791 году, на 23-м году своей жизни. Пораженный ужасным злополучием, отец после убийственной утраты единственного преемника завещал все свое имение меньшему брату своему, Иоакиму Лазареву, отцу многочисленного семейства, состоявшего, за смертью других детей, из четырех сыновей и трех дочерей...

Прозорливый Иван Лазаревич, по общему семейному единодушному согласию, оказавший предпочтение меньшему брату Иоакиму Лазаревичу, не ошибся в выборе себе достойного преемника. Все его начинания и самую степень, на которую умел поставить себя этот незабвенный муж, избранный им наследник, поддержал с честью и достоинством.

В 1800 году января 4 дня действительный статский советник и командор державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского, граф Иван Лазаревич Лазарев назначил родному своему брату и наследнику внест по смерти своей в Московский опекунский совет 200 000 рублей ассигнациями, чтобы имеющею составиться из процентов значительную суммою соорудить со временем приличное здание для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации. Исполнитель этого распоряжения Иоаким Лазаревич Лазарев, соревнуя завещателю в любви к просвещению соотчичей своих и желая ускорить исполнение благой воли его, не ожидая долговременного приращения процентов, употребил на устройство лазаревского училища, как на сооружение обширного здания со всеми принадлежностями, так и на первое обзаведение, до 300 000 рублей ассигнациями.

Не вдруг это заведение заняло почетное место между первоклассными учебными учреждениями империи. Оно постепенно достигало настоящего своего состояния, по мере средств и потребностей, всегда пользуясь благоприятными обстоятельствами к своему распространению, ко внутреннему и внешнему благоустройству...

В истории Лазаревского института восточных языков должно различать три главных периода. В первом периоде по основании своем, с 1815 по 1835 год, он не пользуется никакими правами и преимуществами; это был благородный пансион. Во втором периоде ему предоставлены права гимназии. С 1835 по 1848 год Лазаревский институт значительно возвысился в материальных средствах и в учебном отношении, продолжая деятельность свою на степени училищ второго разряда... Император Николай I в 1848 году возвысил его на степень первоклассных заведений — университетов и лицеев, под названием Лазаревского института восточных языков. Отсюда начинается третий период института.

Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863.

История XIX столетия, когда началась единая жизнь России и Закавказья, чрезвычайно богата войнами. В ту пору внешняя опасность часто угрожала нашей Родине со многих сторон, и совершенно естественно, что представители всех народов имели случай принять участие в боевых делах. Сейчас бесполезно вспомнить некоторые имена великодушных военачальников, суворовских учеников Кутузова и Багратиона.

Одним из таких блестящих самородков был генерал-лейтенант Валериан (Ростом) Григорьевич Мадатов. Армянин по национальности, уроженец Нагорного Карабаха, области издавна беспокойной, тревожимой набегами персидских сарбазов, он с самом раннем детстве испытал впечатления войны. Походы Суворова воспитывали его честолюбивые мечты и жажду подвига. Семнадцатилетний Мадатов в год, когда Суворов стяжал бессмертную славу победами в Альпах, поступил портупей-прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Спустя 9 лет он уже был капитаном, что надо признать карьерой удивительно быстрой по тем временам, и принял участие в войне с Турцией, на молдавском театре войны...

Мадатов участвует во многих боях. Под Рассеватом, где Багратион наголову разбивает корпус Хосров-паши, Мадатов с двумя эскадронами обратил в бегство четырехтысячный отряд неприятельской кавалерии. За этот бой он был награжден золотой шпагой.

— Невероятно! — сказал наблюдавший за его атакою Багратион. Он видел — и не поверил. В его устах это было больше, чем похвалой. Это было признанием. Оно сразу обратило на Мадатова внимание широких кругов армии. Он сделался необычайно популярным среди молодого офицерства.

В рядах Александрийского гусарского полка ротмистр Мадатов отличается при Татарице, а при деревне Чаушкой, уже майором, получает Георгиевский крест (орден Георгия 4-й степени) за свое второе безумие: с одним эскадронам гусар он рубился в многочисленную колонну противника, рассеял ее и захватил орудие. К Мадатову вполне подходило замечание, сказанное генералом Каменским о Кульневсе:

Если его пускать во все сражения, он, господа, нас всех обгонит и в дураках оставит.

Как бы подтверждая это, Мадатов в Балтийском сражении с двумя сотнями рассеивает четырехтысячную колонну врага, так что производится в подполковники. Это счастливец, это любимец войны.

Веселый гуляка, танцор, остряк и отличный рассказчик, он любим товарищами, обожаем солдатами.

Он оспаривает славу у Кульнева, тогдашнего кумира русских кавалеристов...

Наступает 1812 год. Мадатов командует авангардом в кавалерийском корпусе генерала Ламберта, неплохого конника, о котором говорили, что он не знает препятствий.

За бой под Кобрином Мадатов награжден орденом Анны 2-й степени с бриллиантами. Спустя две недели, под Городечно, он опрокидывает с двумя эскадронами австрийскую кавалерию, атаковав ее с фланга и с тыла, и получает звание полковника. Через 12 дней, вытеснив неприятеля из Туриска, гонит его до самого Бреста, сражается с польским генералом Коцецким и разбивает его. В ноябре сражается на Березине, у Борисова, где теряет своего начальника Ламберта, выбившего из строя из-за ранения.

Уже без Ламберта Мадатов захватывает в плен двух французских генералов, 25 офицеров и 400 солдат (за эту операцию награжден орденом Владимира 3-й степени), участвует в занятии Дрездена, отличается в сражении при Люцене (награжден золотой саблей с бриллиантами), Бауцене и Лейпциге, где, будучи ранен, остается в строю и только по окончании сражения отправляется на лечение. Генерал-майор Мадатов возвращается в строй уже ко взятию Парижа, фельдмаршал Дибич говорил о нем:

— Мадатов — русский Мюрат.

Это говорится в дни величайших успехов Ламберта и Платова, героической славы Кульнева, фантастической популярности Дениса Давыдова.

В 1816 году Ермолов, получив назначение командиром отдельного Кавказского корпуса, берет с собой и Мадатова. Он поручает молодому генералу его родину — Карабах, а вскоре и соседние ханства — Шекинское и Ширванское.

С детства знавший азербайджанский язык, прекрасно владевший родным армянским и, конечно, умевший отлично говорить по-русски, великолепно разбиравшийся в местных обычаях и обладавший благородным открытым характером, Мадатов был лучшим кандидатом для данного поста.

Обаятельный человек, он не просто лихой гусар, каким считает его даже такой близкий друг, как Денис Давыдов. В характере Мадатова сложно переплетаются черты европейца и азиата, он искуснейший дипломат, толковый администратор, тонкий разведчик.

Ермолов бросает Мадатова в Дагестан на борьбу с феодальным ханством, затем снова возвращает его в Карабах, где наступает благодаря энергии Мадатова полоса спокойствия. Теперь «женщина в Карабахе может ходить безопасно с блюдом золота на голове», — говорили в народе.

В 1826 году неугомонный Аббас Мирза затевает войну с Россией. Мадатов успел собрать только десять рот пехоты при шести пушках. Он встречает десять тысяч солдат противника у Шамхоры. Чтобы скрыть малочисленность своих войск, ему приходится прибегнуть к небольшой хитрости: во время боя он

двинул на рысях обоз за атакующими колоннами. Поднятая ими пыль была сочтена противником за движение сильных резервов, и он отступил.

В то время Шуша, родной город Мадатова, подвергался жестокой атаке. Гарнизон состоял из народного ополчения. Победа над Шамхором заставляет Аббаса Мирзу снять осаду Шуши и со всеми силами двигаться к Гандзаку (Кировабад).

Фельдмаршал Паскевич приказывает Мадатову ждать подкреплений. Но на Кавказе не принято было отклоняться от боя, подобная нерешительность уже сама по себе являлась моральным позором. Мадатов решает принять бой и выигрывает его. С двухтысячным отрядом из волонтеров Грузии, армян и азербайджанцев, подкрепленных во второй линии ими 6-ю батальонами пехоты и 3 полками кавалерии, он рассеивает 36 тысяч сарбазов.

Мадатов берет на себя всю тяжесть сражения, водит войска в штыки, располагает орудия, бросается в контратаки.

— Ваше превосходительство, отъезжайте назад, вас видят, в вас метят... — уговаривают его офицеры.

— Это хорошо, что они видят, — отвечает Мадатов, — скорей уберут.

Действительно, так и случилось.

За эту победу Мадатов был произведен в генерал-лейтенанты.

Неправдоподобная, сказочная храбрость Мадатова становится известна всему Кавказу, личность его делается народной.

Армянский писатель Хачатур Абовян писал о нем: «Тот, кто сам видел дела Мадатова или хотя бы слышал о нем, поймет, что не зря имя его сохранилось в памяти персов и кызылбаши. Перевернется мир, но память о нем останется неизгладимой среди нашего народа...»

Вскоре Мадатов отправился в Петербург и, так как назрела новая война с Турцией, скоро оказывается на Балканском театре войны. Ему было все равно, где воевать, лишь бы воевать. Он мог бы сказать о себе: «Мой родной дом — поле сражения».

На Балканах военный талант Мадатова мужает и крепнет. В качестве командира гусарской дивизии он славно участвует в сражении при Кулевче, за что получает орден Александра Невского, затем начальствует над всей кавалерией, собранной под стенами крепости Шумла. Здесь удается ему еще раз подтвердить свою славу — русского Мюрата — и вписать свое имя в список лучших кавалеристов мира атакой в конном строю сильно укрепленного редута, защищаемого превосходными силами пехоты. Но здоровье Мадатова уже не то, что раньше. Он давно болен горловой чахоткой, а теперь она вспыхивает с особой силой и в несколько дней уносит в могилу человека, которого столько раз обходила стороной смерть на полях сражений.

И происходит нечто совершенно небывалое в истории войны. Комендант крепости Шумла предлагает русскому командованию похоронить генерал-лейтенанта Мадатова в армянской церкви города Шумлы, того самого города, который русская армия как раз осаждала и еще не взяла. Такого рыцарского внимания к отваге своего противника не проявлял никто.

Были на время открыты ворота осажденной крепости и пропущен внутрь отряд, назначенный для отдания воинских почестей. После погребения осада возобновилась. По окончании этой войны прах Мадатова был перенесен в Александро-Невскую лавру. Так закончилась эта бурная, блестящая жизнь...

«Только видевшие его в пылу сражений могут знать, до какой степени простиралась его неустранимость, — говорит биограф Мадатова. — В его мгновенной решимости было какое-то вдохновение».

Солдаты верили в Мадатова, как в живой талисман. «С ним ни один даром не пропадет», — говорили они.

Павленко П. Генерал Мадатов. Красноармеец. 1943. № 20.

ХАЧАТУР АБОВЯН

Выдающийся армянский писатель и просветитель XIX века Хачатур Абовян своим творчеством положил начало новому этапу армянской литературы и заложил основы истории развития новоармянской литературы.

Хачатур Арутюнович Абовян родился 15 октября 1809 года в селении Канакер близ Еревана, в крестьянской семье. По мнению некоторых исследователей, предки Абовяна переселились из Лазистана. Отроческие годы будущего писателя прошли в родной деревне. В душе чуткого и любознательного мальчика навсегда запечатлелись картины горя и страданий армянского крестьянства.

Некоторое время Х. Абовян учился в Эчмиадзине, затем епископ Антоний в 1821 году взял его с собой в Тбилиси и отдал в обучение к проживавшему там священнику из Карабаха... В 1824 году, как только в Тбилиси открылась семинария Нерсисян, он одним из первых переходит туда учиться... По окончании школы (1826) Х. Абовян некоторое время пробыл в монастыре Ахпат-Санаин. В это время он посещает Сигнахи и Телави... В апреле 1828 года покидает монастырь и уезжает в Армению. Здесь он начинает работать в Эчмиадзине секретарем и переводчиком у католикаса.

В 1829 году Эчмиадзин посетил профессор Дерптского (ныне Тартуского) университета Ф. Паррот. Целью его путешествия было восхождение на Арабат для проведения метеорологи-

ческих наблюдений. Х. Абовян познакомился с Ф. Парротом и, как знающий русский язык, в качестве переводчика сопровождал его в экспедиции... При активном содействии ученого Х. Абовян добился разрешения продолжить учебу в Дерптском университете. В 1830 году он по Военно-Грузинской дороге выезжает в далекий Дерпт...

По возвращении из Дерпта Х. Абовян начинает свою педагогическую деятельность. Его назначают смотрителем Тифлиского уездного училища (1837). В эту пору там учительствовал выдающийся азербайджанский писатель и просветитель Мирза Фатали Ахундов, после ухода которого его место занял известный азербайджанский поэт Мирза-Шафи. С двумя этими славными сынами братского азербайджанского народа Х. Абовяна связывали отношения личной дружбы и общности убеждений.

В 1837—1838 годах Х. Абовян открывает в Тбилиси частный пансион, где грузинский язык и закон божий преподавал священник Захарий Мчедлишвили (он упоминается в архивных материалах тифлисского восстания амкаров 1865 года).

Число учащихся-грузин в частном пансионе Х. Абовяна, по-видимому, было невелико. Среди них назovem Иосифа Георгиевича Зубалашвили, перу которого принадлежат комментарии о городе Вероне (приложение к грузинскому переводу бессмертного творения Шекспира — трагедии «Ромео и Джульетта»). В пансионе Х. Абовяна в течение двух лет учился известный общественный деятель и редактор журнала «Цискари» Иван Кереселидзе, который воспитывался в семье грузинского романтика Александра Орбелиани...

В Тифлисском уездном училище учениками будущего писателя были Илья и Григорий Бараташвили, которые в дальнейшем сотрудничали в журнале «Цискари»...

Значительное место в литературном наследии Х. Абовяна занимает грузинская тема. И это вполне естественно, поскольку писатель большую часть своей сознательной жизни провел в Тбилиси, принимая участие в политической и общественной жизни города. В этом отношении представляет интерес фрагмент неоконченного письма Х. Абовяна, озаглавленного «Дорогой друг». Этот фрагмент датируется 1836 годом. Адресат неизвестен; возможно, такое обращение всего лишь литературный прием, использованный писателем... Из содержания письма явствует, что его автор собирался написать обширный очерк историко-этнографического характера о прошлом и настоящем города Тбилиси...

Тбилиси в древнеармянской письменности и художественной литературе — одна из излюбленных тем. Армянские писатели и историки посвятили Тбилиси немало произведений... Х. Абовян — первый армянский писатель, который продолжил эту традицию в новоармянской литературе и посвятил разгорению Тбилиси, этой величайшей трагедии в истории грузинского на-

рода, художественное произведение «Последнее прощание от-важного царя Ираклия» (1838)...

Тяжкие, поистине потрясающие поэтические картины нашествия Ага Магомет-хана рисует Х. Абовян в стихотворении «Глас вопиющих...» Дата его создания не проставлена, но, по-видимому, оно написано в 1837—1838 годах в Тбилиси. Трудно найти в армянской поэзии XIX века другое художественное произведение, посвященное разорению Тбилиси Ага Магомет-ханом в 1795 году, которое было бы проникнуто такой искренней и глубокой скорбью. Поэт изображает бесчинства, творимые разъяренными вражескими ордами, зверства кровожадных персидских солдат. Жестокости полчищ Ага Магомет-хана армянский поэт переживает как зло, причиненное его родному краю...

Перу великого армянского писателя и просветителя принадлежит созданное в 1842 году стихотворение «На храмовом празднике Мтацминды». Стихотворение посвящено религиозному празднику, который отмечался в церкви св. Давида на горе Мтацминда и был известен как день поминовения Давида Гареджийского. Этот день приходился обычно на весенние месяцы и праздновался в четверг, следующий за Вознесением. В этот день тбилисцы целыми семьями поднимались на Мтацминду. Именно такая картина запечатлена в поэтических строках стихотворения, пронизанного нежным лиризмом и легкой грустью...

Роман «Раны Армении» признан не только лучшим творением Х. Абовяна, в котором рельефно выражены идейно-художественные и общественные взгляды писателя, этот роман в то же время положил начало развитию новоармянской литературы (XIX в.). Это первый армянский реалистический народный роман, в котором получила широкое отображение борьба армянского трудового народа за свободу и независимость отчизны. Главный герой этого произведения, Агаси, — выходец из народных масс. Вместе со своим отрядом он самоотверженно борется за освобождение родного края от чужеземных поработителей. На фоне русско-персидской войны 1826—1828 годов показана борьба армянского народа против засилья персов в Армении...

Агаси со своим отрядом доблестно сражается против персов, а потом, пылая жаждой мести к врагам, отправляется к генералу Мадатову и просит принять его в русскую армию, чтобы он мог еще сильнее бить врага и освободить многострадальную родину от персов. В рядах русской армии Агаси принимает участие в освобождении Еревана. С душевным трепетом навещает он старика-отца, которого сардар заключил Ереванскую крепость. Отец Агаси доживает последние минуты и испускает дух на руках у сына. Враг выследил Агаси, патриот, пронзенный его коварной пулей, за смертью падает рядом со своим отцом.

Х. Абовян работал над романом в 1840—1847 годах. При жизни писателя произведение не было опубликовано, но быстро распространилось в рукописях и снискало популярность. В 1858 году по инициативе учеников Х. Абовяна в Тбилиси был издан роман «Раны Армении»...

«Раны Армении» — произведение многоплановое. Оно охватывает весь духовный мир армянского народа, повествует о былом величии Армении.

Автор проповедует в романе идею расширения и упрочения исторической дружбы народов Закавказья. Символически дружбу армянского, грузинского и русского народов Х. Абовян выразил в образе рек Волги, Зангу и Куры, между которыми царит полное согласие. По глубокому и справедливому убеждению писателя, у народов Закавказья один общий исторический путь, который они должны пройти рука об руку с русским народом.

Бондо Арвеладзе. Грузино-армянские литературные связи XIX—XX вв. Тбилиси, 1979.

ХАЧАТУР АБОВЯН И ЕГО СВЯЗИ С ПЕРЕДОВЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ АЗЕРБАЙДЖАНА XIX ВЕКА

Великий сын армянского народа, основоположник современной армянской литературы и современного литературного языка, писатель-гуманист, поэт и школьный учитель Хачатур Абовян с самого начала своей просветительской деятельности был связан узами крепкой идейной дружбы с современными передовыми представителями общественной мысли Азербайджана — с Мирзой Фатали Ахундовым и Мирзой Шафи Садык оглы Вазехом, а также со многими другими азербайджанскими писателями и просвещенными людьми того времени. С некоторыми из них он мог познакомиться при посредстве М. Ф. Ахундова, а с некоторыми при посредстве Мирзы-Шафи...

...Х. Абовян прежде всего познакомился и вскоре очень близко сошелся с М. Ф. Ахундовым. Абовян вернулся из Дерпта на Кавказ в конце 1836 г. 12 февраля 1837 г. он поступил на службу в качестве исполняющего обязанности штатного смотрителя в Тифлисское уездное училище. Здесь же, всего несколькими месяцами ранее его, начал свою работу в качестве преподавателя азербайджанского языка Мирза Фатали Ахундов, который с 1834 г. находился в Тифлисе, состоя в должности переводчика в канцелярии Кавказского палатничества. Здесь, в этом училище, они и познакомились.

В архиве Ахундова сохранилось свидетельство, выданное Абовяном Ахундову при оставлении им службы в указанном

училище. Оно имеется также в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР в Тбилиси. Текст свидетельства великим написан рукою Абовяна на гербовой бумаге с филигранным знаком 1834 г.

Я позволю себе привести здесь это свидетельство целиком, тем более что, насколько известно, этот документ в таком виде до сих пор полностью нигде не был опубликован (за исключением того, что один раз фотокопия этого свидетельства, но без приведения печатного текста и даже без всякой ссылки на Х. Абовяна появилась в 1938 г. в Тбилиси).

«Свидетельство.

Дано бывшему учителю татарского языка при Тифлисском уездном училище фетх-Али Ахундзаде в том, что он, г. Ахундзаде, со дня утверждения его в должности учителя, то есть от 8 декабря 1836 г. за № 8206 по 6 мая 1840 г., возложенную на него обязанность в продолжении сего времени исполнял с похвальным поведением, со всею аккуратностью и отличными успехами. Ныне же г. Ахундзаде увольняется от своей должности по собственному желанию. Просит иметь от училища свидетельство, которое и выдается ему за надлежащими подписями начальства и с приложением казенной печати.

13 сентября 1840 г.

г. Тифлис

Исправляющий должность штатного смотрителя Тифлисского уездного училища Х. Абовян».

Здесь достаточно засвидетельствована дружба Абовяна с Ахундовым. Но надо учесть, что Абовян знал настоящую причину ухода Ахундова, хотя тот в своем официальном заявлении об уходе со службы указывал как на причину ухода «расторможенное здоровье». На самом деле свое место в училище Ахундов хотел передать своему бывшему учителю и другу — Мирзе-Шафи Вазеху, который, жестоко преследуемый гянджинскими муллами, в это время очень сильно нуждался и, по всей вероятности, по совету самого Ахундова хотел перебраться в Тифлис. Абовян, как будет видно из дальнейшего изложения, поддержал инициативу Ахундова.

Но нужно сказать, что дружба между Х. Абовяном и М. Ф. Ахундовым вовсе не ограничивалась одними личными отношениями, а глубоко отражалась на творчестве каждого из них.

Говоря об Ахундове, в первую очередь надо указать на его знаменитые «Комедии», к написанию которых он приступил вскоре после смерти Абовяна. В двух из пяти своих комедий («Ибрагим-Халил Кимягер», 1850; «Скупой Гаджи-Кара», 1853) Ахундов, так же как и Абовян, пропагандирует дружбу между армянским и азербайджанским народами... Еще позднее в своем последнем художественном произведении, в повести «Обманутые звезды» (1857), М. Ф. Ахундов также затрагивает этот вопрос...

Позднее, когда М. Ф. Ахундов, намного переживший Х. Абовяна, своего безвременно погибшего друга, уже перестал писать, он не прервал живых связей между азербайджанскими и армянскими литераторами. Он поддерживал дружбу с выдающимися армянскими артистами. Одни из них переводили его песни на армянский язык, а другие — играли их на сцене...

О связи Мирзы-Шафи Вазеха с Х. Абовяном мы бегло говорили выше, основываясь на свидетельстве, выданном Х. Абовяном М. Ф. Ахундову при оставлении им училища, руководимого Абовяном. Этот документ проливает свет и на то, когда и как познакомился, а вскоре совершенно так же, как с Ахундовым, сблизился Абовян с Мирзой-Шафи Вазехом...

...Мирза-Шафи Вазеха с Абовяном познакомил М. Ф. Ахундов. Представляется вполне возможным с достаточной достоверностью определить и более точное время этого знакомства. Оно могло произойти в конце марта или в течение апреля 1840 г., так как указанное выше прошение Ахундова об увольнении датировано 20 марта 1840 г., а Абовян Мирзу-Шафи рекомендовал на место Ахундова уже 3 мая того же года. В конце концов Абовян, несмотря на ряд препятствий, добился утверждения Мирзы-Шафи Вазеха на этот пост...

И Х. Абовян, и М. Ф. Ахундов, и Мирза-Шафи звали трудящихся своих национальностей к братству. Разумеется, их отношения между собою были такими же братскими.

Али-Аждар Сеид-заде. Хачатур Абовян и его связи с передовыми представителями Азербайджана XIX века. Баку, 1960.

РОЗЫ И РАНЫ АРМИИ

(к 175-летию со дня рождения Хачатура Абовяна)

В истории каждого народа — великого или малого — есть фигуры, которые олицетворяют собой, всей жизнью своей и самоотверженной, подвижнической деятельностью самые заветные, живые и плодотворные силы духовного потенциала нации. Возвышенным и благородным светом любви к своему народу, действительным стремлением отдать все силы, а если надо, то и саму жизнь во имя этой любви, озарено все, что совершает такой человек, сколько бы ни прожил он на свете. Именно таким светочем для своего народа был великий писатель и мыслитель, просветитель-демократ, верный сын Армении Хачатур Абовян (1809—1848).

Есть высокий и поучительный смысл в том, что, прочитав в 1841 году рукопись романа Х. Абовяна «Раны Армении», один из просвещенных друзей автора воскликнул: «Родился наш, армянский Ломоносов!» За свою короткую жизнь Х. Абовян сле-

дал так много в разных областях культуры и науки, таких, как философия и педагогика, лингвистика и этнография, что это еще и еще раз заставляет подумать о могучей силе личности, когда в ней соединены талант и трудолюбие, полет мысли и широта взглядов. И, главное, когда все это подчинено «одной, но пламенной страсти», какой была для Абовяна безграничная любовь к Армении.

Прежде всего и в первую очередь мы называем Абовяна писателем, чье творчество ознаменовало новый период в армянской литературе. Создание романа «Раны Армении» на новом литературном языке, понятном и доступном каждому армянину, — главное в его творческом наследии. Запечатлеть именно этот язык в литературе, обучать на нем молодежь, приобщая ее к миру знаний, — было самой заветной мечтой Абовяна...

Начальное образование Абовян получил в знаменитом Эчмиадзинском монастыре. После его отъезда в Тифлис, тогдашний военно-административный и культурный центр Закавказья. Там, в армянской школе Нерсисяна, юный Абовян продолжил свое обучение. Сама атмосфера Тифлиса с отчетливо складывавшимися формами культурной жизни пробуждала у способного юноши жадный интерес к знаниям... Все более и более отчетливым и осознанным становится его стремление продолжить образование — он мечтает о поездках в Москву или Петербург и даже в далекую Венецию...

Пребывание в Дерптском университете (1830—1836) — важнейший период в биографии Абовяна, ознаменовавший его подлинное духовное становление. Именно здесь закладываются основы глубоких энциклопедических познаний, чертами которых отмечена вся последующая творческая деятельность Абовяна. Он изучает иностранные языки, обращается к лучшим произведениям европейской мысли и художественной литературы. Неудивительно, что его разносторонняя творческая деятельность входит в пору подлинного расцвета.

Он пишет много лирических стихотворений и басен, обращается к переводам из европейских и русских авторов. Гомер, Гёте, Шиллер, Руссо, Томас Мор, Карамзин, Крылов — один лишь перечень писателей, привлекавших внимание Абовяна-переводчика, говорит о многом...

В дерптский период Абовян принимается за исполнение величайшей задачи общенационального значения. Размышляя о судьбе родного народа и его духовной культуре, он приходит к мысли, что живой разговорный армянский язык — ашхарабар — должен стать именно тем языком, на котором нужно создавать литературные произведения, обучать в школах детей. Позже, в своем великом романе «Раны Армении», написанном именно на этом языке, Абовян посвятит этим вопросам множество тщательно продуманных и глубоких суждений.

Это был тот путь, по которому пошла армянская литература после Абовяна: она в лице самых ее выдающихся представите-

лей, таких, как Микаэл Налбандян, Ованес Туманян и многие другие, засвидетельствовала благодарную признательность Абовяну за его великий подвиг...

Абовян многие вдохновенные страницы и в романе, и в других своих сочинениях посвятил теме братской любви к России, к русскому народу, принесшим Армении избавление от угрозы полного уничтожения со стороны ее врагов.

И самые возвышенные из этих слов, идущие из глубины высоких и благородных чувств, начертаны на мемориале в долине реки Памбак, открытом в 1977 году, когда торжественно отмечалось 150-летие присоединения Восточной Армении к России: «Да будет благословен тот час, когда русские благословенной своей стопой вступили на армянскую светлую землю...»

Владимир Безъязычный. Розы и раны Армении // Огонек. 1984. № 41.

АДМИРАЛ Л. М. СЕРЕБРЯКОВ

(Арцатагорцян)

Новая Россия... Как много смысла в этих двух словах: наследники боевой славы дружин тмутараканских князей пришли на берега Цемесской бухты, чтобы дать им новую жизнь...

В начале 1839 года царь своим указом разделил Черноморскую береговую линию на две части: первое отделение — от устья Кубани до форта Александрия (Сочи), второе отделение — от Сочи до границы с Турцией.

19 апреля начальником первого отделения Черноморской береговой линии укрепления Новороссийск и устраиваемого им порта по представлению Н. Н. Раевского был назначен контр-адмирал Лазарь Маркович Серебряков. Главный строитель Новороссийска Л. М. Серебряков (Казар Маркосович Арцатагорцян) родился в 1792 году в крымском селе Карасубазар (Белогорск) в армянской дворянской семье. С восемнадцати лет он служил на флоте, плывал на кораблях Черного и Азовского морей: гардемарин, мичман, лейтенант. В 1828 году по участии во взятии Анапы произведен в капитан-лейтенанты, отличался к военно-дипломатической деятельности в Турции и Египте. В 1834—1836 годах в чине капитана 2-го ранга командовал линейным кораблем Балтийского флота «Полтава».

В 1837 году Л. М. Серебряков направляется в распоряжение А. А. Вельяминова. В том же году ему было присвоено звание капитана 1-го ранга, а через год — контр-адмирала. Энергичный, деятельный, Л. М. Серебряков не только организует морские перевозки грузов и десантных войск, но и сам участвует в десантах, строительстве новых укреплений. Его дороги не только в море. За первые три месяца службы на Кавказе

он верхом проделал более 6 тысяч верст в условиях весенней распутицы.

Один из представителей когорты «вольнодумцев» Л. М. Серебряков был верен устремлениям прогрессивных предшественников и самоотверженных современников. Л. М. Серебрякова можно было часто видеть среди низших чинов на строительстве фортов, адмиралтейства, пристаней, складов, дорог, жилых домов. В отношениях с людьми для него не существовало националистических предрассудков, он поощрял меновую торговлю с горцами, учредил в Новороссийске школу для детей адыгейских племен. Это было первое учебное заведение в городе.

Л. М. Серебряков хорошо знал турецкий и горские языки, местные обычаи. Это помогло ему налаживать контакты со старейшинами окружающих племен. Из этих источников он был осведомлен о настроениях горцев, о проносах турецких и английских агентов...

Л. М. Серебряков был членом Русского географического общества, собрал ценнейшие данные о землях и народах от Сухуми до Кубани, дал практические рекомендации по прокладке дороги, собрал этнографические сведения. Благодаря его стараниям в Новороссийске были открыты библиотеки, клуб, общественное собрание.

Тяжело перенес Л. М. Серебряков гибель своего сына на камчатском люнете в Севастополе. Любимец П. С. Нахимова молодой капитан-лейтенант Серебряков погиб в бою 23 марта 1855 года.

Через шесть дней после парского приказа начальник первого отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Л. М. Серебряков прибыл к месту новой службы в Новороссийск...

В 1856 году Л. М. Серебряков стал полным адмиралом и членом Адмиралтейств-совета, но душа его по-прежнему была верна Новороссийску и Черноморскому побережью Кавказа. Сразу же после окончания Крымской войны он утверждал, что Новороссийск должен быть восстановлен как город и торговый порт.

Умер Л. М. Серебряков в 1862 году в Петербурге и был похоронен на своей родине в Карасубазаре. В мае 1955 года останки Л. М. Серебрякова были торжественно перенесены на Братское кладбище в Севастополе и захоронены рядом с могилкой его сына.

Потомки первых жителей и воинов-защитников города на берегу Цемесской бухты отдают дань глубокого уважения первому строителю Новороссийска. Сегодня одна из красивейших улиц города-героя - набережная носит имя адмирала Л. М. Серебрякова.

Журкин Ю. Д., Еременко А. К., Тыщенко В. М.
Город-герой Новороссийск. М., 1983.

ГЕНЕРАЛ БЕБУТОВ

ВОТ ЭТО ЧИСТО ПО-РУССКИ,
ИЛИ
КНЯЗЬ БЕБУТОВ ПОД КАРСОМ

Лихо! — Бебутов наш славный,
Молодец из молодцов!
По-Суворовски отважно
Распатронил ты врагов.

Собрался, вилы громада
Тысяч слишком, шестьдесят —
А тебе-то то и падо,
Молодец тому и рад...

Чем врагов собралось больше,
Так и бить их веселей,
И о деле память дольше,
И оно-то посапней,

Чудо что за перепалка!
А убитых сколько тут!
Нашим было очень жарко,
Да кавказцы не дрогнут.

В рукопашную по-свойски,
Где с штыком, где с кулаком.
Они бросились геройски
И столкнулися с врагом.

Солнце просто жгло, палило,
Нет ни капельки воды.
Да кавказцам нашим было
Пипочем жар и труды.

Ко всему они привычны,
Их ничем не испугать,
И в боях всегда отличны
И не прочь — пощировать.

А драгунов и пехоту,
Что недавно к ним принесли,
Молодцы — на охоту
С собой вместе повели.

Новички-то ведь лихие —
Не уступят старикам;
Русачки они прямые,
Это видно по глазам.

Так усами и поведят:
Что за пыл у них в глазах!
Вот смотри — наколобродят,
Что кавказцы скажут: ах!

Так и вышло, вот пустились
Вместе все... вот пыль столбом:
Дымом горы обложились,
Пулей свист и пушек гром.

Лихо, Бебутов наш славный,
Молодец из молодцов,
По-Суворовски отважно
Распатронишь ты врагов.

1854

Платон Зубов. Князь Бебутов под Карсом.
Русские писатели об Армении // Сборник
сост. С. Арешян, Н. Туманян. Ереван, 1946.

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

Русский народ глубоко чтит имя Микаэла Налбандяна — выдающегося просветителя армянского народа, пламенного борца за счастье трудового народа, революционного демократа, единомышленника Белинского, Чернышевского, Герцена и Огарева.

Армянин по национальности, он был моим земляком, и в день 125-летия со дня его рождения я склоняю голову над прахом великого сына армянского народа и мысленно твержу его слова:

«Свобода! — восклицаю я,
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,

Пусть враг меня смертельно ранит.
Пусть казнь, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы.

Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

Михаил Шолохов. Собр. соч. 1980. Т.

В ВЕНОК ОБЩЕЙ БЛАГОДАРНОСТИ

(о Микаэле Налбандяне)

После человека остается его дело — мера его жизни и бессмертия. Делом жизни Микаэла Налбандяна была мысль, облаченная в слово.

Его творческая беспокойная душа всей болью и надеждой, верой и пророчеством была обращена в грядущее, к нам с вами, его наследникам и продолжателям. Он был верен единственной и верной верностью судьбе своего народа. Налбандян сам выбрал этот путь. Он любил свободу сутью своей возвышенной природы и всей логикой разума понимал великую ответственность. Он умел чувствовать время и с вершины познания определять свое назначение в нем. Он знал раны Армении не хуже Абовяна. В неразрывной слитности с бедой и чаяниями своего народа Налбандян отдал ему в признательность любви и сочувствия весь огонь и пыл, всю страсть своей молодой жизни.

Он поднимал народ на борьбу за правду и счастье жизни и приобщал его к братству всех народов. Он прославлял его истомленную историей сопротивлением душу и сам занял, не думая об этом, достойное место в кругу благородных умов человечества.

Микаэл Налбандян был единомышленником Герцена и Чернышевского — предшественников Ленина. Он называл Тараса Шевченко пророком свободы и не представлял себе, что стихи Тараса Григорьевича

Без малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Изведать пропасти страстей,
Понять на деле жизнь людей,
Прочесть все черные страницы.

Все незаконные дела
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы —
Се человек! ...

лучше всяких характеристик обрисуют его, Микаэла Налбандяна, облик.

Он прошел страдный путь народного пророка, и сырые стены Петропавловской крепости не сломили его светлого человеческого духа, его мужества. Из дальней дали шестидесятых годов прошлого века, с высокого берега Волги, из Камышина, с последнего причала жизни, Налбандян шлет нам свой огонь, свою надежду, свою боль и свое благословение. В песне нашей революции есть живой голос его души.

Микаэл Налбандян — рыцарь своего народа и человечества. Его судьба держит связь времени и поколений и учит мир мужеству слова и верности любви. И современный человек, если

он хочет не прозябать, а быть причастным к Прометееву огню, может обтачивать свой характер о камень его души. Его бессмертие там, где человек, возвышаясь над миром, умеет жертвовать собой ради грядущего праздника жизни.

И сегодня мы кладем в изголовье бессмертия Микаэла Налбандяна розы своей любви и печали.

Михаил Дудин. Поле притяжения. Л., 1984.

ГЕНЕРАЛ ТЕР-ГУКАСОВ

Наступление на Балканах развертывалось успешно, и русский солдат-богатырь уже погнал турок, как говорили болгары, в «Смайлову дуцку». Однако на Кавказе счастье изменило успеху русского оружия, и турки начали отчаянную резню армян, — десятки тысяч армянских семейств вырезались поголовно, не исключая и грудных младенцев. Тер-Гукасову, таким образом, пришлось со своим отрядом, истомленным в неравных битвах, сдерживать натиск противника и спасти армян, которых он направил к русской границе — за неизменным лучшим дорог — страшными горными тропами, где ходили одни дикие кошки и джейраны, и этот неимоверно тяжкий путь остался в памяти армянского народа навечно.

Но обо всем этом в Баязете еще ничего не знали, а совещание, на котором должна была решиться судьба одинокого гарнизона, началось как-то странно...

Штокович прошел к себе, рассовал по карманам сюртука три плотных кожаных кисета. Потом отправился в каземат, где расположились беженцы и остатки милиции. Ни слова не говоря, комендант развязал один из кисетов, и на стол с тяжелым звоном потекло золото червонцев.

— Вот, — сказал он, сгребая золото в кучу, — надо выбраться из Баязета и связаться с генералом Тер-Гукасовым, чтобы рассказать ему обо всем... Кто решится пойти?..

Люди молчали, и Штокович, ругнувшись, раскрыл второй кисет. Теперь перед ним лежала целая горка золота.

— Еще раз спрашиваю — кто беден и смел?

Из темноты выступил молодой горец с жестким горбоносым лицом, сведя ладони на длинном кинжале.

— Я сын Петросяна — Самсон Петросов. Турки убили мою мать и сожгли мой дом. У меня осталась теперь только жена и вот этот кинжал. Позволь, русский начальник, я пойду к Сурп-Оганесу, даже не беря этот бакшиш!

Штокович ссыпал золото обратно в кисеты, протянул их армянину.

— Бери, — сказал комендант. — После войны оно пригодится тебе. Купишь новых волов и построишь новый дом. Только сей-

час оставь деньги жене... Спустишься с крепости по веревке, чтобы тебя никто не заметил. Оденешься курдом. Я дам тебе записку к Арзасу Артемьевичу. И мы будем молить за тебя бога!..

«На голову мне, — рассказывал Самсон Петросов, — надели колоз из войлока, обмотали голову тряпками, нарядили курдом. Выждав тишины, когда прекратилась перестрелка, меня спустили со стены вышиной в сажень. Я упал на трупы, которые валялись тут во множестве.

Отвратительный запах и безобразный вид навели на меня страх. Собаки, рыскавшие вокруг, подняли лай. Курды догадались, что кто-то вышел из крепости. Началась стрельба, но ни одна пуля меня не коснулась. Я продолжал ползти между трупами и находился уже у края скалы, как вдруг увидел курдов, идущих ко мне. Я бросился тогда со скалы в ущелье, отчего повредил себе ногу.

Выбраться из ущелья оказалось трудно: земля была рыхлой, и я все время скатывался обратно вниз. Так промучался я всю ночь и только к рассвету нащупал под собой тропинку, по которой, сняв с себя обувь, кое-как выбрался из ущелья. Тут сразу же наткнулся на турецкие пикеты. Чтобы отвести от себя подозрение, я сам бросился к ним, крича еще издали:

— Спасайтесь, русские лезут из крепости!..

Поднялась тревога. Курды мгновенно очутились верхом и ускакали в разные стороны. Но вскоре мною овладел новый ужас: человек двести курдов шли недалеко от меня. Погиб, решил я, и бросился в яму, наполненную водой. Это, решил я, будет моим причастием, если увижу, что надо расставаться с жизнью. Но курды прошли мимо, не заметив меня...

Вот я наконец добрался до Сурп-Оганеса. Здесь меня хорошо встретили русские, но один майор вообразил, что я курд и лазутчик Фаиш-паши. Напрасно я убеждал его в обратном — он велел своим казакам вывести меня на двор и расстрелять.

— Разве же может курд, — говорил я майору, — так хорошо беседовать по-русски, как это делаю я?

Майор и слушать меня не стал. Казаки вывели вашего несчастного Самсона Петросова и привязали его к стенке. Но тут послышалось цоканье копыт — подъехал еще один русский офицер. Он умел разговаривать по-армянски и, видя мои слезы, терпеливо выслушал меня снова. Тогда этот офицер стал ругать майора и разрезал на моих руках веревки. Потом он, на виду у всех, начал целовать меня в лицо, в глаза, в плечи. Он сказал казакам и тому майору, что я достоин не расстрела, а большей награды.

Меня тут же накормили, переодели и дали лошадь с казачьим копытом. Мы поскакали изо всех сил и скакали всю ночь и весь следующий день. Только к вечеру мы прибыли в бедный аул Дамцтох, где стоял Эриванский отряд. Генерал Тер-Гукасов сразу же меня принял в своей палатке и был поражен моим

рассказом об осаде. В армии еще никто не знал, что происходит сейчас в Баязете.

А. А. Тер-Гукасов читал донесения Пацевича и думал, что турки давно разбиты наголову. Генерал-губернатор Рославлев не мог обещать баязетцам никакой помощи. Только сейчас все поняли, что Баязет сдерживает турок от разгрома Эривани и похода курдской конницы на Тифлис, ибо войск внутри Кавказа почти совсем уже не было...

От себя мы добавим, что армянин Самсон Петросов получил тогда же золотой Георгиевский крест, сто двадцать полуимпериалов и, став офицером русской армии, помимо жалования получал ежемесячно за свой подвиг еще по сто двадцать рублей. Это все, что мы о нем знаем...

Среди полководцев Кавказского фронта генерал от кавалерии Арзас Артемьевич Тер-Гукасов был самым скромным и самым талантливым. Это он, еще задолго до похода, предложил двигать армию прямо на Эрзерум, что и было единственно правильным решением. Но его не послушались — армию раздробили на три колонны, и вот теперь бредет его эриванский эшелон, ступая опорками разбитых сапог по следам барса и горного оленя...

И вот теперь Баязет в осаде, его колонна в окружении, а сам он поседел. Тонкими струями плыл в небо дым — жгли обозные фуры. Детям (он понимал это) нужна кашка. Когда не плачут дети, тогда не плачут и матери. А когда плакали женщины, генерал забирался в бурку и тоже плакал от жалости к своему умному и доброму народу, который имеет несчастье жить рядом с турками...

— Арзас Артемьевич, — к нему подошел адъютант. — Казаки князя Амилахвари перехватили игдырского лазутчика. Баязет еще держится!

— Спасибо, душа моя. Баязет свои ключи закинул в море, и туркам, я вижу, никак не подыскать отмычек. Пошлите конный разезд по нашим следам, чтобы казаки подобрали больных и отставших.

Высоко в горах, с отшельнического подворья Эчмиадзинского монастыря, колонну эриванского отряда встретили вооруженные монахи-григоряне. Возглавлял монахов старый друг Тер-Гукасова, когда-то лихой колпогвардеец князь Вачнадзе... Монахи встретили солдат и беженцев вином и медом, дружно поскакали на лошадях по самому краю пропасти, паля из ружей в небо. Под вой ветра, тянувшегося из ущелья, поручик Вачнадзе, а ныне смиренный старец Иосиф, прокричал генералу:

— Дорога свободна, и дальше, Арзас! На Зорский перевал не выходи, вытягивай обоз к Караван-сарайскому кордону. Мы уже вторую неделю бережем эту дорогу для тебя...

Валентин Пикуль. Баязет. Л., 1961

ГРАФ М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВ

12 декабря истекшего года исполнилось двадцать пять лет со дня смерти графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова. Люди, близко знакомые с кипучей деятельностью этого выдающегося человека в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов, не находили возможным поделиться своими воспоминаниями о нем с русским обществом, а когда один из них — его бывший секретарь А. А. Скальковский — стал печатать в «Новом времени» свои записки о личности и деятельности графа Лорис-Меликова, то появление их внезапно прекратилось. Да, самые подлинные записки, как свидетельствует доктор В. Б. Бертенсон в «Историческом вестнике», исчезли, по-видимому, бесследно.

Быстрая и резкая смена событий в жизни русского общества за последние десять лет застала как бы некоторым туманом образ человека, имя которого было в одно время у всех на устах. Если в середине прошлого десятилетия это почти забытое имя и мелькало изредка в печати при упоминании о попытках задуманных им преобразований, то по большей части в сопровождении пренебрежительных отзывов о последних, причем высокомерие этих отзывов нередко свидетельствовало лишь о полном непонимании условий места и времени, в которых действовал покойный. Поэтому людям поколения, вступившего в общественную жизнь с начала девятидесятых годов, имя Лорис-Меликова ничего или почти ничего не говорит, и упоминание о нем подчас вызывает вопросительный или равнодушный взгляд, прикрывающий почти полное неведение. А между тем среди людей, игравших в русской жизни последних десятилетий крупную и важную роль, одно из ярких и в то же время трагическое место занимает граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов.

Искусный военачальник и тактичный местный администратор на Кавказе и в Терской области, он был внезапно выдвинут судьбою на самый видный пост в России, облечен чрезвычайной властью, сосредоточил на себе внимание всего мира и, пролетев как метеор, умер, сопровождаемый злобным шипением многочисленных врагов и сердечной скорбью горсточки друзей. Мое знакомство с ним было непродолжительным, свидания наши происходили после долгих перерывов, но все-таки оставили во мне неизгладимое воспоминание...

Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 года вызвал общее сознание необходимости сильной власти, единой по направлению в своих разветвлениях, обеспечивающей общественный порядок, и в то же время чуждой старой бюрократической рутине, заботившейся, в своей близорукой самоуверенности, лишь о показном порядке и благополучии и допустившей развиться тому своекорыстию, которое в 1881 году вызвало гневный призыв императора Александра III на борьбу с хищениями. По

указанию графа Дмитрия Алексеевича Милюткина выбор государя остался на харьковском генерал-губернаторе, генерал-адъютанте Лорис-Меликове, который выгодно отличался от других, посивших то же звание, своим умением действовать примирительно и твердо, находчиво и решительно, что было блестящим образом подтверждено энергическим локализованием Ветлянской чумы, на борьбу с которой он был послан. В роли харьковского генерал-губернатора, которому была выделена обширная область, он пользовался своими совершенно исключительными правами с особым тактом и пониманием истинных потребностей населения, с которыми шли вразрез практиковавшиеся приемы водворения порядка путем обречения «обывателей» на произвол и бесправие...

С первых его шагов стало ясно, что он не намерен идти избитым путем рутинных мероприятий, выработанных канцелярским способом, что он понимает невозможность держать общество в положении безучастного зрителя политической борьбы, не прислушиваясь к его упованиям, не опираясь на его доверие и не вглядываясь любовно и пылко в его нужды. Закипевшая затем вокруг него работа по устранению вопиющих злоупотреблений окружила его миссию общим доверием все порядочных людей. Облегчение цензурного гнета, тщательный пересмотр предпринятых с поспешной неразборчивостью административных мероприятий, доступность самого Лорис-Меликова подействовали живительным образом на общество, в значительной степени утратившее веру в фактическое осуществление тех начал, которые были вложены в реформы шестидесятых годов. Казалось, что в душную комнату со спертым воздухом отворили форточку — и многие почувствовали в своей груди свежую струю. Печать заговорила более свободно и смело, в различных ведомствах почувствовалось единство и определенная программа действий, а упразднение знаменитого III Отделения было встречено общим сочувствием. Летом 1880 года Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел и, пользуясь неограниченным доверием Государя, принялся за осуществление своей программы...

Летом 1885 года я поехал за границу и в августе посетил Лориса в Висбадене, где был просто растроган сердечным приемом его. Он встретил меня в гостиной, в кругу своих семейных и знакомых, радостным восклицанием: «А! Вон он! Наконец-то! Наконец!» — и при первой возможности увел меня к себе в кабинет...

Воспоминания о днях, проведенных с ним в 1885 году, у меня менее цельные и богатые. Я заметил в нем усиление горечи и большой упадок духа, чем в предыдущий год. — Он часто стал говорить о своей старости и неспособности к серьезному труду. Он стал вместе с тем тревожно относиться к материальной бедности своей семьи. Об этом он писал мне однажды подробно, еще до нашего второго свидания...

Содержание приведенного письма нельзя не поставить в связь с воспоминаниями Лорис-Меликова о действиях наших в Малой Азии в восточную войну 1877 года, с которыми он ознакомил меня летом 1884 года по поводу очень занимавшей его книги генерала Кишмишева по истории этой войны и сущности которых я тогда же записал. Вот они:

«Тотчас по объявлении войны, 11 апреля 1877 года — три русских отряда общей численностью не свыше 50 тысяч человек перешли границу Анатолии и начали наступление, совершаемое большой энергией и обычной нашей самонадеянностью и высокомерным презрением к противнику. Падение Ардагана и Баязета, вооруженного 90 орудиями новейших систем, произвело громадное впечатление на турок и вызвало среди них крайнее напряжение сил, выразившееся в призывы под знаменем Мухтар-паши из самых отдаленных уголков Малой Азии, из Багдада, Дамаска, Алеппо и т. п. всего мужского населения в возрасте от 20 до 60 лет. Благодаря этому же во второй половине июня в Эрзерумской долине были сформированы две турецкие полевые армии, нанесшие нам чувствительное поражение под Зевниом и перешедшие в столь внушительное наступление, что мы были вынуждены отступить к своим границам и снять блокаду Карса. Положение воюющих сторон было в это время совсем не равным: наши войска были сосредоточены в трех местах с интервалами в 150 верст между каждым отрядом и имели перед собою Мухтар-пашу, в каждом пункте более чем в полтора раза сильнее русских, а сзади Кавказ, волнующийся и тревожный...

Против Мухтар-паши пришлось стоять мне. Надо было удержать его от наступления во что бы то ни стало. И я стал настойчиво и неустанно его тревожить ежедневными рскогностировками, фланговыми атаками, частичными передвижениями и фальшивыми маршами, не давая ему ни минуты уснокоиться и постоянно поддерживая в нем ложную уверенность, что он или подвергается, или не нынче завтра подвергнется общему папатоению русских сил. Так задержал я его в выжидательном положении до тех пор, пока с Волги и из-под Москвы не подошли специально посланные подкрепления, и у меня оказалось к 1 сентября еще 32 свежих батальона, т. е. силы, почти равные турецким. С ними, решительно и уверенно, я вновь перешел в наступление, и за два месяца непрерывных трудов и постоянной опасности полного поражения мы были вознаграждены победою над Мухтаром на Аладже. Падение затем Карса, где я был комендантом еще в Крымскую войну, нанесло решительный удар туркам — и перед нами открылось широкое поле действий...»

Кони А. Граф М. Т. Лорис-Меликов // Голос минувшего. 1914. № 1.

РАФФИ

«Над могилами борцов нет места безутешному горю; над подобными могилами каждый народ чувствует свое духовное единство, на развалинах единичной, хотя бы и великой, человеческой жизни крешет и развивается могучая, загадочная жизнь целой нации».

Уже третье десятилетие идет с того времени, когда написаны были эти строки, посвященные памяти Раффи, навеянные той внушительной национальной манифестацией, какую невольничьи стали всенародные похороны знаменитого армянского писателя. И вот опять эти строки пришли мне на память, — в связи с тем моментом своего исторического существования, какой переживает сейчас армянский народ. В пору великих потрясений, в преддверии новой более счастливой и отрадной поры, всегда вспоминаются имена тех, кто эту новую пору задолго предвидел, кто расчищал дорогу и подготавливал почву для будущих поколений работников и борцов...

Могилы этих провозвестников светлого будущего, не доживших до осуществления своих заветных идеалов и грех, но не сомневавшихся в том, что рано или поздно они осуществятся непременно, — эти могилы становятся местом национального паломничества как посылкой дани уважения и благодарности друзьям народа и защитникам его прав. И память о почивших становится могущественным стимулом, побуждающим к еще более энергичной и единоподушной борьбе за лучшие дни...

28 лет назад многотысячная толпа проводила в Тифлисе к месту вечного упокоения прах того, кто был автором «Джалаледдина», «Хента», «Давид-Бека», «Искр». Этот скорбный день был вместе с тем торжественным знаменательным днем в летописях армянской словесности. Никогда еще похороны армянского писателя, по крайней мере в пределах России, не носили такого внушительного, всенародного, чисто национального характера.

В этот день особенно ясно сказалось возросшее с годами значение литературы в глазах представителей различных классов армянского населения. Смерть писателя получила значение общественного горя — утраты, понесенной всею нацией, которая осиротела, лишившись своего трибуна, проповедника и борца. Сохранившиеся описания похорон Раффи рисуют картину, которая, несомненно, не могла быть никогда забыта очевидцами. И не только внешние детали вроде многих десятков венков или размещенных вокруг могилы щитов с названиями лучших вещей Раффи производили особенно сильное впечатление; всего более захватывала и потрясала отзывчивость широких кругов населения, в частности народных масс, сумевших оценить писателя, желавших выразить в доступной им форме чувства скорби, благодарности и уважения.

И конечно, не романиста только чествовали в данном случае, не художественная сторона его творчества выдвигалась на первый план, а та роль, какую сыграл Раффи как вдохновитель молодежи, поборник национальной идеи, освещавший раны Армении и открывший перед армянским обществом новые, заманчивые горизонты...

Если на наших глазах турецкие армяне, «встречая тех, кто нес им избавление», сами рвались отважно в бой с вековым врагом отчизны, если в зинворах (бойцах. — *Ред.*) как бы пролился старый, доблестный дух предков — «на земле турецкого султана раздался гром, и всыхнула борьба», — то как не вспомнить того, кто с давних пор был властителем, мысли в его произведениях кажутся пророческими...

Не забудем, что во второй главе «Искр» перед нами уже организованный кружок, подготавливающий освобождение родины, постепенно завязывающий различные сношения, изучающий устройство Армении, собирающий оружие, намечающий план дальнейшей деятельности.

«Да будут благословенны те писатели, которые вдохнут в нас новый дух, которые помогут нам вернуть прежние силы, которые познакомят нас с требованиями действительной жизни!» Эти слова Кидаб-Далыса из повести «Джалаледдин» применимы прежде всего к самому Раффи. Какие бы недочеты ни отмечала критика в отдельных его произведениях, рассматривая их с точки зрения чисто художественной, как ни устарели некоторые частности, слишком ясно отражающие влияние романтизма или творчества Эжене Сю, общественное и национальное значение его деятельности остается незбылемым и в XX столетии — и сейчас ощущается особенно сильно.

«Книга может спасти целый народ», — писал когда-то Раффи... Такие книги, как «Хент» или «Искры», могут, во всяком случае, указать народу тот путь, которому он должен следовать, чтобы дождаться лучших дней.

Юрий Веселовский. Раффи как провозвестник лучших дней // *Веселовский Ю. А.* Очерки армянской литературы и культуры / Сост. А. Давтян. Ереван, 1972.

БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК И ПАТРИОТ

(к 150-летию со дня рождения Раффи)

Кто-то из мудрых сказал: история — усыпальница наших чувств. Раффи разбудил чувства, воскресил их. Это мог сделать очень большой художник и патриот. И он мог это сделать лишь в том случае, если его народ, культура его народа имели богатые традиции. Армянский народ имел такие традиции, такую

культуру, которая при всей самобытности была еще открыта прогрессивным влияниям других культур и прогрессивным идеям современности.

Мы помним о том, что появлению исторических романов Раффи, его публицистической деятельности, просветительству предшествовало событие, оставившее огромный след в истории духовной жизни армян: был напечатан роман великого просветителя-демократа Хачатура Абовяна «Раны Армении». Двадцатитрехлетний Раффи прочитал этот роман.

Мы помним о том, что ко времени творческой и просветительской деятельности Раффи все более прочными и широкими становились связи армян с русскими просветителями, революционными демократами, с русской литературой. Имена профессора Назаряна, основавшего в Москве прогрессивный армянский журнал «Юсисапайл» в середине прошлого века, Микаэла Налбандяна стоят рядом с именами Чернышевского, Герцена и Огарева.

Конечно же, не случайно одного из героев Раффи — Вардана из его романа «Безумец» — прозвали «армянским Инсаровым», имея в виду героя тургеневского романа «Накануне». Вообще Тургенев был одним из самых любимых русских писателей Раффи.

Все вы, сидящие в этом зале, лучше меня знаете, чувствуете и воспринимаете замечательное творческое наследие Раффи. Это наследие — гордость армянской культуры. Но это также и гордость наша общая, гордость человеческая, а 150-летие со дня рождения Раффи — праздник культуры, торжество культуры, которая истоками своими уходит в жизнь нации, в жизнь народа.

Михайлов А. Выступление на юбилейном торжественном вечере в Ереване, посвященном 150-летию со дня рождения Раффи // Коммунист, 22 марта 1986 г.

ДОБРЫЙ ГЕНИЙ

(об Ованесе Айвазовском)

...Весною 1840 года Академия художеств отправила своих пансионеров Гайвазовского и Штернберга в чужие края для усовершенствования в живописи. Русская академия посылала тогда своих лучших воспитанников совершенствоваться в Италию...

...И вот, наконец, они в Венеции — первом итальянском городе на пути их странствий.

Венеция удивляла двух юношей из России своим сказочным обликом. И хотя они, готовясь к путешествию, много читали о

красоте Венеции, но самые поэтические описания не передавали даже отдаленно всей прелести этого единственного в своем роде города...

Гайвазовский в первый день не мог долго любоваться пленительным городом. Он оставил Штернберга знакомиться с Венецией, а сам отправился разыскивать армянский монастырь святого Лазаря. Там находился его брат Гавриил, милый брат и товарищ его детских игр Гарик.

На Гайвазовского нахлынули воспоминания. Как давно это было, когда купец-армянин увез Гарика из Феодосии учиться в далекий сказочный город Венецию, стоящий на каналах!..

В сумерках Гайвазовский добрался до монастыря. Старый монах-армянин проводил его в келью брата.

Гайвазовский озираясь и ощущал почти физическую боль в сердце. Но брат-монах глядел на младшего брата с укоризной и спокойно расспрашивал о родных, о Феодосии, о его успехах в Академии художеств. Голос старшего брата был ровный, ни разу в нем не прорвалось волнение. Он говорил о своих ученых занятиях и тут же выпрашивал у брата-художника, достаточно ли он тверд в вере, посещает ли аккуратно храм, когда он последний раз исповедовался и причащался и кто его духовник.

Гайвазовского оставили ночевать в монастыре. Настоятель распорядился, чтобы молодому художнику отвели комнату Байрона. Это была неслыханная честь. Великий английский поэт, находясь в Венеции, посещал монахов-армян. Байрона привлекала богатейшая библиотека монастыря святого Лазаря, и у него была там комната, в которой он целыми днями работал, перебирая и читая старинные рукописи и книги. При помощи ученых-монахов Байрон стал изучать армянский язык и составил небольшой англо-армянский словарь.

Вскоре Байрон уехал из Италии и умер в Греции.

Монахи монастыря святого Лазаря берегли память о пребывании Байрона в монастыре и сохраняли его комнату как музей: там все оставалось в таком виде, как было при поэте. Эту комнату лазариты показывали только именитым гостям...

Решение настоятеля поместить в этой комнате младшего Гайвазовского подчеркивало высокое уважение к его брату-монаху. На Гавриила Гайвазовского монастырь возлагал большие надежды. Он уже и теперь славился среди лазаритов как замечательный ученый-богослов.

Ованес Гайвазовский провел ночь без сна, в крайнем волнении. Он с благоговением оглядывал комнату, в которой, как ему казалось, до сих пор витал дух великого поэта. И его волновала также судьба любимого брата Гарика...

Утром после молитвы Гайвазовский еще раз увиделся с братом. Гавриил был еще невозмутимей, чем вчера. Разговаривая с ним, младший Гайвазовский ощущал на сердце невыразимую тяжесть. Вскоре он стал прощаться с братом.

Гавриил задержал его. Старший брат сообщил ему, что он давно проявляет интерес к происхождению их фамилии. Гавриилу давно казалось странным, что фамилия их отца напоминает польские фамилии, но не армянские.

Изучая старинные книги и рукописи, Гавриил узнавал подробности: как после разгрома турками древнего армянского государства и столицы Ани десятки тысяч армянских семейств спасались бегством от преследований жестоких завоевателей в другие страны. Там они пустили глубокие корни и основали армянские колонии.

Так и их дальние предки жили когда-то в Армении, но, подобно другим армянским семействам, переселились потом в Польшу. Фамилия их предков была Айвазян, но среди поляков она постепенно приобрела польское звучание — Гайвазовский.

Старший брат предложил переменить орфографию фамилии «Гайвазовский» на более правильную — «Айвазовский».

Младший брат согласился с доводами Гавриила и даже нашел, что фамилия Айвазовский благозвучнее, приятней для уха. Отныне он решил принять эту фамилию и подписывать ею свои картины...

Незаметно прошли осень и зима в чужих краях. Айвазовский написал тринадцать больших картин и такое количество миниатюр, что он сам потерял им счет.

Наконец в Риме была открыта художественная выставка. Айвазовский выставил там свои картины. Его картины «Неаполитанская почь», «Буря», «Хаос» наделали столько шума и привлекли к себе такое всеобщее внимание, что Айвазовский сразу стал знаменитостью. О нем заговорили газеты. Ему посвящали стихи...

Вдруг Рим был потрясен необыкновенной новостью: пап римский Григорий XVI решил приобрести картину Айвазовского «Хаос» для картинной галереи Ватикана.

Некоторое время в Риме только об этом и говорили, ибо папы, как правило, приобретали картины крупнейших художников мира...

Айвазовский еще с детства любил свой родной город. С годами любовь к милой Феодосии, как и к дорогой его сердцу женой, все больше и больше растет. Иван Константинович многое сделал, чтобы Феодосия стала краше, уютнее.

Долго, очень долго страдали феодосийцы от недостатка воды. Маленький Ованес сам в детстве подолгу стоял в очереди к фонтану за ведром воды. Теперь художник решил спасти Феодосию от этого многолетнего бедствия.

Недалеко от Феодосии Иван Константинович приобрел имение Субаш. В Субаше был прекрасный источник воды. Но Иван Константинович не мог сам спокойно пользоваться этой чудесной водой, пока остальные жители страдают от безводья. И он пишет в городскую думу: «Не будучи в силах долее оставаться свидетелем страшного бедствия, которое из года в год испыты-

вает от безводья население родного города, я дарю ему в вечную собственность 50 000 ведер в сутки чистой воды из принадлежащего мне Субашского источника».

В городе построили водопровод, и жители получили воду, феодосийцы сложили песни о добром художнике и распевали их по всему городу и под балконом Ивана Константиновича. А потом воздвигли три фонтана. Один из них стоял на бульваре, он изображал женщину. В руке у нее была раковина. Из этой раковины лилась струя воды в каменный бассейн. А внизу, у подножия статуи, была палитра, украшенная лавровыми листьями. На палитре — надпись: «Доброму гению»...

Светла была душа старого художника, и в своих картинах он раскрывал перед людьми свое преклонение перед вечной красотой природы, свое благоговение перед ней. Был он, как и в юности, полон душевных сил.

Но вдруг трагические события врываются в жизнь Айвазовского. В султанской Турции погромщики устроили кровавую резню армянского населения. Об ужасах, творимых турками, с возмущением заговорили во всем мире. Армяне отовсюду обращаются к Айвазовскому, чтобы он своей кистью заклеил кровавадных убийц. Всюду знают о добром, отзывчивом сердце художника. До сих пор помнят его картины о греках-повстанцах на Крите.

Восьмидесятилетний художник потрясен новыми зверствами турецких каннибалов. И он пишет в Армению:

«Глубоким горем опечалено сердце мое этой неслышанной, невиданной резней несчастных армян».

В глубоком трауре дом художника. Лицо Ивана Константиновича в эти дни как бы окаменело, одни глаза, пылающие гневом, выдают глубокие страдания старого художника. Но он находит в себе силы и пишет картины: «Избиение армян в Трапезунде», «Турки нагружают армян на пароход», «Турки выгружают армян в Мраморное море».

Это была правдивая повесть о жестокостях, творимых султаном и его сообщниками над мирными армянами...

Эти картины Айвазовского обошли Европу: они были выставлены в России, Англии, Франции. Картины сделали свое дело — они вызвали взрыв негодования...

...В траур оделся город. Феодосия осиротела. Жизнь остановилась в городе. Магазины были закрыты, в учебных заведениях прекратились занятия. Умолк базар — вечный, неумолкающий человеческий улей... Даже войска местного гарнизона вышли проводить в последний путь и оказать художнику воинские почести, хотя не имели на это разрешения.

Айвазовского похоронили во дворе армянской церкви.

На его могиле высечена надпись на армянском языке:

«Родился смертным, оставил о себе бессмертную память».

В самом красивом месте Феодосии, на берегу моря, стоит

двухэтажный дом. На доме две мемориальные доски. На одной начертано:

«В этом доме жил и работал И. К. Айвазовский».

На другой:

«Мое искреннее желание, чтобы здание моей картинной галереи в городе Феодосии со всеми в ней картинами, статуями и другими произведениями искусства, находящимися в этой галерее, составляли полную собственность города Феодосии, и в память обо мне, Айвазовском, завещаю (галерею) городу Феодосии, моему родному городу».

В этом доме — картинная галерея Айвазовского. Сюда приезжают со всех концов нашей родины и всех частей света. Здесь хранится до четырехсот картин Айвазовского. Остальные картины великого художника — в музеях Советского Союза и зарубежных стран, во многих частных коллекциях.

У фасада картинной галереи, выходящего к морю, воздвигнут памятник. Бронзовый Айвазовский сидит на пьедестале с палитрой и кистью в руках. Глаза его устремлены вдаль, в морской простор. А море тут же, рядом, через полотно железной дороги.

Всю жизнь глядел на море живой Айвазовский, теперь он глядит на него в бронзе.

Внизу, у его ног, на пьедестале, — короткая надпись:

«Феодосия Айвазовскому».

Вагнер Л. Повесть о художнике Айвазовском. М., 1958.

БОРЕЦ ЗА СВОБОДУ ПОРАБОЩЕННЫХ

(об Андранике)

Перед тем, как был предложен этот материал к печати, в редакцию позвонил Грант Епископосян — доктор философских наук, профессор Московского университета имени М. В. Ломоносова, давний большой друг Болгарии.

— Я хочу Вам сообщить радостную весть: в Варне установлена мемориальная доска и названа улица имени Андраника...

Мы разделили его радость и почувствовали себя немного сопричастными к этому событию потому, что уже имели возможность на страницах нашей газеты рассказать об этом прославленном герое армянского народа...

Андраник Озаян родился в Шапаш-Гарахисаре (Западная Армения). Уже с юных лет он посвящает свою жизнь борьбе за освобождение армянского народа от турецкого рабства. Андраник возглавил дружицу и в неравной бесстрашной битве разгромил турок. Восстание, однако, было подавлено, а он вы-

нужден был эмигрировать. Андраник приезжает в Болгарию и поселяется в Варне.

Когда началась Балканская война, армяне стали помогать Болгарии. Созданный ими комитет за короткий срок собрал 273 добровольца, которые вливаются как рота в 3-ю бригаду Македоно-Ординского ополчения. Ее командиром стал Андраник Озаян. Рота под его командованием проявила исключительную храбрость. Она отличалась в боях за Момчилград, Узун, Хамидлер, Балкан Тореси, Мерэф, Шаркой. В специальном приказе о боях 6 и 7 ноября рота получила благодарность за проявленную исключительную храбрость, а ее командиру было присвоено офицерское звание. После захвата Родосто на груди балканского героя заблестел золотой крест «За храбрость».

Об этой болгарской награде, данной Андраннику, рассказал маршал Иван Баграмян в своих воспоминаниях, изданных в 1979 году в Ереване. «Вручая Андраннику орден, — писал он, — командующий болгарскими войсками подчеркнул, что все армяне сражались героически, как львы. Народ, который ценит своих героев, никогда не погибнет. Будущее такого народа будет светлым, его спасение близко».

Андраник Озаян приветствовал свержение царского самодержавия. 14 июня 1918 года он телеграфирует председателю Бакинского совпаркома Степану Шаумяну и просит известить, что он со своей дружиной находится в полном распоряжении Российского Центрального правительства и подчиняется ему. Но поражение Бакинской коммуны и оккупация Закавказья турецкими войсками не дают ему возможность осуществить свои планы и многолетнюю мечту. Несмотря на то что в последние годы он находился вдали от Родины, истинный патриот и интернационалист Андраник Озаян не перестает бороться за интересы своего народа. Он тепло приветствует Советскую Армению и отдает все силы для ее укрепления.

Недавно в редакцию газеты «Дружба» Грант Левонич принес журнал «Советская Армения», где в 7-м номере 1987 года помещен репортаж о событиях, связанных с нашей страной. Автор Гариб Айрапетян рассказывает о том, как зародилась и была осуществлена идея создания мемориальной доски для дома в Варне, где жил Андраник. Зачинателем этого дела стал армянский борец Норайр Мушегян — экс-чемпион мира и обладатель Кубка мира. Он был в Болгарии и познакомился с периодом жизни Андраника, связанным с Болгарией, и, когда вернулся к себе в Армению, вместе со своей женой и друзьями решил сделать мемориальную доску и передать ее варненской общественности для установления на доме, в котором жил их прославленный соотечественник.

Подходящий обломок известного армянского туфа нашли около города Октемберян. Архитектор Аслан Мхитарян и скульптор Тарнес Акопян создали в стиле армянской орнамен-

талистики проект и сами осуществили его. Сделали надписи на армянском языке: «Полководцу Андранику» и на болгарском языке: «В память Андранику». Восьмидесятикилограммовую плиту загрузили в машину и повезли в Болгарию...

Передаю рассказ словами автора Гариба Айрапетяна: «А вот и красавица Варна и прекрасный ее район Галата... Земля, которую болгарское правительство подарило полководцу Андранику, подобно полуострову, врезана в море. В прошлом Галата (по гречески — красивая) была небольшим селом, а сейчас это район Варны.

Здесь с помощью своих друзей-фидаев Андраник построил дом, посадил персиковые, сливовые, айвовые деревья, виноградники. Мебель сделал сам и весь дом из четырех комнат и гостиной оформил в армянском стиле, в котором чувствовалось искусное мастерство художника в резьбе по дереву...

Но что он мог сделать с целым полуостровом? Разделил его на 40 участков и роздал армянским воинам и болгарам. Здесь полководец венчался с Сатеник. Его кумиром был Нубар-паша. В Париже, Лондоне и других местах были собраны средства на их свадьбу. Собранное золото и другое имущество полководец разделил между осиротевшими и бедными армянами.

После этого судьба привела его на родину, где полководец дал суровый урок турецким завоевателям. Но некоторые события огорчили Андраника. Он уезжает в Америку. В 1927 году он умирает, но навсегда останется бессмертным в сердце народа.

В репортаже подробно рассказывается о встрече Норайра и Нуне Мушегян в Варне, где при содействии культурно-просветительской организации «Ереван» и варненской общественности была установлена и открыта мемориальная доска на доме, где жил Андраник Озаян — легендарный армянский герой и искренний друг болгарского народа.

*Косью Косев. Борец за свободу поработенных//
Дружба (на болг. языке), 5 декабря 1987 г.*

КОМИТАС

Ничего душа не хочет,
И, не открывая глаз,
В небо смотрит и бормочет,
Как безумный, Комитас.

Медленно плывут светила
По спирали в вышине,
Будто их заворожила
Сила, спящая во мне.

Вся в крови моя рубаха,
Потому что и меня
Обдувает ветром страха
Стародавняя резня.
И опять Айя-София
Камень ходит предо мной.
И земля ступни босые
Обжигает мне золой.

Лазарь вышел из гробницы,
А ему и дела нет,
Что летит в его глазницы
Белый яблоневый цвет.

До утра в гортани воздух
Шелушится, как слюда,
И стоит в багровых звездах
Кривда страшного суда.

*Арсений Тарковский. Комитас // В ладонях
гор. М., 1983.*

АРМЯНСКИЕ ДРУЗЬЯ ШАЛЯПИНА

Весной 1892 года девятнадцатилетний безработный хорист Федор Шаляпин попал в город, откуда начался его триумфальный путь в искусстве. Тифлис ошеломил его веселым солнцем, пестротой красок, разноязыким гомоном толпы. Он сразу почувствовал себя легко в этом незнакомом, но полном очарования, многоцветном городе. И хотя Федор голодал, утром не знал, будет ли где приютиться вечером, что-то подсказывало ему: надо потерпеть и остаться, здесь можно всерьез попытаться.

Для него настали тяжелые дни, по сравнению с которыми все предыдущие мытарства казались пустяками. Случайные выступления в городских увеселительных садах почти не давали денег, он ночевал на улице и жестоко голодал. Одна из тех, кто первым обратила внимание на его голос, была Мария Григорьевна Измирова, девушка из зажиточной армянской семьи. Она вспоминала, что, когда после выступления хора в саду на Михайловском проспекте, в котором участвовал Шаляпин, она с друзьями подошла к нему и спросила, откуда он приехал, Федор ответил: «Сначала накормили бы, а потом бы спрашивали». Измирова рассказывала:

«Это был длинноногий парень, худой, нескладный. На нем были косоворотка и какие-то немыслимые брюки (которые он именовал «пьедесталами»). На голове почему-то соломенная шляпа-канотье с черной ленточкой. Дно шляпы было оторвано, держалось сзади на одной ниточке, при ходьбе и ветре подни-

малось вверх. Немало мы смеялись по поводу этой необыкновенной шляпы...»

Положение становилось отчаянным, и Шаляпин списался со старыми товарищами по сцене, которые устроили его в оперу Перовского в Казани на вторые роли. Но новые тифлиские знакомые посоветовали ему перед отъездом еще раз попытаться счастье — пойти к преподавателю пения в музыкальном училище Дмитрию Андреевичу Усатову, дававшему также и частные уроки.

Александр Григорьевич Рчеулов, тенор, ученик Усатова, как раз в эти часы занимавшийся у него, рассказывал, что само появление Шаляпина вызвало смех присутствовавших: длинный, нескладный, в затасканной одежде. Однако, послушав пение Шаляпина, Усатов сказал, что будет заниматься с ним. Оставалось подумать, на что же ему жить.

В своей автобиографии Шаляпин вспоминает, что Усатов отправил его «к владельцу какой-то аптеки или аптекарского склада, человеку восточного типа» с письмом. Прочитав письмо, этот человек сказал, что будет давать десять рублей в месяц. И тут же выдал за два месяца вперед.

— А что же я за это должен делать? — робко спросил Федор.

— Ничего. Нужно учиться петь и получать от меня за это десять рублей в месяц.

Артист был поражен. Все это походило на сказку. Он не знал содержания усатовской записки. А в ней было сказано, что у Шаляпина удивительный, от природы поставленный голос, как это бывает только у итальянских певцов, что заниматься с ним он будет бесплатно и что помочь молодому человеку — долг всех, кто любит искусство.

Не знал Шаляпин и того, что «человек восточного типа» был не простым владельцем аптекарских складов. Константин Михайлович Алиханов (так звали этого человека) был воспитанником Петербургского университета и консерватории по классу профессора О. Л. Лещетицкого, пианистом, музыкально-общественным деятелем. Еще в 1873 году он открыл в Тифлисе первое музыкальное учебное заведение — курсы, которые были потом преобразованы в училище, а впоследствии в консерваторию. С конца семидесятых годов он больше десяти лет возглавлял тифлисское училище. Алиханов был одним из учредителей Тифлиского отделения Русского общества, которое много лет возглавлял.

В начале девяностых годов Константин Михайлович занялся коммерцией. Живущая в Тбилиси его родственница Н. К. Орловская сообщает, что он был управляющим Тифлиского коммерческого банка, одним из основателей Кавказского товарищества торговли аптекарскими товарами, но одновременно оставался и одним из директоров Тифлиского отделения Русского музыкального общества и председателем Кавказского обще-

ства поощрения изящных искусств. Все талантливое, что в области музыки нуждалось в финансовой помощи, получало его бескорыстную поддержку. Вот почему Усатов знал: Алиханов будет помогать начинающему певцу.

Благодаря Алиханову Шаляпин смог учиться у Усатова — это было единственное «учебное заведение», в котором ему довелось заниматься...

Изморова, Рчеулов и другие новые друзья Шаляпина не только учили его правилам «хорошего тона». С их помощью он с увлечением взялся за книги, особенно исторические; расспрашивал их обо всем, что ему было интересно или непонятно...

Шаляпин регулярно ходил в русский и грузинский театры, в армянском — с удовольствием смотрел спектакли по пьесам Габриэла Сундукяна «Пепо» и «Хатабала», посещал концерты крупных русских и иностранных гастролеров.

Наконец, новые друзья ввели Шаляпина в «Тифлисский музыкальный кружок» (его называли еще «кружком Арцруни» по имени владельца дома на Грибоедовской улице, где он помещался, теперь в этом доме Тбилисская Академия художеств), в котором ставились оперные и драматические спектакли...

Музыкальный обозреватель «Кавказа», первый рецензент Шаляпина Василий Давидович Корганов внимательно следил за успехами и творческим ростом артиста. Влюбленный в искусство, человек обширных знаний, получивший разностороннее образование — филологическое, техническое и музыкальное, Корганов с начала восьмидесятых годов стал выступать как музыкальный критик, сотрудничая в периодических изданиях Тифлиса, Петербурга и Москвы... Корганов и его жена Анна Александровна помогали Шаляпину не только материально. Гораздо важнее была нравственная поддержка критиком молодого певца. Он часто и доброжелательно писал о выступлениях Шаляпина на сцене кружка. А когда в сезон 1893/94 года Шаляпин был принят в тифлискую казенную оперу, он писал о «галантности, музыкальности и самообладании» певца...

Профессор Ленинградской консерватории Виргиния Баградова Арцруни рассказывает, что она помнит, как в доме ее тети В. М. Арцруни (в последние годы жизни он работал в Ереване профессором анатомии и умер в 1948 году в возрасте 92 лет), где она часто видела молодого Шаляпина, был устроен обед по случаю его отъезда из Тифлиса. Федор Иванович сказал речь, в которой заявил, что, если бы не поддержка Алиханова, если бы не доброта Усатова, не доброжелательность Корганова, не теплота Измировой, Камаева, Бебутова, Рчеулова и других его товарищей по кружку, он так и остался бы никому неизвестным хористом и никогда не стал бы оперным певцом...

Долинский М., Черток С. Армянские друзья Шаляпина // Литературная Армения. 1965, № 1.

АНАТОЛЬ ФРАНС

О злодеяниях младотурков

Младотурки, достигнув власти, превзошли Абдул-Хамида по своей жестокости в организации резни в Адане. С течением времени несчастья этих христиан Востока наскучили людям, армяне оставались чуждыми цивилизованной Европе. Армянский народ мы знали не иначе как по ударам, которые ему наносили. Мы не имели представления ни о его прошлом, ни о его духе и верованиях, ни о его чаяниях. Оставалось непонятным, за что его истребляли.

Так было еще года два тому назад. Разразилась мировая война. Турция вступила в нее как вассал Германии. И вдруг Армения и причины ее мученичества предстали перед Францией в ином свете. Мы поняли, что долгая неравная борьба турка-угнетателя и армянина — это борьба деспотизма, борьба варварства против духа справедливости и свободы.

И когда мы увидели эту жертву Турции с обращенными на нас угасшими глазами, в которых мелькнул луч надежды, мы поняли наконец, что эта наша сестра умирает на Востоке и умирает именно за то, что она наша сестра, чье преступление заключается в том, что она разделяла наши чувства, любила то, что любим мы, думала так, как думаем мы, верила в то, во что верим мы, и, подобно нам, ценила мудрость, справедливость, поэзию, искусство. Таково было ее неискупимое преступление...

Мы выполняем свой священный долг, воздаем Армении достойные ей почести, не столько за всем известные страдания, сколько за то постоянство, с каким она их переносит...

Впрочем, решение об уничтожении этого народа, который любит нас, было принято на совещаниях турецкого правительства. Все армяне, сколько их ни было, от Самсуна до Диарбекира: молодые люди, старики, женщины, дети — все они погибли, убитые по приказу султана, при соучастии Германии.

Армения испускает дух, но она возродится.

Та небольшая доля крови, которую она еще сохранила, — драгоценная кровь, из которой родится героическое потомство. Народ, который не хочет умереть, не умрет никогда!..

Из речи, произнесенной в Париже 9 апреля 1916 г. // Геноцид армян в Османской империи / Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1982.

ИОГАННЕС ЛЕПСИУС

ТУРЕЦКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЕЙСТВОВАЛО С ЗАРАНЕЕ ОБДУМАННЫМ НАМЕРЕНИЕМ УНИЧТОЖИТЬ АРМЯНСКИЙ НАРОД

Депортация армян имела место в трех различных районах и проходила три следующих друг за другом этапа. Три густонаселенными районами, где армяне составляли значительную часть населения (от 10 до 40 процентов), являются:

1. Киликия и Северная Сирия
2. Восточная Анатолия.
3. Западная Анатолия.

Район в Киликии, где они жили, включает в себя вилайет Адана и наиболее возвышенные части вилайета Алеппо, расположенные на Тавре и Аманусе (санджак Мараша). В Северной Сирии и Месопотамии они заселяли районы Алеппо, Антиохии, Суэдии, Кесаба, Александретты, Килиса, Айнтабы и Урфы.

Семью вилайетами Восточной Анатолии являются: 1. Трапезунд. 2. Эрзерум. 3. Себастья. 4. Харберд (Мамурет ул-Азиз). 5. Диарбекир. 6. Ван. 7. Битлис.

В Западной Анатолии следует упомянуть мутесаррифлик Измида и вилайеты Брусса, Кастемону, Ангору и Конию.

Депортация армянского населения Киликии начинается в конце марта 1915 г. и продолжается последовательно в течение апреля и мая. Депортация из восточных вилайетов (за исключением Ванского) начинается в конце мая и систематически продолжается до 1 июля...

Депортация из областей Западной Анатолии, начавшаяся в августе, продолжается до октября месяца...

Депортация армянского населения из восточных вилайетов Анатолии осуществляется двумя этапами. За три дня до ареста интеллигенции Константинополя, имевшего место в ночь на 25 апреля, власти приступили к аресту большого числа именных граждан-армян во многих городах внутренних областей...

С начала июня все армяне, занимавшие административные должности в государстве, были смещены со своих постов, а все врачи, с начала же войны верно исполнявшие свои обязанности в турецких военных госпиталях, были заключены в тюрьмы.

Все эти аресты тысяч армян, уважаемых и образованных людей: депутатов, публицистов, писателей, поэтов, юристов, адвокатов, нотариусов, служащих, врачей, коммерсантов, банкиров и всех зажиточных и влиятельных элементов, были произведены без какого-либо судебного разбирательства. Ни разу ни в одном случае против них не выдвигалось обвинения в соучастии в каком-либо враждебном акте, направленном против государства, или в замыслении такового. Просто они (турки)

хотели обезглавить армянский народ, прежде чем приступить к раздроблению отдельных его частей... Приказы, адресованные высшим должностным лицам, шли из Стамбула, и, несмотря на сопротивление, оказанное отдельными государственными служащими, а в некоторых случаях даже самим турецким населением, они непреклонно и неумолимо выполнялись.

Второй этап мер, предшествующих всеобщей высылке, касается мужской части населения, которая была призвана в армию или уже служила там во время этих событий. Находящиеся на военной службе армяне, по свидетельству военного министра, храбро сражавшиеся не только в Дарданеллах, но и на Кавказском фронте против России, большей частью были обзоружены и использованы для нужд армии — как грузчики или на восстановлении дорог. Почти из всех провинций были получены вести о том, что не только армяне, находящиеся на принудительных работах, были уведены в уединенные места и убиты своими товарищами-мусульманами, но и целые группы, состоящие из 80, 100 и более людей, расстреливались солдатами и военной жандармерией по команде своих офицеров...

Под предлогом несения воинской повинности оставшихся во многих городах и деревнях мужчин в возрасте от 16 до 70 лет, невзирая на то, что они заплатили налог за освобождение или непригодны к службе в армии, увели колоннами в горы и расстреляли без какого-либо предварительного следствия...

Высылку полутора миллионов жителей, рассыпанных по всем частям империи, тем более самых отдаленных от театра военных действий, ни в какой степени нельзя оправдать военными соображениями.

Единственным объяснением, которое не дает основания видеть в этом мероприятии правительства акт безумия, является то, что оно действовало согласно внутриполитическому плану и с хладнокровным расчетом и заранее обдуманном намерением поставило перед собой задачу уничтожить армянский этнический элемент.

Иоганнес Лепсиус. Отчет о положении армянского народа в Турции. Потсдам. 1916 // Геноцид армян в Османской империи.

ЯНИС РАЙНИС

БОЙНЯ СОВЕРШИЛАСЬ ПО ЗАРАНЕЕ ВЫРАБОТАННОМУ ПЛАНУ

«Армянского вопроса не существует, но мы его создадим», — сказал один представитель турецкого правительства французскому послу Камбону в 1880 году. Предсказанное исполнилось намного быстрее, чем можно было думать. Августовская резня 1896 года, как темное пятно, легла на Европу...

К несчастью армян, армянский вопрос не легко разрешить. Приходят в столкновение интересы многих стран, в которых живут армяне. Турецкая Армения «нужна» Европе, чтобы сохранить статус-кво... И «убийца в короне», как назвал султан Гладстон, пользуется своим выгодным положением...

Этими ужасами не кончились муки армянского народа, — мировая война пришла с новой резней армянского народа. Бойня совершилась по заранее выработанному плану. Руководство теперь возглавили немецкие генералы. Резня стоила армянскому народу один миллион жизней...

Чтобы забыть эти ужасы, закончим сказанное словами армян: «Но веря в духовную силу и жизнеспособность армянского народа, мы не сомневаемся, что скоро придет конец мукам этого многострадального народа!»

Янис Райнис. Собр. соч. (на латыш. яз.). Т. 18. Рига, 1983.

ФРИТЬОФ НАНСЕН

УЖАСЫ, НЕ ИМЕЮЩИЕ СЕБЕ РАВНЫХ В ИСТОРИИ

...Программой младотурок было создание некоей «Великой Турции» с турецким языком и исключительно с турецкой администрацией; даже арабы должны были быть отстранены от общественных дел. Что же касается христиан, в особенности армян, то следовало заставить их навеки замолчать...

Единственная разница между младотурками и старыми турками в их политике преследования армян заключалась в том, что первые следовали хорошо задуманному плану и по этой причине были гораздо более опасны. Многие лидеры младотурецкой партии получили образование в Пруссии*, где изучили метод истребления. Многочисленные документы этого периода подтверждают, что еще до мировой войны турецкое правительство приняло решение ослабить и «разрядить» христианское население Армении путем заселения ее другими элементами...

Младотурецкие лидеры составили план — полностью истребить этот несговорчивый «сброд». В письме от 18 февраля 1915 года, написанном одним из членов Центрального комитета младотурецкой партии «по приказанию ответственных властей» и адресованном диктатору Сирии в годы войны Джемальбею, в самом деле заявлялось, что Комитет решил очистить турецкую отчину «от этой проклятой нации, из патриотических побуждений взяв на себя ответственность за позор, который чернит османскую историю. Комитет... решил истребить всех армян, проживающих в Турции, не щадя ни одной души, и пре-

* Военное образование в Берлине получил только Энвер-паша.

доставил неограниченные полномочия правительству, которое дает губернаторам и армейским командирам необходимые распоряжения для организации резни».

Реализация этого плана была методично подготовлена.

Банды добровольцев (которые под названием «чете» снискали себе дурную славу) были завербованы младотурками из разбойников, выпущенных из тюрем, и прочих подобных элементов; все мужчины-мусульмане, еще не призванные в армию, были организованы в милицию и получили оружие, в то время как христиане оставались небооруженными.

Итак, в июне 1915 года начались эти ужасы, не имеющие себе равных в истории.

Христиан массами выселяли из всех деревень Киликии, Анатолии и Месопотамии, угоняя их на неминуемую гибель. Это была методическая чистка округа за округом, невзирая на их отдаленность от театра военных действий. Турки решили воспользоваться случаем, чтобы раз и навсегда покончить со всем тем, что было армянским; большинство мужчин уже были призваны в армию, оставались только старики, женщины, дети и немощные, которые и подвергались депортации. Большинство этих несчастных людей были предупреждены лишь за несколько часов до отправления. Они должны были оставить все, что имели — землю, скот, урожай, движимое имущество и т. д. Все это было захвачено турецкими властями. Деньги, драгоценности или процентные бумаги, которые отдельным лицам удалось взять с собой, впоследствии отбирались жандармами; и даже те, кому разрешили захватить телески и тягловый скот, вынуждены были бросить их в дороге.

Несчастных гнали огромными колоннами через горы к пустыням Аравии. Их снабжение не было организовано; в пути они получали только самое необходимое для поддержания жизни, так как в планы преступников входило уморить голодом тех, кто не был убит или еще не умер от истощения.

Сразу же после того, как эти толпы человеческих существ в своем продвижении по дорогам оставались вне всякого контроля, безразличие жандармов уступало место неопишущей жестокости. Все оставшиеся мужчины и молодые люди были собраны, уведены в сторону и вырезаны. Женщин, детей и стариков гнали вперед: испытывая невыразимые страдания, они умирали от голода и жажды. Тех, кто не мог следовать дальше, подгоняли ударами хлыста до тех пор, пока несчастные не падали; тогда их приканчивали...

Масса документов показывает не только бесчеловечность палачей, но и с лихвой доказывает, что все было сделано согласно плану, тщательно подготовленному младотурецкими лидерами и их Комитетом. Трусость, с которой они позже отрицали зверства, совершенные ими же, по их воле и согласно их приказам, не выставляет их с лучшей стороны...

31 августа 1915 года Талаат-бей заявил немецким диплома-

там, что «армянского вопроса больше не существует». Он был прав, ибо к этому времени депортация была завершена. Осталось только избавиться от редких жертв, которые чудом уцелели, шагая по дорогам смерти. Их собрали в огромных концентрационных лагерях, оставляя почти без пищи и каких-либо средств к существованию...

Как могли они (армяне) обороняться против вооруженных жандармов, солдат и многочисленных банд «добровольцев», если большинство трудоспособных мужчин были уже завербованы для несения военной службы, а все население систематически обезоруживалось?

Однако всюду, где это было возможно, армяне мужественно сопротивлялись, иногда с определенным успехом, как это было, например, в Ване и в горах Киликии — близ Суэдии. В Урфе армяне погибли после отчаянной борьбы. Впрочем, народ, умеющий сражаться за дело, которое он считал справедливым... может относиться с пренебрежением ко всем обвинениям в трусости...

Эти зверства по своим размерам и омерзительной жестокости превосходят все известные в истории... Письмо, которое мы выше цитировали, доказывает, что руководящий Комитет младотурок был готов взять на себя всю ответственность за истребление армянского народа... и «за позор, который чернит османскую историю». Представителям германского посла Энвер-паша ответил, что он полностью берет на себя ответственность за все, что произошло в Анатолии. Он и другие руководители правительства, таким образом, несут на себе весь позор за то, что к кровавой турецкой истории прибавилась такая страшная глава, которая оставляет в тени все предшествующие. Погромы Абдул-Хамида кажутся пустяками по сравнению с резней, осуществленной «современными турками».

Фритьоф Хансен. Армения и Ближний Восток. Париж, 1928 // Геноцид армян в Османской империи.

С. М. КИРОВ

НАРОД СТРАДАЮЩИЙ

В речи Министра иностранных дел С. Д. Сазонова, произнесенной в Государственной думе, было одно место, которое нельзя не подчеркнуть.

Остановившись на падении Эрзерума, министр указал, что на время, последовавшее за отступлением нашим из Вана, турки десятилетиями свои жестокости по отношению к армянам.

Под благосклонным оком союзной Германии, сказал С. Д. Сазонов, турки, по-видимому, намереваются осуществить

свою давнишнюю мечту о полном истреблении армянского населения, не поддающегося слиянию с мусульманской массой и, таким образом, служащего помехой германским планам экономического и политического подчинения себе Турецкой империи.

Турки лелеют чудовищную мечту об истреблении всего армянского населения в Турции!

Об этом мы слышим вполне компетентное заявление.

И делается страшно, что эта невероятная, на первый взгляд, мысль имеет за собою фактическое основание.

С первых же дней войны с Турцией мы знаем, что турки совершенно недвусмысленно оправдывали приведенное подозрение. Изю дня в день из Турецкой Армении шли одни и те же кошмарные вести. Что делали там турки, об этом не расскажут слезы армянских женщин и детей, а варварски пролитая кровь мирного армянского населения, переживающего невыразимый ужас и страдания, дает только некоторое, весьма отдаленное представление о Голгофе армянского народа.

Быть может, только потом, когда останутся реки человеческой крови, новый Данте нарисует картину страшных мучений миллионов людей.

И внесут эту картину в историю великой войны, и не у каждого хватит сил остановиться на ней внимательно, ибо вся она будет сплошным кошмаром.

И об этом нужно помнить всегда нам, сидящим здесь, в тылу.

Ведь нам первым нужно протянуть руку помощи оставшимся в живых, покинувшим свои пепелища беженцам-армянам.

Их много, и тем печальнее их положение.

Оскорбленные, поруганные, обращенные в нищих, они бредут по нашему краю, ища пристанища. И конечно, не всегда его находят. Потому что их очень много.

Много и нас, но беженцы часто не имеют самого необходимого — пристанища и хлеба.

Там на родине они потеряли все, сумели уберечь только свою жизнь, и здесь у нас они должны найти остальное.

Ведь они идут к нам из тех мест, где их хотят истребить, и мы должны их встретить и согреть.

Серми (С. М. Киров). Народ страдающий // Терек, 14 февраля 1916 г., г. Владикавказ.

ФРАНЦ ВЕРФЕЛЬ

СОРОК ДНЕЙ МУСА-ДАГА

Заптии, числом около ста, прибыли в Йогонолук в точно назначенный Али Назифом час. Власть явно недооценивали свою задачу, прислав такой малочисленный отряд для депортации

этого большого района. Привыкли думать, что армяне, как бараны, не оказывают никакого сопротивления, когда их гонят на бойню...

Потому-то и была прислана в Йогонолук всего лишь сотня жандармов. Нет, то не были прежние покладистые убийцы времен Абдул Хамида... Нынешние заптии были воплощением жестокости без околичностей...

Они вступили на территорию Муса-дага сомкнутым строем. Шли они, правда, не печатая шаг, как солдаты на Западе, но и не вразвалку, как привыкли ходить на Востоке. Иттихат оказал влияние и на этих далеких от Стамбула антиохийских жандармов, искусно преобразив старый, мгновенно вспыхивающий и быстро гаснущий религиозный фанатизм в холодное, незатаивающее пламя национального фанатизма.

Отрядом, проводившим депортацию, командовал муафин, капитан полиции в Антиохии. Сопровождал его молодой веснушчатый мюдир с красными без ресниц глазами.

В полдень наряд полиции, о приближении которого уже сообщили лазутчики, построился на церковной площади. Пронзительно засигналила турецкая труба, раздалась барабанная дробь. Но вопреки этому властному призыву армяне не вышли из домов. Тер-Айказун строго-настрого приказал людям семи деревень, чтобы те как можно меньше выходили на улицу и во избежание провокаций не шли ни на какие сборища. Пришлось мюдиру перед публикой, представленной заптиями и разным сбродом, поглядывая на закрытые окна домов, выходящие на церковную площадь, огласить длинный приказ о депортации, который одновременно был расклеен на стенах дома общины, школы и церкви.

По совершении этого государственного акта заптии расположились на земле, развели костер, потому что приспело время обедать, и стали разогревать котел с «фулем» — кушаньем из бобов на бараньем жире. Затем, когда каждый выгреб лепешкой свою долю из похлебки, они расселись и стали мирно пережевывать пищу, лениво поглядывая по сторонам.

До чего хороши здешние дома! И все до одного каменные, и крыши целы, а веранды — с деревянной резьбой! Ну и богачи же эти армяне, все сплошь богачи! А мы-то дома, в своей деревне, не нарадуемся, если наша почерневшая от старости хибара не рухнула под тяжестью аистового гнезда. И храм у этих нечистых свиней — спесивый, толстенный, ни дать ни взять крепость со всеми этими ее гранями, углами, да выступами...

Мюдир и муафин тоже не переставали удивляться красоте этой деревенской площади. Быть может, даже капитан полиции на мгновение испытал робость, какую испытывает варвар перед лицом недосыгаемой высокой культуры. Но в памяти его всплыли знаменитые слова Талаата-бея, приведенные вчера каймакамом в напутственной речи: «Либо они исчезнут, либо мы». И капитан полиции почувствовал прилив ненависти...

Муса-даг! Гора Моисеева!

На самой вершине ее народ в предрассветные сумерки разбил свой лагерь. Живительный горный воздух, свежий ветер, шум прибоя, казалось, заставляли забыть тяготы ночного восхождения. Нигде не было видно усталых, замученных лиц, а лишь взволнованное оживление... В котловине города и на примыкавших к ней площадях — выкрики, толчея. Никто не признавал подлинного положения вещей — царил здоровый боевой дух. Мысль об общей участи утонула в заботах о делах жителей. Даже Тер-Айказун, хлопотавший о вечном, даже он, украшая деревянный алтарь посреди лагеря, подгонял помогавших ему мужчин истерпевшим бранным словом.

Габриэл Багратян поднялся на избранный им самим главный наблюдательный пункт — одну из вершин Дамладжа, с которой хорошо просматривались и море, и равнина Оронта, и горные края, сбгавшие к Антиохии, и сама долина от Кедебега до Витиаса. Не просматривались лишь самые дальние поселения. Кроме этого главного пункта, имелось еще десять или даже двенадцать дозорных постов, откуда, как на ладони, виднелись отдельные участки долины. Отсюда же наблюдателю, надежно скрытому за скалами, открывался отличный общий вид. Быть может, поэтому Габриэл — он поднялся сюда один, словно бы возвысившись над лагерной суетой, видел истинное положение особенно отчетливо: там, внизу, на севере, востоке, юге, до самого Антакье, не до Алеппо, до Мосула и Дейр-эль-Зора — неотвратимая гибель! Миллионы мусульман скоро будут охвачены одним стремлением: выкурить наглое армянское гнездо на Муса-даге! А по другую сторону — равнодушное море, сонно плещущееся у подножья круто ниспадающей горы...

Четвертое августа проходило до полудня, как все предыдущие дни. Когда рано утром Габриэл Багратян просматривал в бинокль долину, перед ним лежали совсем опустевшие деревни, и так и хотелось думать, что все закончится счастливо, воюющие державы вскоре заключат общий мир, и вернется жизнь. Полный надежд, Багратян спустился с дерева, намереваясь обойти секторы обороны. Неожиданный смотр — ревизия производимых работ и дружин — вполне его удовлетворил, так что около полудня он вернулся на свой командный пункт. Прошло несколько минут, и со всех концов примчались юные дозорные: на дороге из Антиохии в Суэдию клубы пыли. Идут солдаты! Много солдат! Четыре отряда! За ними — заплети и большая толпа народа...

Когда колоша достигла Йогонолука, Багратян уже поднял весь лагерь по тревоге, как он это все дни репетировал. Глашатаи скликали население котловины города, а группа ординарцев юношеской когорты рассыпалась по всей горе с приказами для остальных секторов обороны. Несколько юных разведчиков отважились спуститься почти в самую долину с целью выявить состав и направление движения врага.

Как и было заранее условлено, Тер-Айказун, семеро мухтаров и более пожилые члены Совета уполномоченных остались с жителями лагеря. А эти, казалось, и дышать боялись, даже грудные дети не плакали. Все мужчины резерва лопатами, тяпками, топорами набрасывали вокруг лагеря бруствера, чтобы быть готовыми защищать его до последнего.

Габриэл Багратян стоял в группе младших командиров вместе с Чаушем Нурханом. Все было предусмотрено. Но так как предстоял первый бой и ни одному из секторов не угрожала непосредственная опасность, Багратян, оставив на второстепенных участках одно прикрытие, бросил все находящееся в его распоряжении дружины на оборону Северного седла...

Габриэл Багратян поднял руку. Все взоры устремились на него. Шаг за шагом, очень медленно турки пробирались через меский кустарник. Капитан, закулив вторую сигарету, остановился. Неожиданно он вздрогнул... Что это за свежевыброшенная земля вон там, впереди? Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал — окол! Но эта констатация показалась ему столь невероятной, что прошло еще несколько секунд, прежде чем он крикнул:

— Ложись! Ложись!

Поздно. Первый выстрел грянул, когда Багратян еще не успел опустить руку. Армяне стреляли спокойно, уверенно, один за другим, без спешки и суеты. Да, у них было время выбрать цель. А так как жертвы их падалились всего в нескольких шагах и в полнейшем оцепенении — ни одна пуля не пролетела мимо. Толстяк капитан с добродушной физиономией крикнул еще несколько раз:

— Ложись! Ложись! — и вдруг, с каким-то великим удивлением посмотрев на небо, сел на землю. Очки соскользнули с носа, и он повалился на бок. Слово по команде, оцепенение смало с турецких солдат: издавая дикие крики, они бросились вниз, в седловину, оставляя убитых и раненых, в том числе и капитана, одного командира взвода и трех онабашей.

Габриэл не стрелял. Ощущение необычной легкости, как-то воспарения охватило его. Все реальное вокруг обрело не-реальность, как оно и бывает с реальностью в ее предельном состоянии...

Франц Верфель. Сорок дней Муса-дага. Ереван, 1982.

РИХАРД КЮЛЬМАН

ПОЛИТИКА ИСТРЕБЛЕНИЯ АРМЯН
ДОРОГО ОБОИДЕТСЯ ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРИИ
(из донесения немецкого посла в Турции
канцлеру Германии от 17 февраля 1917 г.)

Вчера кабинет Талаат-паши был официально представлен парламенту. В связи с этим обстоятельством новый великий визирь выступил с программными заявлениями, которые, как мне кажется, имеют принципиальную важность и знаменуют собой новый поворотный пункт во внутренней истории Турции.

Как я имел честь некоторое время тому назад доложить Вашему превосходительству, внутри страны влиятельным кругам удалось приобрести почву для определенного направления, которое в противовес беспощадному, не останавливающемуся даже перед кровавым насилием национализму известных членов Комитета (младотурок.— Г. Е.), требует для Турции рассудительной и терпеливой внутренней политики...

Осуществленное (правительством) в широчайших масштабах уничтожение армян и заметное стремление к столь же беспощадным, хоть и ограниченным, мерам в отношении греческих элементов суть результат этого политического направления.

Я верю, что политика истребления армян дорого обойдется турецкой империи. Ужасы кампания против армян еще долгое время будут тяготеть над турецким именем и еще долго будут предоставлять отравленное оружие тем, кто отказывает Турции быть в сообществе культурных государств и требует высылки турок за пределы Европы. Внутренне также страна из-за уничтожения и гибели физически крепкого, трудолюбивого и бережливого населения оказалась ослабленной, особенная нужда в людях является одним из больших препятствий на пути к быстрому освоению недр турецкой земли...

Конечно, дикое националистическое направление еще не умерло. Способные и беспощадные головы, которые его представляют, не будут мириться со своим временным положением.

Коммунист, 3 августа 1989 г.

АРНОЛЬД ТОЙНБИ

ОТТОМАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ В СОСТОЯНИИ
СКРЫТЬ СВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Весь этот ужас, все эти преступления были совершены над армянами, невзирая на отсутствие даже малейшего вызова с их стороны. «Мы находимся в состоянии войны» — вероятно, возразит турецкое правительство. «Мы боремся за свое существо-

вание. Армяне питали надежду на победу нашего врага; они замыслили план помощи для осуществления этой победы. Они были предателями на свободе — в прифронтовой зоне, и мы вынуждены были действовать против них со всей строгостью военного времени».

Но такие оправдания полностью противоречат фактам. Эти армяне не были жителями прифронтовой зоны. Ни один город или селение, откуда их систематически гнали на смерть, не находились вблизи театра военных действий. Они все были в глубине Анатолии, одинаково далеко расположенные от кавказской границы и Дарданелл.

У них не было никакой возможности сотрудничать с войсками Антанты, равно как они не могли предпринять попытки поднять восстание, так как не составляли компактной общины. Они были разбросаны небольшими колониями по обширной стране и составляли меньшинство по сравнению со своими соседями-турками. Гражданскую и военную власть турки прочно держали в своих руках, и попытки поднять мятеж ничего доброго не сулили армянам.

Я должен повторить, что эти армяне, жители городов, были в основном мирно настроенные и трудолюбивые люди, неумелые в обращении с оружием. Им, так же как городскому населению Западной Европы, чужда идея мести.

Оттоманское правительство не в состоянии скрыть свое преступление под видом предупредительных мер, ибо армяне были далеки от дурных умыслов.

В самом деле, до настоящего времени зарегистрировано лишь два случая, когда программа депортации встретила активное противодействие. Это — успешное сопротивление в районе Антиохии, где армянские крестьяне поднялись в горы и, имея прикрытие со стороны моря, боролись там в течение семи недель, пока не были почти чудом спасены французским флотом...

И еще — отчаянный героизм Шапин-Карахисара, города, расположенного далеко от Трапезунда, где 4 тысячи армян, в ответ на требование о высылке, взялись за оружие и держались против турецких войск с середины мая до начала июля. Тогда турки перебросили подкрепление и артиллерию и с легкостью разгромили город. «Карахисар, — говорилось в письме, адресованном армянскому священнику, — был подвергнут бомбардировке, и все население окрестных районов, так же как и города, было безжалостно вырезано, не исключая самого епископа».

Ничто другое не может лучше этого показать, как мало турецкое правительство боялось армян и как энергично оно ухитрилось за быстрые меры для их уничтожения, как только появилась возможность для этого.

Таков был образ действий правительства по отношению к беззащитным, не подозреваемым ни в чем армянам в городах. Когда же дело дошло до менее послушных крестьянских общин,

обосновавшихся в горах, оно отказалось от всякого притворства: не утаивая своих намерений и не ожидая, пока они сами подчинятся приказу о депортации, сразу же с обнаженным мечом напало на них.

Оно (правительство) так же обошлось с Зейтуном, армянской областью, которая в течение восьмисот лет жила и процветала фактически независимая среди гор, возвышающихся над Киликийской равниной.

Арнольд Тойнби. Армянские ужасы. Убийство нации. Лондон, 1915 // Геноцид армян в Османской империи.

АРМИН ВЕГНЕР

ТУРЕЦКИЕ ТИРАНЫ

Армяне стали жертвами этой войны. Когда турецкое правительство весной 1915 года приступило к осуществлению своего чудовищного проекта уничтожения двух миллионов армян... никто не помешал мрачным тиранам Турции в осуществлении тех мучительных истязаний, которые могут сравниться лишь с действиями обезумевшего преступника.

Так они погнали целый народ: мужчин и женщин, стариков и детей, беременных женщин и грудных младенцев в пустыни Аравии с единственной целью обречь всех на голодную смерть.

Из родных мест, где армяне жили более двух тысяч лет, со всех концов империи — от скалистых ущелий горных районов до берегов Мраморного моря и пальмовых оазисов юга — они были изгнаны в эти безлюдные пустыни. Оправдывать это не было необходимо предоставления им новых мест жительства, является, конечно, издевательством над человеческими чувствами. Мужчин истребляли в массовом порядке, группами связывали друг с другом цепями или веревками и сталкивали в реки или сбрасывали со скал. Женщин и детей продавали на публичных торгах, стариков и подростков смертоносными ударами палок гнали на принудительные работы...

Караваны армян, состоящие в начале высылки из своей родины, Западной Армении, из тысяч людей, в момент прибытия в окрестности Алеппо насчитывали всего лишь несколько сотен, в то время как поля были покрыты опухшими, почерневшими, отравляющими зловонием воздух трупами, обнаженными изнасилованными телами...

В разрушенных караван-сараях несчастные лежали среди полусгнивших трупов без помощи и сострадания, ожидая своей неминуемой смерти, ибо сколько же можно было влечить жалкое существование, разыскивая зерна в лошадином навозе и питаясь травой. Но все это лишь незначительная доля того

что я видел сам, что мне рассказывали мои знакомые и путешественники или что я слышал из уст самих высланных.

Геноцид армян в Османской империи.

ИИЛМАЗ ГЮНЕИ

РЕАЛЬНОСТЬ ГЕНОЦИДА НЕ ВЫЗЫВАЕТ НИКАКОГО СОМНЕНИЯ

Этот вопрос (т. е. армянский геноцид) не может оставить равнодушными людей, которые, как я, происходят из Турции...

Реальность геноцида не вызывает, на мой взгляд, никакого сомнения. Тогдашние турецкие руководители, движимые ядовитым национализмом, мечтали создать пантуранскую империю, простирающуюся от Турции до степей Средней Азии. Однако территория Турции, населенная турками, и территории Северного Кавказа и Средней Азии, населенные туркоязычными народами, были отделены друг от друга районами, населенными курдами и армянами. Чтобы устранить это «препятствие», правительство комитета «Единение и прогресс» решило физически уничтожить эти два народа.

Начиная с 1915 года систематическая и запланированная политика массовой резни и депортации привела к исчезновению армян из Турции. Во время первой мировой войны благодаря той же самой политике более 700 000 курдов были депортированы в Центральную Анатолию... Когда курды добиваются признания своих прав, анкарские власти попросту угрожают им судьбой армян.

Я констатирую, что военная турецкая диктатура совершенно не боится санкций со стороны великих держав, она продолжает получать помощь от них, в частности от США и ФРГ, с другой стороны, не скрывает на торжественные заявления о свободе и правах человека.

Признание исторической истины не привело бы к разжиганию расовой ненависти в регионе, противопоставлению друг другу народов, перенесших уже столько несчастий. Сегодняшних уроков никто не посчитал бы ответственными за преступления, совершенные более 60 лет назад их предшественниками. Антикурдским преступным режимом агонизирующей империи. Антитурецкий расизм мне представляется настолько же предоступительным, насколько и антиармянская и антикурдская истерия руководителей Анкары.

Из обращения известного кинорежиссера Иилмаза Гюнея к Постоянному трибуналу народов на сессии 13—16 апреля 1984 г. в Париже, где обсуждался вопрос об армянском геноциде // Газ. «Арач». Париж (на арм. и франц. яз.), 21—24 апреля 1984 г.

УИЛЬЯМ ДАЛЬРИМПЛ

ТУРЕЦКИЙ ВАНДАЛИЗМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

После истребления миллиона армян в Восточной Турции во время первой мировой войны одни только их древние церкви свидетельствуют о том, что они когда-то проживали здесь. Армянские ученые утверждают, что турецкие власти потихоньку разрушают то немногое, что еще осталось.

В декабре 1966 г. Хильда Потуоглу была арестована службой государственной безопасности Турции по обвинению в пропаганде, цель которой — оскорбление национальных чувств. Прокурор государственной безопасности Стамбула потребовал тюремного заключения на срок от 7,5 до 15 лет.

Преступление Потуоглу заключалось в издании на турецком языке «Британской энциклопедии». В книгу была включена сноска следующего содержания: «Во времена крестоносцев горные районы Киликии находились под властью Киликийского армянского царства». Это утверждение может показаться безобидным английскому читателю, но для турка это — прикосновение к самой болезненной точке — армянам.

Турция — это государство, которому не дает покоя его небесспорное прошлое. Вопрос о том, сколько же армян было в Анатолии, были ли они когда-либо независимы и в особенности, что случилось с ними во время геноцида 1915 г., — все это вопросы, которые турецкие ученые стремятся представить в свете понимания, совершенно отличного от того, который принят во всем мире. Армения утверждает, что 1,5 миллиона армянского народа было уничтожено во время депортации в ходе первой мировой войны.

Турецкие историки полагают, что утверждения армян сильно преувеличены и чрезвычайно подрывают репутацию теперешней Турецкой Республики. Энциклопедия Потуоглу искажала исторические факты с точки зрения прокурора. Оскорбляющий том был конфискован и уничтожен. «Энциклопедия Британика» — не первая публикация, которая оскорбляет Турцию. В 1981 г. турецкие власти конфисковали «Анкара-50» — путеводитель по Анкаре (издание Британского института археологии в Турции). До публикации эта книга прошла военную цензуру в 1973 г. К 1981 г., однако, времена изменились. Было замечено, что в книге представлена карта римских провинций в Малой Азии, включающая, согласно исторической истине, провинции Армении.

Этот путеводитель был незамедлительно включен в список запрещенных книг наряду с другими, политически сомнительными изданиями как «Атлас истории» и «Национальный географический атлас мира»...

В июне 1987 г. Европейский парламент принял армянскую резолюцию, в которой говорится, что «армянский вопрос до

жен рассматриваться в рамках взаимоотношений Турции с обществом и что отказ нынешнего турецкого правительства признать геноцид армян является непреодолимым препятствием и исключает самую возможность принятия Турции в сообщество».

Турция ответила, что, хотя много армян было убито во время первой мировой войны, турки были убиты тоже. Согласно турецкой точке зрения, армяне сотрудничали с русскими, а турки действовали в целях самозащиты. Если и были жестокости во время депортации, то армяне тоже виноваты.

В 1986 г., пытаясь доказать это, мэр Эрзерума даже эксгумировал трупы нескольких сотен «турок», которые были убиты «исключительно садистскими методами». Прошлым месяцем президент К. Эврен открыл постоянную выставку фотоснимков нарезанных турок — Эрзерумский музей армянской жестокости.

Все вышесказанное не способствовало созданию благоприятной обстановки для охраны основных памятников материальной культуры армян в Турции, а именно сотен армянских церквей и монастырей, все еще разбросанных по Восточной Анатолии (т. е. Западной Армении).

Иностранные археологи, работающие в Турции, обнаружили, что чрезвычайно трудно исследовать армянские участки территории и что требуется колоссальный такт при обсуждении истории Восточной Турции.

Один британский ученый пишет: «Невозможно работать по армянскому вопросу. Официально армяне не существуют и никогда не существовали. Если вы попытаетесь получить разрешение на раскопки армянского участка, вас будут преследовать в судебном порядке».

Эта истина была буквально подтверждена в 1975 г., когда известный французский историк искусства Дж. М. Тьерри был арестован в то время, когда он наносил на бумагу план армянской церкви около Вана на крайнем востоке страны. Его повели в полицейский участок и свирепо допрашивали 3 дня и 3 ночи. Он был отпущен под залог, и ему удалось убежать из страны.

В его отсутствие его приговорили к трем месяцам исправительных работ в колонии...

Перечень действующих армянских церквей, составленный армянским патриархом в Константинополе в 1914 г., содержит 110 монастырей, 700 церквей и 1639 приходских церквей — всего 2549 церковных сооружений.

В 1974 г. стало известно, что из 913 известных на то время церквей 464 полностью исчезли, 252 лежали в руинах и только 197 стояли в сравнительно сносном состоянии. С тех пор разрушились и превратились в развалины еще многие значительные армянские церкви...

Причины гибели памятников: землетрясения, вандализм, грабители, турецкие власти, исламские фундаменталисты и еще раз турецкие власти.

Турецкие власти изменили названия армянских деревень на турецкие. Дж. Хинтлян, директор Армянского музея в Иерусалиме, пишет, что к 2000 году не останется ни одного свидетельства того, что армяне вообще проживали в Турции: «Мы станем историческим мифом»...

Заботу по сохранению армянских памятников могло бы взять на себя ЮНЕСКО, но оно не может взяться за эту работу без приглашения турецкого правительства. Церкви и памятники армян — это самые прекрасные памятники восточного христианства и искусства, пережившего средние века. Если им суждено пережить наше столетие, то необходимы срочные меры по их спасению.

Уильям Дальримпль. Уничтожение древней культуры // Экстра (Австралия). 22 апреля 1989 г. Коммунист, 1 августа 1989 г.

ФУАД ГАСАН ХАФИЗ

АРМЯНСКИЕ ПОГРОМЫ

Османцы не вели политику мирного сосуществования со своими подданными. Они не основывали ее на началах права и справедливости. Расистская и шовинистическая политика — вот что возобладавало в то время в головах османских правителей. По этой причине из их рук ушли Греция, Сербия и Болгария. Потом от них отделился Ливан и против них восстали арабы... И армяне не были одиночками в своей борьбе, многие народы возвестили о своей свободе...

Султан Абдул Хамид II начал осуществлять свою армянскую политику, которая была предначертана ранее, — истребить армян в своем государстве...

Армянские погромы начались при султанине Абдул Хамиде II в 1877 г. после русско-турецкой войны. И это как наказание османским армянам за то, что их братья, подданные России, участвовали в русском походе в Анатолию, который возглавляли три знаменитых полководца-генерала: армяне Микаэл Лорис-Меликов, Аршак Тер-Гукасов и Ованес Лазарев.

Фуад Гасан Хафиз (Египет). История армянского народа с начала и до нашего времени // Историко-филологический журнал. Ереван, 1987. № 1. Пер. с арм. Асмик Григорян.

НОВАЯ АРМЕНИЯ

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ «О ТУРЕЦКОЙ АРМЕНИИ»

29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.)

УТВЕРЖДЕН 3-М ВСЕРОССИЙСКИМ СЪЕЗДОМ СОВЕТОМ
15(28) ЯНВАРЯ 1918 Г.

Совет Народных Комиссаров объявляет армянскому народу, что Рабочее и Крестьянское Правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение, вплоть до полной независимости.

Совет Народных Комиссаров считает, что осуществление этого права возможно лишь при условии ряда предварительных гарантий, абсолютно необходимых для свободного референдума армянского народа.

Таковыми гарантиями Совет Народных Комиссаров считает:

- 1) Вывод войск из пределов «Турецкой Армении» и немедленное образование армянской народной милиции в целях обеспечения личной и имущественной безопасности жителей «Турецкой Армении»;
- 2) Беспрепятственное возвращение беженцев-армян, а также эмигрантов-армян, рассеянных в различных странах, в пределы «Турецкой Армении»;
- 3) Беспрепятственное возвращение в пределы «Турецкой Армении» насильственно выселенных во время войны турецкими властями в глубь Турции армян, на чем Совет Народных Комиссаров будет настаивать при мирных переговорах с турецкими властями;
- 4) Образование Временного Народного Правления «Турецкой Армении» в виде Совета депутатов армянского народа, избранного на демократических началах. Чрезвычайному временному комиссару по делам Кавказа Степану Шаумяну поручается оказать населению «Турецкой Армении» всяческое содействие в деле осуществления пунктов 2-го и 3-го, а также приступить к созданию смешанной комиссии для установления срока и способа вывода войск из пределов «Турецкой Армении» (пункт 1-й).

Примечание. Географические границы «Турецкой Армении» определяются демократически избранными представителями по соглашению с демократически избранными представителями смежных и спорных (мусульманских и иных) округов совместно с Чрезвычайным Временным Комиссаром по делам Кавказа.

Председатель Совета
Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)
Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ АРМЯНСКОМ ИНСТИТУТЕ В МОСКВЕ

(бывш. Лазаревский институт)

1. Армянский институт в Москве (бывший Лазаревский институт), обслуживающий культурно-просветительные нужды армянских трудовых масс, состоит из единой трудовой школы 1-й и 2-й ступени с преподаванием на армянском языке и факультетов историко-филологического и социально-экономического с преподаванием как на армянском языке, так и на русском языке...
2. Впредь до полной реорганизации института и опубликования Устава все хозяйственные и учебные дела института находятся в непосредственном ведении Комиссариата по делам армян, который работает под общим руководством народного Комиссариата просвещения. Постановления и решения всех коллегий, совета института входят в силу лишь по утверждению Комиссара.
3. Комиссар Армянского института в Москве назначается Комиссариатом по делам армян и утверждается Народным Комиссариатом Просвещения.
4. Все имущество, а также все капиталы, принадлежащие бывшему Лазаревскому институту, остаются за армянским институтом в Москве и находятся в распоряжении Комиссариата по делам армян.
5. На капиталы института содержатся и пополняются:
  1. Армянский музей при институте.
  2. Фундаментальная библиотека.
  3. Издаются материалы по истории армянского языка и по истории литературы Армении.
6. Суммы на содержание единой трудовой школы, а также факультетов отпускаются Народным Комиссариатом Просвещения по сметам, утвержденным Отделом просвещения национальных меньшинств.

Председатель Совета
Народных Комиссаров
Управляющий делами
Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

В. Бонч-Бруевич

Известия ВЦИК, 12 августа 1919 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА РСФСР

О ДОМЕ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОЙ АРМИИ В МОСКВЕ

Ввиду свержения буржуазно-национального правительства и установления рабоче-крестьянской власти в Армении Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

Бывший Лазаревский институт, построенный на средства армянской буржуазии, переименовать в «Дом культуры Советской Армении» и передать его со всеми материальными и культурными ценностями в распоряжение рабоче-крестьянского правительства Армении.

Ответственность за целостность и сохранность «Дома культуры Советской Армении» и управление им возложить на полномочного представителя ССР Армении в Москве.

Председатель ВЦИК

М. Калинин

Секретарь ВЦИК

А. Енукидзе

Москва. Кремль. 1 октября 1921 г.

ЦГАОРСС АрмССР. Ф. 629. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

* * *

Ф. В. ЖУРАВЛЕВ

НА БАРРИКАДАХ ОКТЯБРЯ

Так называется книга профессора А. Н. Мнацаканяна, посвященная славным дочерям и сыновьям армянского народа — замечательной плеяде революционеров-интернационалистов. Среди них немало воспитанников Московского университета, где они не только учились, но и приобщались к революционному движению, вступали в подпольные кружки и организации, изучали запрещенную марксистскую литературу, участвовали в политических манифестациях и демонстрациях.

Не всем, о ком мы хотим рассказать, удалось закончить университет. Непрерывные преследования царских властей, тюрьмы, ссылки вынуждали их часто прерывать учебу, а нередко бросать навсегда. Но время пребывания в университете оставило заметный и яркий след в их жизни.

литературные и общеполитические темы. Я часто бывала в семье Шаумянов, где всегда находила теплый, радушный прием. А в мартовские дни 1918 г., когда в Баку мусаватисты спровоцировали восстание, я жила у них. Летом 1918 года работала у председателя Бакинского Совнаркома С. Г. Шаумяна в качестве секретаря. Имела возможность повседневно общаться с ним и помогать ему в работе в самый критический период Бакинской коммуны, когда на Шаумяна легла неслыханная ответственность за судьбу Советской власти на Кавказе.

Через несколько дней после того, как в Баку пришла весть о свержении самодержавия, во всех районах Баку, на заводах и фабриках, начались выборы в Совет рабочих депутатов. На первом же своем заседании 6 марта 1917 г. Бакинский совет единогласно заочно избрал своим председателем Степана Шаумяна, который тогда еще находился в ссылке в г. Саратове.

Мне и раньше, еще в 1916 году, когда вступила в ряды большевистской организации Баку, приходилось слышать имя Шаумяна, произносившееся с величайшим уважением в партийных кругах и рабочих массах. Но только теперь стало ясно, каким огромным авторитетом и популярностью пользовался он среди трудящихся Баку.

Даже лидеры и члены других партий в совете относились к нему в этот период с чрезвычайным уважением и доверием. И лишь потом, когда разрыв большевиков с меньшевиками и другими соглашательскими партиями стал неизбежным, ненависть сменила эти чувства.

Степан Георгиевич прибыл в Баку 7 марта и сразу же приступил к работе как руководитель бакинской организации большевиков и как председатель Бакинского совета.

Время было сложное. Большевики Баку вели непримиримую борьбу как против бакинской и закавказской контрреволюции, так и против германо-турецких интервентов...

После VI съезда партии, когда был взят курс на победу революции путем вооруженного восстания, большевики Баку вели энергичную борьбу за установление Советской власти в крае. Заочно избранный VI съездом партии в члены ЦК партии, 15 сентября С. Шаумян участвовал на заседаниях Пленума ЦК партии, на которых обсуждались письма Ленина «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», и полностью поддерживал ленинский план вооруженного восстания.

С ликованием встретили трудовые массы Баку, солдаты, моряки первые известия о победе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. На расширенных заседаниях Бакинского совета 31 октября и 2(15) ноября 1917 г. С. Г. Шаумян объявил о переходе власти к Советам и признании революционного правительства во главе с В. И. Лениным. Это явилось началом победы Советской власти в Баку.

Шла зима 1917/18 года. Обстановка накалялась. Активизировались националистические партии, сея рознь в среде насе-

ления. Они развернули наступление на большевистские организации, делали все, чтобы отторгнуть Кавказ от революционной России. Воспользовавшись ошибочным решением Кавказского краевого комитета РСДРП(б) о роспуске Делегатского собрания — органа революционных войск тифлисского гарнизона, лидеры националистических партий стали добиваться вывода русских войск из края. По их же указке в январе и феврале 1918 г. были организованы нападения мусаватистских банд на возвращающихся с Кавказского фронта домой русских солдат в районах Шамхора и Хачмаса. Были убиты и покалечены тысячи солдат. В статье, опубликованной в газете «Бакинский рабочий», Шаумян заклеил позором это чудовищное преступление и, как Чрезвычайный Комиссар по делам Кавказа, потребовал положить конец насилиям и бесчинствам.

В Бакинском совете шла непрерывная борьба за обладание умами и настроениями рабочих масс города. Шаумян спланировал ряды партии, следил за приведением их в боевую готовность. По его настоянию военно-революционный комитет Кавказской армии был переведен в Баку из Тифлиса, где уже не было необходимых условий для его работы...

25 апреля был образован Бакинский Совет Народных Комиссаров во главе с Шаумяном. Это была большая победа нашей партии, Советской власти. Под началом Баксовнаркома началось осуществление широкой программы социалистических преобразований, которые заложили фундамент нового общества.

Летом 1918 года, когда я уже работала у Шаумяна в качестве секретаря, положение крайне обострилось. Германо-турецких блок начал интервенцию в Закавказье. Турецкие войска ворвались в районы Восточной Армении, опустошая ее города и села, уничтожая мирное население.

Это явилось продолжением той же кровавой политики геноцида, которую осуществили турецкие правители в Западной Армении. Степан Шаумян в своих выступлениях не раз предупреждал об этой опасности. Вскоре мне самой пришлось стать свидетельницей злодеяний турецких погромщиков, когда они 15 сентября ворвались в Баку. С благословения командующего турецкими войсками Нури-паши на три дня город был отдан на растерзание диких орд аскеров. Совершались омерзительные жестокости, массовые убийства, грабежи, поджоги, изнасилования. В эти дни ужасов и кошмаров от погромов и резни погибли десятки тысяч жителей города. Турецкие интервенты особенно зверствовали в отношении армянского населения, не щадили никого — ни детей, ни женщин, ни стариков. Они вырезали 30 тысяч армян. Было много случаев, когда армянские девушки и женщины с грудными и малолетними детьми кончали жизнь самоубийством, бросались в Каспийское море, чтобы не попасть в руки турецких насильников и палачей. Один раз меня чуть не уволокли турки, приняв за армянку (видимо, по

моим длинным косам, которые я тогда носила). Но вмешался сосед-азербайджанец и спас меня.

Турецкие оккупанты установили в Баку режим террора и насилия. Жестоко преследовались оставшиеся в подполье наши партийные активисты, все сочувствующие Бакинской коммуне. Прятались, где могли — на крышах, в подвалах, трубах. Вскоре я с товарищами (Суреном Агамировым и Шурой Барановым) оказалась в застенках турецкой охраны (помещалась в бывшем губернаторском доме), и нас всех приговорили к смертной казни, но потом заменили высылкой из пределов Азербайджана. Вмешался министр внутренних дел мусаватистского правительства Бейбут Джеваншир — друг детства Степана Шаумяна.

Впервые я увидела Джеваншира при следующих обстоятельствах. Во время мартовского (1918 г.) восстания мусаватистов наш отряд обстреливал дом, где жил Джеваншир: с крыши этого дома стреляли в наших из пулеметов. Джеваншир сумел дать знать Шаумяну, прося его о спасении. Шаумян послал Сурена Агамирова и своего сына Сурена с поручением доставить к нему Джеваншира с женой. Их благополучно привели на квартиру Шаумяна, где была тогда и я. Они пожили здесь недели две.

Днем и ночью Шаумян не выходил из своего кабинета, ни минуты не отдыхал: непрерывно переходил от одной работы к другой: писал письма Ленину, принимал французскую военную делегацию, разрабатывал план национализации нефтяной промышленности и флота, организовывал бюро печати, думал о широкой постановке агитационно-массовой работы, об укреплении вооруженных сил, снабжении продовольствием голодающего населения города и т. д.

Во второй половине июля обстановка резко ухудшилась. Турецкие войска окружили Баку. Шаумян выезжает на фронт, телеграфирует в Москву Ленину о срочной военной помощи. Он тяжело переживал, когда узнал, что значительная часть воинских подразделений, направленных Лениным для обороны Баку, по приказу находившегося тогда в Царицыне Сталина задерживалась здесь. Так, например, из крупного, почти девятитысячного отряда Петрова 7240 бойцов были остановлены в Царицыне. Шаумян не раз с горечью говорил, что Сталин помогать нам не будет, и обращался с протестами к Ленину и в Реввоенсовет Республики. По приказу же Сталина в Царицын направлялся заготовленный в районах Северного Кавказа хлеб для голодающего Баку.

По этому поводу Чрезвычайный комиссар по делам продовольствия города Баку Георгий Стурау впоследствии вспоминал: «Примерно за 10 дней, преодолевая огромные трудности, нам удалось погрузить и отправить в Баку около пяти тысяч пудов хлеба. Это была первая партия хлеба, которую мы послали бакинскому пролетариату.

Товарищ Шаумян прислал восторженное письмо с благодарностью и просил от имени Бакинской коммуны продолжать работу.

Наш отряд работал буквально и ночью, без отдыха. Пока пароход вернулся из Баку, мы подвезли к берегу еще около четырех тысяч пудов хлеба. Погрузка была в разгаре, когда откуда ни возьмись появилась Чрезвычайная продовольственная комиссия (чекпрод) из 12 товарищей во главе с т. Нейманом...

— Как вы попали сюда и зачем? — спросил я.

Он быстро и коротко отчеканил ответ и добавил:

— Как только кончится погрузка, пароход будет отправлен в Царицын, понятно?!...

...Я решил отправиться в Царицын, повидать товарища Сталина, прекрасно знавшего положение в Баку, и спросить, как быть с хлебом, куда его отправить — в Баку или Царицын?..

Я сел на свой быстроходный баркас и отправился в Царицын... Товарищ Сталин сразу принял меня... Выслушав меня, он сказал: «Товарищ Нейман поступает правильно. Гони хлеб в Царицын». Тогда я стал говорить о тяжелом продовольственном положении в Баку и т. д., Сталин остановил меня и сказал, что важнейшая задача сейчас заключается в том, чтобы отстоять Поволжье от контрреволюции. Если Баку и падет, мы все равно быстро возьмем его обратно. «Понятно?! — добавил Сталин. — Теперь отправляйтесь обратно и гоните хлеб в Царицын»¹.

Самовольные действия Сталина еще больше осложнили и без того тяжелое положение защитников города Баку. Эти действия сыграли и свою отрицательную роль в поражении Бакинской коммуны.

Последний раз увидеть Шаумяна в Совнаркоме удалось за два дня до падения Советской власти. Он велел унести из ящиков его стола все бумаги и телеграммы. Он был очень усталый, но, как всегда, твердый и хладнокровный.

Через несколько дней мы вернулись ночью в Баку из Баладжары с мучительным сознанием того, что падение Баку неизбежно. По существу Советской власти уже не было. Шаумян находился на пароходе — единственной неприкосновенной резиденции его как представителя РСФСР. Мы отправились туда. Застали Степана сидящим на палубе. Он был один.

Он окликнул нас. Мы уселись с ним рядом на ящиках. Всю ночь Степан говорил, объяснял нам ход событий, вскрывал измену меньшевиков и эсеров, указывал возможные изменения в дальнейшем, пояснял, как держаться сейчас, подчеркивал, как важно сейчас именно не терять выдержки, а, наоборот, удвоить ее.

¹ Стурау Г. Из воспоминаний // Заря Востока, 30 декабря 1939 г.

Как всегда глубокая мысль светилась в его глазах, на его тонком, интеллигентном лице. В нем не было ничего показного, ничего фальшивого. Необычайная скромность, мягкость, сдержанность соединялись с непоколебимой волей, мужеством и пламенной энергией революционного борца, организатора и вождя масс. Одного взгляда, одной улыбки Степана было достаточно, чтобы мы выполнили любое его задание.

В последний раз мы видели Степана, когда пароходы отплыли 14 августа с Петровской площади.

— Мы еще вернемся! — сказал он.

Это был его последний привет бакинским рабочим...

Коммунист, 20 сентября 1989 г.

Г. К. ЖУКОВ

ГЕРОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ — ГАЙ

Я с удовольствием вспоминаю совместную работу с комдивом Г. Д. Гаем*. Первая наша встреча произошла в его лагерьной палатке, куда были вызваны на совещание командиры и комиссары частей. После официального представления Г. Д. Гаю пригласил всех расположиться у его рабочего стола. Я увидел красивого человека, по-военному подтянутого. Его глаза светились доброжелательностью, а ровный и спокойный голос свидетельствовал об уравновешенном характере и уверенности в себе. Я много слышал о героических делах Г. Д. Гаю и с интересом в него всматривался. Мне хотелось проникнуть в его душевный мир, понять его как человека и командира.

Беседа затянулась надолго. Когда мы расходились, у всех осталось хорошее впечатление от первой встречи с комдивом. Прощаясь со мной, он сказал, что через несколько дней хочет посмотреть конно-строевую и тактическую подготовку. Я был польщен вниманием к полку и признался, что у нас еще много недостатков.

— Будем вместе устранять недостатки, — сказал Г. Д. Гаю, улыбаясь, и добавил: — Это хорошо, что вы не хотите ударить лицом в грязь.

Через три дня согласно распоряжению штаба дивизии полк был выведен в полном составе на смотр. Комдив на белом коне поднялся на пригорок и внимательно следил за учением полка. Конь под комдивом был очень горяч, но всад-

* Гаю — Башкиря Айк Дмитриевич (1887—1937) — видный советский военачальник; комкор, герой гражданской войны, участник первой мировой войны, командовал армянским добровольческим отрядом, за храбрость был награжден двумя Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью. В последние годы жизни был начальником кафедры и профессором военной академии. Пал жертвой беззакония периода культа личности. Реабилитирован полностью.

ник твердой рукой и крепкими шенкелями решительно подчинял его своей воле...

Сомкнув полк к центру и выровняв его, я подскочил к комдиву, чтобы отрапортовать об окончании показа. Не дав мне начать рапорт, комдив поднял руки вверх и закричал:

— Сдаюсь, сдаюсь, сдаюсь! — А затем, подъехав ко мне, тепло сказал: — Спасибо, большое спасибо.

Поравнявшись с центром полка, комдив встал на стремена и обратился к бойцам:

— Я старый кавалерист и хорошо знаю боевую подготовку конницы. Сегодня вы показали, что свой красноармейский долг перед Родиной выполняете добросовестно, не жалея сил. Так и должно быть. Хорошая боевая подготовка, высокое сознание своего долга перед народом — залог непобедимости нашей героической Красной Армии. Спасибо вам, порадовали вы меня сегодня.

Повернувшись ко мне, комдив пожал руку, улыбнулся и сказал:

— Вторую часть учения увидим в другой раз. Пусть полк идет отдыхать, а мы с вами посмотрим, как устроен лагерь.

Более двух часов ходил он по лагерю, вникая в каждую мелочь, а потом долго сидел с бойцами. Г. Д. Гаю рассказал много боевых эпизодов из гражданской войны. Только когда дежурный трубач просигналил к обеду, он поднялся и распрощался с нами...

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1, М., 1974.

В. В. СОКОЛОВ

НА БОЕВЫХ ПОСТАХ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ФРОНТА

(о Л. М. Карахане)

Советский народ сохранил в памяти имена тех, кто на заре Советского государства вместе с В. И. Лениным создавал основы советской дипломатической службы и воплощал в жизнь ленинские основополагающие принципы внешней политики. Геронка революционных будней рождала незаурядных личностей во всех сферах обновленной жизни, в том числе и в дипломатии. (...)

В этой славной плеяде советских дипломатов ленинской школы достойное место принадлежит Льву Михайловичу Карахану.

С его именем неразрывно связана история первых 20 лет советской дипломатии, от Брестского мира, который он подписал по поручению В. И. Ленина вместе с Г. В. Чичериным и другими членами советской делегации, до возникновения очагов

второй мировой войны. Он был одним из первых организаторов аппарата Народного комиссариата иностранных дел и автором многих документов, регламентирующих работу советской дипломатической и консульской службы. Широко известна его деятельность, направленная на установление и развитие равноправных дипломатических отношений молодого Советского государства с соседними странами Востока. Неудивительно, что имя Л. М. Карахана в течение многих лет не сходило со страниц советских и иностранных газет.

Дипломатия была его призванием, которое открыла Октябрьская революция. Участник революционного движения, он и на дипломатическом поприще неизменно был верен революционному духу эпохи. Было что-то символическое даже в том, что документы он писал, как правило, чернилами красного цвета — цвета революции.

На многих документах того периода, хранящихся в Архиве внешней политики СССР, имеется подпись или виза, резолюция или правка Л. М. Карахана. Он автор множества телеграмм, нот, заявлений, первых приказов по НКВД РСФСР. Его подпись стоит рядом с именем наркома Г. В. Чичерина под первыми договорными актами Советского правительства о мире и дружбе с другими народами.

Особую ценность представляет переписка Л. М. Карахана с В. И. Лениным, под непосредственным руководством которого он работал в первые годы дипломатической деятельности. Сохранилось немало писем и записок Л. М. Карахана, адресованных Владимиру Ильичу. В настоящее время опубликовано много документов В. И. Ленина, обращенных к Л. М. Карахану или же к Г. В. Чичерину, в которых В. И. Ленин давал советы, а иногда и примерный текст дипломатических нот и заявлений Советского правительства. Под некоторыми из этих документов и декретов вместе с подписью Владимира Ильича Ленина стоит подпись Л. М. Карахана...

Характеризуя деятельность Л. М. Карахана, нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин писал 5 мая 1920 г. В. И. Ленину: «До сих пор нам приходится с абсолютно недостаточными силами и примитивным эмбрионом аппарата справляться с прямо-таки колоссальной политической и технической работой. Я могу смело сказать, что наша борьба с затопляющей нас страшно ответственной политической работой за последние месяцы при развитии сношений с массой государств была героической. Мы в состоянии с этим справиться только потому, что я с т. Караханом абсолютно спелись, так что с полуслова друг друга понимаем без траты времени на рассуждения и без труда распределяем работу, абсолютно привыкнув делить ее друг с другом.

В общем и целом у меня более общая политическая работа, у него же море деталей, с которыми он может справиться только благодаря своей замечательной способности быстро и лег-

ко ориентироваться в делах и схватывать их, своему ясному здравому смыслу и своему замечательному политическому чутью, делающему его исключительно незаменимым в этой области...»

Соколов В. В. На боевых постах дипломатического фронта. М., 1983.

А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

ВЫСОКИЕ ДЕЛОВЫЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА

(об И. Ф. Тевосяне)

За дни поездки и пребывания в Берлине¹ у меня установились со многими из членов делегации довольно близкие, а с некоторыми даже дружеские отношения, особенно с наркомом черной металлургии Иваном Федоровичем (Ованесом Тевадросовичем) Тевосяном.

Уроженец Нагорного Карабаха, выходец из бедной семьи, член партии с 16 лет и участник гражданской войны в Закавказье, Тевосян окончил в 1927 году Горную академию и стал инженером-сталеваром. Поработав на заводе «Электросталь», он в 1929 году с группой советских специалистов был направлен стажироваться на одно из рурских предприятий Крупна. Тевосян успешно прошел практику в Эссене, после чего стал главным инженером «Электростали», затем в 29 лет возглавил государственное объединение «Спецсталь», руководившее рядом крупных заводов, а с 1937 года по 1939 последовательно был начальником главка и заместителем наркома в Наркомате оборонной промышленности, а потом народным комиссаром судостроения.

Как раз в том году, когда состоялась наша поездка в Берлин, Тевосяна назначили наркомом черной металлургии. Он хорошо знал Германию, и его участие в поездке принесло безусловную пользу.

Еще по пути в Берлин Иван Федорович рассказал много интересного о жизни и быте германского рабочего класса. Охотно делился Тевосян своими верными выводами относительно положения в тогдашней Германии. Он утверждал, что фашистская пропаганда, обещавшая раздел несметных богатств при захвате чужих земель, и те подачки, которые гитлеровское правительство бросало разным слоям немецкого населения, находили отклик среди значительных кругов мелкой буржуазии и наименее сознательных слоев рабочего класса. Касаясь отношений гитлеровцев к СССР, он заверял, что все военные по-

¹ Речь идет о поездке советской правительственной делегации в Берлин в ноябре 1940 г.

мысли Гитлера прямо направлены на восток и что вопрос о нашем военном конфликте с Германией — дело ближайшего времени.

И в дни поездки, и впоследствии я имел возможность не раз оценить высокие деловые и человеческие качества Тевосяна, его заражавшее всех трудолюбие, умение работать с людьми, его организаторские способности. Оставаясь до 1953 года министром черной металлургии, Тевосян с 1949 года был, кроме того, заместителем Председателя Совмина СССР. Дел ему хватало. Но я не помню ни одного случая, когда правильно поставленный перед ним вопрос не получил бы быстрого и должного разрешения.

Заслуги Ивана Федоровича в развитии отечественной металлургии, в обеспечении Советской Армии необходимым вооружением и техникой, в организации победы над фашизмом высоко оценены Советским правительством.

Маршал Советского Союза *А. М. Василевский*.
Дело всей жизни. М., 1975.

* * *

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ТРИ ДНЯ В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

Я выехал по приглашению Совпаркома Социалистической Советской Республики Армении из Тифлиса ночью 3 августа.

Утром, когда сделалось светло, я уже почувствовал себя в совершенно новой обстановке, глубоко отличной от виденной мною в Грузии.

Пейзаж большей части Армении очень характерен, и я сразу вспомнил картины Сарьяна, которые считаются иногда фантастическими и выдуманными, но, оказывается, весьма точно передающими армянскую действительность. По обеим сторонам поезда тянулись не очень высокие серо-лиловые горы, многие из них испещрены были тусклыми квадратами золотисто-желтого и зеленого цвета и напоминали собою иногда какого-то спящего или мертвого великана, накрытого лоскутным одеялом. Ближе к линии железной дороги тянется равнина, каменистая и упылая. Деревьев почти нет, травы мало, кое-где посева, частью скошенные. Общее впечатление безлюдья и страшной какой-то зловещей тишины, и лишь следы робкого и скудного хозяйства.

Впечатление усугубляется развалинами деревень. Но какими развалинами! Это буквально кучи камня, словно развороченные какой-то злобной силой.

Я вхожу в общее купе, где едут несколько товарищей из правительства Армении. Они говорят мне: «Мы проезжаем сейчас как раз по той части Армении, где население было вырезано поголовно, — мужчины, женщины и дети. Сейчас местность опять понемножку заселяется, главным образом беженцами из Турецкой Армении».

Мы подъезжаем к городу Ленинакану (бывш. Александраполь). Он насчитывает до 50 000 жителей...

Окрестности Ленинакана чуть-чуть холмистые, но представляют собой почти сплошь каменистую почву, усеянную валунами. Всюду камни и камни. Торчат камни, словно ребра самой земли. Валяются камни, словно рожденные этой же суровой землей. И к этому прибавлены многочисленные камни, растасканные и разбросанные от рассыпавшихся здесь, то там руин. Оглядываяешься вокруг, и припоминаются слова: «Мертвая страна, безглагольна, недвижима, солнцем сожжена...»

Порою при виде руин действительно кажется, что разрушители преследовали цели не оставить камня на камне в самом буквальном смысле этого слова. Если с таким озлоблением предавались целям разрушения бездушного, то с меньшим озлоблением предавались вырезыванию населения.

Особенно странна была дань женщинами. Захватили более 2000 ленинаканских девушек, посадили их, как скот, в товарные вагоны и увезли в Турцию. «Когда поезд отходил, — рассказывают мне, — в воздухе стоял нестерпимый плач и вой как самих уезжавших, так и матерей и близких, прорывающихся сквозь цепь турецких солдат, чтобы в последний раз взглянуть на дорогие лица».

Позднее, когда Советской власти удалось наладить мирные отношения с турецкой границей, которая, кстати сказать, находится в 12 верстах от Ленинакана, приняты были меры к розыску этих девушек, но не найдено было ни одной. Весьма возможно, что ни одной не осталось в живых.

Повсюду война дышала ненавистью и разрушением, но редко где испытываешь такой ужас перед человеческой дикостью, разнузданной законами войны, как здесь, в этих местах.

А между тем слева от нашей дороги, вдали, тянется в овраге, означая свой путь зеленой лентой, а порою поблескивая на солнце, маленькая речушка Арпачай. Мы едем на Ширакский канал. Засушенная солнцем полувырезанная Армения хочет жить, а для того чтобы жить, надо солнцу противопоставить воду и разрушению — созидающий труд. И Советская власть призывает к себе на помощь стихию жажды жизни и солидарности труда, с одной стороны, а с другой стороны, этот маленький, неугомный, пенящийся Арпачай. Ширакский канал должен подойти к Арпачаю в высоком месте его течения, перехватить его поток и ввести его в новое русло, которое, разветвляясь потом маленькими и большими каналами, оплодотворяет 15 000 десятин этого сухого места и позволит превра-

тить их в те пышные фруктовые зеленые сады и в те еще с вавилонских времен знаменитые виноградники, какие видишь в Армении всюду, где есть вода...

Я от души поздравляю рабочих, местные власти и инженеров. Мы осмагивали канал за немного недель до его окончания и открытия. Дело сделано, дело, свидетельствующее о том, что Армения не замерла, что Советская Армения это есть воскресающая Армения.

Когда мы возвращаемся в Лешинакан, жара спадает, лучи солнца стали косыми, они очаровательно обрисовывают контуры красивого Алагеза и розовым отблеском сверкают на снегах его вершины.

Алагез — ласковая гора, покрытая садами, а выше — лесами, гора, особенно любимая окрестными армянскими пастухами и крестьянками и фигурирующая во многих народных песнях и сказках...

1924

Луначарский А. В. Три дня в Советской Армении // В. В. Стасов, А. Н. Веселовский, А. В. Луначарский, А. М. Горький. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1970.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АРМЕНИЯ ОСТАВИЛА ГЛУБОЧАЙШИЙ СЛЕД...

Пятый час!

Чуть сереет: просер голубеет в вагонном окне; уползают в ущелья гонимые мраки, как черная стая коров, очищая рельефы.

Армения!

Верх полусумерки рвет; расстоянье сложилось оттенками угрюмо-синих, сереющих, бирюзоватых ущелий под бледною звездочкой; в дымке слабеющей зелень; по чиркнул под небо кривым лезвием исцарапанный верх, как воткнувшийся нож; и полезла гребенкой обрывин земля, снизу синяя, в диких разрывинах; будто удары ножей, вылезавших из перетресканных камневоротов, — в центр неба; мир зазубрин над страшным растаском свисающих глыб, где нет линий без бешенства!..

Осколки крепчайших костей, разрывающих мускулы почвы здесь выперты — рушить массивы; под ними сражались римляне; и Митридат, посрамленный, армянским ущельем бежал, и Помпей пролагал переправы до древнего Фазиса...

Эривань, или город садов, лежит ниже Батума на градус двадцать минут, поднимаясь более чем на три тысячи футов над уровнем моря; Тифлис оказался бы в головокружительно

пропасти под Эриванью, когда б стоял рядом; меж тем: она — виадина явная, сильно пропитанная испарением Занги.

Зангу глубоким каньоном вырезывает вокруг города мощи базальтовых, столбчатых стен, точно стены дворцов, первоначально изваянных в многоколонники; на круто вздернутых, каменно-желтых приречных верхах разрушаются каменно-желтые стены красивейшей крепости, в синь поднимая свои бастионы: изъеденным краем; построена крепость в XVI веке; в семнадцатом веке Аббас обнес город такую же каменно-желтой стеной, о которую лоб расшибали Гудович и князь Цицианов; а персы гордились своей неприступностью; зато Паскевич стяжал себе лавры, взяв крепость и став «Эриванским» от этого; славе Паскевича очень дивились бывшие здесь англичане: при войске и пушках как мог он так медлить пред этой игрушечной крепостью.

Вид ее — гордый, величественно заграждающий склон городской от... реки; здесь недавно еще распадался сардарский дворец, а теперь он — раснался...

Здесь, на окраинах видишь размах СССР, — не в Москве, где советские барышни треском машинок проекты строчат; их действительность вовсе не в давке трамвая московского, а, например, в Эривани, где нет и в помине трамваев, где треск ремингтонов есть радостный говор о явно приподнятом будущем; из разговоров с армянским рабочим, седым коммунистом, с помощником наркомпроса Армении, с нашим шофером, три раза сидевшим у турок в плену, Вагаршаком Сарапьяном, с Сарьяном, воспитанным «Миром искусства» и после принесшим сюда, в Эривань, свою мудрость художника и замешавшимся в ритмы Армении, из разговоров с Тамановым, давшим проекты стел Эривани, из дружеских криков с М. С. Шагинян о тексте и сыроварении, — отовсюду летел на меня этот радостный видох про работу народа, столетия изголодавшегося без нее (...)

Невозможно коснуться всего, что я видел, в коротеньком очерке.

В распоряжении советских работников, организовывавших Эривань с 21-го года, остались: пустые дома без людей, часто даже без крыш, город без освещения, водопровода и без тротуаров, заводы пустыющие, просто чудом оставшийся старый коньячный завод, знаменитейший Шустовский, сети каналов, не действующих, и садов, обреченных на гибель (ведь персиками, абрикосами, айвами, грецким орехом, гранатами, винными ягодами, миндалем осыпались зелени). До революции кроме коньячного и пивоваренного производства, кустарно-ремесленных промыслов, двух-трех заводиков не было здесь никаких предприятий.

Теперь Эривань из-за хаоса переустройк все ж выглядит чисто; и вся в электричестве; есть тротуары; расчищены сети каналов; окончен канал, отводящий прохладную влагу до Эч-

мнадзина; другие же — роются; новая электростанция щедро снабжает энергией ряд предприятий...

Вернувшись и окинув ретроспективно истекшие 4 месяца, я понял, что в этом году наиболее сильные впечатления дала Армения; хотя мы просидели три с лишком недели в Эривани, однако и Эривань, и три поздки в окрестности (особенно в Аштарак и в ущелья Гарни и Гехарт) глубочайше заделали: заделали — памятники древности... взволновала старина Армении, особенно зодчества ее: и зрительно, и познавательно; все время пребывания в Эривани были завалены литературой из Публ. библиотеки; читали, читали; и делали изумляющие нас выводы, о которых в двух словах не расскажешь...

Андрей Белый. Армения. Ереван, 1985.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

В ДОЛИНЕ ДЕЛИЖАНА

В долине Делижана кто-то из товарищей сказал вполголоса: — Много здесь турки перебили армян.

— Ну, что же вспоминать об этом в такой красоте, — ответили ему.

Да, удивительно красиво. Кажется, что горы обняли и охраняют долину с любовью и нежностью живых существ. На высоте 1500 метров воздух необыкновенно прозрачен и как будто окрашен в голубой мягко сияющий тон. Мягкость — преобладающее впечатление долины. Глубокое русло ее наполнено пышной зеленью садов, и дома как бы тихо плывут в зеленых волнах по направлению к озеру Гокча. Южное Закавказье ошеломляет разнообразием и богатством своих красот, эта долина — одна из красивейших в нем. Но на красоту ее неустрашимо падает мрачная тень воспоминаний о недавнем прошлом... Память воскрешает трагическую историю Армении конца XIX, начала XX веков, резню в Константинополе, Сасунскую резню, «Великого убийцу», гнусное равнодушие христиан «культурной» Европы, с которым они относились к истреблению их «братьев во Христе», позорнейший акт грабежа самодержавным правительством церковных имуществ Армении, ужасы турецкого нашествия последних лет, — трудно вспомнить все трагедии, пережитые этим энергичным народом.

Удивительно быстро и ловко забывают факты такого рода господа «гуманисты», идеалисты, защитники «культуры», осужденной на жадности, зависти, на рабстве и циническом истреблении народных масс. Ложь и лицемерие защитников этой «культуры по уши в крови и грязи», восходят до явного безумия, до преступления, которому нет достойной кары...

Максим Горький. По Союзу Советов. Собр. соч., Т. 17. М., 1952.

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

НАШИ СЕРДЦА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ТАКИМИ ЖЕ ЧИСТЫМИ. КАК ВОЛНЫ СЕВАНА...

Мы вступили на Семеновский перевал. Минували восемнадцать подъемов, и автомобиль, словно собравшись с силами, облегченно вздохнул.

Горы теснятся, громоздятся друг на друга. В ущельях белеют островки снега. Они кажутся стаями голубей, которых, по библейскому преданию, выпустил из ковчега Ной, оставшийся после потопа на вершине Арарата. Кажется — голуби застыли на месте, настороженно прислушиваются, — им любопытно узнать, что же происходит в мире после потопа.

Библейская притча приходит на память сама собой даже самому отчаянному безбожнику. Воистину, здесь — древнейший очаг человеческой культуры... Это ощущается особенно остро, когда приближаешься к Арарату и перед тобой вдруг открывается просвечивающая сквозь клубы облаков, расстилающаяся у подножия огромной горы Араратская долина...

Удивительное зрелище являет собой Гокча. Я не видел ни швейцарских озер, ни Тапараванского озера в Джавахети, но Гокча производит на меня неизгладимое впечатление.

Озеро лежит в чаше, окаймленной высокими горами, словно упавшая с неба лазурь. Кажется, что это мираж, обманчивая картина и перед тобой лишь опрокинутое небо; иначе — как удерживается в горах эта огромная чаша, и откуда в ней волны такого цвета, что передать его не может даже сам Мартирос Сарьян. А Мартирос Сарьян для Армении то же, что Врубель для Кавказа или Пиромани для Грузии.

Мы попали на озеро в самое лучшее время, когда оно открылось во всей своей красоте. Ведь восемь месяцев в году Севан кутается в густые белые, холодные облака.

Голые скалы, как драконы, охватывают озеро со всех сторон. Кажется, что когда-то к лазурной воде припали огромные мифические существа, но вдруг окаменели и так и остались недвижными...

Мы готовимся к прогулке по озеру на пароходе. нас окружают местные пионеры, комсомолы, и вскоре на пристани возникает целый митинг.

Тема у всех выступающих одна — говорят и глаза и лица. Тот же энтузиазм, та же бурная радость жизни.

Мы поднимаемся на палубу. Севан необъятен, глаз не охватывает всю его ширь до противоположного берега. Радиус озера — 76 верст в длину и 36 в ширину. Глубина несколько сот метров. Пароход рассекает синие волны, мы отдаляемся от берега, плывем осматривать монастырь на острове.

Пожалуй, трудно было найти лучшее место для возведения крепости и монастыря, чем этот остров. Окружающее величие

невольно покоряет, и тебя охватывает впечатление, словно ты находишься под могучим влиянием какой-то скрытой за далью веков великой культуры.

Было около четырех часов, когда мы вернулись из монастыря на берег.

Из Еревана на автомобилях приехала группа писателей во главе с Австиком Исаакяном и Деренником Демирчяном.

Мы знакомы с ними и очень рады этой встрече на Севане. Тут же, на берегу, импровизируется стол.

— Озеро Севан — чистое и голубое. По народному преданию, оно собралось из слез. В прошлом армянскому народу пришлось перенести много испытаний, — говорит Дереник Демирчян, — только сегодня начинается его настоящая жизнь в атмосфере труда и мира. Нужно ли говорить о том, как мы рады нашим гостям — славным писателям братской республики?!

Наши сердца должны быть такими же чистыми, как волны Севана, чтобы мы облегчили людям принятие новой жизни и внушили им чувство дружбы и единства между народами.

В своем ответном слове я сказал приблизительно то, о чем пишу сейчас. Но мне кажется — ни тогда, ни сейчас я не сумел найти слов, чтобы передать чувство, которое охватило меня на берегу озера Севан. Теперь оно для меня не только название поэмы, а виденное и пережитое место.

*Тициан Табидзе. Статьи, очерки, переписка
Тбилиси, 1964.*

Эту неделю мы провели в Армении, ездила туда целая делегация грузинских писателей. Приняли нас изумительно. Дорога с Караклиса через Дилижан и озеро Севан на Эривань очаровала, особенно поразило Севанское озеро своим спокойным величием и лазурью... Поразил также Арарат и потом Эчмиадзин. А также развалины великолепного Звартноца, и природа, и старая культура очень роднят Армению с Грузией, чувствуется общность исторической судьбы.

Мне даже казалось, что эти страны — близнецы, и было больно сознаться, что я здесь первый раз...

Из письма Т. Табидзе Андрею Белому // Гурген Маари. Страницы жизни. Ереван, 1978.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

АРМЕНИЯ

1

Ты розу Гафиза колыхаешь
И нянчишь зверушек-детей,
Плечьями осьмигранными дышишь
Мужицких бычачьих церквей.

Окрашена охрою хриплой,
Ты вся далеко за горой,
А здесь лишь картинка палипла
Из чайного блюда с водой.

2

Ты красок себе пожелала
И выхватил лапой своей
Рисующий лев из пенала
С полдюжины карандашей.

Страна москательных пожаров
И мертвых гончарных равнин,
Ты рыжебородых сардаров
Терпела средь камней и глин.

Вдали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,
Всех казнелюбивых владык.

И, крови моей не волнуя,
Как детский рисунок просты,
Здесь жены проходят, даруя
От львиной своей красоты.

Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы — кузнечные клещи
И каждое слово — скоба.

3

Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,
Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хриплая охра.
И почему-то мне начало утро армянское снится,
Думал — возьму посмотрю, как живет в Эривани синица,
Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,

Я не был в этой прекрасной республике, но полюбил, когда мне довелось совершить путешествие по документальному фильму примерно десять лет назад. Я смотрел кадр на кинолентке и думал о том, какая древняя, богатая культура у армянского народа, какой блеск творческой мысли в наши советские дни. И тогда написал дикторский текст и навсегда полюбил Армению — эту старейшую античную страну, страну очень сложной, полной подчас трагических страниц истории, а сегодня молодую и необычайно красивую страну тружеников и блестящих умов.

Армяне — великие зодчие, они непревзойденные мастера-каменщики. Подтверждением может служить необычайно красочный облик архитектуры Еревана.

Я не был в Армении. Разве можно сказать, что я не был в Армении, если я был в Москве на выставке Мартироса Сарьяна — этого великого колориста.

А имя великого Аветика Исаакяна? Разве он не так близок и понятен нашим сердцам, как и сердцам своих земляков?

Кто не гордится Арамом Хачатуряном, одним из лучших композиторов современности? (...)

На экранах Москвы демонстрируются с успехом фильмы, выпущенные Ереванской киностудией, которая долгое время творчески молчала.

Нашим братьям армянского кино большой привет. Они тоже помогают познать Армению.

Я был в Армении... и полюбил этот талантливый народ всем сердцем, всей душой и навсегда.

Александр Довженко. Я знаю Армению // Коммунист. 10 мая 1961 г.

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

АРМЕНИИ

Сквозь темноту всков, как факел под ветрами,
Стремленье к вольности ты гордо пронесла.
В терновом шла венце, струилась кровь с чела,
Но песня вечная не молкла над горами.

Ты видела зарю орлиными очами,
Хоть грудь сжимал удав бесправия и зла, —
И чаянья сбывлись! На склонах расцвела
Та роза, что пышней раскроется с годами.

Из очага вынимает лавашные влажные шкурки...
Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?
Ах, Эривань, Эривань! Не город — орешек каленый.
Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны.
Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пролил.
Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо.
Я не хочу твоего замороженного вшиограда!..

Октябрь 1930

Осип Мандельштам. Стихотворения. Л., 1978.

САМЕД ВУРГУН

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕРОИЧЕСКОГО АРМЯНСКОГО НАРОДА

Могуч и велик народ, создавший такой многогранный и высокохудожественный эпос. «Давид Сасунский» является целой серией героических подвигов армянского народа, не склонившего свою голову перед арабскими халифами — этими кровавыми завоевателями. Эпос свидетельствует об огромном поэтическом таланте братского армянского народа, одного из древнейших народов нашей страны.

За что борются и за что отдают славную жизнь богатыри этого эпоса? За свободу, за независимость, за мирный труд и спокойствие. Они не преследуют хотя бы в малейшей мере цели завоевать чужую землю, причинить страдания другим народам. Они только защищают свою родину и отечество от злодеев, от арабских завоевателей.

В положительных образах эпоса воплощены лучшие идеалы и стремления героического армянского народа, его высокие думы и чувства, его миролюбие и гуманизм...

То, что посылось на мощных крыльях прекрасной народной мечты о свободе и счастье, обратилось в плоть и кровь в нашей чудесной социалистической действительности. Возрожден героический армянский народ.

Сияет над цветущей Арменией, над снежным Араратом солнце счастья и свободы. И живой Мгер на своем легендарном коне Джалали мчится по долинам и горам солнечной Армении как богатырь и защитник своей социалистической родины.

Самед Вургун. Об армянском народном эпосе «Давид Сасунский» // Собр. соч., Т. 3. М., 1980.

1939.

Твой древний Ереван, твои сады, поля
Теперь животворит сиянье звезд Кремля,
Кипит счастливый труд в долине Арарата.

Цветешь ты, радуясь, в кругу большой семьи,
Возводишь здания чудесные свои,
Прими ж и мой поклон — от друга и от брата.

15 сентября 1954

Ереван

Максим Рыльский. Стихотворения и поэмы. Л., 1988.

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

АРМЕНИЯ

Армения! Бессмертен твой народ —
Он не числом прославлен: а уменьем,
И на него глядят с недоумением:
Что он предвидит? Что изобретет?

В какой еще посмотрит телескоп,
Какое чудо вырастит в долине,
Через какой перемахнет окоп,
Чтоб вместе с нами ликовать в Берлине?!

* * *

Армения сказала нам: «Друзья,
Никто нас не обидит нарочито —
Такая здесь налажена защита,
Что даже пальцем тронуть вас нельзя.

Стоит на страже маршал Баграмян,
Чтоб лезвием бесценного кинжала
Навек отсечь еще живое жало
Антипоэтов и антиармян!»

Александр Гитович. Из цикла «Пирыв Армении» // В ладонях гор. М., 1983.

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

МОЯ АРМЕНИЯ

И куда же меня занесло?
От черемух, плетней и акаций
Перекинуло к солнцу в жерло,
К лиловатым снегам Арагаца!

Не в библейский, — в сегодняшний рай,
В терпкий запах рехана и перца,
В этот рыжий обветренный край,
Где от песен заходится сердце.

В детстве — рожь, курослеп на лугу...
А теперь не прожить мне и часа,
Не подумав о бурной Зангу,
О певучей весне Комитаса.

Я отказываюсь разгадать,
Что в меня эту страсть заронило, —
Очень русской была моя мать,
Небо севера было ей мило,

И сама я любила не зной,
А морозец веселый и прочный,
Что же это случилось со мной,
Что мне в пышности этой восточной?!

Я люблю эту мудрость веков,
Лебединые женские пляски,
Медь горячих тяжелых стихов
И полотен сарьяновских краски.

Не зови же смешным, не зови
Беспокойное это пристрастье,
В этой поздней нелегкой любви
Мне самой непопятное счастье.

*Вера Звягинцева. Моя Армения.
Ереван, 1969.*

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ

НА СВЕТЕ ЛИШЬ ОДНА АРМЕНИЯ...

На свете лишь одна Армения,
Она у каждого — своя.
От робости, от неумения
Ее не воспевала я.

Но как же я себя обидела —
Я двадцать лет тебя не видела,
Моя далекая, желанная,
Моя земля обетованная!

Поверь, любовь моя подспудная,
Что ты — мой заповедный клад,

Любовь моя — немая, трудная,
Любое слово ей не в лад.

Со мною только дни осенние
И та далекая гора,
Что высится гербом Армении
В снегах литого серебра.

Та величавая двуглавая
Родная дальняя гора,
Что блещет вековечной славою,
Как мироздание, стара.

И тайна острова севанского,
Где, словно дань векам седым,—
И своды храма христианского,
И жертвоприношений дым.

Орлы Звартноца в камень врублены,
Их оперенье — ржавый мох...
О край далекий, край возлюбленный;
Мой краткий сон, мой долгий вздох.

Над всей страной — дыханье гения
И вдохновенья и труда.
Кто повидал тебя, Армения,—
С тобой всегда, с тобой всегда.

Мария Петровых. На свете лишь одна
Армения...// В ладонях гор. М., 1983.

КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА

НЕРУШИМОЕ БРАТСТВО

Еще в отрочестве я вычитал в грузинской летописи «Картлис цховреба», что Хайос и Картлос были братьями. И эта дошедшая до нас из глубин веков историческая легенда — отнюдь не плод досужей фантазии...

И у нас, и у армян можно встретить такие блестящие памятники древнего зодчества и древней письменности, о которых могут только мечтать некоторые цивилизованные нации.

У грузин и армян поистерлись доспехи в борьбе против исламского обскурантизма. Это мы отстаивали христианскую цивилизацию от бесконечных сельджукских и монгольских нашествий, когда европейцы дрожали от страха в Венеции, Риме и Вене. За два столетия европейские монархи вкупе со знатью и духовенством предприняли семь крестовых походов, уготовив смерть миллионам людей, нашедшим гибель в Малой Азии,

Месопотамии и Египте. И вся эта грандиозная операция закончилась позорным провалом.

А Грузия и Армения выдерживали страшный натиск ислама одни, безо всякой поддержки извне, если не считать душеспасительных папских эпистол, вроде той, что направила в свое время ватиканская курья из России дочери царицы Тамары — Русудан.

Да и монголам тоже противоборствовали Армения, Грузия, Россия, Польша, Венгрия, Болгария, Сербия...

В новое время не только Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели крепили исконное братство армян и грузин. Гений армянского народа породил замечательных мастеров художественного слова — Ованеса Туманяна, Дереника Демирчяна, Аветика Исаакяна, которые по велению сердца напомнили нашим народам, что Картлос и Хайос — братья...

В 1942 году, когда фашистские каннибалы грозили нашим народам истреблением, я заявил на одном многочленном собрании в присутствии Аветика Исаакяна, Дереника Демирчяна, академика Орбели и других армянских писателей и ученых:

— Кроме прочего, я люблю Армению еще и потому, что у нас похожие крепости и храмы, что схожи меж собой наши древнейшие алфавиты, что горы и реки наши, наши люди, даже бороды наших царей и ваших отважных католиковосов напоминают друг друга.

А еще я люблю Армению потому, что мы с вами были и остаемся форпостом древнейшей цивилизации...

Мудрейшие из грузинских царей с надеждой взирали на Армению. Две легендарные вершины сторожат вашу Армению и север нашей страны. И как никому не по плечу хоть на миллиметр отодвинуть эти горы друг от друга, так и нет на свете силы, которая смогла бы разрушить наш издревле сложившийся союз...

Константинэ Гамсахурдиа. Новеллы, очерки, статьи // Собр. соч. Т. 7—8. Тбилиси, 1981.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

АРМЕНИЯ

В ладонях гор, расколотых
Стонучным ломом времени,
Как яблоко из золота,
Красуется Армения.

Клыки войны и пламени
Подрублены вокруг,
Под свежим, мирным знаменем
Проходит полем плуг.

И клянемся Араратом
И Арагацем тучным,
Она признала братом
Работы день пасущный.

И Дилижанским лесом,
И медью Запгезура,
И валом Дзорагеса
Владеет день лазурный.

Перед взийской глубио
Племен, объятых ленью,
Форпостом трудолюбия
Красуется Армения.

1924

Николай Тихонов. Дни открытий. Ереван, 1970.

НОДАР ДУМБАДЗЕ

АРМЕНИЯ И ГРУЗИЯ

...Вино мы пили всегда дома. И вот что странно: хотя об этом мы не договаривались и никто из нас к тому не обязывал, но как только в руках у нас появлялись стаканы с кровавого цвета жидкостью, всякое балагурство и сквернословие как рукой снимало, и наша беседа настраивалась на грусть, открытость, юмор, мечтания и любовь.

Первый тост, конечно, произносился за тетю Анетту и мою мать, следующий — за родных, затем — за Грузию и сразу же — за Армению. О Грузии дядя Геворк говорит странно и удивительно:

— Ваша Грузия, дорогой мой Мито, похожа на красивого, породистого скакуна под золотым седлом... К вашему несчастью, отведено этому скакуну место на таком красном лугу, да к тому же такое видное, что каждому прохожему хочется сесть на него и погарцевать с видом военачальника. Так было испокон веков. Слава всевышнему, нрав у скакуна разборчивый и гордый — сажает на себя не каждого подошника, а лишь людей достойных. А если кому изменит чувство меры, тотчас же сбросит его наземь... Ты еще ребенок, многое тебе невдомек, а мне на своем вкусе пришлось повидать таких... Да, удивительная страна ваша Грузия, выйдем за нее!

А что же я? Ведь я не тварь бессловесная? Я — человек, существо мыслящее и говорящее, и я обязан сказать дяде Геворку что-то приятное про Армению. Но что, я не знаю, и потому начинаю, заикаясь:

— Дядя Геворк, на свете нет страны лучше Армении...

— Вот сукин сын! Откуда тебе об этом известно, ведь ты ни разу не был в Армении, — улыбается дядя Геворк.

— Ну и что? Зато я читал и слышал... Один Эчмнадзин чего стоит! И потом — вторую свою жизнь человечество пачало с горы Арарат... голубые глаза дяди Геворка наполняются слезами и блестят, словно изумруд. — В общем, если бы не один недостаток...

— Какой недостаток? — настораживается дядя Геворк и ставит на стол стакан.

— Моря у вас нет, дядя Геворк, моря! — произношу я трагически.

— Да, что правда, то правда, — вздыхает он.

— Но ничего, есть ведь у вас Севан! Чем не море? — ободряю я дядю Геворка.

— Какое это море — без единого порта...

— А вы постройте порт и назовите его Севаностополем! Вот и все! — я чувствую, что немного переборщил.

— Ну-ка, без балагурства! — предупреждает дядя Геворк, от души смеется и произносит очередной тост...

*Нодар Думбадзе. Аствац, ипчу амар!!!
Литературная Грузия. 1983. № 10.*

КАЙСЫН КУЛИЕВ

АНАИТ

Я повидал немало разных стран,
Объездил я едва ли не полсвета,
Но возвратился из страны армян
И ныне повторяю имя это.

Во мне живет любовь к ее камням,
Сто раз оплаканным, сто раз воспетым,
Любовь к ее сынам и дочерям,
Ее пророкам и поэтам.

В моих горах сегодня снегопад,
Снег падает с небес легко и немо.
Передо мной белеет Арарат,
Хотя смотрю я на снега Чегема.

Моя любовь в груди моей болит,
Она, как снег, чиста, как горы, свята.
Я повторяю имя Анаит
И вижу белый купол Арарата...

Кайсын Кулиев. Собр. соч. Т. 2. М., 1977.

Чувство удивления не покидает меня с первых дней пребывания на земле Армении. Правда, я был здесь до этого еще один раз, почти сорок лет назад, в далеком 1946 году.

С тех пор невероятно много изменилось. Я мог бы попросту не узнать город. Тот Ереван никак не сравнить с нынешним. Вот тут рядом с Матенадараном я видел прилипшие к горе домики. Таким остался в моей памяти старый Ереван. Ныне это очень красивый европейский город, в то же время сохранивший национальные черты. Мне очень нравятся дома из туфа, прекрасные фонтаны, современные сооружения вплоть до Спортивно-концертного комплекса.

Очень давняя дружба связывает меня с Сильвой Капутикян. Я перевел несколько ее стихотворений, мы часто виделись в Москве. И вот новая встреча в Ереване. Беседа началась как будто с многоточия — то есть как бы разговор оборвался вчера и сегодня мы его попросту продолжили. Нам не нужно было разгона.

Я не видел таким Гегард, не видел воскрешенного Гарни, не видел сверкающего огнями Эчмиадзина — город этот стал совершенно другой. Мне посчастливилось познакомиться с различными людьми, народными песнями, обычаями.

Два посещения произвели на меня особое впечатление. Первое — это Музей современного искусства. Меня привлекает здесь разнообразие точек мировидения. Я боюсь тех поэтов, композиторов, художников, которые хотят сгладить углы. Каждый из нас предпочитает что-то одно, но надо быть шире этого, видеть многогранность искусства. Хочу выделить картины А. Галеша, Элибебялов, мексиканскую серию Г. Ханджяна, полотна А. Акопяна, М. Авитесьяна, Г. Хачатряна.

И как бы продолжение этого — Детская картинная галерея. Это по-своему уникальное явление. Мне пришлось много поездить — я видел музеи и картинные галереи Рима, Лондона, Парижа, Флоренции... но нигде не встречал по эмоциональному настрою такого музея.

В песнях я сторонник одной вещи — считаю, что каждое такое произведение не должно терять национального колорита. «Подмосковные вечера» или «Катюша», хоть они исполняются во всем мире, я воспринимаю как русские песни. И хотя у меня есть стихотворение «Праздник» в ритме армянской народной песни «Амбарцум яйла», это все-таки сугубо русское творение.

Недавно вышла моя первая книга прозы «Семейный альбом» (так что я теперь еще и начинающий прозаик), и здесь есть страницы, посвященные Армении. Есть новелла о виноделении

Маркаре Седракяне, есть зарисовки об озере Севан. Как видите, с Арменией я все эти годы не расставался.

Коммунист, 24 апреля 1985 г.

АВГУСТ

Багровели холмы, солнце жарило рьяно,
Поднимался туман из лиловых низин,
Разгадал я секрет живописца Сарьяна
На дороге, несущейся в Эчмиадзин.

Я узнал, как осенние ягоды сладки,
Как кружки маджари танцуют живеи,
Как в колхозных садах подставляют рогатки,
Чтоб плоды не ломали обвисших ветвей.

Я узнал, как гудит на дорогах старинных
Дикий ветер, сшибающий с ног без вина,
Сколько требует тюбиков ультрамарина
Эта, словно бездонная, голубизна.

Выжги солнцем ее или ливнями вытравь,
Все равно из тумана проступит вдали
Эта полная света и красок палитра
Изумрудной, багровой и рыжей земли.

В каждом доме меня принимали, как брата,
Я бродил, затерявшись в толпе городской,
И глядел, как, достигнув снегов Арарата,
Гордо высится Ленин с протертой рукой.

Я узнал эту землю при первой же встрече,
Сколько б ни было верст, испытаний и дней,
На чужбине мечтают о ней, как о чуде,
И, как птицы весной, возвращаются к ней.

Михаил Матусовский. Август //
В ладонях гор. М., 1983.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

ВАЖНО ИМЕТЬ БОЛЬШОЙ ДУХОВНЫЙ ОПЫТ

Я благодарю судьбу за то, что нашему поколению представлена возможность для объединения культур и установления взаимосвязей. Если вы ничего не знали о нас, киргизах, а мы знали о вас отрывисто, мало, абстрактно, так как мы не об-

щались, то сейчас возникли возможности для взаимовлияния, взаимосвязей. И то, что Нарекаци и Константи Ерэнкаци, другие ваши, более близкие по времени, выдающиеся художники слова и кисти, ваша музыка, прекрасный, великий Комитас, архитектура перестали быть только вашим достоянием и вошли в сокровищницу общенациональных достижений культуры — это стало возможным благодаря новым условиям.

И мы принадлежим к вашему роднику с таким же чувством близости и родства, с каким мы принадлежим к своим национальным источникам.

Сейчас настало время, когда мы, пользуясь опытом других литератур и культур, всего, что дошло до нас, должны все это объединить в себе и создать литературу, достойную нашей эпохи, которая выразила бы все, что мы собой представляем: и наши достижения, и наши цели, наши тревоги и боли.

Коммунист, 14 июня 1983 г.

КИМ БАКШИ

ТРИ ЯБЛОКА С НЕБА

Мне дорога Армения, так называвшая мой глубокий внутренний интерес, в ней, в ее великой культуре нашел я ответы на вопросы, издавна занимавшие меня. Армения потрясла меня, когда я впервые туда приехал...

Я хочу, чтобы весь наш русскоязычный мир знал, что один из народов нашего общего Союза является народом удивительной судьбы, тесно связанным с «прамиром», о котором человечеству известно все же еще не очень много. У нас на территории СССР нет Греции, Рима, Месопотамии, Вавилона, но у нас есть Армения тех времен...

Армяне являют собой народ, который не должен был выжить, если учесть натиск истории, и который тем не менее выжил. Это один из феноменов истории в масштабе всего человечества. И эта же сумма исторических условий сотворила национальный характер армян — его крепость, бронированность, выносливость, терпеливость, общее трудолюбие...

Я благодарен Армении за те мысли, которые вызвала она у меня, за те размышления, которыми я ныне дорожу как самым сокровенным в своей жизни. Добро, талант и красота — я встретил их в Армении. Это и есть те три яблока с неба.

Литературная Армения. 1982. № 2

АНДРЕЙ БИТОВ

УРОКИ АРМЕНИИ

Если многое считается замечательным в современной армянской архитектуре, то Матенадаран — самый замечательный пример этого «замечательного». К тому же построено здание только что и буквально в наши дни, то есть в мои и ваши.

Пачать с того, что назначенное строения самое почтенное. Это хранилище древних рукописей. И поскольку армяне очень давно пользуются своей дивной письменностью, то рукописей этих, несмотря ни на какие национальные беды, сохранилось великое множество, и каждая из них уникальна и уже не имеет пары. И хранить это национализированное национальное сокровище необходимо бережно и достойно. Тоже понятно.

Матенадаран построен для этой цели. Безупречно отвечая своему назначению практически и технически, он еще и воздвигнут как памятник многовековой и великой культуры...

Все строение как бы смотрит в светлое будущее, соответствуя авторским представлениям о нем.

Это величие замысла в дверях достигает наивысшей точки (так бесконечно взлетают вверх мощные плоскости!) и обрывается в холле. Там уже новый строй — бесшумности и шепотливости, где-то там, впереди, склоненные вдумчивые головы наших современников, творящих новую жизнь на базе всех знаний, накопленных человечеством, истинные хозяева этих духовных богатств.

Именно с таким прищуром очутился я в некоем квадратном зале... Я пожал руку молодого тоскующего сотрудника, прощупав наши неуместные здесь имена. Словно нехотя подвел он нас к одному из люпитров...

Это была биография Маштоца, написанная его учеником. Отсюда почерпнуты основные сведения о жизни великого буквотворца. На соседнем люпитре лежал старательно переписанный конспект по ботанике. Тысячелетний школяр рисовал на полях цветочки...

Матенадаран — этажи под землей, и там, в кондиционированных казематах, книги, книги...

— А что, они все прочитаны, изучены, описаны?

— Нет, что вы! Ничтожная часть. Они еще не переписаны даже в каталог. Эта работа потребует еще десять лет...

Этих книг — десятки тысяч...

Как много знали всегда! Как легкомысленно полагать, что именно наш век открыл человеку возможность пользоваться тем-то и тем-то, до того никому неизвестным.

Как много люди знали и как много они забыли! Сколько они узнали, столько они забыли. И сколько они узнали и забыли еще!

Андрей Битов. Уроки Армении. Ереван, 1978.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Я СМОТРЮ НА АРАРАТ

Как армянин, я Арарат люблю,
Как армянин, с ним вместе я скорблю,
Туман его, дыхание его
Сгушаются у сердца моего.

И мнится мне, не луч зари горит,
А кровь армян снега его багрит.
И кажется, не дождь сечет туман,
А льются слезы горькие армян...

Потоки слез текли века подряд.
Ты их вобрал, безмолвный Арарат...
И сам мечтал столетья напролет
Увидеть близко свет севанских вод.

О, как же прочен снег извечный твой,
Коль он не тает от тоски людской!
Смотрю я на далекий Арарат,
Любовью и волнением объят!

Расул Гамзатов. Собр. соч. Т. 1. М., 1977.

МАТЕНАДАРАН

Как к самым мудрым и к самым старым, робко, волнуясь, я входил в этот замечательный дом, где хранятся самые дорогие и самые веские доказательства величия армянского народа. То впечатление, которое я здесь получил, всю жизнь будет преследовать меня. Мои волнения, думаю, когда-нибудь превратятся в слово. Пока у меня их нет, чтобы выразить свои самые сокровенные чувства. Знаю только одно, что я слишком поздно пришел сюда и слишком рано ухожу отсюда. Мне не повезло, но все же я счастлив, что я был здесь и могу рассказать об этом моему Дагестану, который так же, как и я, был лишен многовековой письменности.

26.XII.1970

Вестник Матенадарана. 1971. № 10.

НИЛ ГИЛЕВИЧ

АРМЕНИЯ

Как летопись, читал твои камни я
Вдоль всех дорог, при солнце и во мгле,
Но глубже суть твою постиг, Армения,
Я в храме том, что выдолблен в скале.

С каким желанием и верой пламенной
Свой лик народ стремился сохранить,
Что смог в горе, в породе этой каменной
Такой приют для духа сотворить!

Диалог по дороге на Севан

- Из чего ваши хаты, мосты, города?
- Из камня, мой брат, все из камня...
- А откуда же вкусная чудо-вода?
- Из камня, мой брат, все из камня...
- А откуда здесь соки берет виноград?
- Из камня, мой брат, все из камня...
- А откуда же вера, что я тебе брат?
- Из мук, нас терзавших веками...

Перевод с белорус. Бронислава Спричана//
Литературная Армения. 1986. № 10.

МИХАИЛ ДУДИН

Я БЛАГОДАРЕН АРМЕНИИ...

Я благодарен Армении прежде всего за ее прекрасных поэтов. Я благодарен Армении за ее высокую оценку моего скромного труда. Я благодарен Армении за то, что на ее прочной земле, под ее щедрым солнцем существует праздник переводческого искусства.

Сегодня и всегда переводчики были теми мастерами, что своим искусством наводили мосты между человеческими душами, между народами и континентами. Они переносят духовное богатство одного народа к другому, минуя барьеры языков и наречий. Они делают мир единым, они — великие труженики, находящиеся всегда на переднем крае борьбы за мир, за тот человеческий праздник, о котором мечтал Пушкин, вздыхая о тех днях, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Вот мы и соединились сейчас в эту семью на празднике переводческого искусства, ибо переводчик, хочет он этого или нет, всегда ищет родства.

Недавно я написал предисловие к русскому переводу книги Франца Верфеля «Сорок дней Муса-горы». Удивительная книга, поражающая своей глубиной, грандиозным человеческим сочувствием к беде народа. По сути дела, роман Верфеля стал первой книгой, направленной против гитлеризма. Верфель совершенно четко определил, что геноцид есть проявление фашизма, и направил против него всю мощь и силу своего таланта. Ценность этой книги подтверждается тем, что она не потеряла свою актуальность по сей день...

Литературная Армения. 1982. № 12.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

АРМЯНСКАЯ ЛОЗА

Арно Бабаджанян

Я прикрываю
тайные сомнения,
я прикрываю тайную слезу,
как прикрывают
от зимы
в Армении
землею
виноградную лозу.
Когда землей
при жизни засыпают,
то силы тайные во мне не засыпают.
Кто любит землю ту,
что стала Родиной,
тот даже под землей —
непохороненный.
Пускай распалось тело,
опустело:
земля —
теперь мое второе тело,
и сердцем сделался
земли живой комочек,
проросший к небу
стебельками строчек.
И я не умер.
Под землей я зрею.
Не потерял я под землей лица.

Землею
я прикрылся лишь на время,
как вечная армянская лоза.

Евгений Евтушенко. Армянская лоза // В ладонях гор. М., 1983.

РЮРИК ИВНЕВ

АРАРАТ

Быть может, все, что видел я когда-то,—
Простор полей, и Тихий океан,
И дней мятежных длинный караван,—
Должно погаснуть, точно луч заката,
Пред мраморной вершиной Арарата.

Быть может, я пришел к заветной цели
И больше нет желаний никаких.
И я стою у общей колыбели
Моей судьбы и судеб мировых.

И все, что ум и сердце волновало —
Тревога, боль, смятение души,—
Вдруг отошло, и в мертвенной тиши,
Переливаясь радугой опала,
Одна вершина предо мной сверкала.

Рюрик Ивнев. Арарат // В ладонях гор. М., 1983.

ЕГОР ИСАЕВ

И ТАК МНОГО ВСЕГО...

В числе небольшой группы российских писателей я был приглашен в Армению на торжества по случаю 150-летия добровольного вхождения страны армян в состав России.

До этого я видел Армению лишь на карте. Видел там, в Закавказье, у южной порубежной линии нашего великого Союза. Там, где преобладает на карте коричневый, в основном горный цвет — цвет камня и мало, мало совсем зеленого, долинного цвета — цвета животворной почвы, цвета земли. Там, где нет моря и больших рек, но зато... зато есть Севан!

Озеро-легенда. Озеро-символ. Озеро-красота и, говоря строго, озеро-забота наша всесоюзная: не дать больше упасть его

уровню. Там!.. Но это уже не только там, на карте. Это уже и в книгах, в музыке, в науке, в живописи... Это уже и в истории... Там. Там. Там... Там и оттуда она, Армения! Я много читал, слышал о ней. А видеть непосредственно, к сожалению, не видел.

И вдруг она вот — воочию предо мною!

Воочию — ее земля, люди. Воочию — ее селения, города, ее фабрики, заводы. Воочию — туманный Арарат, вдали. Воочию, как большой виноградный лист посреди гор, житница Армении, ее мировой коньячный градус — араратская долина... Севан — воочию! Воочию — великомудрый Матенадаран, Эчмиадзин, Звартноц... Все, все воочию. Все тут. И так много всего, что глаз не хватало, чтобы во все взглянуть. Не хватало памяти, чтобы все запомнить. Не хватало сердца, чтобы за все поблагодарить.

Но что обиднее всего — не хватало времени. Уж как она там ни старалась, хозяйка паша, армянская гостеприимная дорога, все обежать-объехать и как можно больше показать нам с быстрых своих колес — семь дней, согласитесь, это все-таки очень и очень мало. Мало, да, но и — как это ни парадоксально — много. Даже очень много...

...Ночной Ереван был действительно сказочным! Он не столько виделся, сколько угадывался в глубокой тени темных ночных деревьев. Верхний — звездный — нижний — ламповый — свет были одинаково мягкими. От них исходило чувство уюта, как от костров. Затененный камень, казалось, переставал быть камнем. И сами дома рисовались не построенными, а выросшими, как редкие прохожие, они то тут, то там встречались нам в ереванской ночи. Хотелось молчать. Машина и та, казалось, как пешком шла — тихо.

У темной лесистой горы она остановилась, и мы, выйдя из нее, стали молча подниматься в гору. Две цепочки огней — круглых и белых, как налитых молоком, — сопровождали нас к вершине. И когда мы поднялись, я, прежде чем увидеть, почувствовал: тут кто-то есть! Есть бессонный. Тревожный. Вечный. Мгновение спустя я его увидел. Это был огонь. Посреди ночи. Над ним наискось уходили к небу каменные плиты.

Я сразу почувствовал время на лице. Плотно, как чувствуют ветер. Маленький, даже одинокий какой-то, огонь... И в то же время великий, всенародный! И такой в то же время трепетный, как на ветру в ладонях у солдата... Вокруг него — весь Ереван. Вокруг него — вся Армения... И та, которая тут, на этой своей земле, и та, которая там — на беженских дорогах века. Там, за Араратом. Там — во всем огромном мире. Вокруг него — история.

Почти два миллиона душ армян — жертв чудовищного геноцида 15—16-х годов, казалось, витают над этим священным огнем и требуют памяти, памяти и памяти. А рядом, выше склоненных плит, уходила в небо стрела обелиска, разорван-

ная снизу, как трагедия и как надежда, соединенная там, ближе к острию, устремленному к звездам, в вечность.

Егор Исаев. Чувство глагола. М., 1985.

НАТАЛЬЯ КРАМИНОВА

ЗНАТЬ ЦЕНУ ЕДИНСТВА, СТОЙКОСТИ И ЛЮБВИ

Эчмиадзин — крохотная часть Армении, горсть ее земли, но той, что берут в дорогу, как воду и хлеб.

В книге судеб любого народа достаточно трагичных страниц. В истории Армении мало страниц беспечальных. Государство, существовавшее еще до нашей эры и сделавшее христианство государственной религией в 301 году, столетиями подвергалось постоянной жестокой пытке: Византия и арабы, персы, Тимур, турки. История на века уподобилась сплошной открытой ране. Изгнание превратилось в удел многих тысяч армян.

Но век за веком при всех потрясениях в Армении существовал Эчмиадзин, свеча темнейших ночей истории, опора сопротивления, создатель письменности и культуры, хранитель веры праотцов. Идея христианства сливалась с идеей единства народа.

Лишь в 1920 году Красная Армия вернула Армении независимость, вернула государственность, потерянную тысячу лет назад. Древняя высокая цивилизация не уподобилась Атлантиде, устояла на земле.

В Армении особое отношение к храмам. В них приходят верующие и неверующие, приводят детей, гостей. Любой даже не очень-то грамотный человек, не путаясь в хронологии, расскажет вам об исторических событиях, связанных с данным храмом. Здесь начинаешь понимать: история растворена в крови армянского народа, и храм для него не только своды, под которыми молятся. Здесь нация осознавала: мы — армяне, мы — выжили, мы — победили...

Резиденция верховного патриарха и католикоса всех армян Вазгена Первого расположена за Кафедральным собором, подчиняясь ему своим архитектурным стилем. Первый этаж — кабинет его святейшества и жилые комнаты. На втором — зал, где принимаются главы других церквей, конференц-зал, небольшая картинная галерея из даров художников разных стран и три сейфа, внутри они как три чудесных маленьких музея: армянский алфавит, герб Советской Армении, армянский крест. Все из чистого золота и сплошь драгоценные камни, но работа так тонка и умна, что любишься ею больше, чем блеском исходного материала.

Кабинет католикоса напоминает кабинет ученого: просто, просторно и много разноязычных книг, хотя это лишь те, что

постоянно нужны для работы. Он не признает, как мне рассказывали, в своих делах чужой руки и все важное пишет или редактирует сам. Свободно говорит на французском, немецком, румынском языках, знает, конечно же, древнесармянский — язык богослужения. Он и внешне напоминает ученого, профессора, из тех, кого любят студенты...

Разговаривать с ним неожиданно просто. Своей доброжелательной интонацией помогает снять внутреннее напряжение, о котором, конечно, догадывается...

Католикос вспоминает свою недавнюю поездку в США с миротворческой миссией. Его святейшество встречался с президентом Рейганом в Белом доме, посетил ООН, познакомился с мэром Нью-Йорка, губернатором Калифорнии, премьер-министром Квебекской провинции Канады. Везде речь шла о сохранении мира. Но все-таки самым дорогим и радостным для него осталось воспоминание, связанное с Лос-Анджелесом, где живет много армян (в целом в США их восемьсот тысяч). Не нашлось церкви, способной вместить всех желающих присутствовать на литургии, которую служил католикос. И тогда решили собрать людей на открытом стадионе. Собралось 15 тысяч человек. Католикос увидел проявления самых горячих, самых искренних чувств любви к родине. И это незабываемо.

«В своем большинстве это люди, чьи деды были вынуждены покинуть Западную Армению. Я убедился, что армяне-диаспоры по-прежнему смотрят на Советскую Армению, на Эчмиадзин как на мать-родину».

Верен ли католикос своей молодой мечте о единении всех людей мира — таков был мой последний вопрос. Но я его не задавала. Ответ был очевиден. В Армении, в Эчмиадзине становится ясна степень страдальческой причастности армян к мировым событиям. Ею пропитан дух народа, мужественного и нежного, способного возводить храмы и растить сады на простом и горьком камне своей родины. Ему ли не знать цену единства, стойкости и любви.

Наталья Краминова. Сто тридцатый католикос всех армян // Московские новости. 1988. № 4.

РУСТЕМ КУТУЙ

ЛАСТОЧКИ АРМЕНИИ

Турецким ятаганом полумесяц,
вонзенный в Арарат,
обледенел.
Печаль Армении и сон
ютятся ласточками в трещинах.

О, скорбный снега пух,
не тающий на склонах,
как песнь без слов над колыбелью!

* * *

Беседуем о древности.
Хачкары мыслей подымаем в скалы.
Столетия шутя
бегут ватагой мимо,
как погорельцы...

А день,
едва родившись,
копытца пробует,
соломкой золотится.
Не до него
на пепелище памяти,
когда лавины сходят.

Рустем Кутуй. Ласточки Армении // Литературная Армения. 1986. № 10.

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ

АРМЕНИЯ

Свежие впечатления от природы Армении заставляют меня несколько подробнее сказать и о ее пейзажах. Многовековая культура Армении победила даже горы. «Хоровод веков», — пишет Андрей Белый в «Ветре с Кавказа». «Впаяны древности в почву; и камни природные — передряхлели скульптуру; и статуи, треснувши, в землю уйдя, поднимают кусты; не поймешь, что ты видишь: природу ль, культуру ль? Вдали голорозовый, желто-белый и гранный хребтик сквозным колоритом приподнят над Гегаркуником, Севан отделяющим; почвы там храмами выперты, храмы — куски цельных скал».

Не могу удержаться, чтобы не привести из той же книги отрывок, где Белый описывает свои первые впечатления от Армении, полученные им ранним утром из окна вагона:

«Армения!

Верх полусумерки рвет; расстояние сложилось оттенками угрюмо-синих, сереющих, бирюзоватых ущелий под бледною звездочкой; в дымке слабеющей зелень; но чиркнул под небо кривым лезвием испарянный верх, как воткнувшийся нож; и полезла гребенкой обрывки земля, снизу синяя, в диких разрывинах; будто удары ножей, вылетающих из перетресканных камневоротов — в центр неба; мир зазубрин над страшным растаском свисающих глыб, где нет линий без бешенства!»

Что это не мимолетное впечатление Белого, показывает тот факт, что на него откликнулся и сам гениальный армянский живописец Мартирос Сарьян, а что может быть авторитетнее именно такого отклика художника. В своем письме Белому, вызванном впечатлением от очерка «Армения», Сарьян пишет, что он хранит воспоминание о тех днях, когда они вместе «разъезжали или расхаживали по этой обожженно-обнаженной нагорной стране, любясь громоздящимися камнями голубовато-фиолетового цвета, ставшими на дыбы в виде высочайших вершин Арарата и Арагаца».

Я не смею поправлять Сарьяна, и все-таки порой мне кажется, что пейзаж Восточной Армении суровее, чем на картинах Сарьяна. Безлесные горы, изборозжденные дождями, ручьями и полосами виноградников, горы, с которых скатывались камни, густые плотные краски: это природа, точно впитавшая в себя народную кровь. Выше я писал, что для русской природы, очеловеченной крестьянином, очень характерен ритм вспаханной земли, ритм изгородей и бревенчатых стен. Ритм характерен и для пейзажей Армении, но в Армении он другой. Огромное впечатление оставляет картина того же Сарьяна «Земля» (1969). Она вся состоит из полос, но полос ярких, волнистых — совсем других, чем ритм, созданный человеком в России.

Этот же волнообразный ритм схвачен и в картинах замечательнейшего армянского художника Мипаса Аветисяна. В его картине «Родители» (1962) отец и мать изображены на фоне армянского пейзажа. Поразительно, что ритм армянской природы как бы повторяется в душевном ритме людей. Даже горы в картине «Родители» стали волнами трудового ритма...

Совсем свободен и легок ритм в картине Акопа Кождояна «Араратская долина». Горы в ней — волны, полосы долины — только легкая морская зыбь.

О богатстве природы Армении свидетельствует и то, что в живописи она отражена удивительно разнообразно. Один и тот же художник видел ее по-разному. И вместе с тем мы всегда скажем: это Армения...

Дмитрий Лихачев. Заметки о русском. М., 1984.

СИЯВУШ МАМЕДЗАДЕ

ТРИ СОНЕТА О ГЕХАРДЕ

Левону Адамяну

I. ГАЛДЗАК

Зодчий Галдзак, начиная строительство Гехарда, прорубил сверху проем в монолитной скале, все глубже продвигаясь в каменную толщу. Свет сопутствовал ему.

И кто сказал: «Вначале было слово?»
Вначале был неистребимый свет,
Пусть мрак давил жестоко и свинцово,
Но свет был избавлением от бед.

Галдзак трудился зорко и толково,
Резцом владея, как пером поэт,
Вгрызаясь в толщу каменного крова,
И свет летел за человеком вслед.

Он знал, что нет решения иного,
Лишь светом тьму дано свести на нет.
Крушил гранит упрямо и сурово,
Пока не стал и немощен, и сед...

Сходя во мрак, он к богу шел, Галдзак,
Но бог — был светом в истовых глазах.

II. ЧУДО

По преданию, Тамерлану, подступившему с войском к Гехарду, показалось, что в храме есть невиданное сокровище, источающее искромётный свет. Он вошел в храм, устремился к светящемуся чуду, простер руки и... ухватил пустоту...

И это было тайной чудадея,
А попросту — оптический обман.
Казалось, что молитвенно радея,
С простертыми руками Тамерлан

Застыл на месте, может, сожалея,
Что храма не взвалить на караван...
Луч света, как высокая идея,
Как дух не покорившихся армян,

Под сводами мерцающими рея,
Истаял вдруг... И благостный туман

Клубился, то густея, то редя,
И тень креста упала на колчан.

Взирал Тимур в синюющий проем —
Всесильный враг в бессилии своем.

III. МАТАХ

Деревья окрест Гехарда увешаны разноцветными тесьмами, памятные места заветных желаний. Это обет, по-армянски именуемый словом «матах». Их тысячи — этих скромных символов надежды.

Сын не вернулся с яростной войны,
А мать все ждет с надеждою последней.
Или недуг подкрался незаметно,
Изжить который люди не вольны,

Иль писем нет с далекой стороны,
Или любовь осталась безответной,
И вот ее несбыточные сны
Витают над пестрядью многоцветной,

Или мечтанья женщины, жены
О материнской радости заветной...
А я с мечтой увидеть жизнь безбедной
Даю обет во имя тишины, - -

И да пребудет этот мир и храм,
Завещанные будущим векам!

*Свявуш Мамедзаде. Три сонета о Гехарде
// Литературная Армения. 1986. № 2.*

ГЕОРГИЙ МАРКОВ

РАДОСТНАЯ ДАТА

Мы все, единоправные, разноязычные народы великой страны, с радостью отмечаем 150-летие исторического события — вхождения Восточной Армении в состав России.

Тяготение армянского народа к России наиболее ярко выражается в русской ориентации многих выдающихся представителей армянской интеллигенции — писателей, ученых, политических деятелей: Хачатура Абовяна и Микаэла Налбандяна, Ованеса Туманяна и Степана Шаумяна, Александра Ширванзаде и Аветика Исаакяна и многих других.

Они считали установление и укрепление дружбы своего народа с русским народом, их вечный союз и братство залогом

счастливого будущего, исторической необходимостью для осуществления вековых чаяний армянского народа.

Осуществилась мечта многострадального, талантливого и трудолюбивого братского армянского народа. Сегодня всех нас радуют его понетиле грандиозные успехи во всех областях жизни. Меня, русского писателя, питающего искреннюю любовь к богатой национальными традициями и духовной силой армянской литературе, особенно радует то, что нынешнее талантливое поколение армянских писателей, продолжая прекрасные традиции Туманяна и Исаакяна, Чаренца и Наира Заряна, высоко держит авторитет советской армянской литературы в семье братских литератур нашей страны.

Коммунист, 29 сентября 1978 г.

ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС

АЛМАЗ

«Сверкающий алмаз в зубах гадюки», —
Так воспевал тебя Саят-Нова.
Ты огненные претерпела муки,
Как и моя Литва.
Сняешь ты. Вот так среди высей горных
В глазах армянок вечен яркий свет.
Ты, гордый край, и стойкостью, и горем,
И мудростью прославлен — как поэт.
Лучше! Так роза выросла на круче,
На ней слезой горячая роса.
Не спит твой дух отважный и могучий
И выпрямляется опять твоя краса.
Как бродит виноградный сок в кувшине,
Чтоб радостным вином потом истечь,
Так мощь твоя вздымается к вершине —
Труду дать лиру, битве — острый меч.
И сократилась дальность расстояний
Судьбой похожею — почти совсем одной.
Достаточно пинок и расставаний.
Вот солнечные краски предо мной.
Чюрленис и Сарьян! Один и тот же ветер
Ласкает горы, шепчется с листвою.
Одно над нами солнце в небе светит,
Армения соседствует с Литвой.
Дочь Арарата, будь благословенна!
Ты мне родная, как стихов слова,
Алмаз чудесный, необыкновенный,
Который мне вручил Саят-Нова.

Пер. с литовского Ф. Фихмана.
Литературная Армения. 1983. № 7.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ

КРАЙ СВЕТА

Когда вдруг говорят:
— А если на край света? —
Я вижу Арарат
И — не ищу ответа,
Где этот самый край,
Куда — сейчас, немедленно!..
Тот край, где с милым рай,—
(Что спорить — так ли, нет ли...)
Край света...

Край воды
Магический, сладчайший...
Край каменной гряды,
Поднявшей к небу чашу
Севана...

Поспеши
Припасть и причаститься
К святыне...

Край души
Парящей, словно птица.
Край песен...

Торжество
Пылающего лета,
А болес всего —
Край света—света—света!..
Свет — с четырех сторон,
Не гаснущий веками,
Свет, льющийся, как звон,
На лозы, снег и камень,
Не знающий измен,
Не терпящий запрета...
...О будь благословен,
Край — и начало — света!

*Елена Николаевская. Стихи об Армении.
Переводы. Ереван, 1969.*

ОЛЕГ ШЕСТИНСКИЙ

АРМЯНСКИМ ПОЭТАМ

Милые друзья, добрые друзья,
в шумном застолье и в тихой беседе я с вами,
чутко внимаю в гортанные звуки.

Повелеваете вы, как конями, словами,
милые друзья, добрые друзья.

Смелые друзья, честные друзья,
как из гнезда, рвется песня из горла,
крылья она своенравно простерла
в русской округе, армянской округе,
смелые друзья, честные друзья.

Чистые друзья, славные друзья,
нашим сердцам не томиться в разлуке,
ибо мы связаны прочно сердцами,
связь эта вечна, знаете сами,
чистые друзья, славные друзья.

Русские звуки, армянские звуки:
крук или журавль,
барев или здравствуй —
кровное братство над душами властвуй!
Чистые друзья, славные друзья.

*Олег Шестинский. Армянским поэтам //
В ладонях гор. М., 1983.*

МАРИС ЧАКЛАЙС

ТОСТ И ХАЧКАР

Геворгу Эмину

Пока за долгими тостами мы уставали,
пока осознали, что перебрали с едой,
на нас откровенно глядели хачкары —
один расколотый и целый второй.

Как напряжены, камень, вен твоих ветви!
Как живыми, черными цветами крест цветет!
Проходит ли трещина мира через сердце поэта —
я не знаю. Но через хачкар идет.

И Севан, земли твоей глаз единственный,
смотрит в библейские небеса, как во храм.
В нем не только Гора — все небо оттиснуто
И что-то целительное от рап.

И как на хачкаре — круги дороги упруги,
и волны волос, и солнце для гнезда;
кривые сабли, боем сплетенные руки,
круглая радость, обнимающая беда.

Я медленно понимаю — чем жива земля эта старая, почему этот народ победоносно живой: здесь за любым человеком стоят два хачкара — один расколотый и целый второй.

Видно, поэтому много умных слов и печальных брошены в синеву мыслям — пращой. Потому что и тост на этой земле хачкаров один — расколотый и целый — второй.

(Пер. с латышского П. Вегина)

Марис Чаклайс. Тост и хачкар // Литературная Армения. 1985. № 2.

* * *

ЧЕЛОВЕК, СТАВШИЙ ЛЕГЕНДОЙ

(о Е. Б. Вахтангове)

Да, именно с необычайной, совершенно уникальной личностью Евгения Багратионовича Вахтангова, 100-летие со дня рождения которого исполнилось 13 февраля 1983 г., связаны прежде всего особые качества театра, посвящего его имя, во всяком случае все без исключения лучшие из них. Это был человек, еще при жизни ставший легендой и оставшийся легендой и в наши дни. Человек, в буквальном смысле слова отдавший всего себя без остатка строительству советского театра...

Главная часть жизни Вахтангова неразрывно связана с Москвой, значительный след в жизни столицы оставил этот удивительный человек. Вахтангов родился и вырос во Владикавказе (ныне Орджоникидзе — столица Северо-Осетинской АССР), совсем недалеко от могучих кавказских гор, увенчанных величавым Казбеком. И, вспоминая его, разные люди говорили и писали о горной высоте в его душе и глазах, сравнивали его с горным орлом, хотя в обыденной жизни он был человек на редкость простой, скромный, демократичный.

С самых ранних лет в жизни Вахтангова было немало такого, что могло способствовать этой легендарности его личности. Так, очень нелегко объяснить, откуда еще в юные годы возникла у Жени Вахтангова всепоглощающая любовь к театру. Вырос он в семье, которая была далека от театра и скорее напоминала «холодные дома», описанные в романах Чарльза Диккенса. В его родном городе отец Вахтангова, армянин по национальности, был фигурой хорошо известной. Богатый табачный фабрикант, человек до предела черствый и деспотичный не только с рабочими, но и в домашнем кругу. В доме Вахтанговых царил атмосфера подавленности, ожидания бесконечных попреков со стороны главы семьи.

И тем не менее юный Жень Вахтангов обладал редкой природной жизнерадостностью, находившей выход в участии в разного рода гимназических развлечениях, танцевальных вечерах и спектаклях. Он был исключительно музыкален, играл на самых различных инструментах (любимицей его до конца жизни была мандолина, на которой он мастерски исполнял самые сложные произведения). Обладал он и литературными способностями и был инициатором гимназического рукописного журнала.

Однако над всеми привязанностями и увлечениями возобладала любовь к театру. Интересно, что первыми его постановками еще в гимназические годы, в самом начале нашего столетия, были «Предложение» и «Медведь» А. П. Чехова — одного из самых любимых писателей Вахтангова в течение всей его жизни...

В 1903 г. происходит первая встреча молодого Евгения Вахтангова с Москвой. Отец посылает его учиться в Московский университет, чтобы он овладел естественными науками или стал юристом. Но и в Москве он сразу же стал делить свое время между университетом и разными театральными кружками... Он ставит спектакли и во время приезда на каникулы в свой родной город и даже выезжает с организованными им театральными коллективами в соседние города...

В конце концов любовь к театру возобладала над всеми иными увлечениями, и в 1909 г. Вахтангов поступил в частную театральную школу артиста Московского Художественного театра А. Адашеву. При этом он проявил незаурядную силу воли, без колебаний отказавшись от богатого наследства, хотя у него уже были в то время жена и маленький сын. Начинается новый этап его взаимоотношений с Москвой...

В конце 1913 г. группа московских студентов решила организовать свою студию и для руководства ею пригласила Вахтангова. Так возникла Студенческая студия — зародыш будущего театра имени Вахтангова...

...Полная погруженность Вахтангова в чисто театральную сферу, его невероятная занятость театральными производственными делами и близость к кругам, видевшим возможность процесса на путях моральных, а не политических, привели к тому, что он с некоторым опозданием понял и принял революцию. С тем большей остротой в мировоззрении Вахтангова произошел резкий перелом. Произошел неожиданно и так, как это, широкое, может быть только у художника. Вахтангов как-то увидел руки рабочего, по-новому, по-хозяйски чинившего трамвайные провода, и вдруг почувствовал, понял народность Октябрьской революции. «Откройте окна, здесь душно!» сказал он в своей студии...

Как проходит внешне жизнь Вахтангова в это время, рассказывают строчки, написанные Вахтанговым другу, с которым он подолгу не мог увидеться, хотя жил с ним... в одном доме: «Мне некогда поест: даже за те 15 минут, которые идут на

обед, я умудряюсь делать прием. Когда я иду на работу или возвращаюсь, меня почти всегда провожают те, с которыми надо говорить о деле.

1-я Студия, 2-я Студия, Моя Студия, Габима, Студия Гунста, Народный театр, Пролеткульт, Художественный театр, урок, спектакль ноябрьских торжеств.

Вот 10, так сказать, учреждений, где меня рвут на части... И всю эту колоссальную ношу тащу скрючившись, пополам сложенный своей болезнью».

Здесь нет ни одного слова преувеличения. Скорее наоборот, так как дальше Вахтангов пишет: «...меня зовут и зовут в новые и новые дела, которые я же должен создавать...»

Все то, что связано с вахтанговским творчеством в эти годы, буквально ошеломляет. За два неполных года (начало работы над «Свадьбой» — лето 1920 г.; последняя генеральная репетиция «Пришессы Турандот» с участием Вахтангова — 27 февраля 1922 г.) Вахтангов поставил пять спектаклей. И каких спектаклей! С ними Вахтангов уверенно и прочно вошел в историю не только национального, но и мирового театрального искусства, занял в нем собственное и весьма весомое место...

В 1921 г. отмечалось 10-летие работы Вахтангова в Московском Художественном театре. Десять лет — казалось бы, не так уж и много! Но во время чествования Вахтангова Станиславский снял со своей груди значок основателя Художественного театра — золотую чайку (таких значков было изготовлено всего лишь три) — и приколот ее на грудь Вахтангова. А 18 апреля 1922 г. он дарит свой портрет Вахтангову с надписью, которая кончается словами: «...мудрому педагогу, создавшему школы и воспитавшему много учеников; вдохновителю многих коллективов; талантливому режиссеру и артисту, создателю новых принципов революционного искусства. Надежде русского искусства, будущему руководителю русского театра...»

Не менее восторженно относился к деятельности Вахтангова и В. И. Немирович-Данченко. Он отмечал, что «если кто-то произвел сдвиг в искусстве Художественного театра, то это несомненно Вахтангов...»

Луначарский писал Вахтангову: «Жду от Вас большого, исключительного», называл его «самым обещающим человеком театральной России», хотя в то время были в полном расцвете таланты Станиславского, Немировича-Данченко, Мейерхольда, Таирова, Марджанова и ряда других замечательных режиссеров. А через пять лет после смерти Вахтангова Луначарский отмечал: «В исканиях нашего послереволюционного театра совершенно исключительную роль играл гений Вахтангова...»

Иванов О., Кривицкий К. Вахтангов и вахтанговцы. М., 1984.

В Москве в больнице скончался поэт Армении Ованес Туманян. Его имя известно всюду, где звучит армянская речь. Для армянской поэзии он сделал то же, что Пушкин для нашей. Прекрасный знаток народного языка, он ввел его в литературу и обработал множество легенд и сказок народного эпоса.

Историческая судьба армянского народа мучила его всю жизнь. Горе и страдания армян во время империалистической войны он делил вместе с беженцами и стоял во главе помощи армянам.

Советская власть в Армении застала его уже на исходе жизни и с подорванным болезнью здоровьем. Незадолго до смерти я посетил его в больнице. Исхудавший и ослабевший, он полон был творческих сил и, как никогда, хотел всецело отдаться литературе.

Неизлечимая болезнь — рак печени — оборвала жизнь этого чудесного и мудрого сердца. Вот последние из его стихотворений из книги «Четверостишия»:

Ах, если бы в даль родных сторон,
В какой-то детский чистый сон,
Все человечество ушло
Под мирового счастья звои...

В этих стихах, сквозь всю их усталость, чувствуется яркий призыв к трудовой прекрасной жизни, к мировому счастью. Поэт жил и умер в разгар борьбы угнетенных народов за право на жизнь и свободу.

Борьба еще не кончена, а песни Ованеса Туманяна долго будут жить в армянской и мировой поэзии.

1923

Городецкий С. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1974.

СЛОВО ОБ ОВАНЕСЕ ТУМАНЯНЕ

Вклад древнего армянского народа в общую сокровищницу человечества велик, как велика его культура и достижения богатой литературы за века существования армянского народа.

Народ Армении в лице Ованеса Туманяна явил нам высшее проявление своих творческих возможностей. Ни один из поэтов предшествующего поколения не обладал таким поэтическим даром, таким творческим воображением, таким проникновенным в духовную силу народа, в его жизнь и судьбы.

Он возник на переломе эпох и каких эпох. Он может быть назван нашим современником, и в то же время он видел картины народной жизни в почти варварские времена с их ужасами и темнотой и дожил до победы народа...

Он явился в решающие моменты народной судьбы, как заветные лучших поэтов прошлого, как соединение всех лучших черт национального характера, он сумел так проникновенно рассказать о том, кто такие армяне, какое в прошлом величие было их гордостью, каким титаническим трудом создали они в каменных ущельях свою цветущую родину.

Он писал, как пламенный летописец, который обязан сохранить, спасти от исчезновения пленительное народное слово, его многообразное звучание, лирический голос его песен, суровые сказания, сказки, его вековую мудрость, его обычаи и привычки, все, что рождалось веками и составляло жизнь народа.

Народ бессмертен, и даже если бы враги победили в свое время в Сардарабатской битве и разрушили Ереван и к неисчислимым жертвам добавили бы новые жертвы, все равно армянский народ победил бы в конце концов, и в поэзии великого Ованеса Туманяна остался бы живой дух свободы и бессмертия народа.

Ованес Туманян был голосом, совестью, духовной силой своего народа, потому любовь к нему была совершенно особенной по силе и чувству.

Сегодняшние поэты (...) чтут величавый образ поэта, входят с любовью и восхищением в мир его поэзии, где, как сияющие вершины, возвышаются его стихи, его лирические поэмы и среди них несравненная «Ануш», в мир его сказок, где все дышит мудростью, неповторимыми красками народной образности, в древний эпос, называемый Давидом Сасунским.

Его стихи и поэмы народны и замечательны глубиной чувства, силой мысли, большой любовью к человеку, простому труженику, имеющему полное право быть счастливым за свой труд на родной земле.

Эта поэтическая жизнь, посвященная судьбам народа, вызывает и к сегодняшним поэтам, уча их служению заветам самой возвышенной поэзии, показывая им путь к изображению самой большой правды, к изображению будущего, без забвения большого исторического пути, какой прошел родной народ.

В творчестве Ованеса Туманяна заложены основы того, ради чего и до него боролись лучшие умы человечества. Он всем своим творчеством обосновывал и защищал право человека на свободу, жизнь, свободный труд и счастье.

Эти великие идеалы стояли перед его духовным взором в самые мрачные времена, когда человек его земли был брошен в самые темные страдания, в безнадежные, казалось бы, западни, задавлен суевериями, гнетом жизни, темнотой невежества. Но свет нового поколения пылал из книг Ованеса Туманяна.

В этом плане он самый яркий, самый широкий защитник свободного человека.

Он — поэтический спутник всех возрастов, и школьник, начиная свой ученический путь, вступает в сказочный мир, созданный Туманяном, поэт будет сопровождать его всю молодость и всю жизнь, как верный спутник, добрый друг, мудрый наставник. Каждый советский поэт должен хоть раз в жизни побывать в Армении. Там ждут его открытия и чудеса, которые оставят хороший след в его творчестве.

1969

Николай Тихонов. Дни открытий. Ереван, 1970.

КРУПНЫЙ МАСТЕР ПЕЙЗАЖНОЙ ЖИВОПИСИ

(о Геворке Башинджагяне)

Вторая половина XIX века открыла новую страницу в истории армянской художественной культуры... Отвечая духу и требованиям времени, получают дальнейшее развитие и возникают новые виды и жанры, вырастает плеяда художников, обратившихся в своем творчестве к изображению народной жизни.

К этому времени относятся зарождение и утверждение как самостоятельного жанра армянской пейзажной живописи. Ее зачинателем и крупным мастером выступает Геворк Захарович Башинджагян. В его пейзажах проявилось свойственное армянскому народу чувство глубокого патриотизма, любви к родной природе, восхищение ее величественной, неповторимо прекрасной красотой. В созданных художником образах природы пахло свое выражение и светлое, возвышенно-поэтическое представление о родине, о которой многие века мечтал гонимый и преследуемый в прошлом армянский народ.

Недаром главным содержанием холстов художника стало то, что особенно дорого и близко армянскому народу — озеро Севан и Арарат, издавна бывшие для него символом свободной и счастливой родины...

Геворк Захарович Башинджагян родился 16 сентября 1857 года в небольшом грузинском городке Сигнахе. Способность к рисованию у него проявилась еще в раннем детстве, но развить ее он смог только много лет спустя... После окончания школы в 1878 году Башинджагян уезжает в Петербург, где поступает в Академию художеств в пейзажный класс М. К. Клодта. Годы, проведенные в Петербурге, оказали решающее воздействие на творческое формирование Башинджагяна... Очувшившись в гущу борьбы передовых русских художников за жизненно правдивое, доступное народу искусство, он жадно впитывает все то лучшее, что несли с собой идеи передвижников.

С детства познавший нужду, непосредственный свидетель угнетения своего народа, он сразу и без колебаний принял сторону этих художников, став их горячим приверженцем и последователем. Под их непосредственным влиянием складывается и творческая манера Башинджагяна, в которой ощутима связь с традицией И. Айвазовского и А. Куинджи. Прочно и на всю жизнь усвоив принципы реалистическо-демократического искусства, он переносит их на родную почву, развивая и пропагандируя их своим искусством...

Башинджагян скончался в 1925 году, едва переступив великий исторический рубеж в жизни своего народа. Он умер полный радостных надежд и новых замыслов, которым не суждено было осуществиться. Оставленное им наследие поистине неисчерпаемо. Оно насчитывает более 200 картин и этюдов.

Езерская Н. Г. Башинджагян. М., 1963.

ВСТРЕЧА СО СПЕНДИАРОВЫМ

Я начал встречаться со Спендиаровым в былом Петербурге еще в свои университетские и консерваторские годы (начало нашего века) и быстро почувствовал симпатию и приязнь к нему, как тонкому музыканту, изысканному в своей застенчивой скромности, таланту, «не шумящему собою», но человеку с кристальным радушием к собеседнику, если в последнем он чутко заметит внимание (особенно если оно связано с вниманием) и готовность понять его стремление.

Последующие мои разговоры о Спендиарове с Глазуновым и М. О. Штейнбергом, очень его уважавшими и любившими, всегда только усиливали мои личные впечатления.

Первая моя встреча была связана с его поэмой «Три пальмы». Об этой памятной встрече я и расскажу, вкратце изложив про остальные, не менее для меня значительные, а для него, возможно, и совсем преходящие. (Из страха показаться навязчивым я пропускал в молодости своей многие встречи с особенно полюбовавшимися мне существами, не бросая, однако, своих наблюдений за жизненным путем и житейской поступью таких людей и радуясь их удачам.) Я встречался несколько раз со Спендиаровым в нотных магазинах — этих музыкальных клубах былого Петербурга, особенно у Юргенсона и у Бесселя. Именно Бессель издал первые (ор. 1, ор. 5 и др.) романсы Спендиарова, пленявшие меня своей свежестью и ароматом «лирики с непривычной стези», хотя и с внушениями корсаковской музыки, но с национальным колоритом, уже обещавшим дальнейший расцвет. Теперь, когда в моих руках имеется первый том Полного собрания сочинений А. Спендиарова (Госиздат Армении. Ереван, 1943), я нахожу в нем много дорогих мне музы-

кальных воспоминаний, связанных с беседами с композитором-автором в тесном помещении бесселевского магазина.

Встречался я со Спендиаровым и в кругах стасовских, особенно же после кончины В. В. Стасова, в радушной семье Дмитрия Васильевича и Полины Степановны в связи с проигрыванием посвященной памяти покойного кантаты, сочиненной Спендиаровым. Но первая наша беседа завязалась на одной из утренних оркестровых репетиций в приятнейшем, очень ценном старыми петербуржцами зале б. дворянского собрания, на «красном диване», часто привлекавшем и Владимира Васильевича Стасова. Эти ранние репетиционные утра, привлекавшие к себе и музыкальных знаменитостей, и молодежь, являлись тесным средоточием «людей строгого слуха», посвящавших себя, и свою работу, и свои досуги музыке, горячо ими любимой. Праздно шатающихся тут не бывало.

Наше дорогое петербургское трио высокочтимых, «ведущих тогда русскую музыку композиторов — Римского-Корсакова, Глазунова и Лядова с группами учеников — всегда почти можно было повстречать на этих репетициях, особенно если они предшествовали «русским симфоническим концертам» (М. Беляев) или начинавшим входить в известность симфоническим концертам (А. Н. Золоти). В описываемое мною утро в числе репетировавшихся произведений была новая вещь: «Три пальмы» — симфоническая поэма А. Спендиарова. Приглядываясь к находившимся в зале, в утреннем полумраке, лицам, я обратил внимание на внимательно втянувшуюся в приготовление оркестрантов и пастройку оркестра художавую фигуру, приютившуюся слева от основного входа на характерном «красном диване».

По повадке человека, то нервно листавшего нотную рукопись, которую он то клал рядом с собою, то, завернув, брал в руки и наблюдал за музыкантами на эстраде, я угадал в нем заинтересованного в предстоящей пробе композитора и решил присесть с ним рядом. Меня дразнил соблазн увидеть партитуру.

Спросив позволения, я разместился возле незнакомца. Разговор завязался сразу, и мы быстро познакомились. Уже до начала корректурной пробы «Трех пальм» я услышал от него заинтересовавшие меня подробности и о нем самом, и о причинах, вызвавших в нем, композиторе, увлечение Лермонтовым, странником Востока, поэтикой лермонтовского пейзажа и «философичностью» его трактовки восточных тем, и особенно о «жестком этискивании завоевателей-цивилизаторов» в природу и нравы экзотических стран и т. д. Я оценил романтические вкусы и воззрения моего нового знакомого, ибо и тогда я уже дорожил такими встречами. И в сущности, как человек Спендиаров остался для меня знакомцем навсегда.

Но вот началась проба, и я услышал, следя по лежавшей передо мной рукописи, навсегда покорившее меня колоритное

музыкально-поэтическое сказание, кристально-наивное и душевно-прозрачное, как мираж пустыни. У оркестрантов, судя по отношению к автору, подошедшему к ним, оно вызвало безусловный интерес. Я же с нетерпением думал, вернется ли он сам, виновник пленившего меня симфонического пересказа любимого стихотворения Лермонтова, вернется ли сюда, ко мне, в уютный уголок на «красном диване» и продолжим ли мы завязавшуюся беседу. Он вернулся и мне удалось, без обычно присутствующей мне застенчивости с авторами новых произведений и без лишнего «залезания» в «композиторскую психику», высказать ему свое радостное «очень нравится».

Передо мной, приветливый и скромный, находился несомненный талант, которому предстояло одарить музыку ласковыми страницами задушевной светлоэлегической музыки.

1947

Асафьев Б. В. Встреча со Спендиаровым // Дружба / Сост. Ашот Арзуманян. М., 1957.

ИОАННЕС ИОАННИСЯН

Об Иоаннисяне можно написать большую книгу. Имею в виду Иоаннисяна, который остался в моей душе. Если бы писать такую книгу, то нужно было бы говорить и о красоте армянского языка, великой литературе этого народа, говорить и о страшной истории, о ранах Армении. А еще говорить о моральных критериях и о лиризме, и о народопесенности, образности...

Когда я переводил его стихи на украинский язык, то чувствовал, что все это я должен передать своим землякам, чтобы они, не зная армянского языка, не побывав в Армении, не зная мелодий армянских песен, смогли бы почувствовать иоаннисяновскую песенность, постичь и охватить особую условность армянского поэта.

Подгонять под систему привычных мне образов с украинских народных песен я не хотел и не имел права. Я не имел права «украинизировать», «перелицовывать» Иоаннисяна. Но он должен был пленить украинцев, как пленял армян.

Павло Тычина. Об Иоаннесе Иоаннисяне // Коммунист, 6 апреля 1986.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЗОДЧИЙ

(о А. И. Таманяне)

Среди создателей архитектурных творений современной Армении самое почетное место принадлежит академику архитектуры Александру Ивановичу Таманяну.

Работы академика Таманяна известны не только в Армении, куда он переехал в зрелом возрасте, но и в столице нашего отечества Москве, Ленинграде, где он работал в начале своей творческой деятельности в области архитектуры. Таманян всегда был талантливым мастером и подлинным мыслителем в своей специальности, что по праву списало ему славу одного из крупнейших зодчих Советского Союза.

Александр Иванович получил образование в Высшем художественном училище при Академии художеств в Петербурге в первых годах нашего столетия. Тогда он был молодым даровитым студентом, влюбленным в свою специальность, вращавшимся в талантливой архитектурной среде, где товарищами его были ставшие впоследствии выдающимися архитекторами В. Шуко, Е. Лансере, Гинц и др.

Около пятнадцати лет прожил, неустанно работая, А. И. Таманян в Петербурге. За этот период им был выстроен целый ряд жилых домов (дом-особняк Абамелик-Лазарева, деревянные особняки в окрестностях города), торговых помещений, банков и общественных учреждений. Особенной известностью пользовалось выполненное им вместе с молодым, вернувшимся из Италии В. Шуко и живописцем Е. Лансере небольшое уютное кафе на Невском проспекте, которое было отделано в таких свежих и изящных формах классики, что заслуженно вызвало восхищение всех знатоков. Это было одним из серьезных творческих успехов молодого мастера.

Одновременно Таманян всегда участвовал в объявлявшихся в те времена архитектурных конкурсах, на которых он неоднократно получал премии.

Александр Иванович строил не только в Ленинграде, но и в Москве, Ярославле (Ярославская выставка) и в провинции.

В Москве Таманяну был заказан изысканным ценителем искусства, художником по профессии, князем Щербатовым большой дом на Новинском бульваре. Выстроенный в 1913 и 1914 годах, этот дом, выполненный в прекрасных формах русской классики, существует и поныне. На этом сооружении мастерство автора проявилось во всем блеске. Тонко продуманная композиция отдельных объемов сооружения, логически увязанных с общей планировкой здания и создающих единство художественной идеи, отделка и оформление интерьеров, а также высокое качество строительных работ, выполненных под руководством самого Таманяна, заставляют отнести это архитектурное произведение к лучшим образцам дореволюционного зодчества. В общественных и архитектурных кругах этот вновь появившийся дом на Новинском бульваре произвел большое впечатление. Не мудрено поэтому, что Московская дума по конкурсу присудила автору проекта золотую медаль.

Тогда же, в 1914 году, то есть десять лет спустя после присуждения А. И. Таманяну звания архитектора за заслуги в

области искусства, Академия художеств присваивает ему заслуженное звание академика архитектуры.

Тогда же Таманян выполняет еще одну крупную работу, предложенную ему правлением Московско-Казанской железной дороги. Это — планировка обширнейшего участка для дачного строительства на станции Кратово...

Великая Октябрьская социалистическая революция не сразу была понята некоторыми из старейших деятелей Академии художеств. Революционно настроенный Таманян становится во главе Всероссийского союза деятелей искусств и назначается председателем совета Петроградской академии художеств на правах президента. Деятельность Александра Ивановича на этом посту была поистине изумительна, показав его качества крупнейшего организатора.

Взяв на себя почетную задачу восстановления столицы Советской Армении, порученную ему правительством республики, А. И. Таманян в качестве главного инженера при Совете Народных Комиссаров Армении руководит строительством.

В 1923 году в Ереване на реке Зангу была начата постройка одной из первых в Союзе гидроэлектростанций. Составление проекта и руководство строительством были возложены на Таманяна как на главного инженера и заместителя председателя комитета постройки...

Затем Таманян занялся грандиозным проектом перепланировки города Еревана. Он работал над проектом в течение одного года и представил его 3 апреля 1924 года на рассмотрение правительству республики. Осуществление проекта поручено было автору. Таманян подошел к этой работе не только с большим знанием планировочных требований, но и вместе с тем как художник, желающий сделать родной город первоклассной столицей...

В марте 1926 года, учитывая производственную, научную и общественную деятельность Александра Ивановича Таманяна, ему было присвоено звание народного архитектора республики.

В этом же году Таманяном начаты проектировка и постройка в стиле национальной армянской архитектуры грандиозного театра оперы и балета на три с половиной тысячи человек и здания Наркомзема, составлявшего тогда часть Дома правительства. В этих двух постройках, созданных в результате многолетних творческих исканий, талант Таманяна развернулся в полном блеске. В них он вложил все свои знания и умение достигать поразительных результатов небольшими средствами. В этих двух постройках, друг другу созвучных и вместе с тем глубоко национальных по архитектуре, Таманян закладывает основу всей будущей архитектуры Армении, создав новый своеобразный стиль армянского возрождения, иногда несколько статичный и тяжелый, но всегда отмеченный печатью большого искусства.

Дом правительства Армянской ССР — вторая крупная постройка Таманяна. Она может служить лучшим образцом хорошего архитектурного выполнения, в котором отдельные архитектурные детали и общее целое проникнуты большой художественной идеей, гармоничностью и прекрасным ощущением ритма. Обширная площадь перед зданием подчеркивает величие композиции. Начиная от всего ансамбля в целом до мельчайших деталей, Дом правительства является образцом расцвета новой армянской архитектуры...

Армения, в особенности город Ереван, гордится многими постройками Таманяна. Сейчас сооружения в Армении строит поколение молодых архитекторов, признанным учителем которых был Таманян. Не важно — работали ли молодые архитекторы в мастерской Таманяна или нет, важно то, что все они проникнуты его идеями. Вот почему можно сейчас говорить о школе Таманяна в современной армянской архитектуре, которая имеет не только местное армянское значение. Этот пример поучителен для братских советских республик и принадлежит к числу наиболее значительных явлений в истории советской архитектуры.

Ранняя смерть Александра Ивановича Таманяна (20 февраля 1936 года) застигла его в разгаре кипучей архитектурной деятельности. Смерть не дала Таманяну возможности увидеть все результаты его трудов — плоды, возвращенные его творческой деятельностью.

Щусев А. В. Выдающийся зодчий // Дружба. М., 1957.

СЛОВО О ЧАРЕНЦЕ

Армения... Я помню ее. Ездил по Армении. Видел Эчмиадзин. Севан. Рипсима...

Мне 84 года. Не легко вспомнить события далеких лет. Уже 70 лет пишу. Очень много написано. Порой забываю даже собственные произведения...

Но Армению я запомнил. Запомнил ее неповторимую, древнюю и вместе с тем современную.

Армянская культура не только древняя. Она содержит в себе нечто очень совершенное и способна постоянно переживать новую молодость...

Армения — каменный гербарий. Меня поразила армянская архитектура. Долго стоял перед храмом Рипсима. Смотрел как завороженный...

Читал Аветика Исаакяна. Видел его. Он пользовался огромной любовью и уважением соотечественников. Тогда произошло на меня это сильное впечатление. Его почтительно называли Варпетом. Варпет — это мастер.

Запомнил прекрасное озеро Севан. Узнал недавно об Арпа-Севане. Надо возродить Севан. Возродить родники Армении, родники армянской культуры.

С Егише Чаренцем я встречался всего только раз. Это было в Москве. Еще до нашей встречи Мариэтта Шагинян, с которой я дружу вот уже 60 лет, открыла мне его. А самое главное — я редактировал его роман «Страна Наири». Собственно, поэтому мы с ним и встретились.

Роман мне понравился. Он выделялся в литературе тех лет, оставлял очень своеобразное впечатление. Я увлекся «Страной Наири» и с удовольствием ее редактировал. Чаренц был доволен моей редакцией. Говорил он искренне, с душой. Делал замечания, спорил, хвалил.

Это был тот случай, когда редактор учится у редактируемого. Он знал русский язык хорошо, говорил, насколько я помню, без кавказского акцента. Мы беседовали не только о его романе. Разговор шел о литературе вообще, о читателях, об издателях, обо всем том, что волновало тогда его и меня.

Я не писал о Чаренце. Не писал об Армении. Сейчас пытаюсь восстановить в памяти все детали моей встречи с великодушным, незаурядным человеком, с его родиной, которой он не переставал восхищаться.

Восхищаться своей страной. В этом большая истина.

Не переставать удивляться самим собой. Нет, не переоценивая себя (потому что тогда можно остаться в одиночестве), а постоянно совершенствуясь и осуществляя свою историю в сегодняшнем дне.

Виктор Шкловский. Слово о Чаренце // Литературная Армения. 1977. № 11.

ЭНЕРГИЯ НЕЖНОСТИ И ВЗРЫВА (о Чаренце)

Читая и перечитывая Чаренца, поражаешься силе его дарования. Все в нем предельно предметно, наглядно, осязаемо и в то же время неисчерпаемо.

Мир одного народа — мир всех народов. Талант — энергия красоты, как электричество — в камне, живом листе дерева, в текущей реке, облаке над землей, человеческом голосе, в работе человека, в стихии и разуме его. Энергия души поэта — Егише Чаренца, сына Армении, — это есть энергия нежности и взрыва одновременно. Энергия цветка и плуга, энергия борьбы и созидания.

Перечитывая Чаренца, его удивительные короткие и в то же время океанские, емкие по чувству и смыслу поэмы, поражаюсь

и задыхаюсь вопросом: чего в них больше — изломанной молнии из конца в конец строки или же ветки сирени, как самой весны. Вот Егише Чаренц. Вот символ его поэзии — сиреневая ветка в росе, как вся в нежности на резком изломе молнии, как на стебле гнева его и воли.

Поэма «Чаренцнаме» — это редкое из редких поэтических явлений о революции. Вот ряд, в котором она стоит, не замыкая и не открывая его, — это поэма «Хорошо» Маяковского, «12» Блока и «Анна Снегина» Есенина. А цикл стихов о Ленине? Они тоже как маленькие поэмы с великим зарядом страсти, мысли и красоты.

90 лет Чаренцу. Из них только 40 лет, к горькому сожалению, только 40 билось его сердце — бесстрашное, открытое, ранимое, а 50 лет продолжает без него биться живое сердце — его слова. Оно бесконечно, как его народ, язык, культура...

Егор Исаев. Из выступления на торжественном заседании, посвященном 90-летию со дня рождения Егише Чаренца. Ереван, 1987 // Коммунист, 6 июля 1987.

СЛАВА БЕССМЕРТНОМУ ЧАРЕНЦУ

Сейчас я уже не помню, кто председательствовал на вечернем заседании того далекого августа, кажется Серафимович, автор нашумевшего тогда романа о гражданской войне «Железный поток», и он просто, без всяких эпитетов объявил: «Слово предоставляется Егише Чаренцу». На трибуну вышел человек высокого роста, худощавый, с бледным, усталым лицом.

Это был Первый съезд писателей Страны Советов, 1934 год. Москва. Колонный зал Дома Советов. Первый всемирный форум писателей на нашей планете — так называл съезд Алексей Максимович Горький, главный его инициатор и организатор.

От Чаренца исходило какое-то едва заметное внутреннее беспокойство, какой-то еле уловимый трепет пробегал по его лицу. Я, как, по-видимому, и все остальные, объяснил это связанным с пребыванием на трибуне волнением: ведь в зале находились около шестисот советских и более сорока зарубежных писателей.

Но нет... Трепетность и беспокойство духа ощущались в нем и на второй день, когда я встретился с ним в обществе Пастернака, Тихонова, Пильняка, Тициана Табидзе, написавшего незадолго до съезда прекрасные очерки об Армении, Паоло Яшвилли и познакомился с ним.

Я был, конечно, совсем молодым, но и они, сегодняшние корифеи, были молоды...

И в тот вечер Егише Чаренц сидел вместе со своими новыми друзьями, в том числе с Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили, с которыми через три года ему пришлось разделить и общую судьбу.

Разговор шел о братстве армян и грузин, об Ованесе Туманяне - для Табидзе и Яшвили любимом старшем друге, который в свое время сказал: «Тот армянский деятель, который не выступал в защиту Грузии, — не понимал своего народа и своей истории; тот грузин, который не защищал армян и Армению, — не понимал исторического пути грузинского народа и Грузии». И еще Ованес Туманян сказал: «Если армяни или грузини сворачивают с этого пути, они предадут дух и разум своего народа». Вспоминали цикл туманяновских стихов, посвященных Грузии.

Чаренц обнимал Тициана Табидзе и Паоло Яшвили, Пастернака и Тихонова, хвалил выступление на съезде Тициана Табидзе.

Так начиналась великая, историческая дружба советских поэтов, писателей, деятелей искусства. Чаренц обнимал своих друзей и был счастлив...

Таким возникает перед взором моим вечно тридцатисемилетний Егише Чаренц.

Слава бессмертному Чаренцу, слава бессмертной душе Армени!

Ираклий Абашидзе. Из выступления на торжественном заседании, посвященном 90-летию со дня рождения Егише Чаренца. Ереван, 1987 // Коммунист, 6 июня 1987.

НАШ ВАРПЕТ

(об Аветике Исаакяне)

Дорогой наш Варпет¹ был не только большим поэтом. Это просвещеннейший человек был старейшиной всех поэтов Кавказа.

В 1942–1943 годах мы с ним вдвоем объездили чуть ли не всю Армению. Над тенистыми сводами Гарши, Звартноца, Гекарта дилась наша задумчивая беседа о прошлом и будущем армянского и грузинского народов, об их идеалах. Он обещал мне, что навестит меня в Тбилиси, а после мы попутешествуем по Зангезуру.

Но напрасно прождал я его несколько лет. Он все писал, что неважно себя чувствует. Под конец я так по нему соскучился, что надумал ехать в Ереван.

Он встретил меня извинениями, что не может на этот раз мне сопутствовать, и предложил в провожатые архитектора города Еревана. Но два вечера я все-таки наслаждался его общением. Даже после смерти Иванэ Джавахишвили и Александра Абашели я так сильно не горевал, столько не пережил и не переживал, как после смерти Аветика Исаакяна.

В день его похорон, который стал поистине днем скорби для всего армянского трудового народа, да и не только армянского, в оцепенении стоял я на траурной трибуне, не в силах вымолвить слова, ибо настоящее горе исключает само собой красноречие.

История литературы последних десятилетий лишней раз подтвердила, что не одно высокое мастерство приносит большому писателю широкую славу и всеобщее признание, но и его человеколюбие, гуманность, ясная и безупречная биография, сама по себе являющаяся одним из первостепенных моральных факторов.

Для примера достаточно сослаться на Виктора Гюго, Илью Чавчавадзе, Льва Толстого и Аветика Исаакяна.

Великий поэт Аветик Исаакян был пламенным сыном своей страны, но это не помешало ему донести тепло своего сердца и до других народов. Он прекрасно понимал, что настоящий писатель и настоящий человек должен походить на ту неутомимую пчелу, которая черпает для себя пищу в чашечках тысяч разнообразных цветков. Потому-то и вкушая он с такой ненасытностью плоды трудов поэтов и мудрецов Востока и Запада, что и сделало его мастером такого высокого ранга, каких не много сыщется во всей мировой поэзии.

Биографию Аветика Исаакяна украшает еще и то, что он не пристал к парижской богеме, подобно некоторым снобистски настроенным писателям, а вернулся в 1936 году в Советскую Армению и голосисто воспел «страну отцов», добавив россыпь новых жемчужин в «древний», но не знающий старости армянский язык.

Аветик Исаакян был великим певцом большого и трагического прошлого Армении. Мощью паливался его звучный голос, когда он воспевал героическое прошлое армянского народа. Однако он не только увлеченно оглядывался назад, но и пел восторженную хвалу своей возрожденной из пепла стране, сегодняшней Советской Армении, ее городам и селам, рабочим и колхозникам, ее героическим труженикам, всему стойкому и мужественному армянскому народу, который, вооружившись кирками и лопатами, тракторами и комбайнами, проявил ту же непреклонность в обновленном труде, какую проявлял, панерекор злой судьбине, в защите своей родины со стрелой, копьем и мечом в руках.

Правда, гляжу я на тебя, обновленную,
В истлелые одежды облаченную...

¹ Варпет - мастер (арм.). Так величал армянский народ Аветика Исаакяна.

Некоторые писатели не выходят в своем творчестве за узко национальные рамки, ибо оказываются не в силах перевалить через тот барьер, который имманентно воздвигают перед нами природа языка и национальное бытие. Но тот же барьер с легкостью преодолевают избранные, каковыми и были Аветик Исаакян и Важа Пшавела.

Национальное бытие и национальную мифологию они подняли на общечеловеческую высоту, сумев понять и разделить тайное тайных и каждого сердца, и всего рода человеческого.

Где, в каких неведомых краях лежит тот большой
камень,
Который покроет когда-то мою могилу?
Кто знает, не сживал ли я на нем в сумерках,
Притихший, объятый думой...

Со смертью Аветика Исаакяна Армения потеряла родного отца, мировая поэзия — одного из блестящих поэтов, а мы, его друзья, — чистого сердцем верного друга.

Константин Гамсахурдия. Аветик Исаакян // Собр. соч. Т. 7. Тбилиси, 1981.

ПАМЯТИ АВЕТИКА ИСААКЯНА

В 1936 году Эльза Триоле и я поехали повидать Горького по его приглашению. Горький умирал. И только по дороге к нему мы узнали, что тот, которого мы собирались навестить, уже умер.

И вот теперь, в 1957 году, приехав в Москву, я узнаю о смерти крупнейшего поэта этого столетия Аветика Исаакяна, которому мне хотелось лично передать сердечный привет, а через него всей проникновенной поэзии Армении.

Чело нашего века носит печать нескольких светлых имен поэтов. В Англии это Китлинг, во Франции — Аполлинер и Элюар, в Германии — Рильке, в Испании — Гарсиа Лорка, в России — Маяковский и Есенин, в Армении — Чаренц и Исаакян. Всякий раз, когда один из этих светильников угасал, казалось, что в мире становится темней. Но все то, что они оставили за собой, не было тенью, а было пламенем.

Исаакяна не стало, но остались «Абу-Лала Маари» и «Мгер из Сасуна». И так же как века не смогли стереть образ Мгера, «который любил бедных», так же как тысячелетие спустя в голосе Исаакяна вновь послышалось дыхание Мгера, так же и смерть Аветика Исаакяна не властна омрачить луч света его поэзии, который будет вечно согревать не только сердца армян, но и озарять неугасимым светом лучшие мечты человечества.

Никогда не были так нужны нам его пламенные слова о свободе, которую он воспеал еще полвека тому назад: «Ты — свобо-

да, бессмертный Аль-Коран соловьев, что в раю расцветают в тиши!» (пер. В. Брюсова).

Теперь нам, оставшимся и живых, предстоит высоко поднять его факел. Пусть через произведения ушедшего от нас Исаакяна везде и всюду востановится аромат розового сада многовековой армянской поэзии, пусть все познают страдания, гуманное величие и славу его народа.

Луи Арагон. Памяти Аветика Исаакяна // Правда, 21 октября 1957 г.

МАСТИТЫЙ ФИЗИОЛОГ

(об академике Леоне Абгаровиче Орбели)

В нашей стране имеется немало ученых, имена которых особенно дороги советскому человеку. По справедливости одно из первых мест в этом славном ряду принадлежит академику Леону Абгаровичу Орбели.

Внешние рамки жизни академика Орбели очень просты. Он родился в 1882 году в дачной местности около города Еревана; девятнадцатилетним юношей он оканчивает курс гимназии в Тифлисе, после чего уезжает в Петербург и поступает в Военно-медицинскую академию. Еще через пять лет Орбели оканчивает академию. Молодой врач получает назначение во флот, работает в морском госпитале, сначала в городе Кронштадте, а затем, с 1905 года — в Петербурге. С тех пор судьба Леона Абгаровича навсегда связана с этим городом и с alma mater будущего ученого — Военно-медицинской академией...

Научную судьбу Л. А. Орбели решила встреча с гениальным ученым И. П. Павловым, руководившим в те годы кафедрой физиологии. «Вступив только в стены Военно-медицинской академии, — вспоминает академик Орбели, — и будучи еще студентом первого курса, я получил от товарищей указания, что наиболее интересной, наиболее своеобразной, сильной личностью в академии является Иван Петрович Павлов. Студенты первого курса считали своим долгом раз-другой досрочно побывать в его аудитории, чтобы скорее видеть этого великого человека. На втором курсе, когда мы приступили к систематическому слушанию лекций Ивана Петровича, уже при первых его словах стало ясно, что пропустить какую-нибудь из его лекций невозможно, в такой степени увлекательно и живо они протекали».

Курс лекций, прочитанных Иваном Петровичем, великолепные демонстрации, которыми сопровождалась эти лекции, необычайное обаяние творческой личности великого физиолога окончательно определили научную склонность студента Орбели. Он мечтал работать под руководством Павлова и обратился за помощью к старшему ассистенту кафедры физиологии Вартану Ивановичу Вартанову...

Вскоре Леон Орбели получил тему для своего первого экспериментального исследования в области физиологии: «Сравнительные деятельности периферических желез до и после перерезки ветвей блуждающих нервов». Эта работа приобщает будущего академика к павловской школе, знаменитой своими исследованиями в области физиологии пищеварения, доставившими И. П. Павлову Нобелевскую премию...

К 1908 году Леон Абгарович заканчивает свою докторскую диссертацию «Условные рефлексы глаза у собаки»...

После защиты диссертации великий ученый проявлял большое внимание к своему ученику. Павлов представляет Л. Орбели в качестве кандидата на заграничную поездку, направляя в конференцию академии характеристику, свидетельствующую о выдающихся способностях Леона Абгаровича.

...Вернувшись в 1911 году на родину, Орбели получает, после прочтения двух пробных лекций, звание приват-доцента. С тех пор начинается его педагогическая работа в стенах Военно-медицинской академии, штатным доцентом которой он стал в 1913 году.

После революции перед научной мыслью России открылись новые широкие горизонты. Огромные возможности исследовательской работы представились Л. А. Орбели.

Совмещая в различное время работу в разных учреждениях, Леон Абгарович ни на один день не прекращает преподавания физиологии в академии. Первоначально с ним делит курс И. П. Павлов; после ухода Павлова из академии (1924) Л. А. Орбели становится его преемником по кафедре. Он остается руководителем кафедры и тогда, когда получает в свое заведование большой отдел эволюционной физиологии Института экспериментальной медицины (1932—1939). В 1935 году Орбели избирается действительным членом Академии наук СССР. В связи с этим еще больше расширились возможности экспериментальной работы для него и его школы; однако и эти новые обязанности не мешают дальнейшему упрочению связи Л. А. Орбели с Военно-морской академией им. Кирова: в 1943 году он назначается ее начальником; в 1944 году ему присваивается звание генерал-полковника медицинской службы. Таков путь ученого — от слушателя Военно-медицинской академии до ее руководителя. От молодого, пытливого, увлеченного изучением физиологии студента до академика, преемника первого физиолога мира — И. П. Павлова. От младшего врача флотского экипажа до высшего воинского звания медицинской службы Вооруженных Сил СССР — генерал-полковника медицинской службы... Пламенный советский патриот, он организует и возглавляет в годы Великой Отечественной войны военно-санитарную комиссию при Академии наук СССР, организующую и направляющую усилия работников на выполнение оборонных заданий...

Правительство высоко оценило выдающуюся деятельность академика Орбели. В 1945 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. За свои заслуги перед родиной он награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями — «XX лет РККА», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

1947

Лебединский А. В. Маститый физиолог // Дружба. М., 1957.

ИСТОРИК-ПАТРИОТ

(об академике Иосифе Абгаровиче Орбели)

К числу самых выдающихся ученых, которых армянский народ дал нашей великой родине, бесспорно, относится Иосиф Абгарович Орбели. Он замечателен не только как крупнейший исследователь-археолог, историк искусства, автор глубоких анализов армянского эпоса, проявивший во всех этих разнообразнейших областях свежесть и оригинальность научного мышления, полную самостоятельность широкого и плодотворного учебного труда и обширность кругозора.

Помимо всех этих качеств Иосиф Абгарович с первых дней революции обнаружил редкий в ученой среде талант организатора и руководителя коллективной научной работы...

Научная работа Иосифа Абгаровича началась рано. Будучи еще студентом, он участвовал в раскопках города Ани, столицы древней Армении, производившихся его учителем академиком Н. Я. Марром. В этих замечательных раскопках студент Иосиф Орбели был правой рукой своего учителя и уже при своих первых шагах в науке проявил горячую любовь к музейному делу. Он заведовал музеем древностей из раскопок Ани и составил каталог коллекций и путеводитель по городищу, напечатанные в 1910 году.

После окончания в 1911 году Петербургского университета по классическому отделению историко-филологического факультета и по факультету восточных языков И. А. Орбели со всей свойственной ему горячностью отдается научной деятельности. Во время своей командировки в Западную Армению он исследует археологические памятники древнего царства Урарту и средневековой Армении, изучает армянские наречия, составляет курдский словарь, записывает текст и во всем этом добивается интересных результатов.

Научные труды Иосифа Абгаровича, посвященные памятникам армянской и грузинской культуры и культуры Ирана, а также работы по армянской эпиграфике и курдскому языку принесли ему славу выдающегося ученого и выдвинули его в первые ряды русских востоковедов. ...Только с 1918—1919 годов узнали все Иосифа Абгаровича как исключительно талантливую ученого-организатора. Уже в октябре 1918 года Народный Комиссариат просвещения утвердил Орбели, ставшего только что профессором истории средневекового Востока Лазаревского переднеазиатского института, членом правления, на которое возложено было дело преобразования этого замечательного расадника ориенталистических студий в России...

Гораздо более сложную работу, тоже по преобразованию (и притом самому радикальному) старого научного учреждения в новое, проникнутое иным духом и вдохновляемое новыми задачами и целями, проделал Иосиф Абгарович, когда в октябре 1918 года вошел в состав Совета археологической комиссии, в тот момент, когда этот совет преобразовывался в Академию истории материальной культуры... Еще не окончилась реформа в академии, как Иосиф Абгарович уже оказался необходимым на другом крайне ответственном посту: в феврале 1919 года он — ученый секретарь коллегии по делам музеев, а спустя полгода, в начале августа 1919 года, также и член совета отдела древностей Государственного Эрмитажа...

С середины 1924 года начинается деятельность Орбели в Эрмитаже в качестве помощника директора, и с тех пор на разных постах эта работа уже не прерывалась до июля 1934 года, когда он стал директором этого мирового музея...

1 июня 1935 года И. А. Орбели был избран действительным членом Академии наук СССР, а в 1943 году — действительным членом Академии Армянской ССР, первым президентом которой он стал с 29 ноября 1943 года...

Грянула война. С первых же дней И. А. Орбели ведет труднейшую и ответственнейшую работу по эвакуации музейных сокровищ Эрмитажа. Он лично руководит и упаковкой, и погрузкой их в вагоны, и переноской в безопасные места оставшихся в Ленинграде коллекций. Орбели в дни войны превратил Эрмитаж в хранилище культурных ценностей всего Ленинграда.

В тяжелые дни блокады Иосиф Абгарович остался в осажденном городе и проводил большую общественно-агитационную работу, несмотря на труднейшие условия и свое расстроенное здоровье. Деятельность И. А. Орбели в дни блокадной зимы 1941/42 годов была в полном смысле слова патриотическим подвигом, отмеченным награждением его орденом Ленина...

Немыслимо подвергнуть анализу в масштабе одной статьи шестьдесят ученых трудов И. А. Орбели, которые принесли ему ученую славу и признание в Советском Союзе и далее за ее пределами в кругах археологов, историков искусства и исследователей эпоса восточных народов. В этой краткой заметке мы

лишь ограничились самыми беглыми штрихами для характеристики деятельности этого замечательного ученого.

Но даже и в самой сжатой статье нельзя не коснуться хотя в нескольких словах той черты И. А. Орбели как человека, которая так помогает ему в его разнообразной и труднейшей научно-административной деятельности. Это человек большого сердца, умеющий понимать людей и их нужды, умеющий отстаивать интересы своих сослуживцев и подчиненных и, главное, умеющий заинтересовать работающих с ним научными темами, которые он считает очередными и нужными...

1948

Тарле Е. В. Историк-патриот // Дружба.
М., 1957.

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

(об Александре Мелик-Пашаеве)

Александр Шамильевич Мелик-Пашаев — мой первый дирижер! Двенадцать счастливых лет я работала и изо дня в день встречалась с этим выдающимся музыкантом. После моего столь успешного дебюта в «Фиделио» Александр Шамильевич стал назначать меня во все свои новые постановки, а в его любимейшей опере «Аида» последние несколько лет до его смерти почти я одна и пела. Он говорил, что впервые в жизни пошел во мне исполнительницу, способную выразить все его желания, что со мной он может следовать партитуре Верди с ее божественной *pianissimo*.

Помимо «Фиделио» и «Аиды» я пела с Александром Шамильевичем «Фальстафа» и «Реквием» Верди, «Пиковую даму», «Войну и мир», «Баттерфляй», «Онегина», участвовала в его симфонических концертах.

В 1952 году, когда я поступила в Большой театр, Александру Шамильевичу было только 47 лет. Среднего роста, холерный, импозантный, он любил быть хорошо одетым. Всегда сдержан, невероятно деликатен и вежлив со всеми. По национальности армянин, он начинал свою карьеру в Тбилисском оперном театре, поступив туда в шестнадцать лет концертмейстером-пианистом. Несмотря на столь юный возраст, он знал уже тридцать пять опер и проходил партии с ведущими певцами театра, а через два года в том же театре встал за дирижерский пульт. Ему было 26 лет, когда он в 1931 году с триумфом дебютировал в Большом театре оперой «Аида» и уже в первый месяц работы в нем дирижировал шестью операми: «Тоска», «Аида», «Кармен», «Фауст», «Риголетто», «Мадам Баттерфляй». А еще через пять месяцев осуществил свою первую постановку в театре — «Отелло». Он никогда не был «начинающим» или «подающим надежды» молодым дирижером. С первых же дней работы в

прославленном придворном театре с его знаменитым великолепным оркестром он уверенно встал в один ряд с выдающимися дирижерами — Суком, Головановым, Пазовским, Самосудом.

С тех пор в течение 33 лет — до самой смерти 18 июня 1964 года — он работал только в Большом театре, изредка лишь дирижируя симфоническими концертами. Он был именно оперным дирижером по своему призванию. И моя счастливая судьба с первых моих шагов на оперной сцене послала мне этого учителя и друга.

Невероятно требовательный ко всем без исключения и прежде всего к себе, Александр Шамильевич в искусстве не шел ни на какие компромиссы. Дирижировал он в театре раз пять в месяц, и каждый спектакль был для него событием...

Со многими маэстро я пела и в России и за границей. Но, к сожалению, никогда больше не было у меня ощущения этой гармонии и слияния с дирижером, который так бы, как Мелик-Пашаев, чувствовал мою творческую индивидуальность. Я никогда не забуду чувства безграничного ликования, наполнявшего все мое существо, когда я пела с ним Аиду. И в какой бы стране мира я ни пела эту оперу, я всегда, как на исповедь, стремилась скорей в свой театр, в спектакль к Александру Шамильевичу, чтобы отдать ему все и получить от него красоту и обновление. На этой постановке, как ни на чем другом, лежала печать неповторимой индивидуальности Мелик-Пашаева.

После его смерти я спела Аиду в Большом театре несколько раз и с отчаянием поняла, что больше я не хочу ее петь и не могу перешагнуть через это нежелание. Как будто он взял с собой в могилу все чувства, что владели мной, все мое вдохновение. Это был его спектакль, и, когда он умер, вместе с ним умерла и моя Аида.

Галина Вишневская. История жизни. М., 1991.

ОН ОЩУЩАЛ В СЕБЕ СТИХИЮ ТЕАТРА

(о Рубене Симонове)

Рубен Симонов принадлежит к числу художников советского театра, имя которого не забудется. Вклад Симонова в искусство сцены будет сознаваться нами как нечто неповторимое, яркое, своеобразное. Он не потускнеет со временем и снова и снова будет давать о себе знать в творчестве тех актеров и режиссеров, с кем работал этот большой мастер, кому передал частицу своего блестящего таланта и привил свое понимание природы живого театра, его высокого назначения...

Я знал Рубена Николаевича с первых его шагов в театре. Он появился в Мансуровской студии весной двадцатого года —

юный, озорной, непоседливый. Я играл вместе с ним в вахтанговских постановках: «Чудо святого Антония» Мориса Метерлинка, «Принцесса Турандот» Карло Гоцци — спектаклях, продолжающих оставаться для меня образцами режиссерского искусства, взлетами художественного вдохновения Вахтангова. На моих глазах возникло и развилось дарование Симонова-актера и режиссера, возвращенное нашим общим учителем...

Рубен Симонов был рожден стать артистом по самому складу своего характера — восприимчивого, общительного, жизнерадостного, по всему тому, чем его так щедро наделила природа. Удивительная легкость воображения, сценическое обаяние, острое ощущение формы, редкая музыкальность, воплощавшаяся у Симонова в сложный ритмический рисунок, поразительная пластичность, яркий темперамент, точное ощущение целостности формы и содержания, беспокойная, творчески ищущая мысль — все это соединилось в Рубене Симонове с той великой мерой, какая только и порождает крупные артистические индивидуальности. Но, конечно же, судьба, не только природа, благоволила Симонову — его артистические способности получили направление и крепились в спектаклях Евгения Бартенювича.

Я знаю, что Вахтангов ценил Рубена не только за одаренность, но и за принципиальность, стойкость характера, определенность художественных пристрастий. Помню, как однажды, говоря о студийцах, вокруг которых могло бы образоваться ядро театра, о тех своих учениках, кто, с его точки зрения, способен сплотить вокруг себя товарищей на основе плодотворной творческой программы, увлечь их, повести за собой, Вахтангов назвал Симонова. Так оно и получилось — именно Симонову было суждено продолжить дело Вахтангова в стенах театра его имени.

Рубену Николаевичу принадлежит честь воспитания плеяды блистательных актеров-вахтанговцев, многие из которых прошли школу Театральной студии имени Б. Щукина под руководством другого верного ученика Вахтангова — Бориса Евгеньевича Захавы. Симонов работал над развитием актерской школы, которая воистину является вахтанговской в советском театральном искусстве.

И результаты этой работы очевидны для всякого, кто любит театр, ценит праздничное и жизнерадостное искусство сцены, одухотворенное мыслью и живыми страстями.

Артистическая индивидуальность Симонова наложила явственный отпечаток на все творчество Вахтанговского театра. Симонов не был узким догматиком, он вольно подошел к наследию Вахтангова и, на мой взгляд, взял от Вахтангова то, что было близко его дарованию...

Симонов играл с таким ощущением правды переживаний и с такой остротой формы, выразительностью деталей, когда каж-

дое его чувство доводилось им до пределов сценической выразительности, каждое движение, поворот головы, взгляд имели существенное значение.

Он ощущал в себе стихию театра и привольно, радостно жил в мире театральности.

«Поэт сцены» — это о Симонове.

«Радостный художник» — это о Симонове.

«Великолепный мастер» — это о нем же.

Ю. Завидский. Радостный художник // Рубен Симонов. М., 1981.

ЧУДЕСНЫЙ ТАЛАНТ

(Ваграм Папазян)

1928 год! Интересное время в советском театре. Еще свежи незабываемые спектакли «Любови Яровой» в Малом и «Дней Турбинных» во МХАТе. Советская драматургия прочно занимает свое место в культурной жизни молодого государства, темы героического «сегодня» владеют умами и сердцами советского зрителя. И вдруг — «Отелло», Шекспир, гастроль армянского трагика Папазяна в Большом театре! Театральная молодежь мало знала о Папазяне. Лишь в связи с предполагающимся гастролем знакомилась мы с биографией этого замечательного артиста. Но все же, несмотря на интереснейшие сведения: участие Папазяна в юбилейных лондонских спектаклях, шумный успех армянского артиста на родине Шекспира, его блестящие гастроль в Париже, Риме, Брюсселе, Мадриде, — все же, несмотря на это, какое-то, пожалуй, и недоверие и легкая улыбка при взгляде на столь необычную артистическую жизнь.

Меня пригласили играть Дездемону. Еще недавно я играла эту роль в юбилей А. И. Южина в Большом театре, играла и в Малом с Ю. М. Юрьевым. Естественно, что я с большим интересом и волнением ждала встречи с новым для меня Отелло, тем более что Папазян должен был играть на французском и на армянском языках. И вот первая встреча: невысокий, хорошо сложенный человек, яркая, восточная внешность, изумительные глаза, какая-то особая пластика и... покоряющее обаяние.

Надо было видеть, с какой скромностью и вниманием этот объездивший с таким успехом полмира актер обращался с новыми партнерами, как охотно он шел на изменение мизансцены, если она привычна была другим актерам. До сих пор не могу забыть, как любовно он отнесся ко мне, молодой совсем актрисе, как подкашивал наиболее яркую черточку в роли, выгодное место, зачастую сам становясь сниской к публике, дабы открыть большие своего партнера. Французский язык я знаю, и тут осо-

бенных трудностей я не боялась, но как будет с армянскими репликами? Надо было видеть, с каким терпением десятки раз повторял Папазян отдельные сцены, чтобы я привыкла к незнакомому языку.

Наступил спектакль. Волнение Папазяна было огромно. Это видели мы, его партнеры. Это был трепет настоящего художника. Пусть его признали многие столицы Европы, пусть его увенчали лаврами в Англии, в шекспировской Англии, — на этот раз Папазян встречался с новым зрителем, с чутким, требовательным, жадным, по-новому воспринимающим классическую трагедию. И Папазян это хорошо понимал. Внешний облик Отелло—Папазяна был великолепен. Он был изумительно красив той восточной красотой, которая так ярка и убедительна была в соответствии с природными данными Папазяна. Полный благородства монолог перед сенатом уже сразу покорила весь огромный зал Большого театра.

Сколько любви, обожания, восторга было в его глазах, когда он смотрел на входившую Дездемону. Непередаваема его пластика во всей роли. Я хорошо помню его звериный шаг, когда он, как раненый тигр, ходил в левом углу сцены кругами, кругами, а Яго в это время вливал ему в душу яд подозрения и ревности. Как дрожал он весь, с головы до ног, когда требовал платок у Дездемоны. Это был громадный темперамент.

И вот он разрывал все оковы, он оскорблял Дездемону при Людовико, при всей свите. Эти бешеные глаза, полные ярости и слез, эта нечеловеческая боль сердца!

Нет, несмотря на страшное оскорбление, Дездемона еще тянется к нему, ибо видит безграничное страдание, которое завлакивает гнев зверя. Чудесно была сыграна эта сцена и так сильно, что припадок был естественным результатом этого напряженнейшего момента. И вот последний акт. Отелло—Папазян почти спокоен внешне. Только глаза, налитые кровью, странные глаза. Мольба Дездемоны о пощаде шла на самой авансцене, и вот в какой-то момент я, видя только эти страшные, безумные глаза, в ужасе сжималась на полу в беспомощный комочек и, в следующую секунду уже подхваченная с земли сильными руками не человека—Отелло, а каким-то могучим злым вихрем, на какое-то мгновение задерживалась в воздухе над его головой, и потом он бросал меня на постель, сам с молниеносной быстротой, как кошка, вскакивал за мной, упираясь коленом мне в грудь, и душил свою Дездемону.

Этот момент технически так был разработан у Папазяна, что, несмотря на рискованность движений и некоторую акробатичность их, я ни разу за все спектакли никогда не почувствовала ни малейшего ушиба, а со стороны это было настолько естественно и прекрасно в своем диком порыве, что сделать это мог лишь такой необыкновенно пластичный и красивый актер, как Папазян, наполнив весь этот трюк громадным, правдивейшим чувством, подлинно шекспировским темпераментом.

Мне довелось играть с Папазяном в другой пьесе, в «Казани» Ге, где Папазян был великолепным Годда.

Я счастлива, что в дни своей юности я встретила с таким большим мастером. Воспоминания о совместной, пусть очень краткой работе с Папазяном всегда ярко живут в моей памяти. Армянский народ и все мы — люди искусства — должны гордиться, что у нас есть такие чудесные таланты, как армянский трагический актер Ваграм Папазян.

1956

Гоголева Е. Н. Чудесный талант // Дружба. М., 1957.

БЛЕСТЯЩИЙ СОВЕТСКИЙ ФИЗИК

(об академике А. И. Алиханове)

Академик Абрам Исаакович Алиханов принадлежит к числу крупнейших ученых нашей страны. Его исследования по физике атомного ядра и проблеме космического излучения представляют собою выдающиеся научные достижения. Эти работы создали А. И. Алиханову заслуженную известность в широких кругах советских ученых, а также за границей.

Исследовательской работой в области экспериментальной физики Алиханов начал заниматься в 1928 году, будучи еще студентом Ленинградского политехнического института. Уже на этом, самом раннем этапе своей научной деятельности он обнаружил выдающиеся способности к экспериментальному исследованию, глубокий интерес к разрешению сложных физических проблем и стремление к самостоятельному выбору научной тематики...

В 30-х годах важным элементом в развитии представлений о строении вещества являлись исследования свойств рентгеновых лучей — законов их поглощения, рассеяния, отражения и преломления.

Эта область, в методическом отношении близкая к рентгенографическому анализу, но гораздо более живая по своему содержанию, на несколько лет полностью поглотила научные интересы А. И. Алиханова. Первое из его исследований по рентгенофизике относилось к выяснению запутанного вопроса об эффекте Рамана при поглощении рентгеновых лучей.

В этом исследовании, законченном в 1931 году, Алиханову удалось полностью опровергнуть результаты многочисленных работ группы иностранных физиков, обнаруживших эффект Рамана при поглощении рентгеновых лучей легкими веществами. А. И. Алиханов показал, что эффект Рамана в рентгеновской области не наблюдается и все утверждения об его обнаружении были обусловлены экспериментальными ошибками.

В 1932—1933 годах А. И. Алиханов занимается изучением отражения рентгеновых лучей от тонких слоев металлов. В этой очень трудной работе А. И. Алиханов продемонстрировал высокий уровень своего экспериментального искусства. Как по технике выполнения, так и по полученным результатам это исследование стоит в одном ряду с лучшими работами по физике рентгеновых лучей в мировой научной литературе этого периода. Алиханову впервые удалось доказать путем точных измерений, что процессы отражения и преломления рентгеновых лучей полностью подчиняются законам, выведенным из электромагнитной теории света Максвелла.

Для многих специалистов-оптиков такой результат оказался совершенно неожиданным, так как существовало распространенное мнение, что оптические свойства рентгеновых лучей нельзя объяснить с помощью законов, выведенных для обычных световых лучей с большой длиной волны.

В 1933 году А. И. Алиханов написал монографию по оптике рентгеновых лучей, в которой систематизировал весь материал, накопленный советскими и иностранными исследователями, работавшими в этой области.

Вплоть до настоящего времени эта книга А. И. Алиханова является единственным систематическим освещением всех основных вопросов оптики рентгеновых лучей в научной литературе. Для А. И. Алиханова опубликование этой монографии знаменовало завершение первого большого этапа его научной работы...

В 1934 году А. И. Алиханову и его сотрудникам удалось в результате длительной и упорной работы создать новый оригинальный метод наблюдения легких частиц — электронов и позитронов, позволяющий не только подсчитать их число, но и изучить их энергетический спектр в различных ядерных процессах... Метод, предложенный А. И. Алихановым и доведенный в его лаборатории до высокого совершенства, в настоящее время занял прочное место в арсенале новых методов ядерной физики и широко используется при изучении процессов образования легких частиц и анализа их энергетического спектра...

Уже в 1939 году А. И. Алиханов начинает разведку в новой области, имеющей огромное принципиальное значение для современной физики. Лаборатория Алиханова постепенно переключается на изучение космических лучей. На этот раз снова проявляется исключительное чутье Алиханова в выборе направления исследования. Сопоставляя опытные результаты, полученные другими исследователями, Алиханов находит или скорее инстинктивно ощущает, что в составе космических лучей на средних высотах, кроме известных в то время частиц электронов и открытых в 1936 году мезонов, превосходящих электроны по массе в 200 раз, — должна существовать еще одна компонента, состоящая из более тяжелых частиц, обладающих большей ионизирующей способностью, чем электроны и мезоны.

Эта идея ложится в основу всех дальнейших экспериментов Алиханова и его сотрудников. В 1941 году Алиханов подготавливает высотные экспедиции для исследования космических лучей, но война срывает его планы. Однако летом 1942 года, несмотря на трудные условия военного времени, Алиханову, Алиханяну и группе их сотрудников удается осуществить первую экспедицию для изучения космических лучей на горе Арагац в Армении. За этой экспедицией следуют вторая, третья, четвертая и другие. Каждая из них проходит с большим успехом. Круг исследований постепенно расширяется, а экспериментальная техника достигает все большего совершенства.

Уже во время экспедиций 1942 и 1943 годов Алихановым и Алиханяном были получены экспериментальные данные, указывающие на присутствие в космических лучах новой компоненты, состоящей из частиц с большой ионизирующей способностью.

Если подвести итог работам А. И. Алиханова в области космических лучей, то легко убедиться в том, что среди физиков Советского Союза он занимает первое место по научным достижениям в этой области.

В течение последних лет А. И. Алиханов весьма успешно развивает исследования широкого круга научных проблем, непосредственно связанных с мирным применением атомной энергии...

Характерной чертой А. И. Алиханова как человека и ученого является глубокая принципиальность, основанная на настоящей любви к науке.

1956

Л. Арцимович. Блестящий советский физик // Дружба. М., 1957.

ДИТЯ ДОБРА И СВЕТА (о Паруйре Севаке)

В личности Севака было что-то античное — и во внешнем облике, и в манере речи, и в бескрайности души. Это стало для меня еще заметнее при более близком знакомстве с ним самим и с его творчеством. Это был оригинальный и отважный в поэзии человек. Таких мы называем новаторами. Такими в армянской литературе были великий гуманист Нарекаци, романтик Ованес Туманян, волшебник стиха Аветик Исаакян и пламенный певец революции Егише Чаренц.

Новое, действительно ценное слово можно сказать лишь в том случае, если хорошо знаешь исторический опыт человечества. Бесцветное слово повисает в вакууме, его ждет судьба псевдонаторского суррогата.

Паруйр Севак был поэтом-аналитиком. В стихотворении «Анализ тоски» он раскрывает методы своей «лаборатории».

Я, как химик, хочу расщепить и проанализировать тоску.
Хочу распознать Природу и глубинную тайну тоски.

Да, это действительно лабораторный анализ. Аналитический век требует аналитического слова. Сердце поэта вывернется разумом. И в стихах Севака поэт дополняет ученого, ученый — поэта. Севак стремился к творческому синтезу. И кажется, не впадал в конфликт, перед которым бессильны «чистокровные» интуитивисты или рационалисты. Его сердце и интеллект говорили на одном языке. Это был подлинно современный поэт. За его динамичным словом стоит весь богатейший исторический опыт. Для него, представителя социалистического гуманизма, национальное мышление является частью общечеловеческого опыта. Так же обстоит дело и с национальной культурой. Имитация — это лишь дешевый суррогат национального. Севак не представлял своей творческой жизни в рамках «чисто национального».

Ему близки и седой Арарат, и могучая Волга, и янтарная Балтика. Близки и Рейн, и Миссисипи, и далекая Килиманджаро. Его любовь — Армения. Его любовь и весь мир. Все в этом мире близко и важно для него, ничего не чуждо.

В его лирике легко различимы импульсы, унаследованные от раздумий Нарекаци, от напевности Саят-Новы, от утонченной интеллектуальности Исаакяна. Но в ней заметны следы влияния и возвышенной лиры Пушкина, и поэтической свободы Уитмена, и пламенной традиции Маяковского, и задумчивости Рильке. Эти золотые крупинки он сплавил в своей лаборатории в очень удачный сплиток. Широта кругозора, подлинный интернационализм помогли в формировании этого талантливый поэта нового типа. От единичного горизонта он шел к общечеловеческому. Паруйр Севак продолжал традицию своих предшественников — пробивал армянскому поэтическому слову дорогу в широкий мир.

Чтобы лучше понять это слово, почувствовать его колорит и услышать музыку — надо знать саму Армению. Солнечный край, который ни с чем не сравнить. Изумительный край, где камни и вода, сады и виноградники дышат вечностью. Плодородный край. С веткой оливы в клюве облетел его голубь, пушенный патриархом Носем, чтобы узнать, нет ли людям спасения. Если и вправду был когда-то золотой век и был райский сад, то часть этого сада была здесь, у подножия Арарата. И надо, конечно, хотя бы иметь представление о богатейшей и героической истории и культуре Армении. Надо выслушаться в рыданиях средневековых армянских поэтов. Этих первых в мире гуманистов, ощутить пьянящий, как вино, вкус армянского эпоса, народных песен и лирики гусанов. Не диво, что и ныне этот край богат поэтами. Тысячи лет для них вснаживалась почва. Они унаследовали богатейшую поэтическую культуру. И едва ли не древнейшая в нашей стране поэтическая традиция всегда

по-повому преломляется в творчестве лучших сегодняшних армянских поэтов...

Армения заслуживает самых звучных и прекрасных строф. Поэтический Олимп Паруйра Севака — это Арарат, самая прекрасная гора в мире. Когда я слышу звуки его золотой лиры, то в памяти встают неповторимые краски Армении, аромат винограда и мелодичные армянские песни. Такая земля предназначена для поэзии и счастья. Ее олимпийская вершина — Арарат. Отсюда — поэтический масштаб Паруйра Севака...

Эдуардас Межелайтис. Армянский фемомен. Ереван, 1982.

БОЛЬ И НАДЕЖДА ПОЭТА

(о Паруйре Севаке)

Еще в студенческие годы пришел ко мне Паруйр Севак. Со своим «Человеком на ладони». Не думаю, что экстравагантное и броское название заставило выделить этот сборник стихов среди множества других, но все же и в дерзости заголовка чувствовалось дыхание Маяковского, предугадывалось необычное и небудничное. Потом только открылось, что Паруйр Севак — явление армянского духа и армянской культуры, помноженное на вселенский дух Москвы, где в то время учился и работал поэт.

Могучим и трагическим пафосом «Неумолкаемой колокольни» он закрепился навсегда в моем сознании как один из самых значительных художников XX века. Беды и тяжелые испытания, которые выпали в нашем столетии на долю одного из древнейших народов мира, наполнили своей радиоактивностью все творчество Паруйра Севака. О чем бы он ни писал, к какой только теме ни прикасался, везде чувствовался повышенный градус, убыстренный ритм, большое нервное дыхание, все на порядок выше, сильнее.

«Сумасшедшинка» редкого дара выделила его среди других, одарила признанием многих и завистью немногих.

Поэт-философ, Паруйр Севак, живя тревогами и надеждами нашего времени, ощущал свою неразрывную связь с прошлым и грядущим...

Паруйр Севак еще в 60-е годы сумел сформулировать многие современные вопросы с такой выразительностью, что сила его голоса заставляет нас прислушиваться к нему и сегодня, поражаться его прозрениям.

Современная поэзия только в какой-то мере касается этих животрепещущих проблем, но правда, наверное, кроется именно в этом слове: касается. Мало кто сжигает себя в этих проблемах; мало кто кричит на весь накал души человеческой, тратя невоссоздаваемое — слитки своих драгоценных нервов, чтобы

ежеминутно разобраться самому и помочь разобраться другим во всех сложностях нашего архисложного и дьявольски противоречивого мира. Выдающийся поэт Армении умел это делать с достоинством и честью. Он протестовал пламенно, утверждал талантливо и оригинально.

Иван Драч. Боль и надежда поэта. Литературная газета, 18 апреля 1984 г.

САРЬЯНОВСКИЕ КАРТИНЫ В ЖИВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Все интересующиеся советской живописью, а таких теперь очень много, будут приветствовать появление этого небольшого сборника.

Авторы статей, в него включенных, дают довольно полное представление о творчестве Сарьяна в его существенных чертах и в его эволюции. Хорошо исполненные воспроизведения картин в красках дают неплохое воспоминание об искусстве Сарьяна для всех, кому посчастливилось видеть его картины.

Уже в первый период своей деятельности, до Великой революции, Сарьян занял очень видное место среди наших художников. В то время очень ценили экзотику как таковую. Армянин Сарьян давал совершенно необыкновенные краски, никем еще не использованный стиль, и эту оригинальность ценили в нем.

Между прочим, когда я любовался картинами Сарьяна, мне всегда казалось, что я стою перед полными вкуса, но чисто произвольными плоскостно-красочными композициями, полными странного и, так сказать, «нездешнего» обаяния.

Но когда я побывал в Армении, я почувствовал, что Сарьян реалист в гораздо большей мере, чем я это предполагал.

Едучи долгими часами по каменистой равнине Армении среди разноцветных и причудливых гор, под постоянным величественно белым благословением патриарха Арарата и видя, как светит здесь солнце, какие рождает оно тени, как растут здесь деревья, движутся или покоятся животные или люди, — я внезапно увидел перед собою сарьяновские картины в живой действительности...

Я этим вовсе не хочу сказать, что Сарьян был натуралистом, просто скопировавшим своеобразный эффектный пейзаж своей родины.

Нет, конечно, Сарьян большой красочный музыкант, подлинный художник, композитор и горячий поэт. Я хочу только сказать, что свои привлекательные построения он делает на живом материале живой Армении.

Но живая Армения, действительно живая, т. е. она не пребывает одной и той же, она изменяется. Сарьян изменился вместе с ней. В тексте нашего сборника достаточно отмечена и объяснена эта эволюция Сарьяна. По мере того как черты физионо-

мни новой Советской Армении выяснились, выяснились также новые черты физиономии Сарьяна как советского художника.

Сарьян находится в расцвете своих сил, он растет и углубляется, и мы можем только от души пожелать ему крепнуть и развешиваться, прибавлять к рассказанным уже им правдивым красочным сказкам еще новые поэмы о природе и человеке, о жизни и творчестве.

1933

Лунчарский А. В. Художник Сарьян // В. В. Стасов, А. Н. Веселовский, А. В. Лунчарский, А. М. Горький. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1970.

МИР САРЬЯНА

Недавно одному из самых больших живописцев нашей страны, да и нашей эпохи, Мартиросу Сергеевичу Сарьяну исполнилось восемьдесят пять лет. Возраст, указанный в паспорте, не всегда сходится с возрастом сердца... Гигиан прожил три жизни Мазаччо и до конца своей жизни писал тела венецианок.

Каждый день Мартирос Сергеевич поднимается в свою мастерскую. Позади у него много десятилетий, много поисков и находок, бурь и разуверений, обид и радостей. Но его сердце осталось молодым. Это воистину неистовый художник. Он и пишет пенство: кисть, как меч, и он кистью наносит удары холсту. Его картины ошеломляли три поколения. Много раз его отвергали, поносили, но он шел трудной горной тропинкой.

Он когда-то писал пейзажи с верблюдами. Порой и верблюду невмозготу, он плюется — это протест послушного. А вулкан извергает лаву — это творчество, мятеж художника.

Оставим на минуту иллюзорное сходство движущихся на экране фотографий. Посмотрим, как видел себя, как видит себя художник. Он весь смотрит не только в зеркало, он смотрит и в себя. Вот недавние рисунки. Сарьян, когда ему было тридцать лет. Когда ему было пятьдесят три года. Он в шестьдесят три года — его холст «Три возраста».

Мастерская. Здесь Мартирос Сергеевич каждый день беседует с собой и с веком. Он начал давно — шестьдесят лет назад. Царская Россия билась в лихорадке между придворными интригами и призраком надвигающейся революции. Приближалась первая мировая война. Ленин в Париже писал о завтрашнем дне. Эйнштейн опубликовал свой первый труд о теории относительности. Рождалась ядерная физика. Пикассо выставил первые кубистические полотна. Блок мечтает о музыке революции, а Стравинский начинал революцию в музыке. Это была эпоха капюнов.

Холсты Сарьяна ошеломляли посетителей московских и петербургских выставок. Полные яркие краски, обобщенность

форм, язык живописи. В его картинах философия цветов, камней, буйволов. Это не копия природы, это новый мир — мир Сарьяна.

С тех пор прошло много десятилетий. Много на свете изменилось. Изменился и Мартирос Сергеевич — на смену яркому полдню пришел вечер. Но никогда, даже в самые трудные годы, Сарьян не изменил искусству, он твердо знал, что нет живописи вне живописи.

Киноаппарат — чудесное изобретение: он позволяет запечатлеть то, что всегда оставалось скрытым четырьмя стенами мастерской. Идти в гору нелегко. Но сердце — не только мышца кардиологов, сердце — это страсть человека, и Сарьян не уступит, пока бьется сердце...

Из дикторского текста Ильи Эренбурга к фильму «Мартирос Сарьян». М., 1984. Союз кинематографистов СССР // Вагаршян Л. Встречи с Сарьяном.

ОН ГОРЕЛ В ИСКУССТВЕ

(о Народном архитекторе СССР Рафаэле Исраэляне)

Медленно кладу руку на теплый камень октябрьского гуга, красная и шероховатая поверхность мягко принимает ладонь, могучие стены местами уходят в треугольные ниши, углубляясь в массу Сардарапатского музея, стены ниши сходятся в линию, свод ниши в точку, кажется, что архитектор-художник познает материальный мир и философию до конца.

Камень для музея добывается здесь рядом, и музей вырастает из камня, расцветает камнем, живет историей места, полон художественных традиций армянского народа.

Удивительна судьба Рафо Исраэляна — истинно народного художника-архитектора. Он нежно любил и понимая душу армянского камня, он цел доблесть народа, он уважал его традиции, он дышал искусством своих предков и своих современников, он сам искал себе темы в истории своего народа, задушевным образом, настойчиво брался за его осуществление.

Держу ладонь на сардарапатской стене, и в меня течет тепло южного солнца, тепло необычайной души Рафо. Когда я встречал этого небольшого сухонького человека с темной кожей и поразительной улыбкой, светом, идущим от всего его существа, я чувствовал, что губы мои улыбаются, глаза начинают искриться, а в голове рождается что-то новое, неповторимое, невозможное, и сам становился нице, лучше, у меня рождалась способность к творческим свершениям.

Рафо работал в древних армянских материалах, он широко использовал темы традиционного зодчества, он воспевал историю армянского народа. Он глубоко уходил в прошлое корня-

ми своего творчества, а воспевал он свое время; время, в котором он жил, являлось его темой, его художественной философией, все его постройки посвящены истории народа в двадцатом веке. Он сооружал памятники своему времени, памятники событиям и людям, жившим с ним, дышавшим одним воздухом; он жил в своих творческих свершениях, навечно фиксировал свое отношение к действительности, в которой существовал...

Он сниекал себе огромную любовь, безграничное доверие, потому что он горел в искусстве и умел зажигать других своим творческим порывом и своими качествами...

В грандиозном всплеске двадцатого века в культуру армянского народа Рафо Израэлян стоит рядом с такими сильными фигурами, как Сарьян, Таманян, Хачатурян. Самобытность их творчества поднялась на уровень мирового значения и стала достоянием всего человечества.

Заслуженный архитектор РСФСР, профессор Л. Н. Павлов // Бабалян Л. М., Яралов Ю. С. Рафаэл Израэлян. М., 1986.

НАШ МИНАС

От того посещения память сохранила два главных цвета: горящий красный — от его полотен и черный — от него самого. От смоляной бороды, охватывающей лицо, из-за чего голова казалась крупнее, массивнее. От длинных волос с редкой, но яркой седниной. От черных с изломом бровей. От прямого противоположного взгляда, который он иногда обращал на меня и тем заставлял некать какие-то настоящие слова.

Может быть, и в одежде Минаса было что-то черное, и это тоже отразилось на общем цветовом ощущении? В этот день была головщина резины, и многие надели траур.

Недалеко от Джаджюра, родной деревни Минаса, турки в ущелье убили несколько тысяч стариков, женщин и детей. Его родители спаслись чудом. Сколько рассказов об этом Минас слышал с самого раннего детства!

Эти чувства он выразил в полотне — синем, сером, фосфоресцирующем, скорбном. Он назвал его «Дорога. Воспоминание родителей». В нем нет ни жертв, ни крови. Только горе, принявшее образ женщины. Они бежали, остановились, в изнеможении падали на землю. И так остались наедине со своими потерями.

Кто эти женщины? Лиц не разобрать. Их фигуры сродни камням, к которым они прислонились в бессилии, в забытии, в своем немом крике. Они частица природы, которая их окружает, — этой серой дороги, плоских, заходящих друг за друга гор и серых, синих облаков, скрывающих дальние пространства. Сама родная земля кричит от боли, воплотившись в образы этих женщин, заломивших руки или обнявших колени, запро-

кинувших лицо к небу или уронивших в безнадежности подбородок на ладонь...

Мы, не забывшие зверства фашизма, должны понять, почему резня до сих пор такую болью отзывается в одном из наших братьев-народов: он первым в XX веке подвергся геноциду и за несколько недель потерял половину всего населения. Поэтому нет армянской семьи, по сердцу которой резня не провела бы своим черным лезвием...

Когда я впервые побывал в мастерской Минаса, я испытал чувство резкой новизны, невиданности от его полотен. Минас показался мне сверхсовременным, стоящим вне традиций. Теперь же, по прошествии времени, когда представляешь себе все его творчество, отчетливо видишь: как раз поваторство помогло художнику стать в ряд исторического развития искусства своего народа.

Минас выразил себя, наше время в новых формах. Но сделал он это с той же стороны, что и Сарьян, что и Торог Рослин в XIX веке. Со стороны земли. Родины. Гор. Солнца. Исходя из того заветного круга глубинных понятий, чувств, представлений, которые живут не только в человеке, но и в народе, и в сумме своей составляют неповторимую народную личность. Это, наверное, общее правило: продолжение традиций не в повторении внешних мотивов, стилистических приемов, а в том, чтобы выразить свой народ на новом этапе...

Его жизнь, его человеческий облик оказывали большое воздействие на окружающих. Его моральность. Его пример. Кто-то сказал мне недавно: Минас был как подарок нам всем. Золотое яблоко, протянутое судьбой.

Да, путешествуя по Армении, по ее каменистым пространствам и схожим с ними суровым векам, я все время ищу три драгоценных для меня свойства — добро, талант и красоту. Я вижу их в Рослине — в его духовных поисках, интересе к человеческому сердцу, в праздниках цвета на страницах его книг. Талант, добро и красоту я нашел в Минасе, в его творчестве, в его душе.

Ким Бакиш. Судьба и камень. М., 1983.

АРАМ ХАЧАТУРЯН

Летом 1934 года мне пришлось ехать из Ленинграда в Баку. В Москве, на перроне вокзала, один из моих московских друзей познакомил меня с Арамом Ильичом Хачатуряном. О нем я слышал уже раньше. Мне были известны некоторые его произведения. Арам Ильич ехал из Москвы в Ереван, и по счастливой случайности мы очутились в одном вагоне. Хачатурян только что окончил тогда Московскую консерваторию и ехал к себе на родину, в Армению. Лето в тот год стояло жаркое, в

вагоне было душно. Путешествие было довольно тяжелое, но Хачатурян оказался очень хорошим спутником, и это скрасило наше длительное путешествие. В Баку мы расстались, обменявшись адресами, и так завязались наши хорошие, дружеские отношения...

Я часто думаю о своеобразии творческого пути Хачатуряна. У некоторых композиторов дарование проявляется очень рано: с детства они начинают учиться музыке и рано становятся композиторами; у других из-за целого ряда причин композиторские способности проявляются позднее. Несмотря на то что музыкальные наклонности проявились у Арама Ильича еще в детстве (родители его были также очень музыкальные и любящие музыку люди), систематические занятия музыкой он смог начать лишь в девятнадцатилетнем возрасте, когда в 1923 году он поступил в Московский музыкальный техникум им. Гнесиных...

После окончания техникума в 1929 году Арам Ильич поступил в Московскую государственную консерваторию, которую блестяще окончил в 1934 году, пройдя полный курс композиторского факультета. Основным его руководителем в консерватории был композитор П. Я. Мясковский. По окончании консерватории Хачатурян, как окончивший с отличием, был оставлен аспирантом. Он прошел аспирантский курс под руководством Мясковского.

Имя Хачатуряна высечено на мраморной доске окончивших с золотой медалью воспитанников консерватории наряду с Рахманиновым, Скрябиным, Игумновым и др.

По окончании консерватории Хачатурян стал много и плодотворно работать. Он написал целый ряд интересных сочинений: Первую и Вторую симфонии, концерт для фортепиано, концерт для скрипки, балеты «Счастье» и «Гаянэ», концерт для виолончели и ряд других произведений. Все они, несомненно, являются значительнейшим вкладом в нашу советскую музыкальную культуру...

Большим событием в нашей музыкальной жизни мне представляется новое сочинение А. Хачатуряна — балет «Спартак».

Яркость и контрастность музыкальных тем-характеристик и смелость, с которой они сталкиваются, — это первое впечатление, которое выносишь, просматривая партитуру «Спартак».

Прекрасная способность А. Хачатуряна наделять своих героев характерными музыкальными образами-темами с новой силой проявилась в балете «Спартак»...

Музыка балета «Спартак», несомненно, интересна и волнующа. Она написана талантливо, и на ней, как и на всем, что пишет А. Хачатурян, лежит печать яркой творческой индивидуальности.

Индивидуальность А. Хачатуряна, являющаяся результатом большого творческого дарования, сказывается не только в манере письма, не только в том, что буквально в каждом такте узнаешь своеобразный почерк автора. Индивидуальность А. Ха-

чатуряна значительно шире и богаче, чем сфера только музыкальной технологии; к ней надо отнести и мироощущение композитора, основанное на глубоком оптимистическом, жизнеутверждающем толковании нашей действительности.

...Мне кажется, что одним из замечательных свойств музыки А. Хачатуряна в целом и балета «Спартак» в частности является ее народность.

Народность и национальность музыки А. Хачатуряна ярко проявляются не только в его замечательных симфониях, инструментальных концертах, но и во всех остальных произведениях, сколь бы различны они по сюжету.

В балете «Гаянэ», в музыке к драме Лермонтова «Маскарад», в сюите «Валенсианская вдова», в балете «Спартак» — всюду А. Хачатурян ярко национален. Но это не узкое понимание народности и национальности, ограниченное привычными ладовыми интонациями, гармониями и ритмами. Это подлинная народность, обогащенная вершинами мировой культуры и сама вносящая в мировую культуру свой новый ценный вклад.

1947—1956

Шостакович Д. Д. Арам Хачатурян // Дружба. М., 1957.

ВЕЧНОЕ, НЕУМИРАЮЩЕЕ ИСКУССТВО

(об А. И. Хачатуряне)

Трудно оценить вклад, который внес Арам Ильич Хачатурян в развитие советской музыкальной культуры. Он обогатил ее произведениями, которые имеют мировое значение. Его имя стоит рядом с именами таких великих композиторов XX века, как Прокофьев и Шостакович. Они показали блестящий пример развития музыкального наследия, подлинного творческого подвига.

Творчество А. И. Хачатуряна — синтез национальных музыкальных традиций с современностью. Он показал замечательный пример сочетания богатства музыкального фольклора с достижениями классики. Его имя, его дело уже сегодня стали легендой. Его музыка получила широкую популярность во всем мире. И огромная заслуга Арама Ильича Хачатуряна в том, что он наряду с Прокофьевым и Шостаковичем вывел советскую музыку на мировую арену. Это стало возможным потому, что она несет новые черты, черты нового общества.

В каждом сочинении Хачатуряна чувствуется его горячее сердцебиение, его искусство — вечное, неумирающее искусство.

Хренников Т. Н. Из выступления на торжественном заседании в Ереване, посвященном 80-летию со дня рождения Арама Хачатуряна // Коммунист, 24 января 1984.

ВЕЛИКАЯ ТРУЖЕНИЦА

(о Мариэтте Шагинян)

Литературная деятельность Мариэтты Сергеевны Шагинян продолжалась семьдесят девять лет. Случай довольно редкий, в мировой культуре. Редчайшими можно назвать и орбиты ее творчества. Ей было тесно в границах одного или двух литературных жанров, она испробовала почти все их многообразие. Прозаик, поэт, драматург, критик, переводчик, эссеист, публицист, мемуарист, музыковед, ученый — такой предстает она перед нами в своем литературном наследстве...

Публицистические статьи и очерки Шагинян писала в «просветах» работы над крупными художественными произведениями. А сколько их, этих произведений? Попробуем назвать часть из них. Тетралогия «Семья Ульяновых», отмеченная Ленинской премией, «Воскрешение из мертвых» — плод девятилетнего труда, вернувшего из небытия чешскому народу и мировой культуре творчество выдающегося композитора XVIII века Йозефа Мылдичека. За эту книгу писательница была награждена золотой медалью ЧССР. «Тарас Шевченко» — монография, защищенная как докторская диссертация. «Гете» — еще одна монография; переведена на немецкий, японский, венгерский и чешский языки. «Этюды о Пизанни», «Человек и Время» и т. д. ...

Рассказывая о собственной жизни, Мариэтта Сергеевна любила повторять фразу: «Единственное, что я умею — это работать и учиться». Такое могли подтвердить все, кто с ней общался. И в работе и в учении у нее в самом деле не было перерывов. Она окончила классическую гимназию, затем Высшие женские курсы, училась в знаменитом университете Шаньцзюэского. В совершенстве владела немецким, английским и французским языками. До революции находилась в Германии, изучала в подлиннике философию Гегеля и Канта, а в советское время поступила в Плановую академию, где тщательно реферировала все три тома «Капитала» Карла Маркса, труды Фридриха Энгельса. Большой и постоянной школой для себя Мариэтта Сергеевна считала работу в газете...

Писательнице шел 94-й год. Она слушала собеседника только с помощью слухового аппарата, видела лишь смутные очертания их лиц. И все же оставалась такой, как всегда: великой труженицей, человеком, немыслимым своего существования без ежедневной и углубленной работы. Продолжала писать только от руки, все свои произведения называла плодами «творческого самозабвения ручной записи». Но с какими невероятными трудностями оно было связано. Представьте: в таком преклонном возрасте сохранить поразительную ясность мысли, титаническую работоспособность и не иметь возможности прочесть то, что выходит из-под пера! Писать в таком состоянии — уже под-

вижничество. И Мариэтта Сергеевна, преодолевая личную трагедию, совершала его.

Пишенина Л. Увидеть, познать, пережить...
// Правда, 1 апреля 1988 г.

У НЕГО БЫЛО УДИВИТЕЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ШАХМАТ

(о Тигране Петросяне)

Как и для шахматистов всего мира, для нас Т. Петросян большой авторитет. У нас издаются книги, по которым наши шахматисты изучают творчество двукратного чемпиона мира... Чтобы воспринять творчество Петросяна во всей полноте и перенять у него кое-что, нужно иметь хороший уровень игры... Анализируя партии Петросяна, я не перестаю восхищаться его позиционным чутьем.

Удивительно его понимание шахмат. И как ему удавалось предвидеть за много ходов вперед! Благодаря этому дару, а также оригинальному стилю он редко проигрывал. Да, почти невозможно было победить Петросяна. Я продолжаю изучать творчество великого шахматиста, хотя сам проведу совсем другой стиль игры. Одна из моих любимых шахматных книг — сборник партий экс-чемпиона мира, которая вышла в издательстве «Батсфорд».

Джулиан Ходгсон (Англия). Слово о девятом чемпионе. Мемориал Т. Петросяна. Спец. бюллетень // Выпуск редакции ежемесячника «Шахматный Айастан». 1986. № 12.

ОН СУМЕЛ ПОДНЯТЬСЯ НА ВЕРШИНУ МИРОВОЙ ШАХМАТНОЙ СЛАВЫ

(о Тигране Петросяне)

Петросян достиг вершины исключительно благодаря своему таланту. Он был человеком, который в полном смысле слова создал себя сам и сумел из неизвестности подняться на вершину мировой шахматной славы.

Открытый, искренний характер Петросяна был таким же очаровательным, как и его уникальный стиль игры. Он понимал шахматы гораздо лучше своих критиков.

При всей своей осмотрительности Петросян нередко припи-

мал удивительные по красоте шахматные решения даже в самых ответственных партиях.

Глагорич С. Так играл Петросян. Мемориал Т. Петросяна. Спец. бюллетень // Выпуск редакции ежемесячника «Шахматный Айастан». 1988. № 1.

ПЕВЕЦ ПРОНЗИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ, ЧИСТОТЫ И ЧЕСТНОСТИ

(об Ованесе Ширазе)

Великая поэзия поражает не только тем, что она художнически пролагает новые пути и осуществляет творческие поиски. Великая поэзия велика потому, что выявляет главные, сокровенные черты национального характера. И читая Ованеса Ширазы, проникаешься мыслью о том, какой гордый и добрый, мужественный и гуманистический народ Армении. Характер армянского народа создавался в недрах нелегкой истории, он закалялся и закаляется на ветру нашей победоносной современности. О. Шираз смог в своей поэзии внутренне, с потрясающей глубиной раскрыть этот народный мир. Самобытно продолжая традиции Аветика Исаакяна, Ованес Шираз создал прекрасные стихи о матери, которые вошли в сокровищницу мировой лирики. Поэт-патриот смог так углубить этот священный для всех нас образ, что он естественно совпал с образом Родины, навсегда дорогой для людей.

Мать и Родина,
слиты в душе вы моей.
Не любить вас, не петь
о вас я не могу!

Мы и те, кто придет в мир вслед за нами, должны высвечивать и доносить до народа социальную направленность поэзии О. Ширазы, его трепетную сопричастность нашей социалистической эпохе. Строки О. Ширазы:

О война! Мы навеки
Злые руки
отрубим тебе,
Будь же мир
в человеке!
Земля!
Обратись в колыбель —

эти строки звенят сегодня в вострахах над испепеленными ливанскими деревнями, над холмами борющегося Сальвадора, над распятой солдатским сапогом Гренадой.

Мы, русские читатели, признательно благодарим Ованеса Ширазы за то, что Пушкин и Лермонтов пришли к армянскому читателю во всем обаянии их гения.

Олег Шестинский. Ованес Шираз // Литературная газета, 29 марта 1984 г.

БЕССМЕРТИЕ ПОЭЗИИ ШИРАЗА

Когда с нами был Шираз, мы были счастливы... Нет больше Ширазы, есть горе. Но он всегда с нами. Это судьба Армении и Грузии. История научила нас, чтобы в часы несчастья не покидать друг друга. Это завет наших предков; это наказ Ованеса Ширазы.

Шираз стал бессмертным еще будучи живым, и холодная рука смерти не в силах отнять его у нас. Мы любили, любим и будем любить такого поэта, будем обожествлять его. Мы слова вместе в святой любви.

Умер Шираз — святой брат поэтов всего мира. И я присутствую здесь не как гость вашего большого траура. Я вместе с вами разделяю общую скорбь. Я буду стоять рядом с вами, чтобы вместе принимать соболезнования от всех. Ведь умер брат, товарищ и мой учитель! Умер Ованес Шираз...

Мы каждодневно ждали от Ованеса Ширазы новой поэтической вспышки, радости, доброй улыбки, взлета творца и гения. Мы смерти от него не ждали. Но оказалось, что в титаническом теле Аполлона билось нежное, хрупкое сердце, которое очень легко было оскорбить. Мы все теперь разбиты этим горем.

Теряя вздыхал: «Мы все, все дети-сироты...» После смерти Гарсия Лорки, Бориса Пастернака и Галактиона Табидзе, а также смерти великого Паруйра Севака наш век не имел такой потери поэтического гения, каким был Ованес Шираз. В нем пылал огонь языка Маштоца, в его венах кипела кровь Парекаци и Кучака, а в сердце кровоточили раны Армении Абовяна. Он овладел силой Давида Сасунского, хотя в его поэзии расцветал цветок матери, имя которого — нежность. Его лирика ярко выражала тоску Комитаса и гармонию красок Маргироса Сарьяна...

На троне бессмертия найдет свое место имя этого великого творца. Поэзия Ованеса Ширазы остается с народом, остается навечно.

Морис Поцхишвили. Из глубины сердца // Советакан Айастан (на арм. яз.) 17 марта 1984 г.

* * *

ПАБЛО НЕРУДА

ЛЕГЕНДАРНАЯ, ТРУДОЛЮБИВАЯ АРМЕНИЯ

Мы прилетели в Армению, легендарную, трудолюбивую Армению. Вдали, к югу, господствуя над всей историей страны, высится снежная вершина Арарата. Сюда, как сказано в Библии, приплыл Ноев ковчег, чтобы заново заселить землю. Нелегкое дело: Армения — страна каменная и вулканическая. Армяне возделывали землю ценой невероятных усилий. Они подняли свою национальную культуру до самого высокого уровня, какой существовал в древнем мире.

Социалистическое общество создало небывалые возможности для роста и процветания этой благородной нации, прошедшей сквозь тяжкие муки. Веками турецкие захватчики угнетали и безнаказанно истребляли армян. В каждом камне, в каждой монастырской плите — капля армянской крови.

Социалистическое возрождение этой страны — истинное чудо и одновременно самое веское опровержение злобных толков о некоем «советском империализме». Я побывал в Армении на ткацко-прядильных фабриках, где работают тысячи людей, я видел грандиозные ирригационные сооружения. Я посетил многие армянские города и деревни. И везде видел армян, армянских мужчин и женщин... В Армении я повидал много интересного.

Мне думается, что Ереван, выстроенный из вулканического туфа, гармоничный, как розовая роза, — один из самых красивых городов мира. Памятным было и посещение астрономического центра в Бюрокане, где я впервые увидел почерк звезд. Тончайшие механизмы улавливают зыбкий свет звезды и записывают его на специальную ленту, как бы делая электрокардиограмму неба. Сличая записи, я увидел, что у каждой звезды свой почерк — трепетный, завораживающий и непонятный мне, земному поэту.

Пабло Неруда. Признания: я жил. Воспоминания. М., 1978.

ЖАН-ПОЛЬ САРТР

Я ВИДЕЛ РЕВОЛЮЦИОННУЮ СИЛУ АРМЯНСКОГО НАРОДА

Мне удалось подробно ознакомиться с оригинальной армянской культурой, которая проявляется и в повседневной жизни народа, и в ее древней, но в то же время молодой архитектуре. Я видел следы трагической истории армянского народа, который веками подвергался нашествиям иноземцев.

Я не ошибусь, если скажу, что Ваш народ имел не только непреодолимое мужество борьбы с захватчиками, но и каждый раз, возрождая разрушенные очаги культуры, он развивал свои национальные традиции.

Приехав в Армению, я был поражен широким размахом прогресса и возрождения республики. Электрические станции, гиганты индустрии, замечательная ирригация, поднятие целины — это проявление революционной силы армянского народа. Это является важным стимулом еще большего расцвета Армении.

На меня неизгладимое впечатление произвела столица Армении. Ереван — город подлинного проявления энергии и мужества народа. В своей жизни я не видел ни одного города, население которого за короткий исторический срок, 40 с лишним лет, перешагнуло бы с 30 до 600 тысяч человек...

Коммунист, 12 сентября 1963 г.

УИЛЬЯМ САРОЯН

В АРМЕНИИ Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ СЧАСТЛИВЫМ

В 1935 году, когда вышла в свет моя первая книга, я впервые в жизни почувствовал себя почти богатым. И тогда я решил поехать в Армению. Хотел увидеть мой народ. Узнать, о чем говорят мои соотечественники. Как они ходят по улицам, что любят...

Это было в мае. Я пробыл здесь две недели. Встретился с Ваганом Тотовенцем, Забел Есаян, Гургеном Маари. Видел Арус Воскарян. А с Чаренцем я познакомился в Москве. До этого я никогда не встречал такого человека. Какая сила в нем была! Какое величие! Как много он пережил, перечувствовал!

Когда я в первый раз пришел к нему в гостиницу, он сидел за столом и кормил виноградом маленькую девочку лет двух. Это была его дочка. «Бог мой, — воскликнул я, — такой крошке пока молоко нужно!» Мы тогда долго беседовали с Чаренцом. Он читал мне свои стихи, говорил, что, мол, ты, Уильям, армянский писатель, хотя пишешь по-английски. И он был прав. Я сам писал годы спустя: «Хотя я и пишу по-английски и родился в Америке, но считаю себя армянским писателем. Мир, который я пишу, — американский, но смотрю я на него глазами армянина. Значит, я — армянский писатель!» ...Жизнь человеческая действительно коротка, и я счастлив еще и потому, что мне шестьдесят восемь лет, и я уже трижды успел побывать на своей родине. Второй раз я был здесь в 1960 году. Подобно тому как, читая одно и то же стихотворение в разные годы, человек находит новое и незнакомое в знакомом тексте, так и я увидел много нового во второй свой приезд. Но если стихотворение — всегда неизменно, а меняешься ты сам, то страна —

это совсем другое. Особенно Советская Армения. Я вспомнил Ереван 1935 года, и мне казалось, что я попал в совершенно другой мир.

Прогресс был необыкновенный, успехи — неисчислимы. Я увидел новые дома и улицы. Встретился со своими старыми друзьями, познакомился с новыми. Два раза рисовал меня Сарьян. Армянский народ я нашел бодрым, обеспеченным, спокойным за свою судьбу.

Сегодня я вновь на родине. Это наш дом, наша земля. Это мы сами. В Армении я чувствую себя счастливым. Я вижу, как уверенно живет народ. У нас больше не будет потерь. Мы будем продолжаться. Мы будем расти людьми, которые познали самое себя, свое наследие и свой долг, будем жить честно и плодотворно. Еще по пути в Ереван в газете «Правда» я увидел снимок восстановленного храма Гарни. И это прекрасно, что мы так заботимся о своем прошлом, храним рукописи Матенадарана, старые строения. В Гегарде школьники подарили мне цветы. Я спросил одну девочку, как ее зовут. «Лау-ра!» — во весь голос крикнула она, и так громко, так гордо, так красиво... Я привез с собой пишущую машинку. Я пишу об Армении.

Через два года я вновь хочу приехать в Армению. Свое семидесятилетие я хочу встретить на земле предков. Но не в этом главная причина. Здесь я узнал, что в 1978 году мой народ будет праздновать 150-летие присоединения Восточной Армении к России. Я уже говорил о той любви, которую я испытываю к русской литературе. Я везде говорил об этом, — будь то в Армении, в Америке или любом другом уголке мира. Хочу добавить только, что я сын битлисца, Уильям Сарьян, выросший на чужбине, очень хорошо знаю, что такое судьба армянина.

Я видел армянские колонии, разбросанные по всему свету: маленькие Армении. Я видел нашу древнюю родину — Битлис. И Ван, и остров Ахтамар.

Я видел и Советскую Армению, и я могу сравнивать. Армянский народ возродился и продолжился на этой земле. Я хочу еще раз приехать в Армению, хочу принять участие в этом празднике.

Литературная Армения. 1977. № 5.

МИЦОС АЛЕКСАНДРОПУЛОС

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРМЕНИЮ

Еще Мовсес Хоренский, этот армянский Геродот, писал в V веке о своем народе: «Хоть народ мы небольшой, весьма малочисленный, слабый и неоднократно попадали под гнет чужеземного властелина, однако и наша страна гордится подвигами геросов, достойных того, чтобы их внесли в летопись».

С тех пор прошло тысяча пятьсот лет. В течение этих столетий на долю армян выпали еще более суровые испытания. Армения постоянно подвергалась нашествиям завоевателей и опустошению. Но этот одаренный народ выстоял. Несмотря на все невзгоды, армяне создали высокую культуру, сохранили национальный колорит, наконец, обрели свою социалистическую государственность в составе многонационального Советского Союза.

Я совершил несколько путешествий в Советскую Армению, соприкоснулся с древней историей и сегодняшним днем армянского народа, узнал много волнующего, интересного. И все, что я увидел и узнал там, побудило меня на этот груд, ставший для меня душевной радостью и потребностью. Надеюсь, что моя книга расширит пределы наших знаний и любви к некогда столь близкой исторически, а ныне территориально отдаленной от нас, греков, Армении.

Александропулос М. Путешествие в Армению. М., 1985.

ДЖУЗЕППЕ ГАЛАССО

ТРАДИЦИИ АРМЕНИИ ВОШЛИ В СОВРЕМЕННУЮ ЖИЗНЬ

Мы хорошо знаем Армению как страну с древнейшей культурой. В то же время мы знаем, что она, несмотря на тяжелое историческое прошлое, достигла значительных успехов во многих областях жизни. И потому рады представившейся возможности воочию познакомиться с ее древней и современной культурой...

Традиции Армении, как я успел заметить, не мертвы и пассивны, они органично вошли в современную жизнь народа. Опыт вашей республики показывает, как важно развивать культурные и духовные богатства. И в этом плане Армения является блестящим примером.

Из доклада Джузеппе Галассо на сессии Европейского общества культуры. Ереван. 1985. Литературная Армения. 1986. № 4.

НИКОЛА ИНДЖОВ

ВЫСОТЫ И ПОДНОЖЬЯ

Повсюду угощали меня черным горячим ароматным кофе, и потому запечатлелась в памяти молодая женщина, протягивающая мне чашку: в памяти, в сердце моем запечатлелась эта молодая женщина — Мать — Армения, озаренная вдохновением окружающих ее юных мужчин...

Ереванские художнические мастерские — это маленькие храмы искусства и любви! В одном углу — штатив с небрежно брошенной на него, перемазанной красками и глиной мужской рубашкой, в другом — картины или скульптуры, будто отвернувшиеся от пространства, занятого яростно спорящими людьми; крохотная кухня превращена в спальню, подобную кокабельной каюте, а по стенам бережно и артистично размещены работы московских и ленинградских друзей и, конечно, здешних коллег из соседних мастерских...

Люблю художнические мастерские! За эту простоту человеческих отношений, за то, что первое впечатление никогда тебя не обманет. Люблю за естественность обстановки, где все к месту, где нет ничего лишнего и полностью отсутствует какое бы то ни было чувство превосходства над случайно забредшим сюда гостем. Люблю художников — это все люди работающие и одаренные необыкновенной житейской опытностью, ведь художник, как правило, все в доме делает своими руками. Каждая полка, шкаф, детская люлька, вешалка, столик для телефона — все это сработано соответственно, со вкусом, с фантазией...

Уже много лет тому назад, впервые отправляясь в Армению, я нес в сознании своем личное представление об этом крае, возникшее на основе исторических сведений и детских впечатлений. Каждый болгарин, вспоминая свое детство, непременно вспомнит и своих армянских друзей — Гранта или Оника, которые росли вместе с ним на одной улице, вместе с ним ходили в школу и все же оставались какими-то загадочными, говорили со своими близкими на непонятном языке, посещали островерхую церковь из красноватого камня и с подчеркнутым уважением относились к своим родным — к дядям и тетям, съезжавшимся по праздникам в Софию из разных мест, все больше из Пловдива; а летом армянские ребята всегда были чем-то заняты, всегда работали — или на строительстве, или помогали взрослым в сапожных и часовых мастерских и провиантальных маленьких фотоателье. И все эти мои сверстники и приятели связывались в моем детском представлении с бессмертным стихотворением Пейо Яворова...

И это невольно приводило к мысли о том, что армянский народ имеет великое прошлое... А потом, уже в зрелые годы, пришло ощущение, что в современной Армении очертания будущего ясные, четче силуэтов минувшего. И в конце концов они были правы, эти молодые художники, утверждавшие, что современная живопись создается именно здесь, на их родине...

А чудесное видение женщины с чашкой ароматного кофе все не оставляло меня, и невольно представлялась молодая армянка и чашка кофе, дружески протянутая — Пушкину, Лермонтову, Баратынскому... Анна Абамяк, та самая, о которой писал с восхищением И. П. Мятлев: «Вы так и веете востоком!» Образ этой женщины сохранен в рисунках русских поэ-

тов и художников, сохранен в бессмертных стихах классической русской поэзии...

И это не просто факт истории русской литературы, это одно из ярких свидетельств духовной близости между армянским и русским народами. Таких свидетельств много. Но я говорю именно об этой женщине, потому что меня не покидает воспоминание — все стоит перед глазами, как живая, молодая женщина в кругу мужчин, протягивающая мне чашку кофе — так я представляю себе армянку. В этом жесте столько нежности, женской и материнской, столько теплоты и заботливости, что начинаешь понимать ту силу верности, с которой женщины этого народа следовали за мужчинами по дорогам судьбы. Верность семейному очагу — вот ярчайшая черта армянского национального характера...

Впервые я приехал в Армению в 1967 году. Муза поэзии в то время была ко мне особенно благосклонна. Писалось легко — стихи рождались в самолете, в вагоне поезда, в гостиничном номере. Вот несколько строф, написанных мною в те дни:

И я душою отдохнул,
И тень креста была крылата,
И легкий ветер с Арарата
К армянской траншее порхнул.

И щедрость осени светла,
И время сподит воедино
Высокий свет Эммануила,
Вино и хлеб, и твердь стола...

Сегодняшняя Армения...

Мне вспоминаются люди с густыми бровями, горбоносые, крепкие. В памяти живет выражение их глаз, а черты их лиц растворяются в извечном смещении древнего и нового, еще не рожденного. Каменный свод — вот как я представляю себе суть армянского народа. Народ, вмещающий в себя историческое пространство — от шенгавитских эпох до грядущего коммунистического будущего. Один из немногих народов современности, которые кажутся вечными именно потому, что исходят из глубины истории человечества и устремлены к высочайшим просторам будущего.

Никола Инджов. Высоты и подножья // Литературная Армения. 1988. № 3.

ЛУИДЖИ МАЛЕРБА

ПУТЕШЕСТВИЕ В СОВЕТСКУЮ АРМЕНИЮ

Далеская Армения — прошедшая долгий путь исторических оскорблений, разграбленная, преданная истории и географией, стиснутая соседством беспокойных и агрессивных империй, —

возможно, именно в этом заключается причина того, что из 15 республик Советского Союза Армения, несомненно, наиболее гордо и крепко привязана к своим собственным национальным мечтам. Необычайно жизнеспособная, одаренная талантом, способностью к стремительному творчеству, привлекательностью, Армения и сейчас больше, чем когда-либо, пограничная страна, а это означает новые беспокойства и новые тревоги...

Из окна этнографического музея, с холма, где возвышается монумент, увековечивающий память жертв геноцида 1915 года, из окна автомашины, с балкона ресторана, словом, отовсюду видна вершина горы Арарат. По ту сторону библейской горы-ковчега, на территории, находящейся под владычеством Турции, создана американская ракетная база — новое оскорбление и угроза армянской нации. Арарат находится в пределах Турции, но изображен на гербе Армении. «Почему на своем гербе вы изображали гору, находящуюся на нашей территории?» — спрашивают турки. Армяне отвечают: «А почему вы изображали на своем гербе луну?»

Из столицы Еревана берет начало одно шоссе, которое ведет к турецкой границе — по направлению к Арарату, и обрывается точно в центре долины, преграждая путь в плодородные земли исторической Армении. Здесь никто не признает эту границу, скрепленную печатью измены истории. Но тем не менее необходимо жить, обрабатывая каменные горы и ущелья, и таким способом пядь за пядью завоевывать землю. Создают чудесные белые вина и крепкий коньяк, который экспортируется за пределы республики. Земля для винограда завоевывается очень медленно, с потом и большими мучениями.

В ереванском Матенадаране — музее древнейших рукописей и книжной живописи — сохраняются собранные из монастырей, библиотек, у частных лиц шедевры — более чем 10 000 рукописей, в числе которых находим одну из древнейших рукописей «Геометрии» Евклида, единственные рукописи работ Зенона Элейского «О природе» и Евсия Кесарийского «Хроника»...

Удаляясь от Еревана на несколько километров, под палящим солнцем кое-как добирася до каменного и пыльного холма, где возвышается каменный монумент, увековечивающий армянский алфавит и его создателя. Потом посещаем могилу Маштоца, которая находится в церкви, построенной на народные средства в XIX веке в его память. Матенадаран тоже носит его имя.

Во время посещения Эчмиадзинского престола католикос показал нам хранящееся в сейфе «богатство» — полностью отличный из золота армянский алфавит, буквы которого украшены огромными рубинами и изумрудами. Перед встречей в университете ректор подарил мне книжку, где на четырех языках рассказывается о жизни и творениях Месропа Маштоца. Из нее узнаем, что Маштоц, так же как и отцы славянского алфавита — болгары Кирилл и Мефодий, был причислен к лику

святых. Имя Месропа Маштоца всегда присутствует в памяти армян, в их представлениях, словах...

Эти армяне, признаюсь, пленили меня. Никакой напыщенной бюрократии, но предпринимчивости и красивая гордость, замешанная на улыбке и склонности к повому. Удивительный народ, в глубине души которого сохраняется идущее из глубин веков чувство собственного достоинства и благородства.

Из статей Лунджи Малербы в итальянской газете «La Repubblica». С некоторыми сокращениями опубликованы в газете «Гракан терг» 9 октября 1987 г.

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ВАМ

Я всегда был искренним другом армянского народа и сторонником его борьбы за единение и независимость, и лишь за мое кратковременное пребывание здесь я понял, как бессмертна ваша история, насколько богата ваша культура и как в течение многих веков вы боролись, чтобы сохранить ее.

Мне кажется, что если я был бы армянином, я гордился как исторической Арменией, так и Арменией сегодняшнего дня. Не будет преувеличением сказать, что современная Советская Армения находится на пути превращения в страну красоты и культуры, к чему стремилась вся история армянского народа.

Я думаю, что это не преувеличение. После того как я повидал ваши красивые села и города и исторические памятники, я убедился, что скоро вы станете одним из красивейших и процветающих государств мира.

Ваше трудолюбие, умелость, художественное мастерство, высокий эстетический вкус и подлинно народное искусство, и также ваше тонкое знание ремесел, передающееся творцам промышленности вашего нового общества, — залог того, что будущее принадлежит вам.

Правда, 18 сентября 1957 г.

ТАКАЕСИ СИМИДЗУ

НА ДУШЕ СРАЗУ СТАЛО ТЕПЛЕЕ...

Армения удивительная страна. Очень многое здесь напоминает мне мою родину. В армянской народной музыке и в живописи армянских художников я пахожу много выразительных

особенностей, которые хорошо знакомы мне по японскому искусству. Наверно, в этом и есть проявление общечеловеческой сущности и назначения искусства.

Запомнилось мне здесь очень многое: и Севан — он был очень суровым, наверно, из-за дождей, и древние храмы и церкви... Я очень полюбил великого армянского поэта Ованеса Туманяна. Его обязательно нужно перевести на японский язык, чтобы народ Японии прочитал и узнал этого замечательного поэта. Запомнился мне и этнографический музей в Сардарапате, и Матенадаран — яркое свидетельство древности армянской цивилизации.

Но что произвело на меня особенно неизгладимое впечатление — это большое панно в Республиканском центре эстетического воспитания с рисунками японских детей. У меня на душе сразу стало теплее, я очень обрадовался, что язык искусства сумел сблизить армянских и японских детей, стал посланником мира и дружбы между нашими народами...

Из интервью профессора Такаеси Симидзу после посещения Армении в 1987 г. // Коммунист, 7 июня 1987 г.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА (1941 — 1945)

ОБ УЧАСТИИ ВОИНОВ-АРМЯН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Время показало, что интернациональная, братская дружба народов СССР — великая сила. Это убедительно проявилось в ходе социалистического строительства, в огненные годы Великой Отечественной войны.

В рядах героической Советской Армии и в партизанских отрядах плечом к плечу с представителями всех наших республик сражались сотни тысяч воинов-армян, показывая образцы мужества и храбрости. Около 70 тысяч из них награждены боевыми орденами и медалями, свыше ста удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Талантливыми военачальниками проявили себя прославленный маршал, дважды Герой Советского Союза И. Х. Баграмян, Герои Советского Союза Адмирал Флота Советского Союза И. С. Исаков и Главный маршал бронетанковых войск А. Х. Бабаджанян, маршал авиации С. А. Худяков (Ханферянц) и другие славные сыны армянского народа.

Маршал Советского Союза *Д. Ф. Устинов*. Из выступления на юбилейном заседании, посвященном 150-летию вхождения Армении в состав России. Ереван. 14 октября 1978 г. // Правда, 15 октября 1978 г.

ПУТЬ СОВЕТСКОГО ПОЛКОВОДЦА

(о Маршале Советского Союза И. Х. Баграмяне)

В годы гражданской и Великой Отечественной войны из народной толпы вышло немало прославленных полководцев. Среди них одно из видных мест занимает Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян.

Ярка и богата событиями жизнь этого человека, прошедшего путь от рядового солдата до Маршала Советского Союза. Он воевал в первую мировую войну, во время гражданской — участвовал в завоевании Советской власти в Закавказье. В годы Великой Отечественной войны Иван Христофорович руководил боевыми действиями крупных оперативных объединений советских войск.

В течение тридцати пяти лет я имел счастливую возможность близко соприкоснуться с Иваном Христофоровичем по службе и в личной жизни. В довоенные годы мы вместе учились в Академии имени М. В. Фрунзе и в Академии Генерального штаба, служили в одном военном округе. В Великую Отечественную войну мне довелось быть участником многих операций, в руководстве и проведении которых крупную роль играл генерал Баграмян. Поэтому я охотно взялся за перо, что-

бы кратко рассказать об основных вехах его жизни и полководческой деятельности.

Молодые годы. Иван Христофорович Баграмян родился 2 декабря 1897 года в городе Елизаветполе (ныне Кировабад Азербайджанской ССР) в семье железнодорожного рабочего-армянина. С 1907 года учился в двухклассном железнодорожном училище, по окончании которого поступил в Тифлисское железнодорожное техническое училище. В начале 1915 года, закончив учебу, Иван Христофорович в течение нескольких месяцев работал на железной дороге техником участка службы пути станции Елизаветполь. В конце 1915 года он вступил добровольцем в действующую армию. После обучения в запасной части Баграмян был направлен рядовым во 2-й Кавказский пограничный полк. Храбрость, проявленная в боях, и желание получить военное образование послужили причиной откомандирования Ивана Христофоровича накануне Февральской революции в Тифлисскую школу прапорщиков. Окончив ее в июне 1917 года, прапорщик Баграмян получил назначение младшим офицером на Кавказский фронт в 3-й армянский стрелковый полк, где его и застала Октябрьская революция. В конце 1917 года Баграмян был откомандирован во вновь сформированный 1-й армянский конный полк, дислоцировавшийся в Карской области.

В этом полку поручик Баграмян командовал эскадронном. В мае 1920 года он вместе с другими революционно настроенными солдатами и офицерами руководил действиями конного полка, выступившего в поддержку восставших рабочих в Александрополе (ныне Ленинакане). Однако восстание потерпело поражение.

В 1923 году Иван Христофорович Баграмян был назначен командиром кавалерийского полка, которым командовал свыше семи лет. Ленинаканский кавалерийский полк занимал в то время одно из первых мест в войсках Закавказья. В эти годы И. Х. Баграмян избирался депутатом ряда городских Советов, в том числе и столицы республики — Еревана.

Незаурядные способности Баграмяна, боевой опыт, желание получить высшее военное образование привели Ивана Христофоровича в военную академию...

К вершинам боевого искусства. В апреле 1931 года Иван Христофорович Баграмян, отлично выдержав вступительные экзамены, был принят в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Здесь я впервые встретился с ним. Высокий, с безукоризненной строевой выправкой, общительный и остроумный, он быстро завоевал уважение и авторитет среди слушателей. Однокурсники Ивана Христофоровича помнят его как одного из самых развитых и способных слушателей академии. Почти по всем дисциплинам у него были отличные успехи. Слушатели отделения, на котором учился Баграмян, избрали его старшиной отделения. Надо сказать, что еще во время обучения в академии Иван Христофорович предпочитал командирскую деятельность штаб-

ной. Академию имени Фрунзе Иван Христофорович окончил в 1934 году в числе первой пятерки. Затем, до осени 1936 года, он был начальником штаба кавалерийской дивизии в Киевском военном округе. Мне, работавшему в то время в штабе округа, приходилось часто встречаться с И. Х. Баграмяном в полевых поездках, военных играх, маневрах и учениях. Командование округа почти всегда давало высокую оценку работе Ивана Христофоровича и возглавляемого им штаба.

В 1936 году была создана Академия Генерального штаба. В первый ее набор округ выделил Баграмяна и еще нескольких командиров, в том числе и меня. После успешного окончания Академии Генерального штаба Иван Христофорович был оставлен старшим преподавателем кафедры общей тактики. С 1938 года до осени 1940 года И. Х. Баграмян все свои силы отдал делу подготовки кадров высшего состава. В этот период командование аттестовало И. Х. Баграмяна как очень способного педагога, обладавшего широким военно-теоретическим кругозором и большой общей эрудицией.

В 1939 году Иван Христофорович Баграмян вступил в ряды Коммунистической партии. Осенью 1940 года, после ряда настоячивых просьб, он был переведен в Киевский военный округ. Накануне войны полковник Баграмян стал начальником оперативного отдела — заместителем начальника штаба Киевского военного округа.

В огне Отечественной... В ожесточенном сражении, разгоревшемся в конце 1941 года на Украине, войска Юго-Западного фронта нанесли большие потери противнику, задержали на значительное время его продвижение. Вражеский план захвата Киева и переправ через Днепр в первой декаде июля провалился. Но все же немецкой танковой группе 11 июля удалось выйти к реке Ирпень, по которой проходил передний край Киевского укрепленного района...

За заслуги в проведении Киевской оборонительной операции Ивану Христофоровичу было присвоено звание генерал-майора...

В конце декабря 1941 г. Баграмяну присваивается очередное звание генерал-лейтенанта. А когда весной 1942 года главнокомандующий войсками юго-западного направления становится одновременно и командующим Юго-Западным фронтом, начальником штаба этого фронта назначают генерала Баграмяна. В июле 1942 года он назначается командующим 16-й армией Западного фронта. Большой практический опыт, полученный на штабной работе во время войны, значительно помогал молодому командарму вести успешные боевые действия. Искусство управления войсками в сложной обстановке особенно проявилось у генерала Баграмяна в армейской наступательной операции на Брянском направлении в феврале — марте 1943 года. За успешные действия в этой операции в апреле 16-я армия

была переименована в 11-ю гвардейскую, а ее командарм награжден полководческим орденом Кутузова 1-й степени...

В ноябре 1943 года И. Х. Баграмян назначается командующим 1-м Прибалтийским фронтом...

Весной 1944 года войска 1-го Прибалтийского фронта совместно с тремя Белорусскими фронтами, с соблюдением чрезвычайных мер маскировки, приступили к подготовке летней наступательной операции под кодовым названием «Багратيون». Ее цель заключалась в разгроме войск группы армий «Центр» и освобождении Белоруссии. Войска фронта, которыми командовал генерал Баграмян, при содействии войск соседнего 3-го Белорусского фронта должны были уничтожить витебско-лепельскую группировку противника и быстрым продвижением на запад создать выгодные условия для наступления против неприятельской группировки в Прибалтике.

В подготовке и проведении Белорусской операции раскрылись выдающиеся способности генерала Баграмяна как командующего войсками фронта...

14 сентября 1944 года концентрическим ударом на Ригу с трех направлений началась Рижская операция. Успешное наступление армий 1-го Прибалтийского фронта на рижском направлении встревожило фашистское командование. Чтобы задержать советские войска, оно предприняло два контрудара — один из района юго-западнее Елгавы и другой — из района Балдоне. Однако войска фронта не только отбили атаки противника, но и овладели 24 сентября городом Балдоне.

5 октября 1944 года войска 1-го Прибалтийского фронта неожиданным для противника ударом из района Шяуляя прорвали вражескую оборону. 10 октября они вышли на побережье Балтийского моря в районе Мемеля.

Внезапный сокрушительный удар войск 1-го Прибалтийского фронта на Клайпеду закрыл путь прибалтийской группировке противника в Восточную Пруссию. Свыше 30 дивизий оказались отрезанными в Курляндии.

В январе 1945 года Советские Вооруженные Силы возобновили стратегическое наступление на широком фронте — от берегов Балтийского моря до Карпат. Одной из важнейших операций того периода была Восточно-Прусская. Разгром сильной группировки противника и овладение Восточной Пруссией были возложены на 2-й и 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты.

21 февраля 1945 года по распоряжению Ставки командование 3-м Белорусским фронтом принял Маршал Советского Союза Василевский, ранее координировавший действия 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. 1-й Прибалтийский фронт был упразднен. Генерал Баграмян назначен заместителем А. М. Василевского. Штурму крепости предшествовал трехдневный артиллерийский обстрел. Общая атака началась 6 апреля, а 9 апреля наши войска овладели крепостью Кенигсберг.

В этом сражении советские войска нанесли огромные потери врагу и захватили в плен свыше 90 тыс. человек во главе с комендантом крепости. Впервые в истории современных войн крепость, гарнизон которой по численности был равен количеству штурмовавших войск, была взята за трое суток. Это явилось прямым следствием блестящей организации и подготовки войск к штурму.

Успехи войск Советской Армии в весенних операциях 1945 года, в том числе и в Восточно-Прусской, привели к разгрому фашистской Германии и к ее капитуляции.

За выдающиеся заслуги в завершающих войну операциях генерал армии Баграмян был награжден еще одним полководческим орденом — Суворова 1-й степени.

Широкий диапазон мышления и практической деятельности И. Х. Баграмяна составлял характерную черту его полководческой деятельности в годы минувшей войны.

Правительство высоко оценило заслуги полководца. В годы Великой Отечественной войны генерал Баграмян был награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, двумя орденами Суворова 1-й степени и рядом медалей. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В мирные дни. После войны генерал армии И. Х. Баграмян девять лет командовал войсками Прибалтийского военного округа. Иван Христофорович заслужил популярность и уважение не только у командиров и солдат округа, но и среди населения прибалтийских республик. Народ Советской Латвии дважды избирал Ивана Христофоровича депутатом в Верховный Совет СССР. Крепкие нити связывают Ивана Христофоровича с трудящимися Азербайджана и Армении.

Благодаря выдающимся способностям по руководству войсками и их обучению, умению в учебе сочетать опыт минувшей войны с особенностями современных средств борьбы, в мае 1954 года генерал Баграмян был выдвинут на пост Главного инспектора МО СССР. А через год Иван Христофорович стал заместителем Министра обороны и ему было присвоено высокое звание Маршала Советского Союза. В 1956 году ЦК Коммунистической партии и Правительство Советского Союза назначили маршала Баграмяна начальником Высшей военной академии. С присущей ему энергией Иван Христофорович взялся за обучение высшего командного состава Вооруженных Сил.

В 1958 году Ивану Христофоровичу поручают новый ответственный пост. Он назначается заместителем министра обороны — начальника тыла Вооруженных Сил.

Генерал-полковник *И. Сандалов*. Путь советского полководца // Военно-исторический журнал. 1967. № 11.

АДМИРАЛ ИСАКОВ

При обороне Туапсе получил тяжелое ранение мой заместитель адмирал И. С. Исаков, бывший в то время членом Военного совета Закавказского фронта. В роковой для него день, 4 октября 1942 года, Иван Степанович телеграфировал мне из Тбилиси: «Выехал с командующим Закавказским фронтом в Туапсе для организации наземной операции в районе Хадженской».

Близ Туапсе машины, на которых ехали Исаков и командующий Закавказским фронтом генерал армии И. В. Тюленев, заметила шестерка «мессершмиттов». Самолеты начали пикировать на автомобили. Крупный осколок бомбы угодил Ивану Степановичу в левую ногу. Раненого отправили в Сочи. Ногу пришлось ампутировать. Однако опасность для жизни не миновала...

Ивана Степановича удалось спасти. Он еще долго и плодотворно работал для нашего флота...

Я много думал об этом незаурядном человеке. Перебирал в памяти долгие годы совместной службы, наполненные одним желанием — сделать все возможное для развития и укрепления нашего Военно-Морского флота. Иван Степанович был человеком высокой культуры, энергичным, трудолюбивым. Он очень много сделал для советского флота.

Адмирал *Кузнецов Н. Г.* На флотах боевая тревога. М., 1971.

С МАКСИМАЛЬНОЙ САМООТДАЧЕЙ

(об Адмирале Флота И. С. Исакове)

Флотскую форму он надел в двадцать лет — возраст, когда в матросы уходит почти все мужское население всякого приморья.

Но Исаков — уроженец гор. Он сам однажды пошутил, что ему на роду было написано стать если не пастухом, то бродягой или странником. С детства он запомнил рисунок французского художника в журнале «Иллюстрацион», эффектно, хотя и с искажением перспективы, изобразившей подрыв на японских минах в Желтом море весной 1904 года броненосца «Петропавловск»: вздернутая дыбом корма корабля и русские матросы на его обнаженных гребнях винтах, как на лопастях работающей мясорубки, — это зрелище врезалось в душу мальчика навсегда, но не отвратило его от моря и флота...

Вспоминая как-то своих предков и детство, Исаков рассказывал, что его прадед был перомонах в Восточной Армении, а

дед — мельник в одном из сел под Гянджой*. «Но ради бога не пишите, что дед был мельником, хоть и сто лет тому назад, — с лукавым испугом предупредил рассказчик. — Дед-мельник, даже бедный мельник — кадровики этого не вынесут...» Шутка — в мапере Ивана Степановича, всегда склонного к самоиронии.

Но шутки шутками, только от предков своих — и по отцу, и по матери — Исаков не унаследовал ни титулов, ни мельнич. Его родичи были бедны и невезучи, как и весь истощаемый большими и малыми войнами, всыпками религиозных распрей и межнациональной розни народ, зажатый между Османской Турцией, подбританской Персией и империей Романовых. Зато он унаследовал от родичей исключительное трудолюбие, упорство и острый, восприимчивый к наблюдениям и знаниям ум.

Дед сумел определить отца Ивана Степановича в тифлискую гимназию, но средств для ее окончания не было, и отец стал дорожным техником — добротная профессия для Кавказа, где строили немало дорог. Когда началась русско-турецкая война, он пошел охотником в русскую армию, служил, зная турецкий, переводчиком в штабе, потом строил дороги в горах, важные для вывоза раненых. Воинский начальник в Карсе вручил ему гражданский орден — Станислава 4-й степени...

В Карсе он встретил северянку Иду Антоновну Лауэр, красивую и образованную женщину из знаменитого своим университетом города Эстляндской губернии Дерпта. Ида Лауэр выросла на хуторе, арендуемом ее многодетным отцом у богатого барона. После окончания гимназии она пошла гувернанткой в военно-чиновничью семью. С этой семьей Ида Антоновна и приехала из Петербурга на Кавказ, где вышла замуж за остроумца и веселого человека, мало приспособленного к военной службе и к предпринимательству. А ему, когда жена родила троих детей, не терпелось по-новому построить свою жизнь и разбогатеть. В поисках удачи он скитался из города в город, устроил жену и детей в Тифлисе на попечение ее брата-холостяка, а сам осел в развивающейся нефтяной столице Баку техником на строительстве осушительного канала на нефтеносных землях Апшеронского полуострова...

В конце октября, когда фашисты выдохлись и перешли к осаде, Исакова отозвали в Ставку. Он летел из осажденного Ленинграда в осажденную Москву с полковником Преображенским, бомбившим Берлин: есть сила, если бомбим Берлин!

* Имеется в виду древнеармянское село Геташен. Во время карательной операции «Кольцо» в апреле—мае 1991 г. частями 23-й дивизии 4-й Армии Закавказья и дивизии МВД СССР совместно с азербайджанскими омовцами было разгромлено, а население подвергнуто насильственной депортации. Среди жителей села было много убитых, раненых (по данному вопросу см.: *Владимир Емельяченко*. Свидетельство: в Геташене была бойня // Московские новости. 12 мая 1991 г.; *Лидия Графова*. Необходим новый Нюрнберг // Демократическая Россия. 1991. № 13).

...Три чайки с убирающимися шасси прикрывали до Новой Ладоги от мессеров.

В Москве — фронтовая жизнь. Улицы в сугробах и баррикадах. Ольга Васильевна в Куйбышеве — учреждения эвакуированы. Остались штабы — ночью метрополитен отдан штабам.

Через месяц самолет перебрасывает его в Тбилиси, в помощь Закавказскому военному округу и Черноморскому флоту в разработке десанта в Керчь. Ему и карты в руки — знает театр наизусть с тех пор, когда восвал в Реввоенсовете за укрепление обороны баз и берега. Жизнь, увы, показала его правоту.

Но опять срочный вызов в Ставку: после Пирл-Харбора обострилась угроза на Тихом океане. Япония выжидала финала под Москвой — Москва выстояла, немцев погнали, но угроза Дальнему Востоку осталась. Ставке известно, что разгром американцев в Пирл-Харборе подтвердил давние оперативно-стратегические прогнозы Исакова. В третий раз он едет на Тихий океан. Верховный главнокомандующий сказал ему перед командировкой: «Вы уже много повоевали, так поезжайте и посмотрите, чтобы нам не устроили Пирл-Харбора»... На Тихом помотался по морям и бухтам, поработал, как на действующем флоте. И снова — срочно в Ставку...

Северо-Кавказское направление перестало существовать. Создан Закавказский фронт. В личное дело замнаркома Исакова идут подряд три адресованных ему документа: о его назначении заместителем командующего Закавказским фронтом и членом Военного совета, при этом его обязанность — координировать действия Черноморского флота и Каспийской флотилии с войсками фронта; о переводе морской группы в Тбилиси и об оперативном подчинении Черноморского флота командованию Закавказского фронта...

Там, в горах, на переднем крае, где решалась судьба Кавказа, был тяжело ранен адмирал Исаков — теперь там школа его имени и музей.

О ранении он писал мне лаконично позже — ни он, ни Ольга Васильевна не любили об этом вспоминать: «Ранен авиабомбой на перевале Гойтх, когда в октябре 1942 г. немцы его преодолели...» И опять он собрал все силы и стал выздоравливать. Ольга Васильевна была рядом неотлучно, как и все четверть века последующей борьбы за жизнь...

Зимой Исаков, не покидая палаты, начал работать, и может быть, в этом было его спасение. А в мае сорок третьего года, отбросив изготовленный для него, но неудобный при такой ампутации протез, он вернулся на костылях в Москву. Он писал генералу Тюленеву осенью: «Сегодня исполнился год со дня моего ранения, когда я выпал из тележки. Конечно, я предпочел бы быть на двух ногах и работать с тобой или на другом фронте, но даже то, что я сейчас могу работать в Москве и как-то приносить пользу общему делу разгрома врага, — и то

хорошо. Могло бы это кончиться небольшим памятником в Сочи или в Тбилиси. Поэтому я доволен и признателен тем, что отодвинул немного устройство памятника, и хорошо понимаю, что кроме Петрова или Джанелидзе много обязан тебе... Первое время я очень тосковал без ответственной работы. Быть на положении почетного зама тяжело, а в военное время особенно. Но к моему удовлетворению, неожиданно получил назначение в правительственную комиссию (по совместительству), работа исключительно интересная и ответственная... Сейчас под моим водительством печатают (впервые) и будут выходить сборники по опыту войны (морские). Зная твой интерес к флоту, буду посылать тебе».

Снова один за другим в морских журналах и отдельными изданиями появляются его труды-исследования опыта второй мировой войны — «Авантюризм германской морской стратегии», «Рейд на Дьен», а потом и «Военно-морской флот в Отечественной войне», выпущенный большими тиражами в Госполитиздате и в Военно-морском издательстве в 1944 и 1945 годах. Одновременно он поглощен капитальным трудом о «Приморских крепостях» — старая его тема подкреплена свежим опытом второй мировой войны.

Объем сделанного им в последние годы войны огромен. Научные труды по-прежнему сочетаются с разносторонней военной и государственной деятельностью. В сорок четвертом году ему присваивается высшее воинское звание — Адмирал флота. Правительство вводит его в комиссию, готовящую условия капитуляции Германии, — победа близка.

Ходила легенда, связанная с его отказом вторично занять пост начальника Главного морского штаба, — надо ездить на флоты, а у него только одна нога. Будто ему было сказано, что лучше с одной ногой и светлой головой, чем с двумя ногами, но без головы. Он действительно был на этой должности десять месяцев, работал по восемнадцать часов в сутки, пока в 1946 году его не свалила мучительная боль.

Четверть века его второй жизни удивительно выявили его многосторонний дар. Но главное — в полную меру открылся талант его характера. Да, талант характера, вобравшего огромный запас жизненной энергии и ясных воззрений на мир и обязанности человека перед обществом за годы двух революций, четырех войн и последней, самой мучительной и долгой, но и самой радостной войны с самим собой, с недугами, с природой, кажется, не уступающей ему ни яды пораженного организма. Воли, одной воли человеку мало в этой войне, если нет внутренней насыщенности убеждениями, знаниями, культурой и потенциальных способностей ума. Необходимость выбора стояла перед ним не раз, совесть, опыт, интуиция не раз подсказывали ему верный курс. Теперь, в зрелом возрасте и на взлете фортуны, решала выбор возможность самоотдачи.

Как честно и с максимальной самоотдачей использовать остаток жизни? Ради чего существовать? Что он, вопреки недугам, способен сделать в полную силу? Он член-корреспондент Академии наук СССР, увенчан лаврами, орденами, Золотой Звездой Героя, маршальской звездой, но не в его правилах занимать место, где другой, более сильный и свежий талант, может дать больше. Он щедро советовал, отдавал накопленный опыт другим, не терпя скопидомства и собирательства, щедро одаривал редкими находками каждого, кто не праздно, но глубоко вникал в историю или подхватывал идею, им выношенную, но теперь для него непосильную.

Так, он написал в соавторстве с офицером Леонидом Еремеевым книгу «Транспортная деятельность подводных лодок», задуманную, вопреки господствовавшим взглядам, еще до войны и, по его убеждению, остро необходимую в наше время. Так он передал другим завершение всемирно признанного «Морского атласа» — им задуманный, им организованный труд — и сильный коллектив, пущенный в главное плавание, — до последнего тома. Так он заметил и поддержал таллинского инженера Корсунского, любителя истории кораблей, не только открывшего ему судьбу «Изяслава», погибшего в Локсе в сорок первом под именем «Карл Маркс», но и вовлекшего при всех выживших изяславцев в благородную борьбу за очищение от наветов доброго имени приморских жителей Локсы, спасших из огня последний экипаж эсминца.

Так он раздавал людям — по выбору! — книги, реликвии, сюжеты, свои замыслы, ничуть не заботясь об авторстве и приоритете, больше озабоченный продолжением начатого или найденного, — он понимал ограниченность срока жизни...

В госпиталях — а Иван Степанович часто попадал в госпитали на повторные, но бесплодные операции — он не расставался с карандашом и бумагой. Утром ли, ночью ли, — а ночи были бессонные, хотя часто он притворялся спящим, чтобы избавиться от уколов или чтобы угодить экспериментаторам лечения электросном, — он записывал беспокоящие его мысли, адресуя их Ольге Васильевне, полвека он так ее любил, что никому не простил бы малейшей обиды, нанесенной ей.

23 мая 1954 года он записал: «Воскресенье, утро. Все-таки пенсиправим. Размечтался — сколько сделано во время отпуска, а сколько после. И это не патологическое. Потребность: без осуществления замыслов — неоправданно, ради чего все переносил? ради чего остался живой?.. Надо обязательно успеть сделать много полезного для народа, для государства... и тем самым для себя и тебя. Только надо вытравить остатки тщеславия от своей полезности. Надо успеть помочь другим».

И вот он пришел к решению — писать рассказы...

Рудный В. Долгое, долгое плавание. М., 1974.

(о Главном маршале бронетанковых войск
А. Х. Бабаджянне)

Шла к концу Великая Отечественная. Гремели над Москвой победные салюты в честь войск 1-го, 3-го Белорусских фронтов, 1-го Украинского под командованием прославленных полководцев Жукова, Василевского, Конева...

Давно это было. Уже давно. Но пролегли через столицу — навсегда — улицы и проспекты: Маршала Жукова, Маршала Василевского, Маршала Конева...

Там, где проспект Маршала Жукова стыкуется с улицей Мневники, неподалеку от Окружной железной дороги, недавно появилась новая площадь — площадь Маршала Бабаджяна.

Часто приезжаю на этот московский перекресток. И всякий раз подолгу стою здесь, вспоминая человека, именем которого названа эта площадь. Будто еще вчера мы говорили с ним — живым...

Как дорогую реликвию храню газетные вырезки военных лет. Вот специальный выпуск 2 мая 1945 года — приказ Верховного Главнокомандующего:

«Войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлином...

Сегодня, 2 мая, в 23 часа 30 минут в честь исторического события — взятия Берлина советскими войсками — столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам...»

Далее в приказе перечисляются войска, отличившиеся в боях за овладение Берлином. Среди них — танкисты полковника Бабаджяна...

А вот пожелтевшая фотография: маршал Г. К. Жуков с генералами А. Х. Бабаджяном и П. А. Гаркушей. Под фотографией дата — 1945 год. Амазасп Хачатурович говорил, что этот снимок сделан в Берлине вскоре после победы.

Он окончил войну полковником. 11-й танковый корпус, которым он командовал, участвовал в штурме имперской канцелярии. Он был полковником, а на груди его помимо Звезды Героя Советского Союза уже тогда было два полководческих ордена, которыми по статусу награждались генералы, — Суворова I и II степени.

Минули десятилетия. В своих воспоминаниях о Великой Отечественной маршал Бабаджян писал:

«Сегодня нас, военных, поставили охранять покой и труд народа, и нам нужно быть готовыми сразиться с теми, кто

осмелится на эти покой и труд посягнуть. Вот почему нам нужно изучать уроки Победы».

«Уроки Победы» — какие емкие и точные слова! Мне довелось как литератору помогать маршалу в работе над его мемуарами, и я предложил ему сделать эти слова названием книги.

— Не скромно, — возразил он. — Пусть будет: «Дороги Победы». Я не историк, и мое дело — извлекать из истории практические уроки. И потом — Отечественная преподала нам ведь не только уроки стратегии, необходимые для дальнейшей разработки советской военной доктрины. Это были еще политические и нравственные уроки...

Весна 1944 года.

Пусть читатель простит, что не соблюдаю жесткой хронологии, не даю привычного описания боевого пути своего героя. Передо мной сейчас иная задача — стремлюсь нарисовать портрет человека, который считал Великую Отечественную «самым важным, что довелось пережить», но глядел на нее «с дистанции прошедших лет и накопленного опыта». Воевал полковник Бабаджанян, а моя задача — рассказать о нашем современнике, о маршале, о том, как, глядя в прошлую великую военную эпопею, делал он необходимые выводы, учитывая ее уроки, чтобы никакие поползновения противников мира не застали нас врасплох.

Спустя три десятилетия после победы полковник Бабаджанян стал Главным маршалом бронетанковых войск. Читатель вправе спросить, как становятся маршалами в мирное время? Ответить на этот вопрос нелегко.

Трудность задачи помогает преодолеть сам мой герой — его статьи в военных журналах, его выступления в газетах «Правда», «Известия». То есть самое, быть может, главное — его нынешний взгляд на сокровищницу боевого и стратегического опыта — Великую Отечественную войну.

Итак, весна 1944 года.

Тяжелые оборонительные бои недалеко от Днестра. 20-я мехбригада полковника Бабаджаняна с трудом удерживает натиск превосходящих сил противника, чующего свою близкую гибель и потому окончательно остервеневшего, идущего ва-банк, не щадящего ни людей, ни техники. Противнику удается вклиниться на ряде участков в нашу оборону, отдельные его группы просачиваются в наши тылы, оседают в населенных пунктах.

Вот они отбили хутор у батальона мотострелков капитана Калмыкова. В помощь Калмыкову танковый полк сумел выделить всего танковый взвод. Перед комбригом — совсем юный, с комсомольским значком младший лейтенант, командир взвода.

— Видите хутор — семь-восемь домов? — спрашивает комбриг. — На хуторе немцы. Нужно уничтожить противника. Танков у них нет, но, правда, пехоты — почти батальон.

Взводный меняется в лице, переспрашивает растерянно:

— Батальон?..

Бабаджанян резко поджимает губы:

— Я неясно говорю?

Юношеское лицо младшего лейтенанта краснеет.

— Ясно, товарищ полковник.

Бабаджанян пристально вглядывается в него: совсем еще мальчик, хоть и с офицерскими погонами.

— А по-моему, что-то все-таки тебя смущает, младший лейтенант, — говорит он, меняя тон. Взводный чувствует: из голоса комбрига исчезли гневные нотки. А Бабаджанян добавляет ободряюще:

— Батальон — это батальон. Но это же пехота, а ты танкист.

Осмелев, взводный произносит:

— В моем взводе было три танка, но теперь осталось, я докладывал, только два.

— Два, говоришь? Два танка? Но ведь это большая сила — два танка. У меня всего-навсего механизированная бригада — сборная солянка, всякая всячина, а у тебя танки! Разве можно сравнить? — с поддельным удивлением спрашивает Бабаджанян под смех присутствующих.

Смеется и младший лейтенант, вскидывает руку к козырьку:

— Есть уничтожить противника. Разрешите выполнять?

— Выполнять, друг! — Бабаджанян протягивает ему руку.

Помни: за хутором обороняется батальон капитана Калмыкова. Худо ему. Надо помочь ребятам. На тебя одна надежда и у них, и у меня...

Восемь танкистов младшего лейтенанта в тот день уничтожили до двух рот вражеской пехоты.

9 мая 1971 года маршал получил письмо. Привожу его в сокращении:

«...Пишет Вам бывший командир танкового взвода танкового полка Вашей бригады младший лейтенант И. П. Логвиненко... Хочу напомнить эпизод, имевший место... в середине апреля 1944 года.

...О действиях моего взвода на следующий день я доносил Вам. Но в донесении я не стал писать о судьбе второго танка моего взвода. Когда мы подошли к хутору, из одного дома в другой начались перебежки немцев. Я понял, что немцы, увидев нас, хотят укрыться в танконедоступных местах. Не теряя времени, оба танка на больших скоростях ворвались в хутор, на ходу стали уничтожать бегущих немцев... Увидев наши танки, Калмыков и его люди воспрянули духом. Нам стало веселее, когда к нам прибыла рота ПТР в составе 16 человек... Утром к нам прислал Ваш заместитель и передал Вашу благодарность за работу на хуторе...»

И подписал под письмом:

«С уважением к Вам офицер запаса, ныне шахтер, Логвиненко».

— Жив, жив герой! — радовался маршал. — Танки его действовали не просто героически, они артистически действовали. А какая подпись! Танкист и шахтер — подумай, сколько заложено в этом сочетании слов!..

Стою на московской площади Маршала Бабаджаняна. С проспекта Маршала Жукова в нее непрерывным потоком вливается лавина автомашин, троллейбусов, грузовиков, на мосту окружной дороги — железный яызг поездов. Площадь дышит, площадь живет...

Яков Садовский. Такая служба — побеждать.
М., 1983.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

(о маршале авиации С. А. Худякове-Ханферянце)

Мы летим на скоростном ЯК-40. Из-под крыла уплывает назад аквамаринная гладь Каспия, а впереди, за поблескивающей лентой Аракса, за зеленеющими холмами предгорий, уже встает Малый Кавказ.

— Малый Кавказ — интереснейший край! — говорит мой сосед Грант Лавопович Епископосов, профессор, знаток истории народов, населяющих этот горный массив, расположенный между Ираном и Турцией, с одной стороны, и Азербайджаном, Арменией и Грузией — с другой. — И особенно вот эта его часть, над которой мы сейчас пролетаем — Нагорный Карабах! Сколько легенд и былей хранят его горы, а сколько замечательных людей, в частности талантливых полководцев, вышло из этих мест. Вспомните героя Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенанта Мадатова, героев Крымской и двух турецких войн храбрейших генералов русской армии Бебутова, Лорис-Меликова, Лазарева... А возьмите наше время: кто не знает прославленных военачальников — Маршала Советского Союза Ивана Христофоровича Баграмяна, Главного маршала бронетанковых войск Амазаспа Хачатуровича Бабаджаняна, Адмирала Флота Советского Союза Ивана Степановича Исакова? Ведь они родились здесь, в горах Малого Кавказа!

И уже если на то пошло... — Профессор придвинулся ближе к иллюминатору. — Смотрите, внизу под нами на склоне гор разбросаны домики. Видите?.. Это древнее армянское селение Мец-Таглар. Здесь родился маршал авиации Сергей Александрович Худяков. История его жизни необычайна, загадочна — недаром в Карабахе о нем говорят: человек из легенды...

Однако на мои расспросы профессор мог только ответить:

— Многое нам пока еще не ясно. Вы — корреспондент, разгадайте эту легенду и поведайте ее вашим читателям...

И вот мы на обкомовском газике карабкаемся над зияющими пропастями все выше и выше к заоблачному Мец-Таглару. Рядом со мной в машине Сурен Агабекович Карапетян, ученый и директор Музея краеведения. В Мец-Таглар он едет открывать Мемориальный музей Худякова. Я прошу его рассказать мне об этом человеке: как случилось, что русский летчик Сергей Худяков родился в армянском селении далеко в горах Карабаха? Сурен Агабекович улыбается: «Сейчас все узнаете...»

Еще один крутой подъем, еще один поворот над пропастью, и мы въезжаем в розовый от утреннего солнца Мец-Таглар.

На фоне изумительной горной панорамы перед нами возникает серебристый памятник. Красивая голова летчика приподнята, и кажется, будто он летит в розовом небе. На мраморной доске постамента золотом выбито: «Маршал авиации Худяков Сергей Александрович — он же Ханферяц Арменак Артемович...»

Передо мной огромный приморский город-красавец с новыми широкими проспектами, с массой светлых многоэтажных зданий и архитектурных ансамблей, весь в пышной зелени садов, парков, бульваров, с улицами, сплошь оплетенными густыми виноградными лозами. Это — Баку социалистический.

А в 1916 году, придя в Баку, Арменак увидел страшное: выжженную солнцем пустыню, черный лес нефтяных вышек, мазутные болота, грязные лачуги нефтепромыслов и мрачные закопченные дома среди вечно дымящихся нефтеперегонных заводов Черного города. Это было царство нефтяных королей и полуголодных бесправных рабов...

В конце марта 1918 года в Баку вспыхнуло контрреволюционное восстание. Услышав пламенную речь товарища Степана Шаумяна, призывавшего бакинский пролетариат к оружию, Арменак вступил в отряд Красной гвардии и пошел отстаивать власть Советов.

Несколько дней на бакинских улицах шли кровопролитные бои. На глазах у Арменака вражеская пуля сразила его старшего друга Алексея.

Несмотря на разгром восстания, враги не сложили оружия и призвали на помощь интервентов. Из Турции через Малый Кавказ двинулись на Баку германо-турецкие полчища. Для защиты города от иностранных захватчиков прибыли из Советской России части Красной Армии под командованием Г. Петрова.

Именно тогда и решилась военная судьба орленка из Мец-Таглара. Однажды на плацу у Сальянских казарм увидел он боевые перестроения кавалерийского эскадрона. Гарцующие кони, лихие джигиты, сверкающие над головами клинки — все это так захватило парня, что он тут же поперсился в эскадрон...

Обстановка в Баку все обострялась: с севера приближались турки, с юга, из Ирана, готовили удар англичане.

Кавэскадрон прикрывал дальние подступы к городу, отражал частые атаки турецких авангардов. Эскадронный связной то и дело получал боевые поручения: «Ханферянци! Пакет командиру Петрову!», «Донесение Наркому обороны Карганову!», «Предсовнаркому Шаумяну!» И Арменак под неприятельскими пулями бесстрашно носился на своем Кара-Куше. Это был уже настоящий красный кавалерист, отлично владеющий карабином и шашкой. И недаром командир эскадрона, идя в конную атаку, искал глазами своего ординарца Ханферянца — где он? А он всегда был рядом...

Но война неумолимо жестока: белогвардейская пуля остановила биение сердца одного из них. Стояла осень 1919 года. Казачьи сотни генерала Мамонтова прорвали нашу оборону у Черного Яра. Части Красной Армии начали отступление, а отступать было некуда, за спиной — Волга. В те роковые минуты к берегу подлетел моторный катер. Соскочивший с него военный в кожаной куртке горячо обратился к отступавшим: «Товарищи бойцы! Вы славные, несравненные герои. Вы устали, измучились. Враг силен, но и труслив. Стоит нам сделать решительное наступление — и победа будет за нами!»

— Это был товарищ Киров, — вспоминает механик катера ветеран гражданской войны М. Т. Тутин. — С поднятым нагном Миронич увлек за собой красноармейцев: «Ура-а-а!»

Кавэскадрону Киров поставил задачу: обойти отступающую мамонтовскую конницу, повернуть ее к Волге и... утопить! Никогда бойцы эскадрона не ходили в атаку с такой радостью, никогда еще так жадно не сверкали их смертоносные клинки... И вдруг на полном карьере командир качнулся и упал головой на гриву коня. В то же мгновение его подхватил Арменак. «Товарищ командир... товарищ Худяков, айрик-джан, отец любимый...»

Подскочившие бойцы помогли уложить командира на разостланную бурку. Он сделал слабый жест рукой: «Окружить... В Волгу их...» Потом потянулся к Арменаку: «Сынок, сын мой... шашку мою возьми... Мамонтов чтобы не дознал обо мне, ты... За Худякова будь. — И совсем уже затихающим голосом: — Победы доживи, с-с-сынок...»

Не сдерживая рыданий, вскочил Арменак на коня и повел эскадрон в атаку. Со слезами на глазах, с пылающей в сердце ненавистью мстили бойцы за смерть любимого командира...

На другой день перед строем эскадрона комиссар сказал: «Последняя воля командира для нас священна. Принимай, Ханферянци, эскадрон и подпиши приказ». И Арменак подписал: «Командир эскадрона Сергей Худяков...»

Варвара Петровна Худякова рассказывает: «Начинали мы нашу жизнь с Сергеем Александровичем на Украине, в Изяславле, в 7-м кавполку, куда Худяков был назначен после окончания Тифлисской кавшколы. В комнате у нас, кроме казарменной тахты и пары табуреток, не было ничего. Все наше богат-

ство висело на стене под скромным портретом В. И. Ленина — худяковская шашка в серебряной оправе и карманные именные часы с гравировкой «Герою гражданской войны 1919—1920 гг. С. А. Худякову...»

И вдруг в конце 1928 года Худяков сказал жене: «Я решил перейти в авиацию... Часто по ночам вижу себя в Мец-Тагларе, на горе Ванк, откуда открываются такие просторы, где столько неба... В детстве меня звали орленком, почему бы мне не стать соколом?! Я, конечно, шучу, но дело в том, что кавалерия теряет свою военную привлекательность и ударную силу. Будущее Красной Армии — в технике, и особенно в авиации!»

Авиация стала мечтой Худякова, его всепоглощающей страстью — авиация, авиация, авиация! Он окончил летное училище, налетал многие сотни часов, а жажда авиационных знаний все возрастала. Наконец за спиной у него — Военно-Воздушная академия имени Н. Е. Жуковского. Отсюда и начинается замечательный путь авиатора-коммуниста — храброго летчика, боевого командира, искусного штабного специалиста, командарма...

В первые же дни Великой Отечественной войны полковника Худякова прямо из госпиталя, не снимая с него бинтов и повязок после ранения, направляют в штаб Западного фронта и назначают командующим ВВС фронта. В тяжелых условиях продолжающегося отступления наших войск авиация фронта несла большие потери, и лишь благодаря смелым и решительным действиям генерал-майора Худякова удалось не только организовать отпор превосходящим силам фашистской авиации, но и нанести им ряд ответных мощных бомбовых и штурмовых ударов. Все это, несомненно, способствовало стабилизации фронта и последующему разгрому гитлеровцев под Москвой.

В 1942 году генерал-лейтенант Худяков — один из инициаторов и создателей воздушных армий и первый боевой командарм 1-й Воздушной армии. А еще через год генерал-полковника Худякова назначают начальником штаба ВВС всей Советской Армии. На этом ответственном посту он, являясь также представителем Ставки, непосредственно координировал действия воздушных армий. В феврале 1945 года в работе Ялтинской конференции трех держав — СССР, США и Англии — принимал участие и маршал авиации Сергей Александрович Худяков.

Маковский А. Человек из легенды // Советский воин. 1975. № 19.

ВЫДАЮЩИЙСЯ КОНСТРУКТОР

(о генерал-полковнике инженерно-технической службы
А. И. Микояне)

Жизнь одного из самых известных инженеров нашей страны, члена-корреспондента Академии наук СССР Артема Ивановича Микояна неразрывно связана с большой творческой работой в области создания самолетов-истребителей.

Артем Иванович является выдающимся конструктором высокоскоростных самолетов, он является пионером внедрения реактивного двигателя в истребительную авиацию. Артем Иванович первый создал самолет с косыми крыльями, на котором была получена сверхзвуковая скорость и на котором, таким образом, впервые был перейден «звуковой барьер». Артем Иванович является первым конструктором, создавшим и внедрившим в жизнь сверхзвуковой истребитель...

Инициативная группа конструкторов, которую возглавил Артем Иванович, приступила к проектированию своего первого самолета в ноябре 1939 года.

Это было тяжелое время для нашей авиации.

Боевые самолеты, находившиеся на вооружении с 1934—1936 годов, к этому времени устарели. В то же время международная обстановка непрерывно усложнялась. Надвигалась война. Нужны были новые боевые машины, первоклассные машины, находящиеся на уровне передовых достижений мировой авиационной техники. И вот к работам по созданию самолетов-истребителей были привлечены новые молодые конструкторские бюро и инициативные группы. Именно этими молодыми новыми силами и были построены основные истребители, обеспечившие нашей авиации победу в борьбе за господство в воздухе в годы Великой Отечественной войны. Одну из новых инициативных конструкторских групп возглавил военный инженер, незадолго до этого окончивший Военно-воздушную инженерную академию им. проф. Н. Е. Жуковского, Артем Иванович Микоян.

Артем Иванович родился в 1905 году в местечке Сапани Армянской ССР. Он прошел большой трудовой путь, прежде чем стал инженером-самолетостроителем. Токарь на заводе в Ростове-на-Дону, рабочий на одном из московских заводов, комсомольский работник, по путевке комсомола направленный в армию, а затем по путевке партии на учебу в Военно-воздушную инженерную академию,— вот коротко этапы жизненного пути Артема Ивановича до работы в авиационной промышленности...

Уже в своем первом самолете Артем Иванович очень ярко продемонстрировал свой стиль работы, заключающийся в поисках новых принципиальных решений, которые позволили ему значительно поднять летно-технические данные самолета, а именно почти вдвое увеличить боевую высоту истребителя и

получить скорость полета его до 655 км/час. Это было в 1941 году.

Самолеты «МиГ» были самыми быстроходными истребителями среди отечественных и иностранных машин того времени. Такие скорости были достигнуты на немецком истребителе «Мессершмитт Me-109б-2» только в конце 1942 года.

Самолет-истребитель «МиГ-1» и его видоизменение «МиГ-3» строились в серии до начала 1942 года и применялись в ходе Великой Отечественной войны в качестве наиболее сильного оружия противовоздушной обороны крупных политических и промышленных центров нашей страны...

Из войны коллектив Артема Ивановича вынес, таким образом, девиз: истребитель должен быть простым, выносливым и сильно вооруженным. И недаром один из самых выдающихся самолетов современности — реактивный истребитель «МиГ-15» — военные летчики и техники любовно называли «самолет-солдат» за ярко выраженную простоту, выносливость и силу оружия...

Используя возможности самолета «МиГ-15», Артем Иванович в 1949 году усовершенствовал его аэродинамику и установил новый, более мощный двигатель. Такой модификационный самолет, названный «МиГ-17», достиг скорости полета 1150 км/час и таким образом перекрыл в полете скорость звука (105% скорости звука). Самолет Микояна первый прорвал «звуковой барьер»...

Если создание Артемом Ивановичем самолета «МиГ-9», объективно говоря, ввело в нашу строевую авиацию реактивный двигатель, а создание «МиГ-15» широко внедрило стреловидные формы самолета, то «МиГ-17» открыл пути перехода в область сверхзвуковых скоростей всей нашей авиационной техники.

Первым по этому совершенно новому, неизведанному пути пошел Артем Иванович Микоян и руководимый им коллектив, и в этом их большая заслуга...

Мне хочется сказать еще несколько слов о тех личных качествах Артема Ивановича, которые делают общение с ним необыкновенно приятным и оставляющим глубокое впечатление у каждого, кто сталкивается с ним.

Исключительно высокая культура, искрящая талантливость и одновременно необыкновенная скромность — вот чем, по-моему, объясняется то обаяние Артема Ивановича, которое невольно привлекает к нему всех, кто с ним встречается, кто с ним работает...

Герой Социалистического Труда *Архангельский А. Артем Иванович Микоян // Дружба, Ереван, 1960. Кн. 2-я.*

(о дважды Герое Советского Союза Н. Г. Степаняне)

Остановим свое внимание на этом портрете: плотный улыбающийся подполковник с небольшими усами и пристальным взглядом темных глаз. Это летчик-штурмовик, дважды Герой Советского Союза Нельсон Георгиевич Степанян:

«Родился в 1913 г. в Шуше Азербайджанской ССР. По национальности армянин. Член КПСС с 1932 года. В Советской Армии с 1941 года. В годы Великой Отечественной войны уничтожил лично и в группе 53 судна противника. Награжден орденом Ленина и тремя орденами Красного Знамени. Героические подвиги славного сына советского народа навсегда останутся в памяти грядущих поколений...»

Началась священная война...

Нельсон Степанян получил очередное задание. Как всегда, он рассчитал и разметил маршрут на карте, нанес наиболее характерные ориентиры. Записал время полета по этапам, расстояние, высоту, курс — все, что облегчало ориентировку и помогало точно выйти на цель.

На этот раз воздушный бой был недолгим. Штурмовики были почти над целью, когда немецкая зенитная артиллерия вступила в действие. Советские летчики вошли в пике и открыли пушечный огонь, а выходя из пике, сбросили бомбы. На земле разгорелся пожар. Значит, поработали не зря! Вот замечались в панике черные фигурки — хорошо, сейчас мы вам добавим! Нельсон, увлекшись боем, не заметил, как зенитный снаряд пробил крыло самолета. Степанян продолжал штурмовку. Взрыв! Еще взрыв! Наверное, здесь находились цистерны с горючим. Теперь можно возвращаться! Пулеметная очередь раздалась совсем рядом, и острая боль прошла ногу. Немецкие истребители зашли в хвост его самолета. Еще пулеметная очередь! Отказывает руль поворота. Приходится продолжать полет на плохо управляемом, горящем самолете. Высота уменьшается. Еще, еще...

Раненый летчик очнулся уже на земле. Взял карту. Сверился. Судя по всему, он за линией фронта, в немецком тылу. Надо быть предельно осторожным, чтобы не попасть к врагу. Попробовал встать, тяжело опираясь руками о землю. С трудом поднялся. Все равно надо идти, идти во что бы то ни стало! Волоча ногу, сделал шаг, потом еще один, другой. Так он и двигался, считая каждый шаг. Но недаром Нельсон верил, что он везучий — счастье не изменило ему и на этот раз — встретились партизаны. Они помогли Степаняну прорваться к своим, а здесь, несмотря на его протесты, пришлось отправиться в госпиталь в Харьков. Почти целый месяц он боролся с врачами, доказывая, что его место не здесь, а среди боевых товарищей. Но все-таки

двадцать дней его заставили провести на больничной койке. Наконец выписка!

И Степанян просит направить его на Балтику.

Балтика... Суровая Балтика... Седые морские волны с вечным штормом катятся на низкие берега. Туман. Ветер. Кажется, что ничего не может быть здесь близким и понятным для человека, родившегося на юге и привыкшего к радостной солнечной природе. Но Степанян не чувствовал себя здесь чужим, он на месте. Он давно мечтал попасть в Ленинград, повидать этот замечательный город, о котором он столько слышал и читал. Хотя тысячи километров пролегли между Баку и Ленинградом, но они связаны между собой тесными узами.

Гитлеровцы всячески пытались уничтожить город. Они обстреливали его из дальнобойных орудий, бомбили с воздуха, все сильнее и сильнее стягивали петлю блокады. Фашисты надеялись задуть его голодом, но все их попытки были тщетны. Город — обескровленный, но не сдавшийся — жил и сражался. Это был уже не просто город, а город-фронт, и помощь ему шла отовсюду.

Однажды Нельсон вместе с товарищами шел на задание. Внизу раскинулись проспекты и улицы великого города.

Да, он не был похож на столицу Армении с ее ослепительным солнцем и глубокими фиолетовыми тенями. Величественный и прекрасный, проплывал он сейчас под Степаняном сквозь клочья тумана. Решительная суровость его опустевших проспектов заставляла сердце Нельсона сжиматься.

Вот купол Исаакия, вот простор Марсова поля... Не верилось, что враг может стоять на самых подступах к городу, может с холодной жестокостью посылать снаряд за снарядом в жилые кварталы. Мысль была чудовищной, противоестественной, но он, Нельсон Степанян, знал, что от нее не уйти, ибо линия фронта, не раз встречавшая его яростным зенитным огнем фашистских батарей, была ему слишком хорошо знакома. Порой он испытывал физически нестерпимую ненависть к этой линии, гигантским удавом опоясавшей город; он видел ее во сне, эту линию, очерченную вспышками артиллерийских залпов. Теперь он летел к ней, к этой линии.

Облака, низкие, рваные облака нависли над заливом. Только опытный летчик, уврепный в своем мастерстве, мог рискнуть продолжать полет. Тяжело ощущая каждый метр всем телом, как будто бы не мотор, а он сам поднимал самолет. Степанян набрал высоту до пятисот метров. Его машина шла рядом с машиной командира. Незаметно для врага все соединение достигло намеченной цели, и огненный шквал обрушился на противника. Беспорядочный огонь растерявшегося врага не мог остановить штурмовиков. «Уничтожены огромные скопления живых сил врага» — было написано позже в донесении. Сотни гитлеровцев сменили временный адрес своей полевой почты на постоянную прописку в ленинградской земле. Но что это? Нель-

сон вдруг увидел, как уцелевшая вражеская батарея поливает свинцом машину командира.

Не задумываясь, Степанян бросил свой самолет вверх, в облака. Пике. Метко сброшенные бомбы точно накрывают цель. Огромное пламя, кажется, достает до неба, и гулкий взрыв оглушает. Вместе с батареей Нельсон Степанян уничтожил и склад горючего...

Степанян воевал дерзко. По его определению, дерзость эта складывалась из трех частей: точность, опыт и ненависть. Ненависть к врагу. Дерзкий летчик стал известен всей Балтике. На его текущем счету было уже немало уничтоженных самолетов. Нельсон как-то уж очень ловко умел привлекать к себе внимание противника, заставляя его демаскироваться. Много огневых точек было уничтожено отважным летчиком.

— Когда я летаю, то выманиваю немцев шоколадом, — шутил он. — Я им покажу кусочек, а они за мной летят. Вот тут-то я их и угощаю. Даю им попробовать сладкого.

Надолго запомнили фашисты такое угощение. Но особенно стал известен Степанян после одного задания.

...Он летел к линии фронта. Обычно он пересекал ее, прорывая зенитный заслон, но сегодня у него совсем другое задание. Он должен пролететь не сквозь нее, а вдоль, над ней, чтобы вызвать на себя весь ее огонь и точно засечь вражеские батареи.

Степанян был опытным летчиком со многими десятками боевых вылетов за плечами, и он знал, что его ожидает. Скорее всего он не вернется, но слова эти были пустыми и как бы не касавшимися его.

Пора набирать высоту. Самолет задрал нос и пошел вверх. Выше, еще выше, чтобы набрать высоту для пикирования. Вот она, эта линия, ненавистная петля. Пора. Штурмовик резко идет вниз. Перегрузка дает себя знать, но мысль работает четко и стремительно. Он выпел из пике метра в пятнадцати от земли и перевел машину в бреющий полет. Он знал, что летит слишком низко для вражеских зениток, но зато сотни автоматов поливали его огнем. Он мчался в сплошном ливне трассирующих пуль, но не сворачивал в сторону. Именно этот ливень подсказывал его направление.

Как одиноки были его пулеметы в этом море вражеского огня! Но его пули доходили до цели. Он знал это, чувствовал. Он видел, как очереди штурмовика выковыривали немцев из окопов, буквально выбивали их оттуда.

Машина то и дело вздрагивала, но мотор продолжал реветь грозно и спокойно. Это была даже не разведка, это был какой-то вихрь, пронесшийся над немецкими позициями и людьми внизу; наверное, казалось, что не один, не два, а множество самолетов поливают их свинцом.

«Задача была выполнена блестяще», — так разюмировала

этот необыкновенный полет газета «Красный Балтийский флот» 16 октября 1941 года.

Когда штурмовик приземлился на родном аэродроме, Степанян выключил мотор и несколько минут сидел в кабине не шевелясь. Потом молча вылез, посмотрел на пробойны в крыльях и в фюзеляже и пошел докладывать. Считать пробойны было некогда, впереди еще много работы...

* * *

Кончилась война. Многое отошло в прошлое. Но память о людях не исчезает бесследно. Особенно о таких, как Нельсон Степанян. Он остался живым в памяти своих однополчан...

Николай Матвеев. Буревестник. М., 1968.

ШЕСТНАДЦАТЬ И ПЯТЬДЕСЯТ

(о батарее Героя Советского Союза Сергея Оганяна)

...Все видели этот курган. Бушевали над ним вьюги, шумели бури, омывали ливни, окутывали его молочные туманы, обдували соленые ветры, выжигало до пепла бурьян на нем эпошное донское солнце.

Но никогда в лохматую шапку кургана Бербер-оба не вшивалось столько раскаленного металла. Осколки от снарядов падали в рыжеватые воронки от авиационных бомб, осколки от мин ложились в воронки, вырытые снарядами. Металл наплавился на металл. Куда ни ступишь — искореженные куски синеватого железа, ржавым кислым запахом которого был густо пропитан дымный воздух над курганом. Даже в блиндаже этот дымный воздух висел густой пелелой.

Сжимая трубку телефона, Оганян тихо повторял:

— «Дон», «Севан» тебя слушает... слушает...

Где-то на другом конце раздалось:

— «Севан», есть данные, противник готовит наступление по всему фронту. Будьте наготове! Взаимодействуйте с соседями...

— Есть быть наготове! — ответил Оганян.

На батарее слышался глухой стук лопат, кирок. Приводились в порядок поврежденные укрытия, расчеты зарывались в землю. Василий Пузырев на каждое орудие стремился оборудовать две-три запасные огневые позиции с круговым обстрелом. Около орудий подготавливались новые окопы с укрытиями от осколков снарядов.

Пузырев, как завзятый сапер, добывался устройства ниш в передних стенках трапешей. Это помогало уберечься от потерь при артиллерийском огне и бомбежках. Подготовлен был и ложный передний край.

Почти всю ночь батарея бодрствовала. Когда забрезжил рассвет, Оганян поднялся на наблюдательный пункт. Чуткое ухо его уловило доносившийся издали утробно-густой рокот дизелей. И степь, которая с кургана казалась мертвой и застывшей, вдруг вся ожила, взбудоражилась. Вот в небе засветились и вспыхнули красным дымом сигнальные ракеты. Стоявший рядом с лейтенантом ездовой Ткаченко не сдержался, шепотом встревоженно произнес:

— Кажись, пошла, бисова душа!

— Пожалуй, пошла! — поддержал его Оганян.

По всей батарее пронеслась команда: приготовиться к бою! Застыли у орудий расчеты. Из-за низко нависших туч вынырнул самолет-разведчик. Он пронесся вихрем и также незаметно скрылся в облаках.

— Ну, теперь жди палета, — изрек Пузырев.

Оганян приказал батареям зарыться в землю. Земля была теперь спасительницей. Недаром все эти дни поспешно готовились брустверы, укрытия, ходы сообщения, окопы.

И вскоре началось... Стаями пошли самолеты к Ростову. Зарокотала степь, залаяли зенитки. В небе вспыхнул фейерверк разрывающихся снарядов. Заухала дальнобойная артиллерия противника. Снаряды рвались рядом с курганом.

Почти целый час продолжалась обработка рубежей 317-й дивизии. Один за другим проносились вражеские истребители. Они обстреливали огневые точки и окопы из пулеметов.

А потом к главной магистрали на Ростов двинулась большая колонна танков. Они ползли медленно, тяжело, самоуверенно. Молчали их орудийные башни. За танками шли мотопехота, автоматчики в стальных касках. Их можно было разглядеть невооруженным глазом. Все яснее вырисовывались мощные, похожие на огромных, неуклюжих черепах танки с черными крестами на броне.

Оганян то и дело поглядывал на лица батарейцев, припавших к орудиям. Он не мог не заметить того нервного состояния, которое испытывают люди в такие напряженные моменты. Он знает привычки почти всех своих подчиненных. Кажется, все они, понюхав пороху, уже не испытывали страха. Но сейчас каждый из них все-таки по-разному выдавал свое волнение. Вот заряжающий Дмитрий Новрузов, кажется, невозмутимый человек, худой, жилистый, как жердь. — он не спеша свертывает самокрутку. Новрузов вел строгий учет фронтальных дней, ставя огрызком карандаша палочку на оборотной стороне фотокарточки своей жены Фроси... А вот и Борис Орлов. Как изменился он с диспровекой поры! Он давно преодолел «танкобоязнь». Но и он сейчас волновался, нервно теребил каску, то надвигая ее на глаза, то опуская на затылок. А Мовсес Гулян беспрестанно повторял про себя какие-то ругательства. Рядом Денис Вахищев и его закадычный друг Исмаил Мамедов — неразлучная пара...

Гул, доносившийся издали, откуда-то из-за сонной реки, поросшей камышом, сотрясал морозный воздух. А ползущие к кургану танки подходили все ближе, ближе...

Когда танки оказались в полосе обстрела, в воздухе зазвучал громкий голос командира:

— Батарея, огонь!

...У орудия Максима Симонова собралась вся батарея. Оганян провёл переключку. То и дело слышалось:

— В строю...

— Рапел...

— Убит...

— Нас осталось теперь шестнадцать, — сказал командир. — А перед нами было пятьдесят танков...

Наступило утро 19 ноября 1941 года. Шел третий день неравного поединка. Наши войска отошли к Дону. А курган, словно островок, был скован непроницаемым бронированным поясом.

Взошло солнце, робкое и неласковое, чуть позолотив синеватую верхушку кургана. На длинном шесте, словно на мачте корабля, тревожно развевался на ветру красный флаг, установленный старшиной непокорившегося артиллерийского гарнизона Даданевым.

Как стяг корабля, тонувшего в море во время сражения, флаг батарейцев гордо и мужественно возвещал:

— Умирасем, но не сдаемся!

...Степь еще дышала боем...

Курган Барбер-оба дымился, будто кратер вулкана. Наступавшие бойцы 9-й армии увидели изрытый воронками, засыпанный градом осколков холм, гордо и величаво возвышавшийся над степью. Вокруг — куда ни кинь взгляд — чернели обуглившиеся немецкие танки.

Бойцы поднялись на курган. У разбитых, изуродованных, покоренных орудий лежали оконечные тела артиллеристов. Мертвыми нашли и Сергея Оганяна, и Сергея Вавилова, и Василия Пузырева, и всех боевых друзей-батарейцев...

Имя лейтенанта Сергея Оганяна навсегда занесено в списки курсантов училища. Бережно охраняется в казарме койка погибшего под Ростовом лейтенанта. Она всегда тщательно и любовно заправлена. Над подушкой — портрет Героя...

Благодарные ростовчане отправили в Ереван памятный сувенир. На медной гильзе от снаряда, прикрепленной к бронзовой подставке, сверху вниз выгравировано:

«Донская земля

вечно помнит

мужество

славных сынов

Армении».

Древний курган под Ростовом стал памятником истинной

солдатской славы и боевого братства. У кургана пыле новое имя — Артиллерийский.
Курган доблести.
Курган братства.
Курган бессмертия...

Котов М., Лясковский В. На Южном фронте.
Ереван, 1973.

**ПРИКАЗ МИНИСТРА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР
О ЗАЧИСЛЕНИИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
АВЕТИСЯНА У. М. НАВЕЧНО В СПИСКИ СРЕЛКОВОГО ПОЛКА**

22 апреля 1949 г.

16 сентября 1943 г. во время прорыва обороны немцев и освобождения Верхне-Баканского района Краснодарского края от немецких захватчиков помощник командира взвода стрелкового полка старший сержант Аветисян У. М. прославил себя уничтожением огневых точек врага при штурме горы Долгая.

В момент наступления стрелковый взвод, в составе которого был старший сержант Аветисян У. М., попал под сильный пулеметный огонь двух вражеских дзотов. Взвод залег. В это время старший сержант Аветисян пробрался к одному из дзотов и забросал его гранатами. Взвод, продвинувшись на позицию, занятую Аветисяном, был вынужден снова залечь под пулеметным огнем второго дзота. Старший сержант Аветисян приказал взводу блокировать дзот, а сам пополз к амбразуре, чтобы забросать ее гранатами, у самого дзота был ранен. Истекая кровью, он дотянулся до амбразуры и закрыл ее своим телом. Пулеметный огонь прекратился.

Воспользовавшись геройским подвигом старшего сержанта Аветисяна, взвод выполнил свою боевую задачу.

Старший сержант Аветисян погиб смертью храбрых.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 16 мая 1944 г. старшему сержанту Аветисяну У. М. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Его беззаветная преданность социалистической Родине и беспредельная верность присяге должны служить примером для всего личного состава Вооруженных Сил.

Приказываю:

Героя Советского Союза старшего сержанта Аветисяна Уна-на Макичевича зачислить навечно в списки стрелкового полка.

Приказ прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах и экипажах.

Министр Вооруженных Сил СССР
Маршал Советского Союза

А. М. Василевский

Советская Армения в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): Сборник документов и материалов. Ереван, 1975.

ПОДВИГ АРМЯНСКИХ ПАРТИЗАН

Рейдируя из Киевщины на Житомирщину, летом 1943 года наше партизанское соединение занимало одно за другим степные села близ Житомира, Коростеня и Киева. Оккупационное начальство взывало к Берлину о помощи. Гетите-комиссары этих городов и окружных центров писали, что они буквально осаждены копытами партизанскими отрядами и оккупационные власти не в состоянии не только обмолотить урожай, но даже заготавливать яйца и молоко без посылки в села солдатских рот.

В треугольнике Коростень — Житомир — Киев срывались уборка урожая, угон населения в Германию, вывоз скота и леса для фронта, трещала по швам оккупационная система управления. И вот на станцию Турченка, что между Коростенем и Житомиром, начали прибывать карательные войска для борьбы с партизанами.

Вначале думали, что каратели — немцы, затем наша разведка получила другие сведения, что это румыны. Тем временем «немцы» или «румыны», выгрузившись из вагонов, ушли пешей колонной в Потиевку. А вскоре о карателях, расквартированных в сильно укрепленной Потиевке, поступили странные сведения: оказалось, что карательные подразделения сформированы из бывших красноармейцев-армян, что носимые карателями немецкие мундиры ненавистны им и что бойцы карательного отряда ведут себя среди населения корректно и дружелюбно, считают себя партизанами, беседуя с девушками, просят называть их советскими воинами-партизанами...

И уже совсем странные вести пришли из большого села Нераж. Оказалось, что прибывшие туда для конфискации зерна «немцы» не только не грабили, а, наоборот, проводя обыски, требовали, чтобы население припрятало зерно и сохраняло его для наступающей Красной Армии. Сведения, которые обычно поступали через девушек, среди которых главную роль играли партизанские связные Ева и Женя Мартыненко, еще больше убеждали нас в том, что брошенные на борьбу с партизанами армяне-легионеры не враги. Нам удалось установить с ними контакт.

Чтобы облегчить переход легионеров на нашу сторону, кавалерийское соединение партизан в полном составе подошло к Потиевке. Однако пронюхавшие о настроениях армян эсэсовцы поспешили сюда и двинули легионеров в наступление на хутор Дубовик, занимаемый нами.

И снова ожесточенная стрельба армян во время атаки не принесла нам никакого вреда, только при бомбардировке партизан с самолетов, вызванных эсэсовцами, осколком бомбы был выведен из строя командир И. Боров.

Легионеры-армяне стреляли в воздух. Они, по сути, отказались атаковать наши позиции в Дубовике, и эсэсовцы намере-

вались схватить их командира Араманса Овсепяна, чтобы расправиться с ним за невыполнение боевого приказа. Legionеры блокировали квартиру своего командира. Окопавшись вокруг и подготовившись к бою, они обратили здание в опорный пункт. Вопрос о том, как быть дальше, решался советом подпольщиков-коммунистов, которых насчитывалось несколько десятков человек.

Legionеры нашли верное решение и придумали удобный предлог для того, чтобы вынести из эсэсовского госпиталя в Дубовике раненых товарищей и открыть находившийся в руках эсэсовцев склад с боеприпасами. Для этого legionеры инсценировали нападение на окраину Потиевки мнимых партизан. Подразделение, высланное ночью Овсепяном, открыло ураганный огонь по военному городку в Потиевке и создало иллюзию партизанского наступления. В результате пришлось открыть склад с боеприпасами, организовать контрнаступление legionеров на «партизан» и преследовать их в степи. Так остроумно legionеры-армяне оторвались от эсэсовского гарнизона, засевшего в положении «к бою» в укрепленной Потиевке.

Это произошло 14 сентября 1943 года. А на следующий день пешая колонна армян приблизилась к месту расположения кавалерийского партизанского соединения в районе сел Дерманка, Буки и хутора Шевченков Чановичского района. Трое или четверо черноглазых и смуглолицых офицеров, одетых в немецкую форму, рапортовали мне о том, что вторая рота так называемого 814-го батальона армянского легиона, состоявшаяся, по сути, батальон в полном вооружении и людском составе, с 15-ю пулеметами, с тремя батальонными минометами, с полным комплектом карабинов и боеприпасов и мин к минометам явилась в мое распоряжение...

Быстрый в соображении и решительный в действиях командир этой огромной роты Араманс Меликович Овсепян рассказал о своей судьбе и судьбах армянского легиона, о жизни за колючей проволокой концлагеря в польском местечке Пулавы, куда свозили всех захваченных в госпиталях и на поле боя раненых красноармейцев и офицеров-армян. В лагере под барабанный бой и угрозы расправы дубинкой, под страхом расстрела, которые происходили ежедневно близ концлагеря, обучали legionеров прусскому автоматизму при уничтожении славян. В legionерах убивали все человеческое, надеясь, что эти несчастные люди забудут о Родине, станут орудием слепого повиновения.

Но советские воины жили лишь одной мечтой — вырваться из концлагеря и вернуться в семью советских народов, чтобы защищать свою честь и достоинство, повернуть орудие против фашистов.

Я приказал Овсепяну выстроить его отряд в хуторе Шевченковс.

— С оружием или без оружия построить? — спросил Овсепян, и я, не раздумывая, ответил:

— С полным вооружением и... с таким же полным доверием!

Овсепян со своими офицерами умчался из Дерманки в занятый ими хутор. А через полчаса вдоль широкой прямой улицы Шевченковского хутора поблескивали на солнце стальные шлемы и плоские штыки винтовок в строю legionеров, вытянувшихся по команде «Смирно!..»

Сопровождаемый десятком конников, я подкакал к их строю.

Овсепян отрапортовал, сидя на вороном коне:

— Товарищ генерал, отряд армянских партизан выстроен в полном составе, при полном вооружении и снаряжении. Отряд готов выполнить любую поставленную вам задачу!..

Я видел перед собой сотни искрящихся слезами радости живых черных глаз на окаменелых смуглых лицах и напряженно вытянувшиеся, подобранные фигуры воинов.

— Здравствуйте, товарищи! — провозгласил я.

— Здравствуйте, товарищ генерал!

Громкое эхо прокатилось над хутором и отозвалось в лесу, стоявшем по другую сторону селения...

Слезы, жгучие слезы признательности, радости и счастья брызнули из глаз многих стоявших в темно-голубом строю legionеров, отмеченных нарукавными синими треугольничками с надписью «Аггспі», одетых во вражескую форму, в сапоги-раструбы, с нахлобученными пепельно-черными шлемами...

Я распорядился накормить бывших legionеров в хуторских домах, дать им четыре часа сна и снарядить из соседних сел 50 пароконных подвод для перевозки всего армянского отряда в Потиевку.

— Сегодня же, — объявил я командирам подразделений легиона Овсепяну, Арутюняну и Саяну, — сегодня же ночью вы должны ударить на Потиевский гарнизон эсэсовцев и разгромить их, невзирая на укрепления и на то, что у нас нет для этого крупнокалиберной артиллерии. Мы знаем, что точное знание всей системы укреплений в Потиевке поможет армянским партизанам незаметно подойти ночью, точно ударить врага по слабым местам. Вечером армянский отряд в составе всего кавалерийского соединения двинется на подводах обратно к Потиевке.

Рота эсэсовцев и крупный гарнизон полицаяв, усиленные шестью противотанковыми скорострельными пушками, минометами и станковыми пулеметами, сидели в трезвом ожидании в каменных строениях опорного пункта, опоясанного траншеями и пулеметными дзотами.

Ярость бывших legionеров была беспредельной. В бою, продолжавшемся с полуночи до рассвета, армянский отряд разгромил гарнизон фашистов. Это было первое боевое креще-

ние молодого армянского партизанского отряда, вызвавшее восхищение у всего нашего соединения.

Утром Овсепян докладывал мне о выполнении боевого приказа. С подобающей воинской прямоотой он заявил, что два отряда из кавалерийского соединения, наступавшие на их флангах, не проявили должного рвения и недостаточно активно атаковали в решительный момент, когда атакующие врывались в пределы вражеского опорного пункта.

— Это нам известно,— с той же откровенностью ответил Овсепяну я.— Правила партизанской войны суровы. Объясните вашим командирам и бойцам, что мы хотели еще раз убедиться, действительно ли вы партизаны... А теперь поздравляю личный состав отряда, прекрасно выдержавшего это двойное испытание: все ваши люди — настоящие партизаны!

17 сентября на митинге в торжественной обстановке, у развевающегося красного флага, личному составу соединения и населению Потиевки было сообщено, что отныне армянский партизанский отряд будет носить имя замечательного сына армянского народа.

С тех пор, где бы ни стояло кавалерийское соединение — в Центральной Украине, на крайнем Западе или в Польше — всегда на вопрос, кто идет или едет, звучал гордый и краткий ответ:

— «Микоян»!..

Трудно коротко охарактеризовать боевой путь воинской части. Тем более трудно отобразить боевой путь по тылам врага армянского партизанского отряда, выросшего до 500 человек. Это был крупнейший национальный партизанский отряд во всей истории Великой Отечественной войны Советского Союза. С историей этого отряда связаны многие героические страницы жизни нашего кавалерийского партизанского соединения...

Где бы ни находился армянский отряд, действуя отдельно или в составе соединения, в долинах Эдвижа и Тетерева, на Случе и на Западном Буге или в Карпатах и под Лешайском (Польша) — всюду бойцы и командиры отряда проявляли отвагу и стойкость, они были предвестниками победы...

Но, несмотря на величие партизанского подвига, лишь немногие микоянцы награждены партизанской медалью, не говоря уж о других наградах. Пусть те, кто измеряет заслуги людей лишь полученными наградами, знают, что главная причина этой вопиющей несправедливости — недоверие ко всем воинам, попавшим на фронте в беду. Такое недоверие пришлось испытать и личному составу нашего армянского отряда, несмотря на то, что абсолютное большинство его командиров и бойцов заслужили своими подвигами любовь, уважение и признательность населения многих районов и областей Украины. Ведь партизаны-армяне спасли от угона на каторгу многие тысячи советских граждан, многие сотни людей от неизбежной гибели...

Эта народная признательность и любовь является, конечно, самой большой наградой патриотам, наивысшей похвалой для воина...

Герой Советского Союза, генерал-майор
Наумов М. Подвиг армянских партизан
// Литературная Армения. 1964. № 7.

В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

Каждое утро около восьми часов этого невысокого седовлавого человека можно встретить на Химмельфортгассе в самом центре Вены, где размещается библиотека Австро-советского общества дружбы. Его имя — Арманд Фриш. Он ровесник Октябрьской революции, его жизнь тесно связана с историей нашего века...

В марте 1938 года гитлеровские войска вошли в Вену. Произошел так называемый «аншлюс» Австрии. Арманд Фриш, как и тысячи других австрийских антифашистов, вынужден был бежать за границу. Сначала в Швейцарию, затем во Францию...

Борьба французского Сопротивления росла и ширилась. В партизанские отряды «Маки» вливались новые и новые группы антифашистов. Начали взлетать на воздух фабрики и заводы, работавшие на оккупантов, железнодорожные составы, перевозившие военные грузы.

В конце 1942 года вермахт оккупировал и Южную Францию. Вместе с другими подпольщиками товарищ Фриш ушел в горы, став на долгие два года «команданте Жермесом», майором партизанской армии.

От местного населения стало известно, что в район действий партизан прибыло какое-то странное воинское формирование, именуемое легионерами. Однажды ночью охрана партизанского лагеря доложила, что через передовые посты к месту дислокации армии майора Жермена движется небольшая группа людей. Когда их привели в штаб, эти семеро, одетые в нацистскую форму, радовались как дети. У партизан почти не осталось сомнения, что перед ними не фашистские диверсанты. И тем не менее суровые законы войны требовали более серьезной проверки. Но как это сделать?

Эти люди утверждали, что они советские военнопленные, но по-русски говорили с сильным акцентом. Тогда майор Жермен предложил им спеть какую-нибудь революционную песню. Идея всем понравилась.

— И так, до рассвета мы распевали «Вихри враждебные...» и «Вставай, проклятьем заклейменный...», что было довольно странно слышать здесь, в Сивенских горах, за тысячи километров от Москвы, — с улыбкой говорит Арманд Фриш. — Как мы все-таки объяснились, и наконец нам стала понятна

вся дьявольская механика замысла нацистов. Оказалось, что по разным концлагерям на территории Польши они собрали около тысячи военнопленных армянской национальности. Из них фашистское командование стало насильственно формировать так называемые фельдбатальоны. Отказывающихся ожидал расстрел.

В конце 1943 года всех пленных под усиленной охраной отправили во Францию в город Манд. Советские люди знали о движении Сопротивления и сразу же начали искать связи с местными партизанами.

После удачной первой группы к уходу в горы стали готовиться другие. В это же время «Маки» тоже предпринимали попытки выйти на подпольщиков в лагере легионеров. Через своих разведчиков партизаны знали, что некоторые из них регулярно, в определенное время заходят в одну из закусокных в Манде.

На операцию отправились майор Жермен и партизанка Симона Руссель, которые изображали молодоженов, оказавшихся в Манде проездом.

Когда двое офицеров в форме легионеров вошли в закусокную, Жермен сразу же их узнал — он хорошо помнил их описание. Это были Степан Ягджян, бывший начальник связи 25-й кавалерийской дивизии, попавший тяжелораненым в плен в начале войны, и Александр Казарян, военный летчик, сбитый над вражеской территорией.

— Эта встреча положила начало детальной разработке плана восстания и освобождения города Манд, — рассказывает Арман Фриш. — На советских патриотов легла задача уничтожить фашистскую роту офицеров гестапо, администрацию лагеря. На случай неудачи оговорили пароль и определили явочные сборные пункты.

В лагере формировались ударные группы. Среди пленных распространяли подпольные газеты, листовки, фронтовые сводки, получаемые от «Маки». Приближался день выступления, ждали только сигнала.

Но тут случилось непредвиденное. Утром 4 июля 1944 года Казаряна и еще одного товарища вызвали к начальнику сборного пункта, бывшему царскому офицеру майору Протариусу.

— У нас есть сведения, что вы связаны с французскими партизанами, — сказал майор вошедшим. Подпольщики спокойно ответили, что понятия не имеют, о чем вообще идет речь.

— Мы все проверим, — пообещал Протариус, отпуская их.

Медлить было нельзя, дорога была каждая минута. Решили незамедлительно уходить из лагеря двумя группами. Ночью они благополучно достигли намеченного пункта встречи с французскими патриотами. Наутро в освобожденном городке Ле-Понде-Монсер теперь уже бывшие военнопленные с оружием в руках выстроились в одной шеренге с «Маки». Зазвучали слова присяги на верность движению Сопротивления.

Так на земле Франции возник советский партизанский отряд, который уже через несколько месяцев стал заметной силой в общей борьбе французов против фашистских захватчиков.

Дела нацистов ухудшались с каждым днем. Гитлеровская Германия была накануне разгрома. В начале августа 1944 года старшие чины командования Мандского лагеря сбежали на самолете в Германию, остались только фельдфебели и кое-кто из офицеров. Пленных было приказано отправить в Германию.

И вот мрачная колонна двинулась по французским дорогам. Впереди фашистские охранники вели шестнадцать человек со связанными руками. Им прозвонил расстрел. Смерть витала над колошной. Измученные военнопленные проходили г. Вильфор. Казалось, потеряна всякая надежда вырвать смертников из рук гитлеровских палачей. Но вот из-за домов притихшего городка загремели выстрелы. В атаку на козью бросились партизаны. В считанные минуты охрана была разоружена. Советские люди обвиняли французов, друг друга, срывали путы с приговоренных к смерти.

— Основная масса освобожденных, — говорит Арман Фриш, — вошла в батальоны капитана Петросяна и старшего лейтенанта Оганяна, состоявшие из советских бойцов. Интернациональная бригада, начальником штаба которой в это время стал я, включала в себя еще два соединения — итало-испанский и польско-немецкий батальоны. Одним словом, полный интернационал, — шутит товарищ Фриш. — Вскоре по приказу командования Сопротивления из батальонов Петросяна и Оганяна был сформирован первый советский партизанский полк. Его командиром стал А. Казарян.

С боями партизаны освобождают один город за другим, очищают от оккупантов весь район Сивени.

1 мая 1945 года французское правительство наградило 1-й советский партизанский полк боевым знаменем и Военным крестом с Серебряной звездой. Майор Жермен от всей души поздравил своих друзей с высокой наградой.

Закончилась война, опустел партизанский лагерь. И вот Арман Фриш снова увидел свой родной город...

— А знаете, — радостная улыбка озаряет лицо старого коммуниста, — вскоре я снова еду в Ереван. Счастлив, что это случится в год 70-летия Октябрьской революции, так много изменившейся на нашей планете. С волнением ожидаю встречи с друзьями, боевыми товарищами.

Попов Ю. Мир народам! // Комсомольская правда, 7 ноября 1987.

(о Степане Ягджяне)

Когда его спрашивают, почему он, пройдя еще в детские годы по дорогам Турции, Саудовской Аравии сквозь ружейный огонь, рукопашные схватки, веревочные петли, вырвавшись из неволи, добравшись до родной Армении, надел военную форму, взял в руки винтовку, Степан Акопович Ягджян отвечает:

— Только ощутив однажды свободу, понимаешь ее настоящую цену. Вернувшись на Родину, я ясно понял: мое место в рядах ее защитников, в армии.

Пятнадцать лет — от первой учебной команды «В атаку!» в 26-м году в военной школе до первого боевого выстрела — в 1941-м. Пятнадцать лет. Сначала — курсант. Потом — офицер. Вначале — связист. Затем — преподаватель. Армянский язык, турецкий, арабский, французский — знания их, полученные в долгих странствиях по дорогам жизни, передавал Ягджян своим младшим товарищам, будущим командирам Советской Армии. До тех пор, пока утренние выстрелы, взрывы бомб июньского дня 41-го не взорвали ставший привычным ритм мирных будней.

Замелькали, закрутились, легли под цокот копыт боевого коня начальника связи 25-й кавалерийской дивизии майора Ягджяна изрытые снарядами дороги. На одной из них в грохоте взрыва оборвался вечерний закат, и упал на землю, искореженную гусеницами танков, раненый офицер. И легла на глаза чепела беспомощности. Когда же вновь наступил рассвет, синее небо оказалось зарешеченным в окне лазарета. Лазарета концентрационного лагеря.

Когда его спрашивают, что помогло ему, раненому, в ужасных условиях концлагеря выжить, встать в строй борцов с фашизмом, продолжить борьбу, Ягджян долго молчит, потом отвечает:

— Этого не объяснишь несколькими словами. Свобода, гордость, человеческое... За эту столь дорогую нам свободу, за право на гордость, за чувство собственного достоинства мы боролись.

«Этот лагерь значительно больше первого, — рассуждал Ягджян, пока конвоиры вели его через всю территорию к бараку. — Как они его называли? Беньяминово. Это значит, недалеко от Варшавы. Несколько десятков километров. Надо попытаться вырваться отсюда».

Захлопнулась за спиной входная дверь. В нос ударил спертый запах. Скрипнули нары. И сразу же сон слепил глаза. Усталость навалилась на грудь.

Очнулся Ягджян от торопливого шепота. Кто-то сильно дергал его за рукав и по-армянски твердил: «Проснись! Проснись

скорей!» Резко соскочив на пол, Степан вначале не поверил своим глазам — перед ним стоял Александр Казарян. Сашка! Тот самый Сашка, с которым они вместе учились в военной школе.

— Что будем делать? — без долгих предисловий спросил Ягджян.

— Бороться, — ответил Казарян.

...Прошел месяц. Долгие тридцать дней и тридцать ночей. За это время в лагере были созданы боевые группы подпольщиков. И вот в одном из барачных собралась членами Центрального бюро Антифашистской подпольной патриотической организации. На этой встрече руководителем бюро избрали Степана Ягджяна. Речь его была лаконична и по-военному точна.

Первые задачи нашей организации — антифашистская пропаганда, спасение от расправы полнотработников, установление связи с польскими партизанами, подготовка массового побега из лагеря. Сейчас июнь 1942 года. В самое ближайшее время эти задачи должны быть решены.

Но не успели патриоты перейти к практическим действиям, как все звенья организации неожиданно были разорваны — многих пленных из Беньяминово перевели в два других лагеря — в Демблине и Пулавах. И чуть ли не сразу же последовал донос: кто-то предал планы антифашистов. Пятнадцать человек, среди них и Ягджян, были брошены в камеры пыток...

— Кто ваш руководитель? — кричал эсэсовец. И судорожно дергалась свастика на его рукаве. — Когда должен быть побег?

Раз с разом тяжелый кулак бил по лицу. Саног тупо врезался в живот. Озверевший в своей беспомощности чего-либо добиться от окровавленного, едва державшегося на ногах, падавшего и вновь поднимавшегося человека, фашист хватал со стола стальной прут и наотмашь бил им по спине.

...Двадцать дней длились пытки и допросы. Но все заключенные молчали. И, поскольку прямых улик подготовки к побегу не было, семерых арестованных «выпустили на свободу» — вернули в бараки концлагеря. Остальных для устрашения отправили на каторжные работы.

Но едва лишь зажали раны на теле, в почтой полутьме, скрытно от врага вновь стали подниматься на борьбу патриоты. И опять во главе подпольных групп встал Степан Ягджян. И не только встал, но и сумел наладить связь с польскими партизанами.

Елена Бавионик — польская патриотка, связанная партизан — стала тем самым звеном, которое соединило советских военнопленных с их будущими товарищами и друзьями по оружию. Госпиталь, где она работала медсестрой, находившийся недалеко от лагеря, был оборудован партизанами под пересылочный пункт. Под покровом темноты приносилось сюда и пряталось оружие. Отсюда затем оно отправлялось по назначению.

...В конце 1943 года лагерь перебазировали во французский город Манд.

Когда его спрашивают, что кроме знания французского языка помогло ему находить общий язык с участниками французского движения Сопротивления, Ягджян, не раздумывая долго, отвечает:

— Вера в наше боевое содружество...

Когда его спрашивают, кем он считал себя, шагая по дорогам Франции, очищая ее города и села от фашистской нечисти, с оружием в руках отвоевывая ее свободу, Степан Ягджян отвечает:

— Я и там, в далекой Франции, был частицей своей огромной Родины, бойцом ее великой армии Освобождения.

Дорога на Ним была долгой и трудной. Отступающие войска немецкой армии, остатки петеновцев сопротивлялись яростно, хотя понимали, что близится их последний час, что никакая сила уже не остановит, не повернет вспять эту огромную армию освободителей, в которой слились языки народов разных национальностей — русских, армян, французов...

...Освобожденный Ним восторженно приветствовал советских воинов. Радостные рукопожатия, слова благодарности, улыбки, цветы... Для Степана Ягджяна короткие дни в этом городе были радостны вдвойне. Здесь он вновь встретился с Александром Казаряном. Разными путями шли они в Ним. Но пришли одновременно. И встретившись в нем, не расставались уже до конца войны. Казарян — командир 1-го Советского партизанского полка, сформированного в августе 1944 года по приказу командования французского движения Сопротивления, и Ягджян — его заместитель...

1 мая 1945 года. В этот день французское правительство наградило 1-й Советский партизанский полк боевым знаменем и орденом «Военный крест». А особо отличившихся воинов — орденами и медалями. Среди тех, у кого на кителе рядом с советскими боевыми наградами засияли французские знаки отличия, был и Степан Ягджян.

Когда его спрашивают, почему он, кадровый офицер, демобилизовавшись из армии, занялся научными исследованиями, Степан Акопович довольно улыбается. Он счастлив — речь пойдет о его мирной жизни. И, не скрывая этой радости, признается:

— Я всегда мечтал в годы войны о мирных днях. Да, наверное, эта мечта была тогда у каждого человека...

В этот день по-особому светило солнце. Иначе, чем всегда, улыбались ему товарищи по работе в одном из ленинградских научно-исследовательских институтов. А в сознании вновь и вновь повторялись последние формулы расчета, доказательство, заключение. Потом долгие минуты выступлений оппонентов. И наконец слова председателя:

— Поздравляю вас, Степан Акопович, с защитой диссертации на соискание звания кандидата технических наук.

...Ему было тогда шестьдесят два года.

Анисимов В. Дважды майор // Соц. индустрия, 21 июля 1974 г.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ ГРУППЫ МАНУШЯНА!

Армянский народ вправе гордиться героями группы Манушяна, которые, продолжая во Франции борьбу славной армии и народов Советского Союза против фашизма, отдали свою жизнь за свободу народов.

Рабочий класс и народ Франции свято чтут память героических бойцов группы Манушяна, именем которого, в знак признательности и восхищения, названа одна из улиц Парижа недалеко от стены Коммунаров, у которой коммунары вели свой последний бой в мае 1871 г.

Манушян и его товарищи по оружию, вступив в ряды отрядов «Свободных стрелков и французских партизан», созданных по инициативе ФКП, боролись против агрессора, напавшего на Советский Союз (...)

Товарищ Манушян и его боевые товарищи своей борьбой против гитлеровских захватчиков на французской земле, политой их кровью, еще больше увеличили любовь французских трудящихся, патриотов и демократов к Советскому Союзу, сыгравшему решающую роль в разгроме фашизма, в стране, чья постоянная борьба в защиту мира имеет величайшее значение.

Память о Манушяне и его боевых товарищах живет и будет жить в сердце рабочего класса Франции. Их славный подвиг не будет забыт, и мы можем сказать этим героям вместе с нашим великим поэтом Виктором Гюго:

«Мертвые, как живые, участвуют в наших боях...»

Жак Дюкло. Вечная память героям группы Манушяна! // *Манушян М.* Моя песня. Ереван, 1956.

ОНА БЕССМЕРТНА

(о болгарской партизанке Сашке * —
Ермине Разградиян)

Сашка обладала удивительным по силе духом и огромной волей, которая могла преодолеть самые тяжелые жизненные ис-

пытания. Ее имя окружено ореолом мученицы-героини. Она бессмертна.

Генерал армии *Добри Джуров*.

Литературная Армения. 1986. № 1.

* Сашка — болгарская партизанка — армянка Ермине Разградия. Была в отряде имени Чавдара, которым командовал Добри Джуров, впоследствии генерал армии, министр обороны Болгарской Народной Республики. Погибла мученической смертью от рук фашистских палачей. Бывший боец отряда, ныне известный болгарский писатель Веселин Андреев посвятил Ермине поэму «Сашка», которая включена в школьную хрестоматию.

ВЕСЕЛИН АНДРЕЕВ

САШКА

I

Светает. Холодок с востока.
Сверкает роса на листьях берез.
Полянка спит еще, в лесу запрятана глубоко.
Различны контуры лишь человеческих поз.
А впрочем, человек из них всего один.
Девчушка хрупкая себе могилу роет.
Конвой лежит, смолит, не напрягая спин.
Зрачки у автоматов застывшим черным гноем.

II

А Сашку лихорадит жар,
Ломает. Позади вопросы,
Где не добились крика ни стражар,
Ни бич, вспахавший грудь, ни кончик папиросы.
Опухли ноги — гнали босиком.
«Ах, думала ль, что в плен возьмут живою»...
Синеют губы — вытри языком.
Прекрасна жизнь, ведь мы на ты с тобою.
Неужели в семнадцать конец всей борьбы?
Счастья мирные дни наступят, —
Это будут ее следы
Майских ног, отчужденных от струпьев.

III

Губы, вы давно онемели,
Потрескались, вас пропитала кровь.
Зачем вы пить вдруг захотели,
Смерть, жажда, молодость, любовь.
А листья — не мираж над головою,
Свободны руки, только протяни.
Рот промокни чистейшею росой.
Как будто в мире только вы одни.
Понятно все без слов и без картинок.
Рот влаги листьев впитывает бег.
Но только полумиг. Удар в затылок.
Мрак. Вспышка. Людоедский смех.

IV

А просветленье хуже, чем забвенье,
Трикрat опасней, чем небытие.
Сорвалась свора, била в испугленьи:
«Бежать, собака?! Снова за свое?»
И били, били — пот прошел мундиры.
Шпик из охранки норовил в лицо.
Лишь небо с солнцем — вечные кумиры
Лучами разрубали подлецов.

V

Копает Сашка... Млеют руки.
Мутнеет взгляд. И сердце сбой дает.
Боль наполняет все. Но это полумуки.
«Жива еще?» — жандарм табак жует.
В застенке деревенском стены плакали,
Роняли жалость камни вниз.
Они различны — эти одинаковы.
Причесок одинаковый зализ.
Просить пощады — только унижаться
И надо быть собой суметь.
Пусть даже суждено распяться,
Молчать, чтоб побледнела смерть.

VI

А это Витоша... Все память достает.
Девичий вольный смех, травы благоуханье.
Тепло земли. И песенный полет
И Железяко робкое признанье.
Давным-давно все это было,
Недавним летом, как пришла сюда...

Нет, мама, я всегда тебя любила,
Люблю и не забуду никогда.
Прости меня, что не сказала,
Прости за то, что слезы пролила.
Хотя, наверно, ты все знала
И сединою пряди убрала...

VII

Вдруг окрик: «Хватит!» Распрямляется спина.
«Мигать не смей, смотри на нас!»
Тишина...

Тишина...

Тишина...

Автоматы. Вопросы: «Даем еще шанс»...
Онемей! Замри! Замолчи!
Не волнуйся горячее сердце.
«Не скажешь, где ваши?» — шипят палачи.—
«Никуда от могилы не деться».
А солнце вверху блестит и слепит,
Ветер что-то шепчет деревьям...

VIII

Мургаш озарен. Светом ярким залит.
Они там... Вспоминают, наверно.
В общую память врезался бой,
Последняя схватка Сашки...
Дозор отряда был головой.
Что-то звякнуло ложкою в чашке
Засады залегшей подленький звук.
А их с Железяко — лишь двое.
«Скорее ложись!» В землю впился каблук,
Плечо от отдачи ноет.
Ничего, остановили. Прикрыли отряд.
Пальцы вляпались в спуски.
Подлscopy! Нет прошенья! Ни шагу назад!
Умолк Железяко. Значит, вдвое нагрузка.
Осечка. Патроны иссякли.
Но отряд прорвался вперед.
Никогда партизаны не плакали,
Потому и свобода живет.
«Они впереди! Вы слышите:
Балканы победно поют.
Стреляйте, пока еще дышите,
Но мстить за меня придут!»

IX

Зловещей сухостью множилось эхо,
Словно скорбило само.
В опущке ресниц, как будто из меха,
Сини неба застыло стекло.
Замерло сердце, бег оборвав,
Но мертвой ее лишь враги нарекли.
Символом веры, жить не устав,
Две струйки крови блестящей текли...

Перевод с болг. Андрея Майданова.
Подстр. перевод Елизаветы Давы-
довой-Дмитровой.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ЖЕСТОКИЙ УДАР ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ —
7 ДЕКАБРЯ 1988 Г. 11 ЧАСОВ 41 МИНУТА...

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС,
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР выражают глубокое соболезнование семьям, родственникам и близким погибших и всем пострадавшим в результате землетрясения, происшедшего 7 декабря в ряде северных районов Армении и повлекшего за собой разрушения и человеческие жертвы.

Правительственной комиссии, соответствующим министерствам и ведомствам совместно с республиканскими органами Армянской ССР поручено принять все необходимые меры для срочной ликвидации последствий землетрясения и оказания помощи пострадавшим.

Центральный Комитет КПСС
Президиум Верховного Совета СССР
Совет Министров СССР

Коммунист, 9 декабря 1988 г.

ДЖОРДЖ БУШ

ВСЕМИРНАЯ ТРАГЕДИЯ

Год назад, 7 декабря 1988 г., сильнейшее землетрясение обрушилось на Советскую республику Армению. В результате стихийного бедствия погибло более 25 тысяч человек, а полмиллиона человек остались без крова. Это была трагедия, следы которой будут заметны на протяжении десятилетий, и такого масштаба, с которым ни одна страна не могла бы справиться в одиночку.

Вместе с многими другими странами Соединенные Штаты немедленно отреагировали выраженным сочувствием и предложением помощи, которая была с готовностью принята...

Вдохновляющим знаменем времени является тот факт, что на предоставление американской помощи Армении ответом стало советское предложение о помощи после землетрясения в Сан-Франциско. Вступая в новую эру американско-советских отношений, мы можем почерпнуть надежду из этих примеров

гуманитарного сотрудничества между нашими двумя странами.

Из заявления Джорджа Буша, Президента США, по случаю годовщины со дня землетрясения в Армении.

Коммунист, 12 декабря 1989 г.

Землетрясение, которое потрясло Вашу Родину и унесло так много жизней ваших близких и ваших друзей, было всемирной трагедией. Мой сын Джеб и внук Джордж были глубоко потрясены во время своего визита в Армению. Теперь, когда Вы мужественно возрождаете вашу жизнь, сердцем мы с Вами и Вашими любимыми и родными.

Джордж сохранит как сокровище работу, созданную вашим отцом. Подобно легендарному Вартану, люди, выжившие в этой стихийной катастрофе, демонстрируют героическую волю строить новую жизнь. От имени маленького Джорджа и от себя лично благодарю Вас за то, что Вы разделили с нами вашу трогательную историю...

Из письма президента Дж. Буша Вашингтону Кишмишяну, жителю г. Электростали Московской области, выславшего в дар внуку Президента гравюру «Возвращение Вартана Мамиконяна», выполненную его отцом — ленинканским каменотесом Еремом Кишмишяном.

Коммунист, 17 июня 1990 г.

ЮЛИЯ ДРУНИНА

БЕДА

Подземный гром в горах Армении ударил по лучшим струнам в душах моего народа. Оказалось, что эти струны не смогли оборвать ни расстрелы и пытки, ни ядовитая паутина колючей проволоки, ни долгое торжество наглой Несправедливости, ни порочная привычка к двойной морали, ни грандиозные «папиамы». Сколько добровольцев бросилось туда, где ужас и смерть, — в эпицентр одного из сильнейших землетрясений века!

Вот он, ответ, почему в Великую Отечественную уходили в ополчение и стар и млад — те, кто не подлежал призыву.

Значит, духовное здоровье нации (не говорю об отдельных индивидуумах) не смогли подорвать даже самые страшные социальные болезни.

Но я-то зачем здесь? Ведь можно было просто послать телеграмму в Союз армянских писателей.

Нет, только телеграммы
    послать
С сочувствием —
    не позволяет сердце...
Армения! Ты мне сестра —
    не мать.
Как я хочу, чтоб ты
    могла согреться!
Горят костры, в горах
    костры горят.
Их раздувает или гасит
    ветер.
Спешат к огню спасатель
    и солдат,
И тянут руки маленькие дети.
О дети, что трясутся
    у костра!
Как терпит бог такое преступление?..
Армения! — несчастная сестра...
Перед тобой встаю я
    на колени.
Прости!..

Правда, 23 января 1989 г.

Э. СТАРОСТИН

«КОВЕР АРМЕНИИ»

В Государственном музее народного искусства Армении открылась выставка гобелена, посвященная памяти жертв землетрясения в Армении. По масштабам полотна из черного бархата заняло всю стену. Ковер выполнен в черно-белых тонах с изображением в нижней части горы Арарат, символизирующей Армению, с горящей снегой на вершине и летящими к ней птицами.

«Когда я узнал о землетрясении в Армении, — говорит автор работы Ромен Ассонга, — был потрясен этим страшным событием. На другой же день у меня возникло желание в память о погибших создать произведение искусства. Пока работал над

ковром — плакал. Затем узнал о трагической гибели югославских летчиков и решил изготовить еще один для югославского народа. Изображенные птицы символизируют самолеты помощи».

«Ковер Армении» — это африканский приз Дружбы народов и вручается общественной кинокомпанией «Этбакоку Синема», находящейся в Москве. Президентом этой компании является писатель-переводчик англичанин Уолтер Мей.

Автор ковра, гражданин Бенина Ромен Ассонга, закончил режиссерский факультет ВГИКа и в настоящее время продолжает учебу в аспирантуре мастерской С. Бондарчука...

Ромен Ассонга в будущем намерен создать фильм об Армении и назвать его «Ковер Армении», выпустить открытку или плакат, изображающий «Ковер Армении», и все средства, полученные от продажи, перечислить в фонд помощи пострадавшим от землетрясения.

Коммунист, 5 января 1989 г.

МАТЬ ТЕРЕЗА

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА ОРДЕНА МИЛОСЕРДИЯ,
ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА

НА БЕДУ ОТКЛИКНУЛСЯ ВСЬ МИР

Беду, постигшую армянский народ, мне не с чем сравнить. То, что мы увидели собственными глазами, потрясает. Я думаю, им очень помогло то, как на их беду откликнулся весь мир, как все почти одновременно выразили свое сочувствие, готовность оказать помощь.

Сестры нашего Ордена — сегодня об этом мы достигли договоренности с советскими организациями — будут работать во Всесоюзном центре спинномозговой травмы в Москве и в районах, пострадавших от землетрясения. Больным и раненым кроме профессиональной медицинской помощи нужна и чисто человеческая, духовная поддержка. На днях прибывают в Советский Союз восемь сестер милосердия из разных стран — Индии, Югославии, Польши и Италии.

Через шесть месяцев, если наша миссия здесь будет выполнена с честью, мы планируем открыть постоянное отделение нашего Ордена. Сегодня сестры милосердия бескорыстно трудятся в десятках стран мира — там, где воюют, умирают от голода, болезней. Три тысячи наших молодых женщин активно включились, к примеру, в борьбу со СПИДом. Работы хватит всем, кто умеет улыбаться, когда трудно, кто высшим принци-

пом считает милосердие и любовь к ближнему. Это должно быть призванием.

Известия, 22 декабря 1988 г.

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

ДЕНЬ, ПОТЯСАШИЙ ВЕСЬ МИР

Сегодня, как и год назад, мыслями я с народом Армении. Весь мир восхищен упорством и решимостью, с которыми ваш народ восстанавливает утраченное и заново отстраивает разрушенные города и деревни. Народ Великобритании, затаив дыхание, следит за вашими героическими усилиями. Я надеюсь своими глазами увидеть часть происходящего в Армении, так как хотела бы в июне посетить вашу республику для открытия совместно строящейся в Ленинакане школы.

Мужество, проявленное армянским народом в годную испытания, служит всем нам примером. Примите мои наилучшие пожелания в годовщину этого трагического события.

Из телеграммы Маргарет Тэтчер, Премьер-министра Великобритании, председателю Президиума Верховного Совета Армении Г. Восканяну

Коммунист, 9 декабря 1989 г.

Очень рада присутствовать на этих торжествах, хотя и сегодня не могу не вспомнить тот страшный день 7 декабря, потрясший весь мир. Вечер за вечером телевидение приносило в наши дома картины невиданных разрушений и невероятных страданий. И это было тем более невыносимо, поскольку приближались рождественские праздники. Видимо, все это и способствовало пробуждению всеобщего сострадания к армянскому народу, создавшему благодаря гению Месропа Маштоца алфавит и написавшему первую фразу о познании мудрости в себе. Школа носит имя великого поэта, певца свободы Джорджа Байрона, к бюсту которого мы только возложили цветы...

Из выступления премьер-министра Англии Маргарет Тэтчер на открытии школы имени Байрона в Ленинакане, построенной британской стороной в дар пострадавшему от землетрясения городу, 10 июня 1990 г. (Премьер-министр выразила пожелание отмечать праздник основания школы в день рождения Джорджа Байрона — 22 января.)

Коммунист, 12 июня 1990 г.

МИХАИЛ УЛЬЯНОВ

НАША ОБЩАЯ БОЛЬ

Все слова, все выражения слабы, чтобы хотя бы в какой-то степени выразить то чувство горя, то чувство сострадания, если хотите, незащищенности человека, которые вызывает страшная катастрофа, постигшая наших друзей, наших братьев из Армении. Сейчас объясняться в любви не время. Хочу только сказать: знайте, наши дорогие армянские друзья, наши братья, что мы с вами не только на словах, но и сердцем, всей душой. Мы всеми помыслами с вами. Своим желанием как-то облегчить ваше состояние, чем-то помочь вам...

Знайте, что в Москве, и не только в Москве, — во всей стране развернулось широкое движение по оказанию помощи пострадавшим от стихийного бедствия: люди предлагают пожертвования, собирают вещи, сдают кровь. Ваша боль — это общая боль.

Случилось страшное. Это даже не пушка ударила. Это что-то непостижимое, когда в один миг творения человеческих рук превращаются в пыль. Сейчас не до муз. Но музы понадобятся. И мы, как всегда, будем с вами в этот скорбный и тяжелый для Армении час.

Коммунист, 11 декабря 1988 г.

АРМАНД ХАММЕР

ПОТЯСЕН УВИДЕННЫМ

Я глубоко потрясен трагедией, которую принесло армянскому народу невиданное по силе стихийное бедствие. В Ленинакане я видел страшные последствия землетрясения, полностью разрушенные жилые здания, учебные и медицинские заведения, видел тысячи и тысячи женщин, детей, мужчин, оставшихся без крова. Наши сердца содрогались от боли, горя и скорби.

Чтобы как-то облегчить участь обездоленных людей, я вручил главе правительства Армянской ССР Ф. Саркисяну чек на один миллион долларов. Посетив ереванскую больницу, где лечатся раненые люди, я был рад, что медицинские препараты, лекарства, которые мы привезли в Армению, принесут больным помощь.

Я готов и впредь быть рядом с вами. В беседе с главным хирургом Армении, профессором Оганесом Саруханяном, я просил его сообщить мне, что вам нужно. Будьте уверены, что пришлем все необходимое. Беда сплывает, объединяет людей, способствует упрочению взаимопонимания между различными народами.

Коммунист, 16 декабря 1988 г.

ЕВГЕНИЙ ЧАЗОВ

ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ

Седьмого декабря 1988 г. в Москве стояла отвратительная погода — дождь со снегом, гололедица, пронизывающий холодный ветер. Около 12 часов дня, когда я возвращался в министерство из кардиологического центра, в машине раздался телефонный звонок. Звонил секретарь: «Беда! В Армении сильнейшее землетрясение, много пострадавших...»

Я начал строить предположение одно страшнее другого, угнетала неизвестность. В одном не было сомнений — надо срочно вылетать в Армению со специалистами и необходимыми медикаментами, а там на месте принимать решения...

Встречавший нас в Ереване министр здравоохранения Армении Эмиль Самсонович Габриэлян честно признался, что не располагает полной информацией о ситуации, так как ни правительство, ни министерство не имеют с районами бедствия устойчивой связи, и что его сообщение складывается из донесений, полученных при облете пораженных территорий и от очевидцев, приехавших в Ереван...

...На аэродроме в Лениакане стояла кромешная тьма. Где-то вдали светились фары машин «Скорой помощи». Пройдя метров 150, я споткнулся обо что-то и чуть не упал. Наклонившись, увидел несколько носилок, на них лежали трупы. Видимо, раненые скончались во время транспортировки на аэродром. Обычно я стараюсь сдерживать себя, не давать воли эмоциям, но тут не выдержал — излишне резко указал местному авиационному руководству на беспорядок с эвакуацией раненых, на отсутствие развернутого госпиталя или хотя бы медпункта...

Наконец мы подъехали — чудо! — к уцелевшему зданию городской больницы. Врачи рассказали о трудностях первого дня — их можно долго перечислять: это и отсутствие достаточного количества операционных и перевязочных, нехватка инфузионных растворов, работа без электричества и водопровода...

В городе шли раскопки, из-под развалин извлекали людей — их было уже более 39 тысяч, многие были раздавлены, с ранениями и переломами, всем требовалась срочная медицинская помощь. Поэтому мы условно разделили Лениакан на квадраты, по которым постоянно курсировала бригада «Скорой», она тут же оказывала необходимую помощь. Думаю, что такая организация дела помогла спасти жизнь не одной сотне людей...

Восьмого декабря в Ереване состоялось первое заседание правительственной комиссии во главе с Н. И. Рыжковым. Его участники еще не совсем представляли те сложные во всех отношениях проблемы, которые обрушились на них спустя несколько часов, когда они посетили зоны землетрясения. Помню,

какая наступила тишина в зале, когда я сказал, что одним из самых трудных вопросов, который нужно незамедлительно решать, — это захоронение тысяч трупов. Предстояло опознать и предать земле 25 тысяч погибших. К сожалению, я оказался прав, — чтобы обеспечить эту трагическую работу, потребовалось много усилий, специальные решения.

Никогда не забуду большую армейскую палатку на стадионе в Спитаке, полную трупов, которые лежали там 4—5 дней. Созданные похоронные команды не успевали их убирать...

На третий день после землетрясения мы приехали в поселок Маралик, что неподалеку от Лениакана. Рассказывая о проделанных операциях, кто-то из врачей организованного здесь госпиталя сказал, что накануне были приняты роды. У жительницы города Лениакана родилась девочка. Это было так неожиданно для нас, что разговор прорвался. Вдруг кто-то промолвил: «Ну вот, началась новая жизнь». И в эти слова был вложен смысл больший, чем просто факт рождения человека. Начиналась новая жизнь людей, переживших ужасную трагедию...

Неделя. 1989. № 44.

В. ЧЕРТКОВ

В ДАР АРМЕНИИ

В Москве в Культурно-информационном центре Болгарии открылась выставка скульптора Веждю Радищева и живописца Георги Трифонова. 46 их лучших работ будут переданы в дар Армении, а именно Спитаку — наиболее пострадавшему от землетрясения.

В залах звучат скорбные хоры Болгарии. Они как бы подчеркивают тему многих выставленных здесь произведений — это величие человека и его беспомощность перед глобальными катастрофами. Некоторые полотна философичны, иные отличаются светлым лиризмом, простодушным взглядом на мир, такой хрупкий...

Ярок талант и Радищева и Трифонова. Безусловно, их произведения украсят любой музей. Они представляли культуру Болгарии во многих странах мира. Радищев, например, принят в члены Академии европейских художеств, пожизненным членом в «Осенний салон» в Париже.

Армения говорит «спасибо» за щедрый дар. А мне видятся эти произведения в новом светлом Спитаке.

Правда, 12 января 1989 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ИЗ ИСТОРИИ АРМЕНИИ	
ГЕРОДОТ	13
КСЕНОФОНТ	14
ПЛУТАРХ	14
АШИШЕР НАВОН	15
МОНТЕСКЬЕ	17
ПОГАНН ГЕРДЕР	18
ИММАНУИЛ КАНТ	18
БАПРОН	18
ИЗ ОБРАЩЕНИЯ РУССКИХ ИМПЕРАТОРОВ	19
КАРАМЗИН	21
ГРИБОЕДОВ	21
ПУШКИН	22
ФРИДРИХ ЦАРРОТ	23
СЕРГЕЙ ГИШКА	25
ИВАН ШОПЕН	26
МАРКС и ЭНГЕЛЬС	28
А. Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ	30
СТАСОВ	31
ЦЕЛЯ ЧАВЧАВАДЗЕ	33
МАРК ТВЕИ	34
ЛИНЧ	35
МАГДА НЕЙМАН	36
ПЕЧО ЯВОРОВ	38
М. КОВАЛЕВСКИЙ	39
ЮРИЙ ВЕСЕЛОВСКИЙ	40
ЛЕНИН	41
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ	42
МАРР	44
НИКОЛАЕ ПОРГА	46
СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ	47
СЕРГЕЙ МЕРКУРОВ	49
Л. А. ДУРНОВО	53
АНАТОЛИЙ ЯКОВСОН	54
З. Н. АЛЕКСИДЗЕ	57
ЭЛИЗАБЕТ БАУЭР	58
ВИТОРИЕ БРАНКА	60
РЕВАЗ ДЖАНАРИДЗЕ	62
ПОАКИМ КУЗНЕЦОВ	64
РОМАН ЛИПКА	66
ИВ ТЕРИОН	68
* * *	
Д. ДИРИНГЕР. Алфавит Месропа Маштоца	69
АНДРЕЙ БИТОВ. Он не легенда (о Месропе Маштоце)	70
П. Н. ФЕДОСЬЕВ. Давид Анахт (Непобедимый)	71
ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС. Тревожный, как бахов хорал (о Григоре Парекаци)	73
ЖАН-ПЬЕР МАЭ. Бессмертный литературный памятник (о поэме Григоре Парекаци «Книга Скорбных песнопений»)	74
КИМ БАКШИ. Миниатюры Торока Рослина	74
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ. Царь песнопений (о Саят-Нове)	76
Г. ЦИЦИШВИЛИ. Певец дружбы народов (к 275-летию со дня рождения Саят-Новы)	78
МУХАММЕД АЛИ. Великий Саят-Нова	79
А. ЗИНОВЬЕВ. Семья Лазаревых	80
И. ПАВЛЕНКО. Генерал Мадатов	83

БОНДО АРВЕЛАДЗЕ. Хачатур Абовян	86
АЛИ-АЖДАР СЕНД-ЗАДЕ. Хачатур Абовян и его связи с передовыми представителями Азербайджана XIX века	89
ВЛАДИМИР ВЕЗЬЯЗЫЧНЫЙ. Розы и раны Армении (к 175-летию со дня рождения Хачатура Абовяна)	91
Ю. Д. ЖУРКИН, А. К. ЕРЕМЕНКО, В. М. ТЫШЕНКО. Адмирал Л. М. Серебряков (Ардатагориян)	93
ПЛАТОН ЗМБОВ. Генерал Бебутов	95
МИХАИЛ ШОЛОХОВ. Микаэла Налбандян	96
МИХАИЛ ДУДИН. Венок общей благодарности (о Микаэле Налбандяне)	97
ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ. Генерал Тер-Гукасов	98
А. КОНИ. Граф М. Т. Лорис-Меликов	101
ЮРИЙ ВЕСЕЛОВСКИЙ. Раффи	104
А. МИХАЙЛОВ. Большой художник и патриот (к 150-летию со дня рождения Раффи)	105
Л. ВАГНЕР. Добрый гений (об Ованнессе Айвазовском)	106
КОСЬО КОСЬЕВ. Борца за свободу поработанных (об Андраник)	110
АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ. Комитас	112
М. ДОЛНИСКИЙ, С. ЧЕРТОК. Армянские друзья Шалинина	113

* * *

АНАТОЛЬ ФРАНС. (О злодеяниях младотурков)	116
ИОАННЕС ЛЕНСИНС. Турецкое правительство действовало с заранее обдуманным намерением уничтожить армянский народ	117
ЯНИС РАЙИС. Бойня совершилась по заранее выработанному плану	118
ФРИТЦОФ ПАНСЕН. Ужасы, не имеющие себе равных в истории	119
С. М. КИРОВ. Народ страдающий	121
ФРАНЦ ВЕРФЕЛЬ. Сорок дней Муса-ага	122
РИХАРД КЮЛЬМАН. Политика истребления армян дорого обойдется Турецкой империи	126
АРНОЛЬД ТОЛНБИ. Османское правительство не в состоянии скрыть свое преступление	126
АРМИН ВЕГИНЕР. Турецкие тирании	128
ТИЛМАЗ ПОНЕП. Реальность геноцида не вызывает никакого сомнения	129
УИЛЬЯМ ДАЛЬРИМПЛ. Турецкий вандализм продолжается	130
ФУАД ГАСАН ХАФИЗ. Армянские погромы	132

НОВАЯ АРМЕНИЯ

Декрет Совета Народных Комиссаров «О Турецкой Армении»	135
Положение об Армянском институте в Москве (бывш. Лазаревский институт)	136
Постановление ВЦИК РСФСР о Доме культуры Советской Армении в Москве	137

* * *

Ф. В. ЖУРАВЛЕВ. На баррикадах Октября	137
ОЛЬГА ШАТУНОВСКАЯ. В те огненные годы...	139
Г. К. ЖУКОВ. Герой гражданской войны Гай	144
В. В. СОКОЛОВ. На боевых постах дипломатического фронта (о Л. М. Карахане)	145
А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ. Высокие деловые и человеческие качества (об И. Ф. Тевосяне)	147

* * *

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Три дня в Советской Армении	148
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. Армения оставила глубочайший след...	150

МАКСИМ ГОРЬКИЙ. В долине Делижана	152
ТИЦНАН ТАВИДЗЕ. Наши сердца должны быть такими же чистыми, как волны Севана...	153
ОСИП МАНДЕЛШТАМ. Армения.	155
САМЕД ВУРГУН. Возрождение героического армянского народа	156
АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО. Я знаю Армению	157
МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ. Армения	157
АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ. Армения	158
ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА. Моя Армения	158
МАРИЯ ПЕТРОВЫХ. На свете лишь одна Армения...	159
КОНСТАНТИН ГАМСАХУРДИА. Нерушимое братство	160
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. Армения	161
НОДАР ДУМБАДЗЕ. Армения и Грузия	162
КАПСЫН КУЛШЕВ. Аниат	163
МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ. На земле Армении...	164
МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ. Август	165
ЧИПГИЗ АПТАМатов. Важно иметь большой духовный опыт	165
КИМ БАКШИ. Три яблока с себя	166
АНДРЕЙ БИТОВ. Уроки Армении	167
РАСУЛ ГАМЗАТОВ. Я смотрю на Арарат	168
РАСУЛ ГАМЗАТОВ. Матенадарап	168
НИЛ ГИЛЕВИЧ. Армения	169
МИХАИЛ ДУДИН. Я благодарен Армении...	169
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО. Армянская лоза	170
РЮРИК ИВНЕВ. Арарат	171
ЕГОР ИСАЕВ. И так много всего...	171
НАТАЛЬЯ КРАМИНОВА. Знать цену единства, стойкости и любви	173
РУСТЕМ КУТУП. Ласточки Армении	174
ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ. Армения	175
СНЯВУШ МАМЕДЗАДЕ. Три сонета о Гехарде	177
ГЕОРГИЙ МАРКОВ. Радостная дата	178
ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАПТИС. Алмаз	179
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ. Край света	180
ОЛЕГ ШЕСТИНСКИЙ. Армянским поэтам	180
МАРИС ЧАКЛАИС. Тост и хачкар	180
О. ИВАНОВ. К. КРИВИЦКИЙ. Человек, ставший легендой (о Е. В. Вахтангове)	181
СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. Ованес Туманян	182
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. Слово об Ованесе Туманяне	185
Н. ЕЗЕРСКАЯ. Крупный мастер пейзажной живописи (о Геворке Башинджагяне)	185
Б. В. АСАФЬЕВ. Встреча со Спендиаровым	187
ПАВЛО ТЫЧНА. Иоаннес Иоаннисян	188
А. В. ЦУСЕВ. Выдающийся зодчий (о А. И. Таманяне)	190
ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ. Слово о Чаренце	193
ЕГОР ИСАЕВ. Энергия нежности и взрыва (о Чаренце)	194
ИРАКЛИН АБАШИДЗЕ. Слава бессмертному Чаренцу	195
КОНСТАНТИН ГАМСАХУРДИА. Наш Варнет (об Аветике Исаакяне)	196
ЛУИ АРАГОН. Памяти Аветика Исаакяна	198
А. В. ЛЕБЕДИНСКИЙ. Маститый физиолог (об академике Леоне Абгаровиче Орбели)	199
Е. В. ТАРЛЕ. Историк-патриот (об академике Носифе Абгаровиче Орбели)	201
ГАЛИНА ВИШНЕВСКАЯ. Учитель и друг (об Александре Мелик-Пашаеве)	203
Ю. ЗАВАДСКИЙ. Он ощущал в себе стихию театра (о Рубене Симоняне)	204
Е. Н. ГОГОЛЕВА. Чудесный талант (Ваграм Папазян)	206
Л. АРЦИМОВИЧ. Блестящий советский физик (об академике А. И. Аликханове)	208
ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАПТИС. Дитя добра и света (о Паруйре Севаке)	210

ИВАН ДРАЧ. Боль и надежда поэта (о Паруйре Севаке)	212
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Сарьяновские картины в живой действительности	213
ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ. Мир Сарьяна	214
Л. И. ПАВЛОВ. Он горел в искусстве (о Народном архитекторе СССР Рафаэле Исраэлянис)	215
КИМ БАКШИ. Наш Минас	216
Д. Д. ШОСТАКОВИЧ. Арам Хачатурян	217
Т. Н. ХРЕННИКОВ. Вечное, неумирляющее искусство (об А. И. Хачатуряне)	219
Л. ПИШЕНИНА. Великая труженица (о Мариэтте Шагинян)	220
ДЖУЛИАН ХОДГСОН. У него было удивительное понимание шахмат (о Тигране Петросянис)	221
С. ГМИГОРИЧ. Он сумел подняться на вершину мировой шахматной славы (о Тигране Петросянис)	221
ОЛЕГ ШЕСТИНСКИЙ. Песен пронзительной силы, чистоты и честности (об Ованесе Ширазе)	222
МОРИС ПОЦХИШВИЛИ. Бессмертные поэзии Шираза	223
* * *	
ПАБЛО НЕРУДА. Легендарная, трудолюбивая Армения	224
ЖАН-ПОЛЬ САРТР. Я видел революционную силу армянского народа	224
УИЛЬЯМ САРОЯН. В Армении я чувствую себя счастливым	225
МИСОС АЛЕКСАНДРОПУЛОС. Путешествие в Армению	226
ДЖУЗЕПЕ ГАЛАСО. Традиции Армении вошли в современную жизнь	227
НИКОЛА ИНДЖОВ. Высоты и подножья	227
ЛМИДЖИ МАЛЕРВА. Путешествие в Советскую Армению	229
ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ. Будущее принадлежит вам	231
ТАКАЕСИ СИМИДЗУ. На душе сразу стало теплее...	231

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА (1941—1945)

Д. Ф. УСТИНОВ. Об участии воинов-армян в Отечественной войне	235
Л. САНДАЛОВ. Путь советского полководца (о Маршале Советского Союза И. Х. Баграмяис)	235
Н. Г. КУЗНЕЦОВ. Адмирал Исаков	240
В. РУДНЫЙ. С максимальной самоотдачей (об Адмирале Флота И. С. Исакове)	240
ЯКОВ САДОВСКИЙ. Такая служба — побеждать (о Главном маршале бронетанковых войск А. Х. Бабаджаняне)	245
А. МАКОВСКИЙ. Человек из легенды (о маршале авиации С. А. Худякове-Ханферянце)	248
А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ. Выдающийся конструктор (о генерал-полковнике инженерно-технической службы А. И. Микояне)	252
НИКОЛАЙ МАТВЕЕВ. Буревестник (о дважды Герое Советского Союза И. Г. Степаняне)	254
М. КОТОВ, В. ЛЯСКОВСКИЙ. Шестнадцать и пятьдесят (о батаре Героя Советского Союза Сергея Огальяна)	257
Приказ Министра Вооруженных Сил СССР	
О зачислении Героя Советского Союза Аветисяна У. М. навечно в списки стрелкового полка	260
М. НАУМОВ. Подвиг армянских партизан	261
Ю. ПОПОВ. В движении Сопротивления народов Европы	265
В. АНИСИМОВ. Дважды майор (о Степане Ягджяне)	268
ЖАК ДЮКЛО. Вечная память героям группы Манушиана!	271

ДОБРИ ДЖУРОВ. Она бессмертна (о болгарской партизанке Сашке — Ермине Разградиян)	271
ВЕСЕЛИН АНДРЕЕВ. Сашка	272

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Жестокий удар землетрясения — 7 декабря 1988 г. 11 часов 41 минута... От Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Сове- та СССР и Совета Министров СССР	276
ДЖОРДЖ БУШ. Всемирная трагедия	276
ЮЛИЯ ДРУНИНА. Беда	277
Э. СТАРОСТИН. «Ковер Армении»	278
МАТЬ ТЕРЕЗА. На беду откликнулся весь мир	279
МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР. День, потрясший весь мир	280
МИХАИЛ УЛЬЯНОВ. Наша общая боль	281
АРМАНД ХАММЕР. Потрясен увиденным	281
ЕВГЕНИЙ ЧАЗОВ. Чужого горя не бывает	282
В. ЧЕРТКОВ. В дар Армении	283

АРМЕНИЯ В МЫСЛЯХ И СЕРДЦАХ

Составитель **Грант Левоневич Епископосов**. Редакторы **Р. П. Кондакчян**,
П. Э. Хунунц. Редактор издательства **М. Д. Потапова**. Художественный
 редактор **Ю. М. Добрянская**. Обложка художника **С. А. Майлова**.
 Технический редактор **Г. Д. Колоскова**. Корректоры **И. А. Мушникова**,
С. Ф. Будаева

Н/К

Сдано в набор 07.09.92. Подписано в печать 03.03.93. Формат 60×90^{1/16}.
 Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,0.
 Уч.-изд. л. 18,14. Тираж 5000 экз. Заказ № 241. Заказное. Изд. № 2575.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009,
 Москва, ул. Герцена, 5/7.

АО «Чертаповская типография» Мосгорпечать. 113545, Москва, Варшавское
 шоссе, д. 129а.